

ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2018. Том 6, № 2

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW
2018, vol. 6, no. 2

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2018

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.00 «Исторические науки и археология».

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)».

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2313-6197 (Online), ISSN 2308-152X (Print)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан»
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
Адрес учредителя и издателя:	420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5 (юр.); 420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.00 “Historical Sciences and Archaeology”.

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2313-6197 (Online), ISSN 2308-152X (Print)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences”
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
Postal address:	420014, Kazan, Kremlin, entrance 5 (juridical); 420111, Kazan, Baturin Str., 7
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Phone number:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index in the “Catalogue of the Russian Press” – П7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., адъюнкт-профессор истории, университет Майами (Оксфорд, Огайо, США)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванович, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почекаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александр Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Аксанов Анвар Васильевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

D.V. Kolodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Adjunct Professor of History, Miami University (Oxford, Ohio, USA)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

EDITORIAL OFFICE

English texts editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Anvar V. Aksanov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Kradin N.N. Who Was the Builder of Mongol Towns in Transbaikalia?	224
Somer T. Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241	238
Филин Н.А., Гибадуллин И.Р., Боев Э.Б. Древнеперсидская форма легитимизации первых монгольских династий	252
Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Теоретические аспекты осмысления второй пандемии чумы («Чёрной смерти») на территории Улуса Джучи	264
Моисеев М.В. Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду	283
Зайцев И.В. Неизвестные касимовские эпитафии из Нового Иерусалима	304
Акчурин М.М., Ишеев М.Р., Беляков А.В., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р. Касимовские татары из рода Кыпчак	312

Дискуссия

Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории	342

Поиски, гипотезы, догадки

Беляков А.В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту)	370

Рецензии

Нарожный Е.И. «Рах Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей	393

Наследие

Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (5)	409
Тулибаева Ж.М. Мирза Улугбек о Чингизидах на троне Ирана: правление Ёлджайтү-хана и Абү Са‘ид Бахадур-хана	422

Хроника

Uzelac A. Workshop: The Mongols and the Silk Roads (May 10–11, 2018, Faculty of Arts, University of Szeged)	439

CONTENTS

Articles

- Kradin N.N.** Who Was the Builder of Mongol Towns in Transbaikalia? 224
- Somer T.** Forging the Past: Facts and Myths
behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241 238
- Filin N.A., Gibadullin I.R., Boev E.B.** The Ancient Persian Form
of the First Mongol Dynasties' Legitimation 252
- Khaydarov T.F., Dolbin D.A.** Theoretical Aspects of Understanding
the Second Pandemic of the "Black Death" Plague
in the Territory of the Jochid Ulus 264
- Moiseev M.V.** Historical Examples in the Letters of Ivan IV
to the Crimean Khanate and the Nogai Horde 283
- Zaytsev I.V.** Two Medieval Tatar Tombstones
from Kasimov 304
- Akchurin M.M., Isheev M.R., Belyakov A.V., Abdurakhmanov T.A.,
Salikhov R.R.** Kasimov Tatars of the Kypchak Tribe 312

Discussion

- Samigulov G.Kh.** Yasak People, Foreigners, Yasak and Exchange of Gifts –
Practical Thinking about a Theory 342

Searches, hypotheses, conjectures

- Belyakov A.V.** On the Time and Place of Writing the Continuation
of Ötemish-Hajji's "Qara Tavarikh" (Comments on the Text) 370

Reviews

- Narozhnyi E.I.** *Pax Mongolica* and Eurasian Turmoil
of the 13th and 14th centuries in the Assessments
of Contemporary Domestic and Foreign Researchers 393

Legacy

- Khamidova Ch.I.** Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah.
2. The Mongols and Turks (5) 409
- Tulibayeva Zh.M.** Mirza Ulugh Beg on the Chinggisids
on the Throne of Iran: The Reigns of Öljaitü Khan
and Abu Sa'id Bahadur Khan 422

Chronicle

- Uzelac A.** Workshop: The Mongols and the Silk Roads
(May 10–11, 2018, Faculty of Arts, University of Szeged) 439

СТАТЬИ

УДК 930.26(517.3:571.54/.55)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.224-237

WHO WAS THE BUILDER OF MONGOL TOWNS
IN TRANSBAIKALIA?**N.N. Kradin*^{1,2}¹ *Institute of History, Archaeology and Ethnology,
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russian Federation*² *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation
kradin@mail.ru*

Abstract: In the Transbaikalia territory, unique archaeological sites belonging to the Mongol Empire period are found – the town of Khirkhira and the palace of Kondui. They were already known as early as the 18th century and were excavated in the mid-20th century by S.V. Kiselev. The summarized research results were published in a book, “Ancient Mongolian Towns” (1965). The results of recent investigations open up the new prospects for research.

Purpose – the article is an attempt to ascertain who the initiator was of construction of Mongol Empire towns of the Transbaikalia territory.

Research materials – summarized results of the archaeological excavations of the towns and manor complexes on the Transbaikalia, along with published written sources on the Mongolian history.

Research novelty comprises the statement of results of the new archaeological studies as well as in the localization of the territories in Transbaikalia and contiguous zones of the Inner Mongolia (Hailar) assigned to the brothers of Chinggis Khan, Qasar and Tämügä (Otchi Noyan), and their descendants.

Research results indicate that the urbanization processes in the Transbaikalia territory of the Mongol Empire are related to key times in the establishment and rise of the Chinggis Khan's Empire. The towns appeared here in the 13th century and likely persisted into the 14th century. The town of Khirkhira is traditionally interpreted to be the residence of Yesünggü, son of Qasar. The mention of his name on the “Chinggis's stone” is the rationale behind this assertion. The written sources afford opportunity to clarify some new, previously unknown details of his biography and the dating of the stele.

Keywords: Mongol empire, Chinggis Khan, Qasar, Yesünggü, Khirkhira, Kondui, Chinggis stele

* This study was supported by the grant of the Russian Scientific foundation № 14-18-01165 “Towns of the mediaeval empires of Far East”.

For citation: Kradin N.N. Who Was the Builder of Mongol Towns in Transbaikalia? *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 224–237. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.224-237

Acknowledgments: I would like to thank my colleagues from Transbaikalia team – S. Baksheev, Dr. S. Baksheeva, Prof. A. Kharinsky, Dr. E. Kovychev, Dr. S. Prokopets. My gratitude to architect Prof. V. Tkachev for the picture of Kondui reconstruction. And personal thanks to Dr. U. Brosseder (Bonn University) and Prof. N. Shiraishi (Niigata University) for the help in the carbon dating.

In the Mongol Empire, the towns and settlements of different types – imperial mega-cities capitals (Karakorum or Kharkhorin, Shandu, Dadu), administrative and economical centers, craftsmen settlements as well as isolate palaces and other elite residences – have existed [2; 4; 8; 10; 13; 14; 20; 26].

Several of them were situated on the Russian territory. Probably, the Khirkhira town is one of the most known sites. It is in the Argun river district (Southern Transbaikalia Region). The site is located on the low terrace above the flood-plain, not far from the mouth of Khirkhira River which debouches into the Urulyungui river. The Urulyungui is a tributary of Argun River which is relatable to the ancestral homeland of the Mongols. The town consists of several tens of elite manors and about 100 isolated houses (Fig. 1). Is it extended at distance of about two kilometers along the west-east line and about 700 m along the north-south line. In the western site, the elite manors are arranged separately from one other while, in the eastern one, they are combined into the complex system of the quarters, streets and bystreets. North of the Khirkhira town, the burial ground of Okoshki dated from the Mongolian period lies [7; 9].

In the south-eastern site, at 350 m from the Khirkhira River bank, the khan's palace garden with walls and moats all round (110x100 m) was situated. The palace has presented a large building on the artificial platform (15 x 30 m) with a ramp. The palace had the timber walls and tile roof with four sloping surfaces. In the palace, the Far-Eastern heating system (*kangs*) was disclosed. The floor was lined with the sun-dried earth brick. As a result of excavations under the direction of Sergey Kiselev in 1957–1959, the palace, gates and town houses with *kangs* were investigated and a quantity of construction materials (tile, bricks), subjects of labor and everyday subjects, armaments, adornments were found [10, p. 23–58].

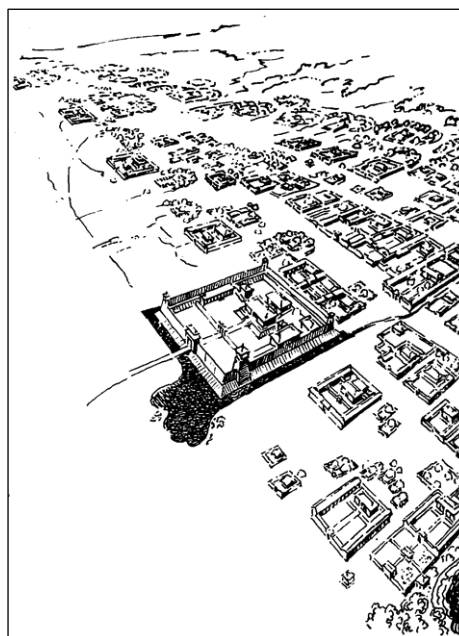

Fig. 1. Khirkhira town.

Reconstruction by architect L.Minert

He dated the site from the 13th century and assumed that the palace was destroyed as a result of a fire.

For some years, beginning in 1997, the site was investigated by Aleksandr Artemyev. He has excavated two elite residences. The first of them being in the eastern part of the town included two houses with *kangs* (one house with brick floor). In the second one (western end of the site), the building with 12 column bases and *kang* was found. Among the finds are the everyday subjects, armaments, adornments, bronze 12-year calendar and iron fork delivered, most likely, from Europe. Artemyev has also obtained the radiocarbon dates for the western manor (1330–1420), which extended the time of the site existence [1].

Our investigations of the site in 2013–2014 were carried out in the other elite residence located in the western town. As a result of works, the remains of the colonnaded building on the fill platform were opened. The roof has rested on the larch columns with the stone bases. Evidently, the roof was thatched. Inside of the building, the stove and *kang*'s remains of the complex structure were found. A quantity of bones of the domestic and wild animals, fish bones, nails, beads and fragments of the porcelain and glazed ceramics including large vessels were also discovered. Finding out of porcelain with the blue cobaltic painting confirms that the site has existed in the 14th century.

At 9 km to the north-east of the Khirkhira town, the palace estate Alestui lies. It presents the fill platform with size of about 17x28–32 m extended along the north-south line. On the southern side of the slope, there is a flat ramp. Around the platform, a low rampart (0.3 m) having approximately square form and size of about 71x71 m, is located. To the northern rampart, one more bunded area of the sub-rectangular shape and size of about 64x33 m was attached. In the course of excavations in 2009–2011, we studied the northern and western parts of the estate and northern part of the yard contiguous to them [12].

The platform was composed of the heavy grey clay. In the course of excavations, the traces of several chimney channels were found out. A *kang* with three chimney channels was disclosed in the northern part of the building. The other several *kangs* were examined in the course of excavations in the western part of the house. Each of them had presumably 4–5 chimney channels. It can be assumed that it is a local development of the Far-Eastern tradition of constructing *kangs*.

At different levels of various parts of the excavation, the remains of brick walls, 16 full bricks and about three thousand of their fragments of different sizes, tile (about 24 thousand fragments), stone bases of the column constructions, pieces of different iron and bronze articles, iron nails of different sizes (163 pc.), iron arrow-heads, two iron knives, fragments of iron saw, fragment of plowshare, pieces of crucible, Jurchen and Mongolian iron looks, wheel hub liners, rim and pieces of iron boiler walls, astragals, chips for games etc. were detected. One Song coin *Zhi dao yan bao* (至道元寶) of the 11th century was also found out. The fragment of porcelain, fragment of watering vessel and fragment of glazed bottle were detected.

It is recognized that the Khirkhira town was the headquarter of Yesünggü – the son of Qasar, the blood brother of Chinggis Khan [10, p. 56–57]. The whys of it is an inscription on the well-known stone stele (“Chinggis’s stone”) found nearby and stored in the Hermitage (St. Petersburg). It is the most ancient inscription in the old-Mongolian (1225 or 1226). Up to now, the scholars did not reach a consonance

in respect of translation of this text; however, the names of Chinggis Khan and Yesünggü are present in all variants [18; 21; 25].

In all appearances, the so called Heishantou site in Hailar district of Inner Mongolia had a direct relationship to Khirkhira town. In China, it is called “Qasar’s town”. The distance between these sites is only 87 km. The Heishantou site is approximately at 11 km from the frontier between Russia and China and at 10 km to the north of the modern Heishantou town. In shape, it is close to square, oriented in the cardinal directions and surrounded by rampart and moat. The length of ramparts: 587 m – northern, 578 m – southern, 598 m – western and 592 m – eastern one. The height of the major rampart is up to 4 m from outside and about 2 m from inside. In the site, there are four gates which are arranged on center of each wall. There are the frontal and corner towers. Inside of the town, there are two palaces or large administrative buildings. The first of them has the shape of rectangular and is surrounded by the wall and moat. The platform of the palace or building is inside of the area. Here, the glazed tile, glazed ware and end plates with dragons were found out. The other wall has the circular shape and there is the square platform.

It is not clear, what relevance had Qasar to this town. The town is walled. The early Mongolian towns had no walls. Probably, it is an attribute of the late times when the conflicts for power happened between the Mongolian khans (Fig. 2).

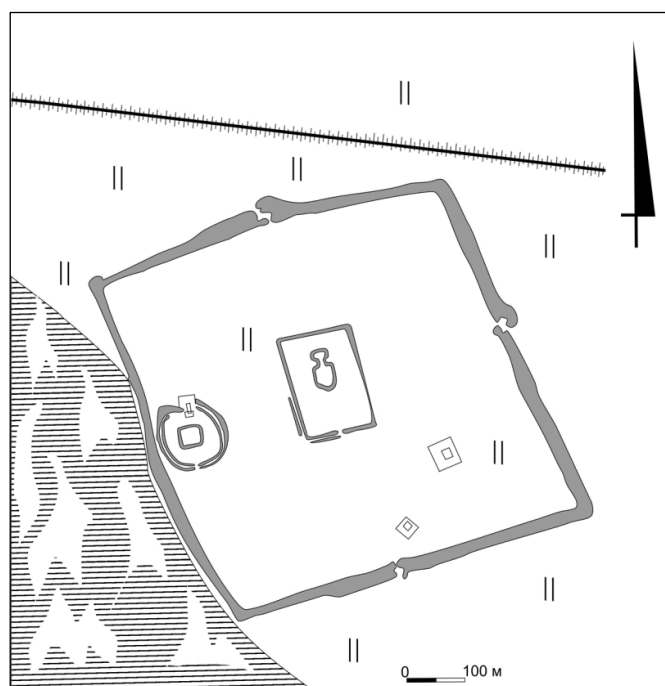

Fig. 2. Heishantou site (“Khasar town”)

The other world-known site of the Mongolian times on the territory of Transbaikalia is the Kondui palace. It is at 61.7 km to the west of Khirkhira town. The site has taken its name from the Kondui River. The history of the site’s study goes back more than two hundred years [10; 16; 19 and others]. The most large-scale studies are associated with the name of Sergey Kiselev. In 1957–1958, he

carried out the excavations in the central building (palace), southern gates and one of the pavilions of the site. The total area of excavations was 2,500 sq. m [10, p. 324–369].

The Kondui palace has presented the cross shaped building. It was located on the two-meter platform. The platform had two levels of terraces. The floor was lined with the square plates with sizes of 30x30 cm. The terraces were ornamented with the wooden balustrades covered with red varnish. The lower terrace was adorned by granite sculptures of 31 dragons mounted into the terrace at intervals of two meters. The corners of the terrace were adorned by sculptures of turtle-dragon.

The platform is provided with five brick ramps – two ones from the east and two ones from the west, and one at the principal entrance from the south. On the northern side, the ramp was absent. The similar planigraphical structure combines the principles of space organization used by the Chinese (and, indirectly, Jurchen) architects with traditions of the space organization of the Mongolian nomads (the exit from yurt to the south, while the northern side, being the most honorary, is forbidden; Mong. *hoimor*).

The wall of the palace about 1.5–2 m in height was made of the stone and brick. At the top, the walls were wooden. Inside of the building, 37 stone bases for columns were arranged. The columns were made of timber, wrapped in fabric and covered with red varnish. To all appearance, the building has consisted of several parts: entrance room, walk-through corridors, audience room, domestic premises and auxiliary rooms. The walls of the palace were adorned by figures of animals and aerial creatures. The roof was tiled. The ridges and copings were covered by tile with yellow, green and red glazing. The ridges were adorned by heads of dragons with wings. At the corners, the roof was adorned by human figures in the Buddhistic dress as well as by phoenixes and chimeras. In Kiselev's opinion, the Kondui palace was destroyed by fire at the close of the 14th century [10, p. 369].

The second excavation area of Kiselev was located west of the palace. In this place, the four-cornered arbour with columns was arranged. On the floor, the square plates lay also. The roof was covered with the glazed tile. To the north, west and east of the major palace, other buildings were located. This was the integrated palace complex which, in all probability, was enclosed by the wooden fence in the Mongolian times (Fig. 5).

On the southern side, the main gate was arranged. The third excavation was made on the place of the southern gate. Here, the bases of columns, two side rooms and passage on centre were also found. To the south of the palace, no other structures were not constructed. To the north, west and east of the palace complex, other buildings, probably, houses of high-status persons, were arranged. It is likely that the above-ground dwellings or movable yurts of people providing the activities of daily living in the palace could be behind them. However, it is impossible to check this at the present time due to the intense plowing of this territory in the Soviet times. In essence, a similar organization of space has completely copied the principles of arrangement of yurts of the Mongolian headquarters (Fig. 3, 4).

At 1.0 km to the north-west of the palace complex, Kiselev has fixed many small hillocks which were interpreted by him as the remains of houses of common people. Unfortunately, all of them were plowed up by now. At 3.5 km to the east of the palace, a number of hills as well as a quantity of fragments of tile and bricks, slag

and defective ceramics were found in the flood-plain of the Kondui River's left bank. Kiselev suggested that perhaps the furnaces for production of construction materials and community of craftsmen-pot makers were situated here [10, p. 327–328]. This point of view is confirmed by the current geophysical explorations at the site.

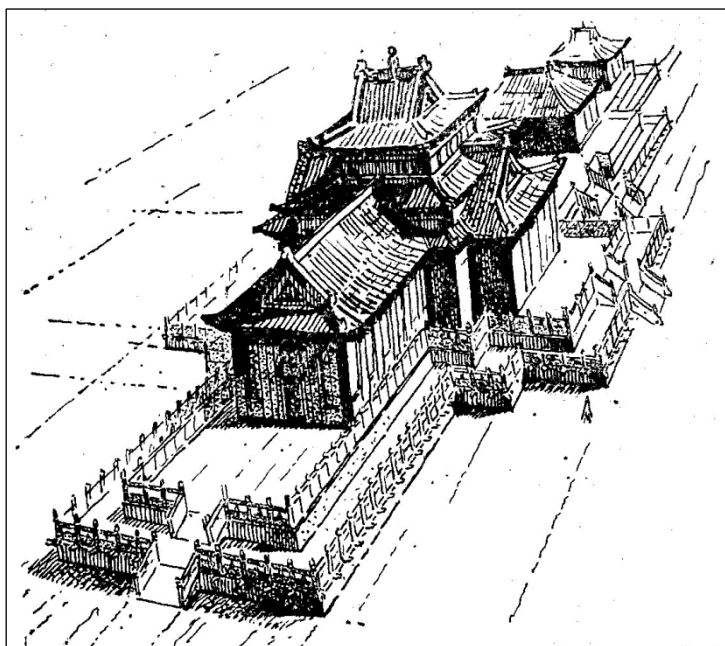

Fig. 3. Kondui palace. Reconstruction by architect L.Minert

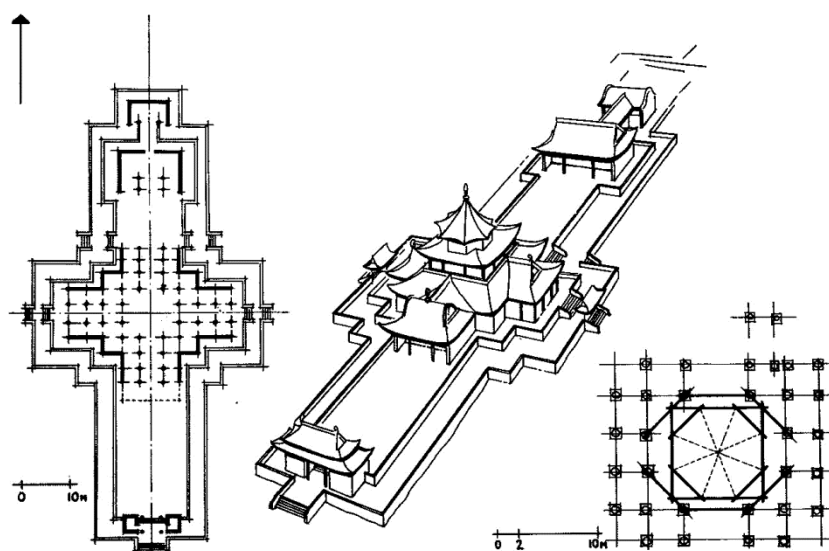

Fig. 4. Kondui palace. Reconstruction by architect V. Tkachev

In 2015–2016, we carried out the investigations of the north-western pavilion of the palace complex (Fig. 6). The building of size 23x9 m was oriented by the long side along the west-east line. It was constructed on the artificial platform. Along the perimeter of the building, the external brick wall was installed and it, very likely, prevented the wash-out of the fill platform. The basic wall of the pavilion was at distance of about 60 cm. The space was packed by stones, fragments of bricks and ground. The base of wall was made in two brick courses and filled internally with the ground, fragments of bricks and stones. Inside of the wall and at the corners of the pavilion, the stone column bases of square shape and different sizes were arranged. The size of the smallest base is 46x46 cm, while that of the biggest one is 56.5x65. The bases were placed at regular intervals, approximately, 3–3.5 m. The entrance to the building was on the southern side and was made in the form of brick ramp.

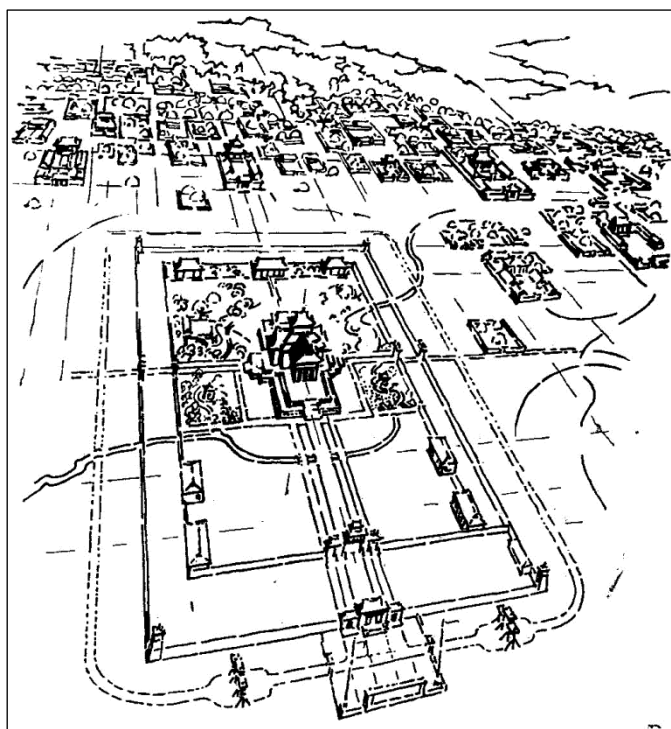

Fig. 5. Kondui town. Reconstruction by architect L.Minert

During dismantling the internal part of the structure, a quantity of timber, in all appearances, the fragments of wooden columns was found at the level of floor. According to preliminary analysis, the columns were made of pine wood. The floor in the building was lined by the bricks of square and rectangular shapes. Some bricks, dragons and pillar bases were extracted during pillage of the site for using for construction of the Kondui church and Tsugol Datsan. The roof of building was tiled. Here, a quantity of the fragments of tile covered with green and yellow glazing and one fragment of the end plate were found. In addition, the ridge capping were ornamented by the sculptural images of dragon-like beings. The construction

materials – bricks, tile, stone bases – are similar to those found on site of the central building; however, the building was not such majestic as the palace. Because the remains of the heating system in the building were not detected, it can be assumed that this was the summer pavilion. As to artefacts, the nails, grindstone, stacks of chips, glazed and porcelain ware as well as the bones of domestic animals were discovered.

Fig. 6. The excavation of north-western pavilion in Kondui palace

Fig. 7. Pilar foundation and stone dragons from palace in Kondui Orthodox Church

The palace complex was constructed according to the syncretic Mongolian-Chinese tradition. In the first considering, such elements as symmetric strict arrangement of the objects along the north-south axis, position of the palace ensemble at the centre etc. suggest the Chinese architectural tradition. However, the strict compliance of the principle of arrangement of all auxiliary structures to the north of the main place and unclosed view to the south (Mong. *huree*) gives evidence of the steppe traditions in the space organization [17, p. 145–146].

The Kondui complex was non-unique palace on the territory of the northern provinces of the Mongolian Empire. One more palace building was excavated by Sergey Danilov in the Narsatui village (Buryatia). The building was erected on the puddle clay platform reinforced by the brick wall. The internal area of the building was 16x19 m. The floor was lined by the baked bricks. As the footing for the wooden columns, the granite bases were used. The roof of building was made of tile [4, p. 83–84].

In the early 19th century, the construction materials of the site – bricks, granite bases of dragons and column bases (Fig. 7) – were used by the Russian Cossacks and peasants as the footings of houses in Kondui village as well as for construction in 1806 of the Church of the Nativity of the Most Holy Mother of God and Holy Martyrs Quiricus and Julietta [15]. In addition to it, the materials were removed to the Aga steppes for the erection of Tsugol Buddhist temple in 1801 [16, p. 22]. S. Kiselev believed that this site refers to the 14th century [10, p. 369]. However, the calibrating radiocarbon date indicates that the palace existed in the first half of the 13th century [14, p. 170]. In such a way, the time of the palace construction falls on the period of the Chinggis Khan's Empire prosperity and period of residence of the Chinggis Khan's brothers Qasar and Tämügä (Otchi Noyan) and their successors at the Mongolian historical ancestral homeland.

This is confirmed by the written sources. In *Jami'u't-tawarikh*, it is said: "Yesünggü's and Jochi Qasar's offspring's yurt and dwelling place are inside Mongolia, on the northeastern side, in the vicinity of the Argun, Kökä Na'ur Lake, and the Qailar, near the location of the yurts of Jibu, Otchi Noyan's son, and his grandson Taghachar" [23, p. 130]. Here the area of distribution is clearly localized with the Argun river, Nulun or Dalai-nuur like, and and Hailar district in contemporary Inner Mongolia of China.

The residence of Tämügä was approximately in the same area. "His territory and yurt were in the northeast, the farthest reaches of Mongolia, so far in that direction that there were no other Mongol tribes" [23, p. 132]. It is possible that, in this case, one highly piquant detail explains a presence of large number of monumental sites on this territory. The same chronicle says that "Otchi Noyan loved building, and everywhere he went he built palaces, pavilions, and gardens" [23, p. 132].

A presence of dragons on palaces points at the imperial status of the structures. This is confirmed by the inclusiveness of the brothers of Chinggis Khan and their descendants in the highest elite of the empire. About Qasar, the following was said: "However, in Genghis Khan's big battle with Tayang Khan, the ruler of the Naiman, he ordered Qasar to command the center of the army. He performed valiant feats in that battle, and therefore Genghis Khan rewarded him and gave him and his sons fraternal and princely rank and status over all the brothers and nephews. Until the present it is customary that, of all the uncles and cousins of Genghis

Khan's family, only Jochi Qasar's offspring are seated in the row of princes. The others sit in the row of commanders. Some stories about Jochi Qasar and his sons will come in the course of the history of Genghis Khan" [23, p. 130].

Something similar was written in the sources about Tämügä. "Genghis Khan loved him more than any of his brothers and seated him above his own elder brothers" [23, p. 132]. Some descendants of Qasar had also the high status. "One branch of Jochi Qasar's offspring came to this land. They were here during Abaqa Khan's time, and some of them are still here now" [23, p. 132]. Some descendants of Qasar have part in the military campaign against Iran and stayed there. The Qasarids held the high posts and even struck their coins [24]. Temür, one of the descendants of Togha, held even the post of khan in the Ilkhanate in 1338–1352 [5, p. 3–5, 21, 17–39, 35–37; 27, p. 106].

Yesünggü was the best known among all the descendants of Qasar during Khubilai khagan's reign. There is a detailed description of his external appearance as well as basic facts of his life. "Yesünggü was tall and red of face and kept his countenance and beard drawn. When Jochi Qasar died, his most respected son, Yegü, took his place. When Yegü died, his son Harqasun took over his post. After him, his uncle Yesünggü succeeded. During Mänggü Qa'an's and Qubilai Qa'an's time Jochi Qasar's successor was Yesünggü, and his name and repute are well known. He participated in weighty matters and consultations of affairs of state, and they respected him greatly" [23, p. 130].

Yesünggü is also mentioned in one, essential in the Mongolian history, case. At the end of 1224, after he won over the Tanguts, Chinggis Khan returned to the Mongolian steppes and summered there. The *Secret History* confirms this fact: "Then Činggis Qa'an returned home. On the way he spent the summer on the river Erdiš. In the autumn of the Year of the Hen (1225) – the seventh year of the campaign – he settled at his Palaces in the Black Forest by the Tula" [22, § 264, p. 174].

In *Jami'u't-tawarikh*, this event is given in more detail and with important supplement. Probably, Rashid al-Din reported an incorrect year. "At the beginning of spring of Noqai Yil, the Year of the Dog corresponding to 623/1226, he came to Olqun Talan Qodun. While there, he suddenly began to think of his own condition, for he had a dream that indicated that his death was proximate. Of all the princes, Jochi Qasar's son Yesuqa [Yesünggü] Aqa was present. Of him he asked, 'Are my sons Ögödäi and Tolui near or far?' (They were in their own military circles.) He told the amirs and those present that they were two or three days away. Immediately someone was sent to summon them. At dawn the next day, while they were eating, he said to the amirs and those present, 'I have a confidential secret and advice for my sons. I want to be alone for a time so that we can tell our secrets to one another and have a consultation in that regard'" [23, p. 259].

From this text, it turns out that Yesünggü was active bystander of the events of utmost importance when the fate of imperial polity was hanged in the balance – who will be the following ruler of the most powerful empire in the world of the time. The fact of returning of Chinggis Khan and his secret meeting with children is confirmed by Juvaini who says that this happened in the "old encampment" [6, p. 180].

Practically at the same time, the name of Yesünggü is again present in the sources but, for once, on the stone stele, the well-known "Chinggis's stone". This monument was in the Transbaikalia, near Khirkhira. It is recognized that it is the

earliest inscription on the Mongolian. Generally it is dated 1224–1225. Based on the above mentioned events, this should be 1225 or 1226, but not later. If only the inscription was made after the death of Chinggis Khan, it would be compulsorily pointed at this. There are different variants of translation [see, for example: 3; 11], but the majority of scholars agree that the stele was erected in honor of the unique sporting achievement of Yesünggü. He could do archery over a distance of 335 *alds* (more than 500 meters). It is possible that he hit the mark. Most likely, the competitive shooting were held during any feasting. The Mongolian feasting were accompanied usually by the horse races, archery and wrestling. Afterwards, the monument was raised in the native country of the hero.

The high status of the Qasarids and Temugeids has lasted to the end of the 1380s. At the time of conflict between Khubilai and Khaidu, they turned against the Emperor of the Yuan dynasty. “They all conspired to join Qaidu and rebel against the Qa’an. When the conspiracy was unmasked, the Qa’an led his army, seized them, executed some of them, and disbanded their troops. Now there is no one left of their *ulus*” [23, p. 132–133]. We do not have any data but, maybe, just then and for this reason, the palaces of the Mongolian khans in Transbaikalia were burned.

REFERENCES

1. Artem'ev A.R. Novye issledovaniya drevnemongol'skikh gorodov Vostochnogo Zabaykal'ya [New studies of the Old Mongol cities of the East Baikal region]. *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2005, no. 2, pp. 3–18. (In Russian)
2. Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E. (eds). *Mongolian-German Karakorum-Expedition*. Vol. 1: *Excavations in the Craftsmen-Quarter at the Main Road*. Forschungen zur Archäologie Außereuropäischer Kulturen, Bd. 8. Wiesbaden, Reichert Verlag, 2010. 337 p.
3. Banzarov D. Ob'yasnenie mongol'skoy nadpisi na pamyatnike knyazya Isunke, plemyanika Chingis-Khana. [Explanation of the Mongolian inscription on the monument of Yesünggü Prince, nephew of Chinggis Khan]. *Zapiski imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Archaeological Society]. St. Petersburg, 1851, vol. 3, pp. 268–292. (In Russian)
4. Danilov S.V. *Goroda kočevnikov Tsentral'noy Azii* [Towns in the nomadic societies of Central Asia]. Ulan-Ude, The Buryatian Scientific Center of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences Press, 2004. 202 p. (In Russian)
5. Jackson P. (ed.). *The Cambridge History of Iran*. Vol. 6: *The Timurid and Safavid Periods*. Cambridge, Cambridge University Press, 1968. 1087 p.
6. Juvaini. *Genghis Khan. The history of the World Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Translated by J.A. Boyle. Manchester, Manchester University Press, 1997. 760 p.
7. Kharinskiy A.V., Nomokonova T.Yu., Kovychev E.V., Kradin N.N. Ostanki zhivotnykh v mongol'skikh zakhoroneniyaakh XIII–XIV vv. mogil'nika Okoshki I (Yugo-Vostochnoe Zabaykal'e). [Remains of the animals in Mongolian burials of the 13th–14th centuries in the Okoshki 1 burial place (South-Eastern Transbaikalia region)]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2014, no. 2, pp. 62–75. (In Russian)
8. Kiselev S.V. Drevnie goroda Zabaykal'ya [Ancient cities of the East Baikal region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1958, no. 4, pp. 107–119. (In Russian)

9. Kiselev S.V. Gorod mongol'skogo Isunke na r. Khirkhira v Zabaykal'e. [The Town of Mongolian Yesünggü in Khirkhira river in Transbaikalia Region]. *Sovetskaia arkhologiiia* [Soviet archaeology], 1961, no. 4, pp. 103–127. (In Russian)
10. Kiselev S.V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda* [Ancient Mongolian towns]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 372 p. (In Russian)
11. Klyukin I.A. Drevneyshaya mongol'skaya nadpis' na Khorkhiraskom ("Chingis-khanovom") kamne: (K razboru drevneyshikh pamyatnikov. [The Oldest Mongolian inscription on the Khirkhira (Chinggis Khan's) stone]. *Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo Universiteta* [Proceedings of the Far Eastern State University], 1927, vol. iv, no. 5, pp. 168–212. (In Russian)
12. Kradin N.N., Sarantseva S.E., Kharinskiy A.V., Kovychev E.V. Issledovanie srednevekovoy mongol'skoy usad'by Alestuy v Zabaykal'e [The Study of mediaeval Mongolian manor Alestui in Transbaikalia]. *Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia*. Vol. 2. Ulaanbaatar, State University of Mongolia, 2012, pp. 381–387. (In Russian)
13. Kradin N.N., Kharinskiy A.V., Baksheeva S.V., Kovychev E.V., Prokopets S.D. Arkheologiya imperii Chingis-khana v Mongolii i Zabaykal'e [Chinggis Khan Archaeology in Mongolia and Transbaikalia]. *Stratum Plus*, 2016, no. 6, pp. 17–43. (In Russian)
14. Kradin N.N., Baksheeva S.E., Kovychev E.V., Prokopets S.D. Novye issledovaniya Konduyskogo gorodka [New Studies of Kondui town]. *Between East and West: The Movement of Cultures, Technologies and Empires*. III International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes. Vladivostok, Dalnauka, 2017, pp. 167–171. (In Russian)
15. Kradin N.N., Kradin N.P. Konduyskie drevnosti [Ancient sites of Kondui]. *Voprosy istorii* [Historical questions], 2016, no. 12, pp. 133–138. (In Russian)
16. Kuznetsov A.K. Razvaliny Konduyskogo gorodka i ego okrestnosti [Ruins of Kondui town]. Vladivostok, Kniznoe delo, 1925. 64 p. (In Russian)
17. Lbova L.V., Vasil'eva I.G. K voprosu o razvitií printsipov planirovochnoy struktury drevnemongol'skikh gorodov [On the question of development of the Mongolian ancient town planning structure]. *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi srednevekovia v Buryatii i Mongolii* [Archaeological sites of the mediaeval period in Buryatia and Mongolia]. Ed. by P.B. Konovalov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, pp. 145–160. (In Russian)
18. Murayama S. Über die Inschrift auf dem "Stein des Čingis". *Oriens*, 1950, vol. 3, no. 1, pp. 108–112. (In German)
19. Pavlutskiy A. Kratkoe opisanie tak nazyvaemykh chudskikh drevnostey, imeyushchikhsya vblizi klichkinskoserebro-svintsovogo rudnika, s ukazaniem nakhozheniya ikh i v drugikh mestakh nerchinskogo gornogo okruga. [A brief description of the so-called Chudskie antiquities from the area close to the Klichkin silver-lead delf of the Nerchinsk mountainous district]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk, Printing Office of the Military District Staff, 1867, vol. IX–X, pp. 475–507. (In Russian)
20. Perlee Kh. K istorii drevnikh gorodov i poseleniy v Mongolii [On the History of ancient towns and settlements in Mongolia]. *Sovetskaia arkhologiiia* [Soviet archaeology], 1957, no. 3, pp. 43–53. (In Russian)
21. Rachewiltz I. de. Some Remarks on the Stele of Yisüngge. *Tractata Altaica – Denis Sinor, sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1976, pp. 487–508.
22. Rachewiltz I. de. *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Shorter version*. Madison, University of Wisconsin–Madison, 2015. 268 p.

23. Rashid al-Din. *Jami 'u 't-tawarikh, A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols*. Transl. by W.M. Thackston. Vol. 1–3. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1998–99. 811 p.

24. Reva R.Yu. Dzhochikasaridy. Monetnyy chekan potomkov brata Chingizkhana [The Jochi-Qasarids. The coinage of the descendants of the Chinggis Khan's brother]. *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia 2015* [Numismatic readings of the State Historical Museum 2015]. Moscow, Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 2015, pp. 85–93. (In Russian)

25. Srba O. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilayun-u bičig). *Linguistica Brunensia*, 2012, vol. 60, no. 1–2, pp. 171–182. (In Slovak)

26. Steinhardt N. Imperial Architecture along the Mongolian Road to Dadu. *Ars Orientalis*, 1988, vol. 18, pp. 59–93.

27. Sultanov T.I. Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast' [Chinggis Khan and the Chinggisids: Fate and Power]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa "AST", 2007. 446 p. (In Russian)

About the author: Nikolay N. Kradin – Dr. Sci. (History), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (89, Pushkinskaya Str., Vladivostok 690001, Russian Federation), and Head of Laboratory of archaeology, ethnology, and anthropology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude 664047, Russian Federation). E-mail: kradin@mail.ru

Received March 23, 2018 Accepted for publication May 25, 2018

Published June 29, 2018

КТО СТРОИЛ ГОРОДА МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ?*

Н.Н. Крадин^{1,2}

¹ *Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
Владивосток, Российская Федерация*

² *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
kradin@mail.ru*

На территории Забайкалья расположены уникальные археологические памятники времени Монгольской империи – Хирхиринское городище и Кондуйский городок. Они известны еще с XVIII в., а в середине XX в. раскапывались С.В. Киселевым. Обобщенные результаты исследований опубликованы в книге «Древнемонгольские города». Результаты исследований последних лет открывают новые перспективы.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

Цель статьи – попытаться выяснить, кто был инициатором строительства городов Монгольской империи на территории Забайкалья.

Материалы исследования – обобщенные результаты археологических раскопок городищ и усадебных комплексов на территории Забайкалья, опубликованные письменные источники по монгольской истории.

Новизна исследования заключается в введении в научный оборот результатов последних археологических исследований, а также в локализации территорий в Забайкалье и смежных зонах Внутренней Монголии (Хайлара), закрепленных за братьями Чингиз-хана – Хасаром и Темуге-отчигином, как и их потомками.

Результаты исследования показывают, что урбанизационные процессы в Монгольской империи в Забайкалье связаны со временем становления и расцвета державы Чингиз-хана. Города возникли здесь в XIII веке и, возможно, продолжали существовать в XIV веке. Хирхириновское городище традиционно интерпретируется как резиденция Есункэ – сына Хасара. Основанием этого является упоминание его имени на «Чингисовом камне». Письменные источники дают возможность уточнить некоторые новые, ранее неизвестные, черты его биографии и датировку стелы.

Ключевые слова: Монгольская империя, Чингиз-хан, Хасар, Есункэ, Хирхириновское городище, Кондуйский городок, Чингисов камень

Для цитирования: Kradin N.N. Who Was the Builder of Mongol Towns in Transbaikalia? // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 224–237. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.224-237

Благодарности: Выражаю искреннюю признательность моим коллегам по исследованиям в Забайкалье: к.и.н. С. Бакшеевой, С. Бакшееву, к.и.н. Е. Ковычеву, к.и.н. С. Прокопцу, д.и.н. А.В. Харинскому. Моя благодарность д.арх. В.Н. Ткачеву за разрешение использовать его реконструкцию Кондуйского дворца, а также особая признательность дк. У. Бросседер (Боннский университет) и проф. Н. Сираиси (Университет Ниигаты) за помощь в получении радиоуглеродных датировок.

Сведения об авторе: Николай Николаевич Крадин – д.и.н., проф. член-корреспондент РАН, врио директора Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН (690001, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, Российская Федерация); зав. лабораторией археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (664047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: kradin@mail.ru

Поступила 23.03.2018 Принята к публикации 25.05.2018

Опубликована 29.06.2018

**FORGING THE PAST: FACTS AND MYTHS
BEHIND THE MONGOL INVASION OF MORAVIA IN 1241***

Tomáš Somer

*Palacký University Olomouc
Olomouc, Czech Republic
tomas.somer@upol.cz*

Abstract: Research objectives: There are two research objectives to this study. The first is to survey the events of the Mongol invasion of Moravia in the spring of 1241 and the second is to examine how the story changed over the following centuries. The narrative surrounding the Mongol invasion lost its grounding in fact, and different versions of the story quickly arose. In this paper, I will explain when, why and how the story evolved.

The *Research materials* are therefore diverse. The first part of the article is based upon 13th-century sources (charters, epistles, chronicles) of Central European origin. In the second part, later medieval chronicles as well as early modern historical treatises will be studied. These works influenced the perception (and form) of the story both at home and abroad since many of them were accessible in different languages.

The *Results and novelty* of the research are therefore twofold. Since the Mongol myth became the subject of 19th-century forgeries, many scholars were misled by them. As a result, the forged documents have been presented as trustworthy sources even by renowned contemporary scholars. Consequently, the description of the historical events of 1241 undergo dramatic changes. The invasion – presented at times as a catastrophe – was in reality merely the brief passage of Mongol troops through Moravian territory. Later chroniclers confused this event with the Hungarian invasion of Moravia in 1253. Soon, a fictional victory at Olomouc was invented. Later, an imaginary hero was added (Jaroslav of Sternberg) and the story transformed in the second half of the 17th century into an account of a divine miracle, subsequently becoming a key part of the 19th century forgeries that exaggerated the Czech glorious national past by inventing sources that had actually never existed.

Keywords: Mongol Empire, Moravia, Cumans, 1241, historiography

For citation: Somer T. Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 238–251. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.238-251

Among contemporary historians dealing with the history of the Mongol Empire in the 13th century, there tends to be some confusion about the details of the invasion of Central Europe by the Mongol army from 1241 to 1242. They often present different opinions on the same subject, or have utterly false information. Take for instance a simple question: Who led the Mongol troops into Poland and Silesia in 1241 and how strong was that army? The answer varies a lot – the main leaders were probably Orda and Baidar (known in the West as Peta) and perhaps Kadan (Qadan, Qaidan) as well. Sometimes even Qaidu (Kaidu) II (1236–1301) –

* This study is based on research conducted for the project Magdeburský arcibiskup, schwerinský a litomyšlský biskup, duchovní, diplomat, zakladatel a mecenáš (FPVC2017/13) granted by the Palacký University in Olomouc, Faculty of Arts from the Fond pro podporu vědecké činnosti.

who was about five years old at that time – is mentioned (he was most probably mistaken for Kadan) [45, p. 12; 26, p. 138; 23, p. 62; 10, p. 172; 24, p. 70; 25, p. 18; 6, p. 96; 46, p. 86; 5, p. 218]. The strength of this army is also unclear; it is estimated to be 10,000–30,000 men (1–3 *tümens*) strong. There is also one marginal subject within this campaign that is almost always described incorrectly – if at all. It is the presence of the Mongol army in the territory of Moravia (which formed the eastern part of the Kingdom of Bohemia). After the victory at Legnica (Liegnitz) on 9 April 1241, the surviving Mongol troops moved onwards to join their comrades in Hungary and in doing so, they marched through Moravia. The renowned historian Peter Jackson, in an otherwise great book, wrote the following about this particular event:

“In Moravia despite a sanguine report that the fortified places escaped the devastation, the towns of Littaou, Freudenthal and Gewiczko were destroyed, while Brünn (Brno), Olmütz (Olomouc) and Uničov suffered damaging sieges” [23, p. 68].

This is in fact not true; Prof. Jackson was deceived by the 19th century forgeries. Describing what really happened in Moravia in the spring of 1241 will be the next step.

* * *

Let us begin our journey on the battlefield near Legnica (Liegnitz) on 9 April 1241, where the Piast Duke Henry II the Pious was defeated and killed. The 15th-century historian Jan Długosz, the most important source for the description of the battle at Legnica, puts forward the information that the first rank of Henry's army was led by Boleslaus, son of the Margrave of Moravia Dipold, who also met his death on the battlefield that day¹. This information has been repeated by many historians (who sometimes made additional blunders), but it is only a half-true [23, p. 62; 6, p. 98; 25, p. 27]. Dipold (Theobaldus) III was in fact a member of a secondary lineage of the Přemyslid dynasty (the ruling dynasty in the Kingdom of Bohemia), but he never became the Margrave of Moravia. It is plausible that after the death of the Margrave of Moravia Vladislaus Henry in 1222, he tried to seize control over Moravia, but if that was the case, he was unsuccessful. Dipold's kindred were expelled from the Kingdom of Bohemia in 1222/1223 to Poland, never to return again, and Dipold himself probably died in 1223 while defending his castle, Kouřim [11, p. 111–115, 118–122].

The goal of this detached Mongol army operating in Poland and Silesia was to make sure that no reinforcements from this region distracted the ongoing operations in Hungary. After the battle at Legnica, this goal was completely fulfilled and the Mongol army in the north had no reason to stay there anymore. Moreover, Wenceslaus I, the King of Bohemia and the father-in-law of Henry II the Pious, was only about a two days' march away with his knights [7, p. 498–499, nos. 306–307]. What happened next is unclear. The Mongol army probably rested for a while and in the meantime, the king of Bohemia and his army possibly moved back to Bohemia to secure the northern border of the kingdom. The information about some military operations near the Bohemian town of Kladsko (Glatz, today Kłodzko in Poland) on the northern border is based upon an early 14th-century Bohemian chronicler, the so-called Dalimil. Even though this chronicler is otherwise quite an unreliable source

¹ “(...) id Boleslaus marchionis Morawie filius ducebat (...)”; “(...) Boleslao Dipoldi marchionis Morawie filio (...)” [22, p. 20–21].

for the Mongol invasion, this might actually be a true event [47, p. 313–325]. Orda and Baidar moved quickly to Hungary to join their leader Batu, who delivered a humiliating defeat to the King of Hungary Bela IV and his army near the river Sajó (Muhi) just two days after the battle of Legnica.

Unable to cross the well-protected and mountainous border with Bohemia, the Mongols moved further east and entered Moravia near Opava (Troppau) through a pass with a very appropriate name: the Moravian Gate [7, p. 201–203, no. 108]. This happened probably less than a month after the battle at Legnica. The high-ranking Franciscan Jordanus mentioned in one of his letters that the Mongol troops entered Moravia some time before the 9th May [7, p. 500, no. 308]. This might actually have happened a little bit earlier, since according to reports Orda and his army arrived in the vicinity of the important Hungarian castle Trenčín (Trentschin, Trencsén) in late April. The castle itself resisted the Mongol army, but the surroundings suffered heavy damage [48, p. 14, 17]. The exact route of the Mongol army through Moravia is largely unknown. We only know that the entry point was somewhere around Opava (Troppau) and that they probably left through the Hrozenkov pass leading to Trenčín. The only real evidence of actual destruction comes from 1247 when the Margrave of Moravia (and future King of Bohemia) Přemysl Otakar granted the city of Opava some economic privileges based upon unspecified damages to the Opava region caused by the marauding Mongol troops some years earlier [7, p. 201–203, no. 108]. The Mongols did not seize any of the fortified places in Moravia and it is a plausible argument that they did not even try to, since they were in a hurry. The haste of the invaders is actually one of the very few facts we can support using the sources: Master Roger was a well-educated canon of Oradea (Großwardein, Nagyvárad, Varadinum) who was himself taken prisoner by the Mongols and unwillingly spent several months amongst them in captivity. His *Miserabile Carmen* with its accompanying letter is one of the most important sources about the deeds of the Mongols in the Kingdom of Hungary. At one point, he informs us that after defeating one of the Polish dukes (Henry II the Pious) and destroying Wrocław, the “King” Peta (Baidar) and his troops marched quickly through Moravia towards the “Hungarian gate”², a pass on the border with the Kingdom of Hungary (probably the Hrozenkov pass). In doing so, according to Master Roger, the Mongols destroyed the Moravian countryside with their usual cruelty [48, p. 81, 83]. This is further supported by the *Annales sancti Panthaleonis Coloniensis* (composed around the time of the Mongol invasion), which mentions the incredible speed of the Mongol troops (supposedly, they marched through Moravia in just one day and night) and also the standard destruction of the land – except for the castles and other fortified places, which they left alone [1, p. 535]. Mongol troops probably visited Moravia once again in the winter of 1241/1242 when the Danube froze over in late December and they entered the western part of Hungary, eastern Austria and southern Moravia, as we learn from a letter from Vienna by an unknown Benedictine Abbot dated the 4th of January 1242 and recorded by Matthew Paris [7, p. 507, no. 320]. The strength of the army marching through Moravia is unclear, as mentioned above. The Polish scholar Waclaw Korta

²“(…) ad portam Hungarie (…)” [48, p. 83].

estimated that before the battle at Legnica there were about 8 000 fighting men so the troops that entered Moravia must have been less numerous [24, p. 108].

Unfortunately, we cannot further support this story with Bohemian chronicles of that time since there are virtually none surviving. There is one exception though, a very short part of the *Second Sequel* to Cosmas, a compilation from the end of the 13th century containing older chronicles (or, to be more precise, their extrapolations). According to the unknown Bohemian chronicler, a great fear of the Mongols spread across the kingdom as early as 1240. The next year, the pagan Tartars (Mongols) destroyed many Christian lands. They shot dead Koloman, the brother of the king of Hungary, and depopulated his lands. Furthermore, they killed the Polish Duke Henry in a battle. This is all the information we have. There is not a line about the Tartars in Moravia. On the other hand, the chronicler had enough space to mention that a new dean of the St. Vitus Cathedral in Prague was elected and that on the 5th of October that year there was a solar eclipse [16, p. 285]. Other pieces of information from mid-13th-century chronicles, epistles and other documents are brief and add very little to our story, and the Asian sources hold no information about Mongols in Moravia whatsoever [36; 37]. Furthermore, there is still no definite archaeological proof of the Mongol presence in Moravia.

Even though the Mongols inflicted some damage upon the countryside, Moravia was not seriously depopulated, as some parts of the Kingdom of Hungary were, and its towns and other fortified places remained untouched [15].

* * *

A key event that confused even medieval chroniclers occurred just 12 years afterwards, when Moravia was invaded by the king of Hungary with his armies, which included Cuman troops. The story of the Cumans is quite a well-known one and it is linked to the Mongol invasion of the west. The Cumans, a steppe people of Eurasian origin, arrived in the Kingdom of Hungary while fleeing the Mongols after they subjugated most of the Cuman lands in the winter of 1237/1238. In the troublesome period of the Mongol invasion of the Kingdom of Hungary in early 1241, Cuman leaders became victims of the angry Hungarians and the rest of their people left the country to be invited back again after the Mongols' withdrawal, to resettle the abandoned countryside [26, p. 129, 133, 138, 153, 190]. Master Roger states that 40,000 families settled in the Kingdom of Hungary and even though this number is repeated in most of the studies dealing with this subject, Hungarian scholars ended up with the rough estimate of just 70–80,000 persons (not families) [30, p. 157; 48, p. 67]. The Cumans frequently served as light cavalry in the army of the Hungarian kings and that is how they entered Moravia in 1253.

After the death of the Duke of Austria, Frederick the Quarrelsome, in 1246, the Babenberg heritage became a big issue in central European politics. After many twists, the Austrian nobility accepted the Bohemian Prince and Margrave of Moravia Přemysl Otakar as their duke at the end of 1251. This was against the ambitions of the King of Hungary Bela IV, whose relative, Roman Danylovich, also claimed the Babenberg succession. It was mainly for this reason that the king of Hungary put together a big alliance against Přemysl Otakar and his royal father Wenceslas I. The coalition waged a full-scale attack in 1253 from several directions: Austria was invaded by Otto II, the Duke of Bavaria and his two sons; Opava was besieged by Daniel of Galicia (the father of Roman Danylovich) and the Polish Dukes Bolesław

V the Chaste of Kraków and Władysław I of Opole and, finally, Béla IV with his troops invaded Moravia and besieged the most important Moravian city, Olomouc. The invasion eventually failed. The Bavarian troops in Austria were not very successful and after the death of Otto II in late November 1253, his sons terminated further military operations there. Daniel of Galicia, along with his Polish allies, failed to breach the firm (though still wooden) walls of Opava and they returned home. Béla IV began his campaign more successfully. He managed to defeat the Moravian troops at the ford in Přerov (Prerau), besieged Olomouc, and on the 25th of June defeated another army trying to break the Hungarian siege. But since his allies did not manage to join him near Olomouc and his position was endangered by both Wenceslas I and his son Přemysl Otakar, Béla was forced to retreat back to Hungary without fulfilling his goals [12, p. 203–207; 20, p. 38–47; 21; 29, p. 301]. What is important for our story is the fact that this invasion was described vividly by the chroniclers and other sources, as opposed to the Mongol invasion, which barely left a mark in medieval records of that time. That was one of the reasons why these two events were later often confused.

* * *

Very influential in this respect was **the Chronicle of the so-called Dalimil**, a Czech rhymed chronicle from the beginning of the 14th century. In one of the chapters, it describes the Mongol invasion, but very often it supplies wrong information. The invasion, according to Dalimil, began in 1242; the Mongols killed Henry the Bearded near Wrocław (in fact it was his son Henry II the Pious), etc. There is also some unverifiable information. For instance, that before the invasion, there were some mysterious people called the “Kartasi” who wandered all the way through central Europe to the Rhine and who were in fact Mongol spies. Another such piece of information is that the Mongols, after defeating the Polish dukes, were stopped near Kladsko (Glatz, Kłodzko). The Mongols, according to the chronicler, also spent some time around Olomouc and a Mongol prince was killed there [47, p. 313–325]. After that, the Mongols allegedly invaded Poland. Dalimil probably confused the Mongol and Cuman invasions (during the latter a battle near the besieged Olomouc really took place) and he also took up and adapted some elements of the legend of saint Hedwig of Silesia (the mother of Henry II the Pious). This confusion could be also supported by the fact that the chronicler records virtually no information about the invasion of 1253. While there is a whole chapter about the Mongols, there are just two lines that might be a vague description of the Hungarian invasion of Moravia in 1253 [47, p. 370–371, verse 82/27–28].

Another important piece of the puzzle is the late 14th-century chronicle usually called the chronicle of **Přibík Pulkava of Radeníň**. It was one of the chronicles issued – and perhaps even supervised – by the Holy Roman Emperor Charles IV. This Latin chronicle, extant in several different variants that emerged from 1364 to 1374, was also translated into Czech and German and was very popular at that time. The first variant of the chronicle records nothing about the Mongol invasion of 1241 but supplies some previously-unknown details about the invasion of the king of Hungary with his Cumans, dating it incorrectly to 1254. To paraphrase the account briefly: Tartars, who had been pillaging the Kingdom of Hungary for several years, attacked and devastated Moravia and caused a massacre near Olomouc,

but from that city a nobleman from the house of Sternberg – the Captain of the city at the time – made a foray into enemy lines and mortally wounded the Tartar leader. The Tartars then retreated back to Hungary. That nobleman was then given some lands near Olomouc and founded a new castle there called Sternberg [28, p. 143–144; 38, p. 360–361]. The last variant rectified the previous mistakes and correctly – yet very briefly – described the events of 1241 and 1253. In this last variant, the Tartars are correctly distinguished from the Cumans, but it lacks any information about the nobleman from the house of Sternberg whatsoever [28, p. 138, 144; 38, p. 357, 361].

It is important here that the first variant of the chronicle brought forward the motif of the hero of the house of Sternberg for the first time. This house ranks among the oldest and most important noble houses in Bohemia and Moravia. At the time of both the Mongol and the Cuman invasions, Zdeslav of Sternberg, the son of Diviš, was the head of the house. The mid-13th-century sources, however, never mention his involvement with any of the invaders and we know for sure that he was not the Captain of Olomouc in 1253 [21, p. 282]. On the other hand, he had some possessions in Moravia and he founded the castle and the small town of New Sternberg there (mentioned for the first time in 1269) [35, p. 32–40]. Moreover, on the 5th of August 1253, just few days after the end of the siege, he was in Olomouc as an entourage of the Margrave of Moravia and future King Přemysl Otakar [7, p. 481, no. 287]. Why the first variant of the chronicle mentioned an unnamed member of this noble house is unclear. Perhaps he really helped to hold Olomouc and perhaps the author only wanted to flatter Albrecht of Sternberg, one of the closest advisors to the Emperor, the Bishop of Schwerin (1356–1363) and since 1364 the Bishop of Litomyšl (Leitomischl) who began his career as the Dean of the Olomouc Chapter some years earlier [35, p. 85–101].

All of those chronicles were only available as manuscripts, which hugely limited the number of potential readers. A big change came after the invention and spread of the printing press. Without exaggeration, it is fair to say that the most important and widespread treatise about the history of the Kingdom of Bohemia until the first half of the 19th century was the *Kronika česká* (The Bohemian chronicle) by **Václav Hájek of Libočany**, published in 1541 in Czech. Although Václav Hájek used an admirable number of sources, he also made a lot of mistakes, and in some places, he added many of his own ideas, which then circulated as facts for centuries. His description of the Mongol invasion is quite overstated. The Mongol forces, according to Hájek, which were about half a million strong, had been harassing Poland until 1243 when the King of Bohemia Wenceslas I decided to help Poland. The invaders were overawed by his forces and moved quickly through Moravia – which they plundered hard – to Hungary to join their comrades there [17, p. CCXXXI^v–CCXXXII^v]. Around the year 1253, Hájek wrote that the king of Hungary had invaded Moravia with an army of Cumans and Tartars. The enemies then pillaged Moravia, except for the fortified places, and eventually decided to take Olomouc. The Captain of the city was Jaroslav of Sternberg who attacked the enemy and, after a fierce fight, cut-off the hand of the foreign leader Belzait. The enemy then withdrew and Belzait died of his wounds en route. King Wenceslaus then gave Jaroslav some lands near Olomouc, the nobleman founded the New Sternberg there and until the end of his days he was also the Captain of the whole of Moravia [17, p. CCXXXVII^r–CCXXXVIII^r].

Hájek's account is very important, because he added the name of the previously unknown hero. Because of the importance of his book, Jaroslav shortly afterwards became a heroic ancestor to his family and later on even a national hero. The name Jaroslav is most probably as fictional as the whole victory at Olomouc (the Moravian and Bohemian forces were actually defeated there). It was Zdeslav of Sternberg who lived around the time of the clash. On the other hand, one of Zdeslav's sons was really called Jaroslav, but it is highly improbable he was old enough to lead major forces and, moreover, his ancestral line was involved in Bohemia rather than Moravia [35, p. 292]. It is unclear whether Hájek invented the events or whether he just collected existing stories, but as early as 1550 there is written proof that Jaroslav was perceived as a hero who, in 1252 (*sic!*), saved Olomouc from the pagan Tartars brought there by Béla IV, the King of Hungary [14, p. A4b–B].

So far, we have observed how the Mongol invasion was often confused with the Cuman invasion and how the defeat near Olomouc suddenly became a victory thanks to Jaroslav of Sternberg. It would be very lengthy and, perhaps, even useless to search for all the other mentions of the Mongol and Cuman invasions of Moravia in other documents, but there is still one piece missing. That is, how Jaroslav became a hero defeating not the Cumans at Olomouc in 1253, but the Mongols in 1241. As mentioned earlier, the events of 1241 and 1253 were often confused, and it is not surprising, then, that we can find this missing link as early as 1552, when **Johannes Dubravius** (Jan Skála z Doubravky), an educated humanist, writer and the Bishop of Olomouc at the time, published his Latin chronicle *Historiae Regni Boemiae*. In his book he depicted the Mongol invasion of Moravia of 1241 in vivid colours. The leader of the Mongol troops, Peta, was defeated in front of Olomouc by its Captain who was from the house of Sternberg. This unnamed hero was then given some lands by the king and became Captain of the whole of Moravia [13, p. C^r–C^f]. Even though the hero here remains nameless, his family ancestry is stressed several times. Combined with Hájek's information, Jaroslav of Sternberg, the hero who defeated the Mongols at Olomouc in 1241, was born. Just one example of this approach dates to the year 1677, when **Tomáš Pešina of Čechorod** published a Latin book about military conflicts in Moravia called *Mars Moravicus*. There, he had no doubt that the leader of the 8,000 brave knights who attacked the Mongols from the besieged Olomouc in 1241 was Jaroslav of Sternberg, who personally cut off the arm of their leader Peta and thus averted the whole invading army [34, p. 344–348].

The motif of the heroic Jaroslav of Sternberg defeating the Tartars at Olomouc in 1241 soon became part of the ancestral myth of the still-very-important noble house of Sternberg, who used it as a part of their family image. Jaroslav's deeds even became part of the legend associated with their coat of arms in the 18th century [44, p. 281–282, 311]. It is no wonder that they frequently commissioned paintings depicting their fictional ancestor defeating the Mongols for their residences [35, p. 253].

* * *

The Tartar myth was transformed once again in the second half of the 17th century into a story surrounded by miracles. To survey this phase of the story thor-

oughly would be a subject for a completely different study. Here I will just stress some important moments. The Kingdom of Bohemia was inhabited by both Catholics and Protestants before 1620, but this changed after the outbreak of the Thirty Years' War, which eventually led to a strict recatholization of the Kingdom. This process was also connected to baroque culture and new types of religious spirituality characterised for instance by pilgrimages to the shrines of local cults.

There was also another factor that made the events of 1241 current again: the Ottoman threat, which was even closer to the Moravian border after 1526, when the King of Hungary and Bohemia Louis II was killed at the battle of Mohács. This threat materialized during the Austro-Turkish War of 1663–64. The Ottoman forces were eventually defeated at the battle of Saint Gotthard on the 1st August 1664 but before that, Moravia witnessed three raids by Ottoman light troops (consisting at least partially of Crimean Tatars) between 4th September and 7th October 1663. This was more a series of skirmishes than a full-scale attack, but even though no fortified place had fallen to the enemy, the Moravian countryside was heavily plundered, many of the people were killed and many were taken prisoner. The rumours about the incoming Tatars caused panic in Moravia even before the raids began, but the trauma of the actual presence of these oriental pagan warriors echoed among the Moravians for decades. It is no coincidence that very shortly after these raids, three miraculous events connected to the Mongol invasion of 1241 were invented [9, p. 196–207; 18, p. 118–119; 39; 49, p. 119–120].

The first – and the most important – setting of these miracles was a hill called **Hostýn**. Its importance had been growing rapidly since the mid-1600s when it became part of the dominion of Count Johann of Rottal, the Captain of Moravia and a zealous Catholic, who was actively involved in the process of recatholization. During his lifetime, Hostýn became a place well-liked by Catholic pilgrims. Soon after the events of 1663, the Hostýn miracle was invented, which goes as follows: the besieged Moravians were defending themselves against the Tartars in 1241 on the Hostýn hill and they were suffering from unbearable thirst. They prayed and the Virgin Mary not only gave them water that miraculously sprang out of the hill, but also attacked the invaders with lightning and they fled. This legend is clearly fictional. Since 1666, when it was written down for the first time, its details changed several times to be definitely fixed down in the aforementioned form in 1700 by František Beckovský [2, p. 399]. Hostýn was a very popular place of pilgrimage until the end of the 18th century, when all pilgrimages were banned [31, p. 281–312].

Štramberk and the hill Kotouč became another centre of pilgrimages connected to the fictional defence against the Tartars in 1241. The story here is very similar to Hostýn. Štramberk was given to the Jesuit Convict in Olomouc in the first half of the 17th century. The Society of Jesus was for some time a very influential religious order strongly connected in Bohemia and Moravia with both recatholization and education. The new owners of Štramberk supported pilgrimages and it is no wonder that a legend referring to the Tartar invasion of 1241 was soon invented (written down for the first time in the 1660s). The legend says that during the invasion, people from Štramberk took refuge on the top of a nearby hill called Kotouč. The Tartars surrounded the hill and the situation was seemingly desperate. The defenders then prayed to God in the evening before the Feast of the Ascension and he sent a pouring rain down upon the infidels and the roaring waters scared them so much that they fled. This legend is known in several different ver-

sions. Most popular today is the one in which the people of Štramperk covertly ruptured the dams of the nearby ponds and the water destroyed the Tartar camp and killed many of them. The people of Štramperk then found nine sacks filled with ears cut off the heads of the defeated Christians in the flooded camp (this motif is clearly adopted from Długosz). A very interesting version comes from the 1720s, when a Štramperk magistrate was describing the miracle. In their story, the enemies were not the Tartars, but the Hussites (Calixtines), and the year was not 1241, but 1356 (*sic!*) [4, p. 63]. This only proves that the Tartar myth was still very young at that time and not known to – or accepted by – everyone [27, p. 7; 31, p. 288; 32, p. 75].

Another place that became the setting of a Tartar myth was **Olomouc**. Very similarly to the cases of Hostýn and Štramperk, the events near Olomouc were eventually transformed into a religious miracle, this time connected to the Body of Christ. The Olomouc miracle emerged from several different roots. The Sternberg myth (including Jaroslav) was already established and well promoted, for instance in churches established or supported by the Sternberg family in Olomouc. Furthermore, the Jesuits founded a university in Olomouc in 1573 and part of its Convent was the Corpus Christi Chapel. Once again, not long after the Tatars invaded Moravia in 1663, the Olomouc legend was written down for the first time. According to it, Olomouc was besieged by the Tartars in 1241. The Captain of the city, Jaroslav of Sternberg, attended a Mass before attacking the enemy. After the communion, five pieces of the sacramental bread were left over and they were wrapped up and carried to the battle on the back of a donkey. With the help of God, Jaroslav defeated the enemy, personally cutting-off the hand of their leader Peta, who later died of his wounds, and the rest of the invaders fled to Hungary. After the battle, the priest who unwrapped the sacramental bread found out that it turned into the real Body of Christ. He put it back on the donkey and the animal carried the sacred cargo straight to the Corpus Christi Chapel in Olomouc completely on its own, where it has been kept since then. Jaroslav then founded the church of the Virgin Marry in Olomouc and was generously rewarded by the king. The Corpus Christi Chapel in Olomouc obviously could not be the place where the poor animal carried its burden after the battle, since in the 13th century, the location of the future Jesuit Convent was part of the Jewish quarter and remained so until 1454. Regardless of the obvious flaws, the legend became very popular, with its centre in the Corpus Christi Chapel, which was rebuilt in the 1720s and marvellously decorated by Jan Kryštof Handke in 1727–28. The early 18th-century frescoes inside depict the legend with the Mongols portrayed as Ottoman Turks. The decoration of the older Corpus Christi Church, however, also depicted this legend, including the altarpiece, which was often copied as a copperplate prints in the early 1700s [2, p. 398; 32].

* * *

As the 18th century was drew to a close, the era of religious pilgrimages and miracles was slowly coming to an end. This process was hastened during the reign of the enlightened Holy Roman Emperor and ruler of the Habsburg lands, Joseph II (1780–1790), who was very active in the process of secularizing of his lands. Pilgrimages were banned and the Tartar myth (in its religious form) was slowly fading away. But our story has yet another twist. In 1817, Václav Hanka “found” a

fragment of a manuscript in a church in Dvůr Králové nad Labem (Königinhof an der Elbe). It was a sensation. This fragment, written in Czech, supposedly originated in the 13th century and as such, it would have been the oldest surviving piece of literature in the Czech language. This fact boosted the self-confidence of the still young Czech National Revival. The key part of this fragment, later called the Manuscript of Dvůr Králové (Königinhofer Handschrift), was the poem “Jaroslav”, exalting Jaroslav of Sternberg and his heroic victory against the Tartars in 1241. It also mentioned the events in Hostýn. There was only one problem. This fragment (and the one found a year later, the Manuscript of Zelená Hora, dating to the turn of the 10th century) was an elaborate forgery by Václav Hanka, which was definitely proved, after fierce discussions, only at the end of the 19th century [41].

This “ancient” Czech poem about the epic victory over the Asian invaders re-invented the myth once again, only this time it was used to document the historical importance of the Czech nation. A perfect time to commemorate the brave ancestors came at the 600th anniversary of the event in 1841. Many celebrations took place (especially in Hostýn and Olomouc) but it was also the time to write down a new history of the Mongol invasion. The historian František Palacký (also called the father of the nation) prepared a lecture on the issue and published it in German in 1842 [33]. This short book is a nice example of rigorous critical historiography with just one flaw: Palacký believed in the authenticity of the Manuscript of Dvůr Králové.

In Moravia, Alois Vojtěch Šembera edited an almanac containing articles on the history of the Mongol invasion, as well as some poems on the topic [43]. This almanac contains a treatise by Antonín Boček about the identification of the hero who defeated the Mongols at Olomouc [3]. Antonín Boček was the official Moravian historian and he also edited the oldest Moravian sources (*Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*). Unlike Palacký, he had his doubts about the Manuscript of Dvůr Králové nad Labem and according to him, the true hero was not Jaroslav, but Zdislav of Sternberg. That was a smack in the face of Palacký, since he had, as a young man, been a family archivist to the Sternberg family, and he also compiled their genealogy. During their efforts to critically describe the true events of 1241, Boček and Palacký dealt with the problem I have mentioned above: there are frustratingly few authentic sources documenting the event. Boček solved this setback in a very special way. He simply added non-existent charters to his edition of the Moravian sources, seemingly proving the devastating impact of the invasion. It is no surprise that the third volume of his *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*, covering the years 1241–1267, and containing the bulk of these forgeries was published in Olomouc in 1841 [7]. Suddenly, there was proof that the Mongols destroyed or damaged the monasteries Hradisko u Olomouce, Rajhrad, Doubravník and the cities Brno, Bruntál, Benešov, Litovel, Jevíčko and Uničov. In 1855, these forged documents were included in the first volume of the Czech-Moravian sourcebook (*Regesta*) and these were also the misleading sources Peter Jackson used [23, p. 68; 40].

After its 600th anniversary, the Mongol myth began trending once again. The Hostýn Church was rebuilt and became an important symbol of the nation and its past. But not even this revival lasted forever. The importance of Hostýn was overshadowed by Velehrad and by the memory of the saints Cyril and Methodius on the millennial anniversaries in 1863 and 1885. Moreover, the fragments of the

Manuscripts of Dvůr Králové and Zelená Hora were proven to be forgeries in the 1880s, as well as Boček's forgeries some years later [4; 42]. The story of the national hero became a rather awkward reminder of the forged history of the nation and for some it even became a joke – as it was for the famous writer Jaroslav Hašek in the 1920s [19].

REFERENCES

1. Annales s. Pantaleonis Coloniensis. Ed. H. Cardauns. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*, vol. XXII. Ed. G.H. Pertz. Hannoverae, Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1872, pp. 529–547. (In Latin)
2. Beckovský J.F. *Poselkyně Starých Přeběhův Českých*. Staré Město Pražské, Jan Karel Geřábek, 1700. 1040 p. (In Czech)
3. Boček A. O wjtězi nad Mongoly. *Wpád Mongolů do Moravy*. Ed. A.W. Šembera. Holomouc, Aloysius Škarnicl, 1841, pp. 55–64. (In Czech)
4. Bretholz B. Die Tataren in Mähren und die moderne mährische Urkundenfälschung. *Zeitschrift des Vereines für die Geschichte Mährens und Schlesiens*, 1897, vol. 1, pp. 1–65. (In German)
5. Buell P.D. *Historical Dictionary of the Mongol World Empire*. Lanham (Md.), Scarecrow, 2003. 333 p.
6. Chambers J. *The Devil's Horsemen. The Mongol Invasion of Europe*. London, Weidenfeld and Nicolson, 1979. 190 p.
7. *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*, vol. III. Ed. A. Boček. Olomucii, Aloysius Skarnitzl, 1841. 412 p. (In Latin)
8. *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae*, vol. IV, file 1. Eds. J. Šebánek, S. Dušková. Praegae, Acad. scient. Bohemoslovenicae, 1962. 589 p. (In Latin)
9. Čornejová I. et al. *Velké dějiny země Koruny české*, VIII. Praha–Litomyšl, Ladislav Horáček – Paseka, 2008. 711 p. (In Czech)
10. de Hartog L. *Genghis Khan. Conqueror of the World*. London–New York, Tauris Parke Paperbacks, 2004. 230 p. (In English)
11. Dejmek J. Děpoltici. (K mocenskému postavení jedné vedlejší větve Přemyslovců). *Mediaevalia Historica Bohemica*, 1991, vol. 1, pp. 89–144. (In Czech)
12. Dopsch H., Brunner K., Weltin M. *Österreichische Geschichte 1122–1278. Die Länder und das Reich. Der Ostalpenraum im Hochmittelalter*. Wien, Ueberreuter, 1999. 620 p. (In German)
13. Dubravius J. *Historiae Regni Boemiae*. Prostějov, Jan Günther, 1552. 428 p. (In Latin)
14. Ennio Glatovinus S. *Breve Encomion Olomvcii metropolis in Moraviae Marchionatu*. Prostějov, Jan Günther, 1550. 16 p. (In Latin)
15. Font M. The Crises of Medieval Society: The Mongol Invasion in Eastern and Central Europe. *Ukrajina: kul'turna spadščyna, nacional'na svidomist', deržavnist'*, 2011, vol. 20, pp. 691–698.
16. *Fontes rerum Bohemiarum*, vol. II. Ed. J. Emler. Praha, Museum Království českého, 1874. 570 p. (In Czech and Latin)
17. Hájek z Libočan V. *Kronyka Česká*. Menší Město pražské, Jan Severýn – Ondřej Kubeš, 1541. 474 p. (In old Czech)
18. Hammer J. *Geschichte des Osmanischen Reiches*. Sechster Band. Pest, C.A. Hartleben's Verlage, 1830. 770 p. (In German)
19. Hašek J. *The Good Soldier Švejk and His Fortunes in the World War*. Transl. Cecil Parrott. London, David Campbell Publishers, 2000. 800 p.

20. Hoensch J.K. *Přemysl Otakar II. von Böhmen: der goldene König*. Graz, Verlag Styria, 1989. 303 p. (In German)
21. Hosák L. Uhersko-kumánský vpád na Moravu r. 1253. *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Historica*, 1960, vol. 1, pp. 279–284. (In Czech)
22. *Ioannis Dlugossi Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*. Liber 7/8. Eds. Z. Kozłowska-Budkowa et al. Varsaviae, Państw. Wydaw. Naukowe, 1975. 431 p. (In Latin)
23. Jackson P. *The Mongols and the West: 1221–1410*. London, Routledge, 2005. 448 p.
24. Korta W. *Najazd Mongołów na Polskę i jego legnicki epilog*. Katowice, Śląski Instytut Naukowy, 1983. 155 p. (In Polish)
25. Korta W. Problemy bitwy legnickiej i stan badań. *Bitwa Legnicka: Historia i tradycja*. Ed. W. Korta. Wrocław–Warszawa, Oficyna Wydawnicza Volumen, 1994, pp. 7–33. (In Polish)
26. Kosztołnyk Z.J. *Hungary in the thirteenth century*. New York, East European Monographs, 1996. 510 p.
27. Králík O. *Historická skutečnost a postupná mytizace mongolského vpádu na Moravu roku 1241. Příspěvek k ideologii předbřeznové Moravy*. Olomouc, Socialistická akademie v Olomouci, 1969. 47 p. (In Czech)
28. Kronika Pulkavova. Ed. J. Emler. *Fontes rerum Bohemicarum*, vol. V. Praha, Edv. Valečka, 1893, pp. 1–326. (In Latin)
29. Lechner K. *Die Babenberger. Margrafen un Herzoge von Österreich 976–1246*. Wien, Böhlau, 1976. 478 p. (In German)
30. Lyublyanovics K. The Cumans in Medieval Hungary and the Question of Ethnicity. *Annual of Medieval Studies at CEU*. Budapest, Central European University, Department of Medieval Studies, 2011, vol. 17, pp. 153–169.
31. Maur E. *Paměť hor. Šumava, Říp, Blaník, Hostýn, Radhošť*. Praha, Havran, 2006. 375 p. (In Czech)
32. Mlčák L., Mlčáková K. Mědirytiny k barokní legendě o zázračném vítězství Jaroslava ze Šternberka nad Tatary u Olomouce. *Střední Morava*. Olomouc, Memoria, 2001, vol. 7, pp. 65–77. (In Czech)
33. Palacky F. *Der Mongolen Einfall im Jahre 1241*. Prag, Kronberger und Řiwnač, 1842. 38 p. (In German)
34. Pešina z Čechorodu T. *Mars Moravicus*. Praha, Jan Arnolt z Dobroslavína, 1677. 1001 p. (In Latin)
35. Pokluda Z. *Moravští Šternberkové. Panský rod rozprostřený od Jeseníků ke Karpatům*. Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2012. 353 p. (In Czech)
36. Pokora T. Mongolský vpád do Slezska a na Moravu v roce 1241. (Dokončení). *Sborník Vlastivědné společnosti muzejní v Olomouci*. Ostrava, Profil, 1974–1976, vol. 63 (4), pp. 98–110. (In Czech)
37. Pokora T. Mongolský vpád do Slezska a na Moravu v roce 1241. Několik poznámek na základě evropských a čínských středověkých pramenů. *Sborník Vlastivědné společnosti muzejní v Olomouci*. Ostrava, Profil, 1973, vol. 62 (3), pp. 172–183. (In Czech)
38. Přibíka z Radenína, řečeného Pulkava, Kronika česká. Ed. M. Bláhová et al. *Kroniky doby Karla IV*. Praha, Svoboda, 1987, pp. 269–444. (In Czech)
39. Procházka J. Válka s Turky 1663–1664, “bídný” mír a osmanští “špehaři”. *Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity v Brně. Řada společenských věd*. Brno, Masarykova univerzita, 1996, vol. 13, pp. 25–33. (In Czech)
40. *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*, vol. I. Ed. K.J. Erben. Praegae, s.n., 1855. 812 p. (In Latin)
41. Rychterová P. The Manuscripts of Grünberg and Köninghof: Romantic Lies about the Glorious Past of the Czech Nation. *Manufacturing a Past for the Present: Forgery and Authenticity in Medievalist Texts and Objects in nineteenth-century Europe*. Eds. J.M. Bak et al. Leiden–Boston (MA), Brill, 2015, pp. 3–30.

42. Šebánek J. Moderní padělky v moravském diplomatáři Bočkově do roku 1306. *Časopis Matice moravské*. Brně, Nákladem Matice moravské, 1936, vol. 60, pp. 27–84, 455–499. (In Czech)
43. Šembera A.W. (ed.) *Wpád Mongolů do Morawy*. Holomouc, Aloysius Škarnicel, 1841. 108 p. (In Czech)
44. Šimůnek R. *Reprezentace české středověké šlechty*. Praha, Argo, 2013. 474 p. (In Czech)
45. Sinor D. The Mongols in the West. *Journal of Asian History*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1999, vol. 33, no. 1, pp. 1–44.
46. Sodnomyn C., Cenoma E. Podbój Polski przez wojska Batu-Chana. *Bitwa Legnicka: Historia i tradycja*. Ed. W. Korta. Wrocław–Warszawa, Oficyna Wydawnicza Volumen, 1994, pp. 84–89. (In Polish)
47. *Staročeská kronika tak řečeného Dalimila: vydání textu a veškerého textového materiálu*, vol. 2. Eds. J. Daňhelka et al. Praha, Academia, 1988. 608 p. (In old Czech)
48. *Tatársky vpád: historické rozprávanie o strašných udalostiach, ktoré priniesli obyvateľom Uhorského kráľovstva veľa utrpenia a celú krajinu priviedli na pokraj skazy*. Eds. R. Marsina, M. Marek. Budmerice, Vydavateľstvo Rak, 2008. 167 p. (In Slovak and Latin)
49. Válka J. *Dějiny Moravy 2. Morava reformace, renesance a baroka*. Brno, Muzejní a vlastivědná společnost, 1996. 275 p. (In Czech)

About the author: Tomáš Somer – Ph.D. (History), Senior Lecturer, Department of History of the Faculty of Arts of the Palacký University Olomouc, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8847-1768> (ř. Svobody 671/8, 779 00 Olomouc, Czech Republic). E-mail: tomas.somer@upol.cz

Received February 27, 2018 Accepted for publication May 30, 2018

Published June 29, 2018

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПРОШЛОГО: ФАКТЫ И МИФЫ МОНГОЛЬСКОГО ВТОРЖЕНИЯ В МОРАВИЮ В 1241 ГОДУ

Томаш Сомер

Университет Палацкого в Оломоуце

Оломоуц, Чехия

tomas.somer@upol.cz

Цель исследования: данное исследование преследует две цели. Во-первых, представить обзор событий, связанных с монгольским вторжением в Моравию весной 1241 года. Во-вторых, рассмотреть, как история менялась в течение последующих столетий. «Монгольский миф» вскоре потерял связь с реальностью и несколько раз преобразался в совершенно другую историю. В данном исследовании показано когда, почему и как эта история менялась.

Материалы исследования поэтому разнообразны. Первая часть исследования основывается на источниках XIII века (грамоты, послания, хроники) центрально-

европейского происхождения. Во второй части будут рассмотрены более поздние средневековые хроники, а также исторические трактаты раннего Нового времени. Эти работы повлияли на восприятие (и форму) истории как на родине, так и за рубежом, поскольку многие из них были доступны на разных языках.

Таким образом, *результаты и новизна исследования* являются двойными. Поскольку «монгольский миф» стал предметом фальсификаций XIX века, многие ученые были введены ими в заблуждение, так что поддельные документы представляются в качестве достоверных источников даже известными современными учеными. В результате, фактические события 1241 года подверглись драматическим изменениям. Вторжение, представлявшееся иногда как катастрофа, в действительности было кратким прохождением монгольских войск через моравскую территорию. Позже хронисты спутали это событие с венгерским вторжением в Моравию 1253 года. Вскоре была изобретена вымышленная победа при Оломоуце, позже был добавлен воображаемый герой (Ярослав из Штернберга), и история во второй половине XVII века преобразилась в религиозное чудо, чтобы стать важнейшей составляющей подделок XIX века, утрировавших славу национального прошлого при помощи изобретения никогда не существовавших источников.

Ключевые слова: Монгольская империя, Моравия, куманы, 1241 год, историография

Для цитирования: Somer T. Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241 // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 238–251. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.238-251

Сведения об авторе: Томаш Сомер – Ph.D. (история), доцент, кафедра истории гуманитарного факультета университета Палацкого в Оломоуце, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8847-1768> (tř. Svobody 671/8, 779 00 Olomouc, Czech Republic). E-mail: tomas.somer@upol.cz

Поступила 27.02.2018 Принята к публикации 30.05.2018

Опубликована 29.06.2018

ДРЕВНЕПЕРСИДСКАЯ ФОРМА ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПЕРВЫХ МОНГОЛЬСКИХ ДИНАСТИЙ

Н.А. Филин¹, И.Р. Гибадуллин², Э.Б. Боев³

¹ *Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
FilinNikita@yahoo.com*

² *Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
istmagil4@yahoo.com*

³ *НРОО «Конгресс ираноязычных народов»,
МРОО «Общество молодых иранистов»
Нижний Новгород, Российская Федерация
sogdak@yandex.ru*

Цель: рассмотреть древнеперсидскую традицию легитимизации власти первыми монгольскими династиями.

Материалы исследования: Средневековые тексты Абу-ль-Касима Фирдоуси, Низама аль-Мулька, Абу Хамида аль-Газали, Шихаба ад-Дина Сухраварди, Рашида ад-Дина Фадлаллаха, Абу Бакра Каландара.

Результаты и научная новизна: Несмотря на то, что до принятия Ислама монгольские династии использовали собственные формы легитимизации своего правления, основанные на получении права на власть и особую благодать от небесного бога Тенгри, Ильханиды (Хулагуиды), правившие на Ближнем и Среднем Востоке (с 1256 по 1353 гг.), и Джучиды (являющиеся в XIII–XVII вв. правителями различных государств в Восточной Европе, Центральной Азии, Западной Сибири и Дешт-и-Кипчаке) активно применяли элементы древнеперсидской концепции власти, основанные на даровании правителю особого божественного света – фарра, а также образов справедливых правителей и использовании традиционной титулатуры иранских правителей – «царь» (шах) и «царь царей» (шах-и шахан). Данные свидетельства можно встретить как в работах философов и историков периода правления этих династий (например, в «Каландарнаме» Абу Бакра Каландара), так и в иллюстрациях к «Шах-наме» XIV в., которые изображали монгольских ханов в образе древнеперсидских героев. Это означает, что, с одной стороны, первые монгольские династии чувствовали некоторую недостаточность своей легитимности на завоеванных территориях, с другой – автохтонные элиты стремились частично увязать новых правителей с существовавшей до их прихода политической культурой. В случае с Джучидами можно говорить о распространении политической культуры иранского типа в связи с миграциями городского населения из персоязычного ареала на территорию Дешт-и-Кипчак.

Ключевые слова: монголы, Ильханиды, Джучиды, фарр-э изади, власть, справедливое правление

Для цитирования: Филин Н.А., Гибадуллин И.Р., Боев Э.Б. Древнеперсидская форма легитимизации первых монгольских династий // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 252–263. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.252-263

**THE ANCIENT PERSIAN FORM OF THE FIRST
MONGOL DYNASTIES' LEGITIMATION***N.A. Filin*¹, *I.R. Gibadullin*², *E.B. Boev*³¹ *Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
FilinNikita@yahoo.com*² *Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ismagil4@yahoo.com*³ *Nizhny Novgorod regional public organization "Congress of Iranian speaking peoples",
Interregional public organization for the promotion
of Iranian studies' development "The Young Iranists' Society"
Nizhny Novgorod, Russian Federation
sogdak@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* To examine the ancient Persian tradition of legitimation of rule by the first Mongol dynasties.

Materials: Medieval primary source texts of Abu 'l-Qasim Ferdowsi, Nizam al-Mulk, Abu Hamid al-Ghazali, Shihab al-Din Suhrawardi, Rashid al-Din, and Abu Bakr Qalandar.

Results and novelty of the research: Despite the fact that before the adoption of Islam, the Mongol dynasties used their own forms of legitimization of their rule, based on gaining the right to power and special grace from the heavenly god, Tengri, the Ilkhanids (Hulaguids), ruling in the Near and Middle East (from 1256 to 1353), and the Jochid rulers of various states in the Eastern Europe, Central Asia and Western Siberia (from the 13th to 17th century), who ruled in the *Desht-i-Qipchaq*, actively used elements of the ancient Persian concept of power, based on special divine light bestowed upon the ruler – Farr. This was accompanied by images of just rulers and the use of traditional titulare of Iranian rulers – the “king” (Shah) and the “king of kings” (Shah-i Shahan). Testimonies to this practice can be found both in the works of philosophers and historians of the period of these Mongol dynasties (for example, in the “Qalandar-name” of Abu Bakr Qalandar) and in the illustrations of the “Shahnameh” from the 14th century that portrayed the Mongolian khans in the image of ancient Persian heroes. This means that, on the one hand, the first Mongol dynasties felt some lack of legitimacy in the conquered territories, on the other hand that there was a desire of the autochthonous elites to link the new rulers to the political culture that had existed before their arrival. As concerns the Jochids, what can be asserted is the spread of an Iranian type of political culture after the migration of urban populations from the area of Persia into the *Desht-i-Qipchaq*.

Keywords: Mongols, Ilkhanids, Jochids, Farr-e izadi, power, Just Governance

For citation: Filin N.A., Gibadullin I.R., Boev E.B. The Ancient Persian Form of the First Mongol Dynasties' Legitimation. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 2, pp. 252–263. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.252-263

После прихода к власти монгольских династий легитимизация их правления до принятия ими Ислама строилась вначале, в основном, на традиционных монгольских представлениях, где хан являлся воплощением небесного божества Тенгри на земле, а после выбора Ислама в качестве государственной религии – на происхождении кандидата на престол от Чингизхана [12,

с. 99–100] и, в меньшей степени, на родственных отношениях с находившимся у власти ханом.

Однако отдельные монгольские правители могли обращаться к другим концепциям легитимизации своей власти, одна из которых восходила к древнеперсидской традиции обоснования права на власть. Например, к таковым можно отнести династию Ильханидов (с 1256 по 1353 гг.), напрямую апеллировавших к этому, и некоторых правителей династии Джучидов в Золотой Орде, в период правления которых также имелись отсылки к данной традиции.

Легитимизация политической власти в древнем Иране была в той или иной мере связана с концепцией «фарр-э изади», что можно перевести с персидского языка как «божественное сияние». Она предполагала мистическую передачу власти от Бога иранским правителям. Как писал Ричард Фрай, «hvānah-, xvarrah/farn “державная слава Ирана” стала для персидского народа символом, своего рода мистическим знаком – по-видимому, уже со времени Зороастра и до наших дней. Он призван был также символизировать стабильность шаханшахского правления в Персии» [11, с. 68].

Слово «фарр» является более поздним вариантом авестийского термина «хварэна», первоначально означавшего «желанную вещь» и постепенно трансформировавшегося в значение «счастья, доброй судьбы». Перейдя в среднеперсидский язык, оно ужалось до «хваррах» и приобрело значение «царского величия» и «сияния царствования», а также приобретения могущества из «иноного» мира [13, с. 75].

Дарование фарра Богом, как правило, было представлено в иранской мифологии как излучение света, традиционно дававшее иранским правителям особую силу и знание, а также способность побеждать силы зла. Однако, несмотря на то, что в современной научной историографии существует консенсус по поводу доказанной взаимосвязи между терминами «хварэна», «огонь» и «свет», он не подразумевает их идентичность, поскольку древнеперсидские слова «хварэна» и «рошних» (свет) не являлись взаимозаменяемыми [18]. «Хварэна» несла в себе более глубокое значение, поскольку являлась воплощением магической божественной силы, пронизывающей всю космологическую картину мира древних иранцев.

Предполагалось, что фарр или хваррах был получен легендарным основателем сасанидской династии Ардаширом I от Ахура-Мазды, который тем самым наделил нового правителя божественным правом повелевать над всеми подданными, мудростью и безупречностью. Его собственное тело считалось неприкосновенным, поскольку он был избран Богом для управления Ираном и был одарен священным фарром [18]. Именно поэтому сасанидские правители покрывали свои лица, поскольку обычные люди не смогли бы выдержать яркий свет, исходящий от их лиц, а их придворные должны были, приближаясь к трону, закрывать руками глаза и восклицать: «Я горю» [26, с. 22].

Власть сасанидских шахов укреплялась верой в то, что они вели свое происхождение от богов, что проявлялось в их официальных надписях, где они называли себя «поклоняющийся Ахуре Мазде, владыка, происходящий от богов» [5, с. 114]. Но, несмотря на это, сами шахи никогда не считались ни богами, ни воплощениями богов, однако объявлялись их заместителями и

посредниками между земным и божественным мирами, «сопричастниками солнца и луны» [5, с. 114].

В зороастрийском этосе целью вселенной являлось счастье, а шах в качестве посредника между материальным и нематериальным мирами находился в ее центре, поэтому благосостояние подданных напрямую зависело от его качеств [12, с. 92]. Одна из его главных функций заключалась в сохранении «религиозно санкционированной социальной структуры империи, и, таким образом, в обеспечении законности, порядка и справедливости на земле. Воля сасанидских правителей была главнейшей во всех религиозных и мирских делах» [14], что делало их как религиозными, так и политическими властителями Ирана.

В доисламской управленческой культуре Ирана государство и религия рассматривались как близнецы. Вот что писал Тансар, главный священнослужитель во времена правления Ардашира I: «Религия и государство были рождены в одном чреве, соединены вместе и никогда не будут разделены. Добродетель и развращенность, здоровье и болезнь представляют единую сущность для обоих» [25, с. 33–34].

Наличие у лидера «фарра» означало, что на нем лежала ответственность за справедливое правление, сохранение религии и защиту благополучия его подданных; тогда, когда он оказывался неспособен делать это, повышался риск лишения его «фарра» и шахской власти в пользу наиболее подходящего правителя [4, с. 42–43; 22, с. 411].

Сасанидские представления о фарре в большей или меньшей степени были переняты некоторыми последующими правящими династиями, а также сохранились в культуре и частично в литературных эпосах исламского Ирана [18].

Данное утверждение наиболее ярко прослеживается в иранской национальной эпической поэме Абу-ль-Касима Фирдоуси «Шах-наме». Она была написана в период обновления интереса к персидской культуре и стала первой значимой литературной работой, написанной на персидском языке после арабского завоевания. Фирдоуси игнорирует исламскую космологию и хронологию в пользу персидских мифов, «прославляя культурное и этническое наследие древнего Ирана» [16, с. XIX], сохраняя память о древней Персидской империи в сознании иранского народа и содействуя поддержанию чувства принадлежности к особой иранской культуре, иранского самосознания – «иранийат» [20, с. 149–150].

Фарр-э изади является одним из центральных аспектов иранского наследия, переданного в «Шах-наме». Фирдоуси изображает фарр-э изади как дар легитимности, который вручается справедливым правителям как знак божественного одобрения. Он также рассказывает истории о правителях, которые лишались фарра, поскольку не управляли в соответствии с желанием Бога, обычно тогда, когда они превращались в тиранов. «Шах-наме» последовательно демонстрирует, что фарр-э изади не является непреходящим явлением. Правитель не управляет по божественному праву, а только с разрешения Бога, которое он утрачивает, если не может надлежащим образом выполнять свои обязанности, демонстрирует некомпетентность, неверные решения или, как шах Джамшид, высокомерие; или если он совершает наиболее серьезное нарушение своих обязанностей – не может служить своим подданным с хладнокровием и справедливостью [21, с. 14].

Фирдоуси неоднократно описывает этот преходящий, ускользающий характер фарр-э изади. Он приводит рассказы о правителях, которым было дано право на наследование и легитимное правление только потому, что они выиграли их в ходе битв, что является четким показателем того, что они были помазанниками Бога. Он также передает легенды об их преемниках, которые обоснованно восставали против них, когда они скатывались к несправедливости и тирании, теряя, таким образом, легитимирующую силу фарр-э изади. Справедливый правитель должен постоянно подтверждать свое право на обладание фарром, что является необходимым условием законности власти. Однако Фирдоуси упоминает о других качествах шахов, из которых фарр является только одним. Второе условие – это способность учиться у других, исправлять свои ошибки и не обижаться, когда правителю предлагают хорошие советы. Третье условие – мудрость (перс. – херад), чтобы иметь возможность отличать правду от лжи [19, с. 238]. И, наконец, четвертое условие полного совершенства заключается в том, что лидер должен происходить из правящей семьи, чтобы на него снизошел фарр. Если такового не было с самого начала, то впоследствии оказывалось, что новый правитель имел царское происхождение. По этой причине другие претенденты на власть, например, Бахрам Чубин и Фаррухан Шахрвараз были обречены на неудачу [3, с. 68].

Истории Фирдоуси и символы, популяризированные им, способствовали созданию теории фарр-э изади. Это устойчивое убеждение, по которому Бог дает справедливым правителям надлежащего происхождения божественный свет, который явно демонстрирует легитимность. Однако Бог имеет право забрать свой свет и наделить им кого-либо более достойного в том случае, если правитель не будет управлять справедливо и поддерживать надлежащий социальный порядок. Подобное убеждение – «одна из наиболее долговременных концепций иранской традиции и мифологии» и один из ключевых аспектов иранской культурной идентичности [14].

Завоевание Ирана мусульманами в VII в. привело к всеохватному распространению исламского вероучения и постепенной потере зороастризмом ведущих позиций в иранском обществе. Несмотря на это, часть представлений об идеальной власти Сасанидов продолжили существовать в последующие исторические периоды.

Их некоторое влияние было заметно уже в эпоху Омейядов, а при Аббасидах иранские принципы управления стали использоваться повсеместно [2, с. 308]. Пришедшая им на смену династия Буидов прямо объявила о своем происхождении от Сасанидов и ввела в обиход доисламский титул для персидских правителей – царь царей (шаханшах) [3, с. 80], оставив за аббасидскими халифами формальное религиозное главенство над мусульманской общиной и титул наследников Пророка [12, с. 94].

Сасанидские принципы организации власти можно встретить и у Сельджукидов. Низам аль-Мульк в своем трактате «Правила для правителей» (перс. – сийасат-наме) [9, с. 11] и Абу Хамид аль-Газали в произведении «Совет владыкам» (араб. – насихат аль-мулук) [17, с. 45] упоминают принцип фарр-э изади для обоснования идеального правления. Низам аль-Мульк также говорит о религии и правлении шаха, как о «двух братьях», полностью зависимых друг от друга [9, с. 62]. Также описывал фарр-э изади как принцип

легитимизации шахской власти Шихаб ад-Дин Сухраварди в своем труде «Мудрость озарения» (араб. – Хикмат аль-ишрак) [21, с. 40].

Пришедшая к власти в Иране и на других территориях Ближнего и Среднего Востока монгольская династия Ильханидов (с 1256 по 1353 гг.), стремясь усилить свою власть, обращалась не только к собственно монгольским концепциям легитимизации политической власти, но и к древнеперсидским. Например, Рашид ад-Дин Фадлаллах (ум. 1318 г.) в книге «Собрание летописей» (араб. – Джамий ат-таварих) прямо указывает на Газан-хана и Олджейту, как на носителей божественного сияния (фарра) [7, с. 76–77]. Также Ильханиды пытались обосновать свое правление на основе ишракинской концепции Шихаб ад-Дина Сухраварди [23, с. 184–186], который связывал «пророческую традицию Зороастра и мифических священных правителей (Феридуна, Кей-Хосрова) с семитской пророческой традицией Библии и Корана» [15]. Он достиг этого, указав на совпадение между концепциями зороастрийского «Света Славы» (ср. перс. – хварэна), «света Мухаммада» (нур-е Мохаммад) и Сакины (ивр. – шехина [присутствие божественной славы]) как источников «пророческой харизмы» и легитимизации лидерства в данных трех религиях [15].

Одним из способов, с помощью которых ильханидские правители стремились продвигать волю к легитимизации через концепт фарр-э изади, нашедший отражение в виде «озарения» у Сухраварди, было распространение иллюстрированных версий «Шах-наме», которые показывали их в образе древних иранских правителей, героических царей, о которых повествует поэма, в ореоле фарра в форме солнечного диска или солнечных лучей, окружающих их головы. Самая известная из таких версий «Шах-наме» – «Шах-наме» Жоржа Демотта, которая была очевидной «попыткой повысить легитимность монгольского правления в Иране путем включения истории Ильханидов в иконографию иранского национального эпоса» [27, с. X]. Они также адаптировали и использовали общие темы «Шах-наме», многие из которых «были сходными с монгольской историей и традициями и предоставили общее основание для истории монгольского и иранского эпоса» для укрепления своей легитимности [23, с. 181–182]. Например, среди многих рисунков есть иллюстрация, изображающая один из сюжетов «Шах-наме», который повествует о сасанидском шахе Бахраме Гуре и его брате Нарсе, который был наместником в Хорасане. Она соединена с событием, когда ильханидский правитель Газан-хан (1271–1304 гг.) назначил своим преемником родного брата Олджейту (1278–1316 гг.), который также был наместником Хорасана. Царствующие братья с отчетливо монголоидными чертами лица изображены со светящимися ореолами, символизирующими их фарр [24, с. 10].

Государство, созданное другой чингизидской ветвью – Джучидами – на территории Дешт-и-Кипчака, находилось на периферии мусульманского мира, в связи с чем влияние персидской городской культуры и связанной с ней политической традиции в этом ареале было менее заметным. Вместе с тем, миграции населения из Средней Азии и Закавказья, появление новых городских центров, значительную часть населения которых составляли выходцы из персоязычных регионов, привели к расширению культурных границ персидских политических мифов. В этой связи примечателен пример персоязычного автора – суфия малоазийского происхождения Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи, жившего в первой половине XIV века в Солхате (Старый Крым) –

первом мусульманском городском анклаве Крымского улуса Золотой Орды, и оставившего после себя поэму «Каландар-наме». Его можно считать одним из ярких представителей анатолийской персоязычной городской прослойки, выступавшей в роли носителей персидской политической мифологии, которая влияла на идеологию сельджукских правителей Анатолии. Они даже принимали почетные имена в честь персонажей «Шах-наме» (Кей-Кубад, Кей-Хосров и т.д.). Несомненно, «Каландар-наме» служит примером ретрансляции элементов этой идеологии на территории империи Джучидов, в особенности, после закрепления ислама в качестве государственной религии в эпоху правления ханов Узбека и Джанибека. Эти два правителя были достаточно исламизированными и образованными по меркам персидско-мусульманской культуры того времени, чтобы разбираться в тонкостях персидской поэзии и иметь представление о политических мифах «Шах-наме».

Текст религиозно-дидактической поэмы «Каландар-наме», как и многие другие аналогичные произведения того времени, содержит немало аллюзий на «Шах-наме», апеллировал к образам Джамшида, Рустама, Дария, Кей-Кубада, Кей-Хосрова, Йездигерда и Хосрова Ануширвана, которые рассматривались в качестве образцов справедливых правителей. Разумеется, в терминологии автора присутствуют элементы традиционной титулатуры иранских правителей – «царь» (шах) и «царь царей» (шах-и шахан), которые Абу Бакр Каландар активно использует по отношению к современным ему ханам Золотой Орды.

Концепция фарр-э изади также косвенно фигурирует в «Каландар-наме», хотя и во фрагментах, не имеющих прямого отношения к легитимации власти Джучидов. Например, в третьем дафтаре Абу Бакр Каландар пишет об Али б. Аби Талибе: «Власть (давлат) и сияние (фарр) его – от права Махмуда [пророка Мухаммада]» [1, с. 377]. Здесь аллюзия на древнеиранский термин используется для иллюстрации и обоснования высокой степени четвертого халифа Ислама, унаследованной им от самого Пророка и восходящей к некоему божественному праву. Этот ирано-исламский синкретизм присущ произведению в целом и просматривается во многих других его фрагментах.

Описывая идеального правителя, Абу Бакр делает акцент на таком качестве, как справедливость, и чаще всего обращается к мифологизированному образу сасанидского шаха Хосрова Ануширвана как носителя этого качества: «Из тех царей справедливых этот самым справедливым был, так что справедливым назвал его тот владыка [пророк Мухаммад]» [1, с. 758]. В поэме даже приводится приписываемое пророку Мухаммаду высказывание, которое приводится чаще всего без достоверной цепочки передатчиков (иснад) [подробнее см.: 8, № 1219; 6, Т. 15, с. 250]: «Я родился во времена справедливого правителя» (вулидту фи замани-ль-малики-ль-‘адиль), под которым понимается Хосров Ануширван, и вскользь упоминается о том, что «его не коснулся огонь ада» [1, с. 473], с тем чтобы придать его образу религиозно нейтральный оттенок и увязать его с исламской традицией.

В панегирических главах, посвященных Узбеку, Абу Бакр Каландар в первую очередь подчеркивает его мусульманскую идентичность («султан», «шах правоверных», «защитник шариата», «друг Аллаха» и т.д.), но вместе с тем использует и знакомые ему по классической персидской литературе об-

разы и эпитеты, традиционно связанные с древними персидскими царями, в первую очередь с Хосровом Ануширваном. Например, он называет Узбека «царем царей» (шах-и шахан) и обращается к привычным образам из «Шах-наме» Фирдоуси, живописуя картины мира и справедливости эпохи правления Узбека: «Волк теперь беседует с ягненком» [1, с. 541] (ср. «Приходили волк и овца на водопой» в главе о восшествии на престол Ануширвана в «Шах-наме» Фирдоуси [10, Т. 2, с. 1199]), «Царство [земное] целиком безопасно благодаря справедливости его» [1, с. 541], «Меч справедливости его несправедливость надвое рассёк, когда справедливость в мире он упрочил» [1, с. 541]. Более того, он призывает правителя (по всей видимости, именно Узбека) следовать примеру Ануширвана: «Так приди же сегодня, о царь великий, справедливость верши лучше, чем Нушинраван» [1, с. 473]

Конечно, автор «Каландар-наме» апеллирует преимущественно к исламским источникам легитимности правителя и не ищет прямых обоснований власти золотоордынских ханов в доисламском прошлом, однако он вписывает фигуры джучидских правителей в привычную персоязычному образованному городскому слою образную систему идеальных правителей Ирана, описанных в «Шах-наме». Эта образная система составляет важный элемент персидской политической мифологии, которая генетически восходит к доисламским религиозно-политическим концепциям древнего Ирана, в том числе к ключевому концепту «хварэны». Подобная практика в отношении тюрко-монгольских и прочих династий неиранского происхождения не была новацией и, несомненно, была принесена Абу Бакром Каландаром из Анатолии и Закавказья, то есть из сельджукского политического ареала, для которого подобные формы легитимации были привычным явлением еще в XI–XIII вв.

Таким образом, древнеперсидские формы легитимизации политической власти, которые можно было наблюдать у Ильханидов и Джучидов, говорят о том, что данные династии стремились использовать все доступные формы обоснования своего правления, существовавшие на территории их государств. Это может свидетельствовать как о том, что они испытывали некоторую недостаточность своей легитимизации на завоеванных территориях, так и об их стремлении получить большую поддержку новых подданных, используя их исконные традиции. Также это может свидетельствовать о желании политических и интеллектуальных элит завоеванных государств частично интегрировать новых правителей в существовавшие до прихода монголов политические культуры, чтобы облегчить свою жизнь в новых реалиях. В случае с Джучидами можно говорить о распространении политической культуры иранского типа в связи с миграциями городского населения из персоязычного ареала на территорию Дешт-и-Кипчак, что не могло не сказаться на существовавших там формах политической легитимации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Бакр Каландар Руми*. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.

2. *Бартольд В.В.* Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве // Сочинения. Т. 6. Работы по истории ислама и арабского халифата. М.: Издательство восточная литература, 1966. С. 303–319.
3. *Буссе Г.* Возрождение персидской монархии при Буидах // Мусульманский мир: 950–1150. М.: Наука, 1981. С. 66–88.
4. *Далир Н.* Фарр-э изади и залл эллахи. Фарханге сийаси ва мабоний-е назарий-е падешахи ва солтанат; баррасийе татбигий-е фарр-э изади ва зеллулахи [Фарр-э изади и залл эллахи: политическая культура и теоретические основания падишахской власти и султаната: сравнительное исследование] // Мотолеат-э тарих-е фарханги пажухешнаме анджоман-е ирани-йе тарих [Культурно-исторические исследования; сборник исследований Иранского общества истории]. № 20. 2014 (1393). С. 39–59.
5. *Лукоцин В.* Древний и раннесредневековый Иран: очерки истории культуры. М.: Наука, 1987. 264 с.
6. *аль-Маджлиси, Мухаммад аль-Бакир.* Бихар аль-анвар аль-джами'а ли-дурари ахбар аль-а'иммат аль-атхар (Моря светов, содержащие жемчужины сообщений Пречистых Имамов). Т. 15. Бейрут: Дар ихйа ат-турас аль-араби, 1983 (1403). 414 с.
7. *Никитенко Е.Л., Иванов К.С.* Нарратив святости в рассказе о жизни политического деятеля: мемуары шаха Тахмаспа I Сефевида // Научный журнал «Шаги», 2016. № 2 (2–3). С. 74–94.
8. *ас-Сахави, Шамс ад-дин Мухаммад б. Абд ар-Рахман.* Аль-Макасыд аль-хасана фи байан аль-касир мин аль-ахадис муштахара 'аля-ль-альсина [Хорошие цели в изложении многих известных хадисов]. Бейрут: Дар аль-киتاب аль-араби, 1985 (1405). 800 с.
9. *Сиасет-намэ: книга о правлении вазира XI столетия Низам Ад-Мулька.* М.-Л.: Издательство Академии наук СССР в Ленинграде, 1949. 380 с.
10. *Фирдоуси, Абу-ль-Касим.* Шах-наме-йе Фирдоуси. Тегеран: Негах, 2017 (1396). 728 с.
11. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.: Восточная литература, 2002. 391 с.
12. *Arjomand S. A.* The Shadow of God and the Hidden Imam: religion, political order, and societal change in Shi'ite Iran from the beginning to 1890. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1984. 356 p.
13. *Bailey H.W.* Zoroastrian Problems in the Ninth-century Books. Oxford: The Clarendon Press, 1943. 235 p.
14. *Choksky J.K.* Sacral Kingship in Sasanian Iran // The Circle of Ancient Iranian Studies (CAIS). URL: http://www.caiss-soas.com/CAIS/History/Sasanian/sacral_kingship.htm (дата обращения 12 мая 2018).
15. *Corbin H.* Azar Kayvan // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/azar-kayvan-priest> (дата обращения 12 мая 2018).
16. *Davis D.* Introduction // Abolqasem Ferdowsi. Shahnameh: The Persian Book of Kings. New York: Penguin books, 2006. 886 p.
17. *Ghazall's Book of Counsel for Kings: Nasihat Al-Muluk.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1964. 272 p.
18. *Gnoli G.* Farr(ah) // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/farrah> (дата обращения 12 мая 2018).
19. *Katouzian H.* Legitimacy and Succession in Iranian History // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2005, no. 23 (1), pp. 234–245.
20. *Lambton A.K.S.* Social Change in Persia in the Nineteenth Century // The Modern Middle East: A Reader. Berkeley: University of California Press, 1993, pp. 145–170.
21. *Mackenthun T.C.* Continuity in Iranian Leadership Legitimization: Farr-i Izadi, Shi'ism, and Vilayet-i Faqih. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in History. Boise State University, 2009. 112 p.

22. Soudavar A., *Cleveland Beach M.* Art of the Persian Courts: Selections from the Art and History Trust Collection. New York: Random House Incorporated, 1992. 423 p.
23. Soudavar A. The Saga of Abu-Sa'id Bahador Khan. The Abu-Sa'idname // The Court of the Il-Khans, 1290–1340. Oxford: Oxford University Press, 1996, pp. 95–218.
24. Soudavar A. The Aura of Kings: Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 2003. 178 p.
25. The Letter of Tansar / trans. M. Boyce. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1968. 78 p.
26. The Sacral Kingship: Contributions to the Central Theme of the Eighth International Congress for the History of Religions, Rome, April 1955. Leiden: E.J. Brill, 1959. 748 p.
27. Ziai H. Editor's Note // Soudavar A. The Aura of Kings: Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 2003, pp. IX–X.

Сведения об авторах: Никита Александрович Филин – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (125993, Миусская площадь, 6, ГСП-3, Москва, Российская Федерация). E-mail: FilinNikita@yahoo.com

Исмагил Рустамович Гибадуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Эрадж Бегиджонович Боев – кандидат исторических наук, председатель Нижегородской региональной общественной организации «Конгресс ираноязычных народов», ответственный секретарь Межрегиональной общественной организации содействия развития иранистики «Общество молодых иранистов» (603051, ул. Боровая, 27, Нижний Новгород, Российская Федерация). E-mail: sogdak@yandex.ru

Поступила 01.03.2018 Принята к публикации 28.05.2018
Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Abu Bakr Qalandar Rumi. *Kalandar-name: izbrannoe* [Qalandar-name: Omnibus Edition]. Per. s pers. I.R. Gibadullin, M.R. Shamsimuhametova; Obsh. i nauch. red., predislovie, kommentarii I.R. Gibadullin. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 1044 p. (In Russian)
2. Bartol'd V.V. Teokraticeskaya ideya i svetskaya vlast v musulmanskom gosudarstve [Theocratic Idea and Secular Power in a Muslim State]. *Sochineniya. Raboty po istorii islama i arabskogo halifata* [Writings. Vol. 6. Works on the History of Islam and the Arab Caliphate]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2002, pp. 303–319. (In Russian)
3. Busse G. *Vozrozhdenie persidskoy monarhii pri Buidah* [The Revival of Persian Kingship under the Buyids]. *Musulmanskiy mir: 950–1150* [The Muslim World: 950–1150]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 66–88. (In Russian)
4. Dalir N. Farr-e izadi va zell allahi: farhang-e siyasi va maboni-ye nazari-ye padeshahi va soltanat barrasiye tatbighi-ye farr-e izadi va zell allahi [Political Culture and Theoretical Basis of Kingship and Sultanate: Comparative Study on Farr-e Izadi (divine charisma) and zell-allah (shadow of God)]. *Motoleat-e tarikh-e farhangi pazhuheshname*

anjoman-e irani-ye tarikh [Cultural History Studies: Volume of the Iranian Historical Association Studies]. 2014 (1393), no. 20, pp. 39–59. (In Persian)

5. Lukonin V. *Drevniy i rannesrednevekoviy Iran: ocherki istorii kultury* [Ancient and Early Medieval Iran: Outlines of Cultural History]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 264 p. (In Russian)

6. al-Majlisi, Muhammad Al-Baqir. *Bihar al-anvar al-jami'a li-durari ahbar al-a`immat al-athar* [Oceans of Light an encyclopedia for Pearls of traditions of the Pure Aimmah]. Beirut, Daru ihja at-turas al-arabi, 1983 (1403). 414 p. (In Arabic)

7. Nikitenko E.L, Ivanov K.S. Narrativ svyatosti v rasskaze o zhizni politicheskogo deyatelya: memuary shaha Tahmaspa I Sefevida [Sainthood's Narrative in the Life Story of a Political Figure: Memoirs of Shah Tahmasp I Safavi]. *Nauchnyy zhurnal «Shagi»* [Scientific Journal "Steps"], 2016, no. 2 (2–3), pp. 74–94. (In Russian)

8. as-Sakhawi, Shams Ad-Din Muhammad b. Abd Ar-Rahman. *Al-Maqasid al-Hasana fi bayan kathirin min al-ahadith al-mushtahira 'ala'l-alsina* [The good intentions in the statement of numerous well-known hadiths]. Beirut, Dar al-Kitab al-Arabi, 1985 (1405). 800 p. (In Arabic)

9. *Siaset-name: Kniga o pravlenii vazira XI stoletiya Nizam al-Mulka* [Siyasat-name: Book about the Government of Nizam Al-Mulk, the 11th Century Vizier]. Moscow, Lenin-grad, Akademiya nauk SSSR v Leningrade, 1949. 380 p. (In Russian)

10. Ferdowsi Abu-l-Qasim. *Shah-name-ye Ferdowsi* [Shahname of Ferdowsi]. Tehran, Negah, 2017 (1396). 728 p. (In Persian)

11. Frye R. *Nasledie Irana* [The Heritage of Persia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 391 p. (In Russian)

12. Arjomand S.A. *The Shadow of God and the Hidden Imam: religion, political order, and societal change in Shi'ite Iran from the beginning to 1890*. Chicago, The Univ. of Chicago Press, 1984. 356 p.

13. Bailey H.W. *Zoroastrian Problems in the Ninth-century Books*. Oxford, The Clarendon Press, 1943. 235 p.

14. Choksky J.K. Sacral Kingship in Sasanian Iran. *The Circle of Ancient Iranian Studies (CAIS)*. URL: http://www.ca-is-soas.com/CAIS/History/Sasanian/sacral_kingship.htm (last accessed 12.05.2018).

15. Corbin H. Azar Kayvan. *Encyclopaedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/azar-kayvan-priest> (last accessed 12.05.2018).

16. Davis D. Introduction. *Abolqasem Ferdowsi. Shahnameh: The Persian Book of Kings*. New York, Penguin books, 2006. 886 p.

17. *Ghazall's Book of Counsel for Kings: Nasihat Al-Muluk*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1964. 272 p.

18. Gnoli G. Farr(ah). *Encyclopaedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/farrah> (last accessed 12.05.2018).

19. Katouzian H. Legitimacy and Succession in Iranian History. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2005, no. 23 (1), pp. 234–245.

20. Lambton A.K.S. Social Change in Persia in the Nineteenth Century. *The Modern Middle East: A Reader*. Berkeley, University of California Press, 1993, pp. 145–170.

21. Mackenthun T.C. *Continuity in Iranian Leadership Legitimization: Farr-i Izadi, Shi'ism, and Vilayet-i Faqih*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in History. Boise State University, 2009. 112 p.

22. Soudavar A., Cleveland Beach M. *Art of the Persian Courts: Selections from the Art and History Trust Collection*. New York, Random House Incorporated, 1992. 423 p.

23. Soudavar A. The Saga of Abu-Sa'id Bahador Khan. The Abu-Sa'idname. *The Court of the Il-Khans, 1290–1340*. Oxford: Oxford University Press, 1996, pp. 95–218.

24. Soudavar A. *The Aura of Kings: Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship*. Costa Mesa, CA, Mazda Publishers, 2003. 178 p.

25. *The Letter of Tansar*. Trans. M. Boyce. Rome, Instituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1968. 78 p.

26. *The Sacral Kingship: Contributions to the Central Theme of the Eighth International Congress for the History of Religions, Rome, April 1955*. Leiden, E.J. Brill, 1959. 748 p.

27. Ziai H. Editor's Note. Soudavar A. *The Aura of Kings: Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship*. Costa Mesa, CA, Mazda Publishers, 2003, pp. IX–X.

About the authors: Nikita A. Filin – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Square, GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation). E-mail: FilinNikita@yahoo.com

Ismagil R. Gibadullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Eradzh B. Boev – Cand. Sci. (History), Chairman of the Nizhny Novgorod regional public organization “Congress of Iranian speaking peoples”, Executive Secretary of the Interregional public organization for the promotion of Iranian studies development “The Young Iranists’ Society” (27, Borovaya Str., Nizhny Novgorod 603051, Russian Federation). E-mail: sogdak@yandex.ru

Received March 1, 2018 Accepted for publication May 28, 2018

Published June 29, 2018

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ
ВТОРОЙ ПАНДЕМИИ ЧУМЫ («ЧЁРНОЙ СМЕРТИ»)
НА ТЕРРИТОРИИ УЛУСА ДЖУЧИ**

Т.Ф. Хайдаров¹, Д.А. Долбин^{2,3}

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
timkh2000@yandex.ru

² Казанский НИИ Эпидемиологии и микробиологии Роспотребнадзора

³ Казанский государственный медицинский университет
Казань, Российская Федерация
dda_sns@mail.ru

Цель: на основе текстологического анализа средневековых источников на арабском, персидском, древнегреческом, латинском и русском языках, а также последних достижений в области изучения генома чумной бактерии и климата в средние века, представить новую концепцию зарождения и распространения «Чёрной смерти» на территории Золотой Орды и находившихся в вассальной зависимости русских княжеств, и Великого княжества Литовского.

Материалы исследования: опубликованные нарративные источники на арабском, персидском, древнегреческом, латинском и русском языках, современные исследования в области «Чёрной смерти», как отечественных, так и зарубежных авторов.

Результаты и научная новизна: на сегодняшний день существует достаточно серьезное заблуждение относительно «Чёрной смерти». Авторами была предпринята попытка комплексного осмысления в исторической ретроспективе данного факта на территории Улуса Джучи. На основе самых современных исследований авторам удалось теоретически осмыслить процесс зарождения и дальнейшего распространения чумы на территории Золотой Орды и находившихся в вассальной зависимости государственных образований. Современные учёные пришли к выводу, что «Чёрная смерть» явилась своеобразным Рубиконом в развитии средневековых сообществ. До сих пор теоретического осмысления данного факта на территории Улуса Джучи не произошло. Зачастую основная масса опубликованных на сегодняшний день исследований продолжают транслировать заложенные ещё в XIV–XVI вв. клише, главное из которых заключается в полном отрицании данного исторического явления на территории средневекового татарского государства.

Последние исследования в области анализа генома бактерии чумы доказали, что именно степные районы Улуса Джучи являлись тем регионом, откуда начала своё победное шествие «Чёрная смерть». Однако её возникновение не являлось одномоментным фактом. Если исходить из информации, полученной из текстов древнерусских летописей, то можно говорить о постоянных вспышках эпидемий чумы, происходивших до начала «Чёрной смерти» на просторах Великой русской равнины. При этом до сих пор не учитывался фактор одновременного параллельного хождения нескольких эпидемических заболеваний, имевших животное происхождение. Поэтому авторы считают, что необходимо говорить не столько о самой эпидемии «Чёрной смерти», сколько о наступлении целой исторической эпохи. Именно в ходе последней и произошло возникновение современной России и проживающих на её территории этносов.

Ключевые слова: «Чёрная смерть», биология чумы, теория возникновения Второй пандемии чумы, самые известные в истории эпидемии заболевания, изменение климата, эпидемические волны, голод, «Великая замятня», распад Улуса Джучи

Для цитирования: Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Теоретические аспекты осмысления второй пандемии чумы («Чёрной смерти») на территории Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 264–282. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.264-282

**THEORETICAL ASPECTS OF UNDERSTANDING
THE SECOND PANDEMIC OF THE “BLACK DEATH” PLAGUE
IN THE TERRITORY OF THE JOCHID ULUS**

T.F. Khaydarov¹, D.A. Dolbin^{2,3}

¹ *Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
timkh2000@yandex.ru*

² *Kazan Scientific Research Institute of Epidemiology and Microbiology*

³ *Kazan State Medical University
Kazan, Russian Federation
dda_sns@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* To present a new concept of the origin and spread of the “Black Death” in the territory of the Golden Horde, the dependent Russian principalities and the Grand Duchy of Lithuania on the basis of textual analysis of medieval sources in Arabic, Persian, Greek, Latin and Russian, as well as recent advances in the studies of the genome of plague bacteria and climate in the Middle Ages.

Research materials: Published narrative sources in Arabic, Persian, Greek, Latin and Russian; modern research in the field of the “Black Death” by both domestic and foreign authors.

Results and novelty of the research: To date, there is quite a strong misconception about the “Black Death”. Authors made an attempt to comprehend this situation in the territory of the Jochid ulus in an integrative historical retrospective. On the basis of the most up-to-date research, the authors succeeded in theoretically visualizing the process of nucleation and spread of the plague in the territory of the Golden Horde and vassal state formations. Modern researchers have often come to the conclusion that the “Black Death” was a kind of decisive “Rubicon” in the development of medieval communities. However, until now there has been no theoretical interpretation of this situation in the territory of the Jochid ulus. Often, most of the studies published so far continue to reproduce clichés of the 14th–16th centuries. The main such cliché is the complete denial of this historical phenomenon in the territory of the medieval Tatar state.

At the same time, recent studies in the field of genome analysis of plague bacteria have proved that the steppe areas of the Jochid ulus were the region from which the “Black Death” began its rampant spread. Judging by the information of the Russian chronicles, the appearance of plague was not limited to one year. These sources speak of constant outbreaks of plague epidemics that occurred before the beginning of the “Black Death” in the vast Russian Plain. At the same time, the scenario of simultaneous parallel movements of several epidemic diseases that had an animal origin has not been taken into account so far. Therefore, the authors consider it appropriate to talk not so much about the epidemic of the

“Black Death” as about the onset of a new historical era – this was a period when modern Russia and ethnic groups living on its territory emerged.

Keywords: “Black Death”, biology of the plague, Theory of the Second Plague Pandemic, most famous plague epidemics in history, climate change, epidemic waves

For citation: Khaydarov T.F., Dolbin D.A. Theoretical Aspects of Understanding the Second Pandemic of the “Black Death” Plague in the Territory of the Jochid Ulus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 264–282. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.264-282

Введение

Вторая пандемия чумы – «Черная смерть» – явилась своеобразным Рубиконом, разделившим эпоху Средних веков от Нового времени, средневековую схоластику от антропоцентризма и рационализма, феодализм от капитализма. По неподтвержденным данным общее число умерших по миру составило порядка 60–80 млн. человек. Её результатом явились как колоссальные социальные и политические потрясения, так и мощнейший технологический рывок. Возникший на руинах старого, новый мир привнес в сообщества людей совершенно иные представления о государственном и административном устройстве, этнических, языковых, религиозных, межкультурных и межцивилизационных отношениях. В любом случае эти изменения для современников событий очень долго не были очевидны. Лишь в последнее время в научном сообществе были предприняты попытки комплексного переосмысления темы «Эпидемия Черной смерти и её влияние на экономическое и общественное развитие». В результате были получены результаты по Западной Европе, Ближнему Востоку и отчасти Китаю. Однако по территории Улуса Джучи аналогичных выводов пока не имеется.

Если же судить об общественном сознании представления о данном государственном образовании, то здесь можно отметить, что они зачастую не менялись на протяжении нескольких столетий. Традиционно считалось, что средневековое татарское государство состоял исключительно из территории, где преимущественно проживало тюркское население. В то же время, согласно принятым в Средние века критериям оценок принадлежности определенных владений к тому или иному государственному образованию, учитывалась не религиозная принадлежность основной массы населения или уровня автономности правителей, а степень использования на практике единых стандартов в законодательных актах и налогово-финансовой системе.

Нечто подобное существовало во времена ордынского ига на территории бывшей Киевской Руси. Впрочем, современные исследователи скорее склоняются к понятию государственного симбиоза на пространствах Великой русской равнины. Согласно этой точке зрения, русские княжества, ориентированные на Сарай, не только признавали верховенство «ордынских царей», но и использовали на практике сложившуюся на пространствах Великой монгольской империи законодательную и финансовую систему. В итоге, это способствовало скорейшему принятию всеми слоями населения в русских княжествах норм поведения, принятых в данном государственном образовании. В определённой степени небывалый доселе период политической ста-

бильности и экономического подъёма этих территорий в составе Улуса Джучи также можно отнести к этим последствиям.

Единственной «ахиллесовой пятой» Золотой Орды можно считать природно-климатические условия, которые могли негативно сказаться на существовании полукочевой имперской элиты средневекового татарского государства. Наиболее наглядно это проявилось во время наступления похолодания в конце XIII в. Причём, крайне негативную роль в этом процессе сыграла вспышка в 1330–40-х гг. эпидемии чумы, получившая из-за характерного темного цвета лица больного название – «Чёрная смерть». Впрочем, как показали данные современных лабораторных исследований, анализ исторических письменных источников и археологических находок естественного происхождения (человеческие останки), чума являлась не единственным эпидемическим заболеванием, терзавшим в тот период население. Однако, в отличие от предыдущих средневековых эпидемий, данная эпидемия поражает своей длительностью и масштабной смертностью среди населения. В конечном итоге, это не могло не отразиться на многих сторонах государственных и общественных отношений, экономике и культуре Золотой Орды и находившихся в вассальной зависимости от нее русских княжеств.

Методика

На сегодняшний день существует достаточно серьезное заблуждение относительно чумы. В большинстве случаев основным возбудителем данного заболевания называют «вирус». Однако это не так. Её возбудителем является открытая в 1894 г. французским врачом и бактериологом Пастеровского института Александром Йерсеном (1863–1943) чумная палочка или бактерия *Yersinia pestis*. Для жизнедеятельности данного одноклеточного микроорганизма крайне необходимо существование природных очагов, то есть территорий, на которой происходит непрерывная циркуляция возбудителя заболевания между носителями и «жертвами». Значительное число очагов было отмечено в степных пространствах Евразии. Наиболее крупные и активные из них до сих пор располагаются в Нижнем Поволжье, Причерноморье, Северном Кавказе и Центральной Азии. Причём большую роль в активизации последних могут сыграть как климатические изменения, солнечная или сейсмическая активность, так и антропогенный фактор [1; 10; 24]. Последующее распространение заболевания происходит посредством переноса на нового носителя и его укусом болезнетворной блохой. Однако, в отличие от почвенной, новая экосистема является менее устойчивой. Хотя в них возбудитель может сохраняться десятилетиями, любой экстремальный фактор может привести к вспышкам эпизоотии или небольшим вспышкам эпидемического заболевания среди местной популяции людей. В то же время вторичные экосистемы со временем могут разрушиться, а вспышки чумы совсем прекратиться [9]. После распада последних могут остаться значительные территории – реликтовые природные очаги, в которых возбудитель продолжает сохраняться как паразит, который под воздействием внешних факторов имеет возможность дальнейшей жизнедеятельности. Наиболее наглядным примером такого природного очага является располагавшийся в районе Новгорода, Пскова и Изборска Реликтовый Северо-Западный природный очаг, а также располагавшийся в районе Смоленска и Твери Реликтовый природный очаг Русской равнины [24].

Сейчас эпидемию чумы, скорее, рассматривают как антропоноз, то есть эпидемию, распространяющуюся среди человеческой популяции без помощи синантропических видов живых организмов. Можно предположить, что укус больных блох первоначально приводит к распространению латентной формы заболевания. Первоукушенными становятся без ярко выраженных симптомов неактивные носители заболевания. Дальнейшее распространение чумы происходит традиционно, через укус заражённой блохи. Есть предположение, что без общего снижения иммунитета у человека болезнь не может принять форму пандемии. Последний процесс мог быть вызван как посредством длительного масштабного голода, изменения у проживавших на данной территории человеческих сообществ пищевого рациона, так и прибытием из совершенно иной климатической зоны большой массы людей, обладавших иной внутренней микрофлорой. Как правило, это ускоряет процесс проникновения совершенно чуждых для данной среды новых болезнетворных микроорганизмов. Прямым следствием этого становилось формирование видоизменённых местных заболеваний, от которых не существовало на тот момент времени иммунитета у местного населения [2, с. 105].

Впрочем, как показали современные исследования в области эпидемиологии чумы, большую роль в переходе от локальных вспышек к пандемии сыграли вторичные носители живых организмов. Обычно под ними понимаются имевшие с ними непосредственный контакт синантропические и домашние виды животных. В данном случае необходимо рассматривать в качестве последних следующие виды: чёрные крысы, мыши-полёвки, белки, перелетные и домашние птицы, верблюды, кошки и собаки. Поэтому одним из самых заметных признаков надвигающейся пандемии чумы зачастую выступали вспышки эпизоотии среди указанных видов [34].

При этом в процессе дальнейшего распространения эпидемических заболеваний наиболее важную роль играли районы пересечения нескольких транспортных артерий [37]. Именно здесь становилось возможным взаимодействие на достаточно ограниченном пространстве и в очень короткий временной промежуток времени как различных по региону происхождения штаммов одного заболевания, так и различных видов эпидемических заболеваний. Причем, процент вероятности обострения эпидемической ситуации зачастую напрямую зависел от снижения транспортных издержек в виде плохо развитой транспортной инфраструктуры. Именно поэтому наиболее масштабные эпидемии происходили в периоды наибольшего ускорения перемещения товаров и людей. В этом плане наиболее интересными выглядят: Цинхай-Тибетское плато, Мавераннахр, Хорезм, Тебриз, восточная часть Северного Кавказа, Нижнее Поволжье, Дунае-Днестровское междуречье и Подолья, Константинополь (Стамбул), Междуречье Тигра и Эфрата, Нижний Египет, Северная Африка, Эфиопия, Прованс и Северная Италия, Северная и Южная Германия, Северо-Западная Россия.

Таким образом, можно утверждать, что возможная модель возникновения пандемии чумы и её последующее распространение будет выглядеть следующим образом:

- 1) первоначальный природный очаг;

- 2) активизация под воздействием внешних факторов (изменение климата, солнечная или сейсмическая активность, антропогенный фактор) бактерии *Yersinia pestis* из почвы в эпизоотическую систему;
- 3) заражение чумной бактерией первичных носителей через употребление пищи наиболее восприимчивых доминантных видов степных грызунов (байбаков, луговых собачек, сусликов);
- 4) ухудшение под воздействием внешних факторов среды обитания носителей и последующее изменение миграционных потоков степных грызунов;
- 5) последующее заражение через укусы зараженных блох вторичных носителей, наиболее восприимчивых видов синантропических и домашних видов животных, птиц (чёрные крысы, мыши-полёвки, белки, перелетные и домашние птицы, верблюды, кошки и собаки);
- 6) первичное заражение человека через взаимодействие со вторичными носителями;
- 7) вспышка эпизоотии среди домашних животных и других эпидемических заболеваний среди людей;
- 8) ослабление под воздействием внешних факторов и голода иммунитета среди местного населения;
- 9) локальная вспышка эпидемии чумы и параллельная вспышка других эпидемических заболеваний сразу же в нескольких местах;
- 10) концентрация больных людей в районах пересечения нескольких транспортных артерий;
- 11) возникновение из обострения новой и более опасной для человека формы чумы (вторичная форма);
- 12) масштабное заражение населения и гибель основной массы носителей от новой формы чумы;
- 13) возврат в исходное состояние.

Обсуждение

Если обратиться к истории возникновения и распространения чумной бактерии, то, согласно современным генетическим исследованиям, возникновение на пространствах Центральной Азии *Yersinia pestis* произошло в период между 78803 и 34659 г. до н.э., то есть когда завершилось формирование биологической паразитарной системы «монгольский сурок (*Marmota sibirica*) – блоха (*Oropsella silantiewi*)». Формирование бубонной формы заболевания было определено между 7022 и 5021 г. д.н.э. Около 2746 г. д.н.э. была зафиксирована в Приуралье её мутация. Именно с этими вспышками эпидемических заболеваний современные исследователи стали связывать произошедшие в конце IV – начала III тыс. д.н.э. массовые миграции людей, крупные социальные, политические и экономические потрясения на Евразийском континенте [42].

Хотя в древности были зафиксированы крупные эпидемии, не все они являлись чумными. Только «чума Филистимлян», «чума Юстиана» и «Чёрная смерть» (*mors nigra*) были определены как вспышки чумы. Остальные, такие как «чума Египетская», «чума Антонина», «чума Галена», «чума Киприана», хотя и не считались таковыми, но их описания очень сильно отразились на эпистолярной традиции фиксации любых крупных эпидемий. Поэтому зачас-

тую анализ текстов нарративных источников не позволяет полностью определить конкретный вид разразившейся эпидемии.

Первой признанной учеными пандемией чумы считается «Юстинианова чума». По дошедшим до нас данным, она началась в 542 г. в районе византийского города Пелусий и продолжалась до 750 г. [32]. Унеся порядка 100 млн. человек, она вызвала масштабные изменения в экономических и политических отношениях европейских стран, что в свою очередь способствовало скорейшему переходу от античного мира к средневековой феодальной Европе. Причём, одним из важнейших факторов при её возникновении было определено резкое похолодание климата в Северном полушарии, вызванное вулканической зимой 535–536 гг. [3; 35; 40].

В X–XIII вв. на смену похолодания VI–VIII вв. пришёл средневековый климатический оптимум. Отличительными чертами последнего стали относительно мягкие зимы, сравнительно большие периоды с доминированием тёплой и стабильной погодой, отсутствие сильных засух и наводнений [6]. Стоит отметить, что в этот период чума ограничивалась только локальными вспышками в старых природных очагах. В то же время историки не фиксируют общего снижения произошедших в этот период эпидемий. Одной из самых крупных эпидемий X–XIII в. считается «Антонинов жар». Специалисты-эпидемиологи определили его как эрготизм, то есть отравление, вызванное употреблением муки, заражённой спорыньей.

Более подробную информацию об эпидемической ситуации на территории русских княжеств предоставляют тексты русских летописных сводов. Согласно им, одной из первых зафиксированных на Руси эпидемий стал «мор лета 6568» (1060 г.), разразившийся во время похода великого киевского князя Изяслава на «торков». Традиционно в отечественной историографии первой чумной эпидемией называется киевская эпидемия 1092 г., пришедшая из Полоцка. Первые контрмеры русские власти стали принимать во время антоновского мора 1128 г. Именно во время этой вспышки летописцы зафиксировали применение в Новгороде для захоронения умерших специальных похоронных команд. Эпидемии 1153 и 1158 гг. отличались совместным хождением эпидемий и эпизоотий. Мор 1168 г. был отмечен масштабными природно-климатическими явлениями. Вспышка 1187 г., скорее всего, являлась пришедшим в русские земли через Новгород отголоском испанской эпидемии 1181 г.

Одной из крупнейших эпидемий русского средневековья стал «смоленский мор лета 6738» (1230 г.). Причем после неё средневековыми русскими летописцами была отмечена существующая связь между «мором» и «гладом». Скорее всего, по мнению отечественных исследователей К.Г. Васильева и А.Е. Сегала, подобное словосочетание могло обозначать распространение сыпного или брюшного тифа. Современные исследователи настаивают на чумной природе данного заболевания [24].

Нашествие Батые на Русь, да и в целом наступившая во второй половине XIII в. эпоха золотоордынского ига с эпидемической точки зрения не стали исключением. Крупнейшие эпидемии в этот период были зафиксированы в Рязанском княжестве в 1257 г., Пскове в 1265 г., во многих русских землях в 1278–1279 и 1282 гг., во время осады в 1283–1284 гг. войсками правителя западноордынских улусов Тохты (Токты) городов Подолья, Волыни и Поль-

ши, в русских княжествах в 1286 г. Причем одной из причин возникновения последних эпидемий было обозначено колдовство татар. Отечественные исследователи предположили, что, скорее, речь шла о занесенной с запада поляками или с востока татарами кишечной инфекции [4, с. 27–32].

Дальнейшее усиление эпидемической активности на пространстве Улуса Джучи, скорее всего, было связано с произошедшим в 1270–1534 гг. изменением течения Гольфстрима и климата, совпавшим с периодом снижения солнечной активности и увеличения сейсмической активности (1270–1480) [31]. Видимым результатом данных явлений стало постепенное снижение среднегодовой температуры и изменение движения атмосферных фронтов, что в значительной степени отразилось на изменении выпадения в зимний и весенне-летний периоды общего количества осадков. Что в купе с общим снижением среднегодовой температуры способствовало нарастанию нехватки пищи как для животного мира, так и для проживавших на данной территории человеческих сообществ. В этих условиях закономерным явлением стало начало миграции из глубин Монголии основной массы синантропических видов грызунов. В поисках пищи они очень быстро соприкоснулись с человеком, что вызвало среди домашних животных вспышки эпизоотий и передавшихся от животных к человеку эпидемических заболеваний (сыпной тиф, чума, оспа и сибирская язва). На ухудшение эпидемической обстановки среди населения также повлияло наступление в 1315–1317 и 1328–1333 гг. длительных голодных периодов [35, р. 253–261].

Закономерным результатом всех этих процессов стала «Черная смерть». Её предвестником явилась разразившаяся в конце 1320 – начале 1330-х гг. в землях Великого монгольского хана эпидемия. Это предположение историков подтвердили исследования генома штамма средневековой чумы. Согласно им, наиболее вероятным регионом исхода второй пандемии чумы стало Цинхай-Тибетской плато [38]. Дальнейшее «победное шествие» данного бедствия нашло своё отражение в текстах арабо-мусульманских и китайских источников. Согласно представленной в них информации, одним из первых погибших от неизвестной ранее болезни стали представители династии Юань (Есун-Тэмур, Туга-Тэмур и его сыновья), а также 16 правителей окрестных земель и большое число воинов из войска Великого хана [39].

Если же отталкиваться от текста персидского летописца Фассиха ад-Хасафи, то следующим регионом, пострадавшим после возникшей в 1336–1337 гг. на фоне землетрясения эпидемии стал район между селениями Завы и городом Дугабады (Исламабада). Если исходить из приведённых в тексте данного источника численных данных общего количества погибших (порядка 11 тысяч человек), то данную эпидемическую вспышку можно отнести к достаточно крупным [26]. Если исходить из традиционной для отечественной историографии точки зрения, именно оттуда, скорее всего, по торговым путям чума в 1338/39 гг. могла попасть в район озера Исык-Куль. О возможности произошедшей здесь вспышки чумы ещё в конце XIX в. высказал гипотезу отечественный археолог Д. Хвольсон [36]. После чего, считают отечественные исследователи, вспышка заболевания была зафиксирована в Хорезме в 1345 г. [26]. Впрочем, полностью доверять представленным в тексте летописи Фассиха ад-Хасафи записям о вспышке чумы в среднеазиатском регио-

не всё же не стоит. Так, реконструкция эволюции генома чумы показала несколько иной вектор распространения чумы [38].

Куда с большей долей вероятности можно говорить о влиянии, оказанном на процесс распространения эпидемии чумы, северноперсидского и месопотамского региона. Доказательством чему служат зафиксированные позднее одни из самых крупных эпидемий данного заболевания на евразийско-африканском пространстве. Расположенный севернее и соединенный с указанными районами широкой торговой артерией (Дербенский перешеек) Улус Джучи не стал исключением.

В 1346 г. эпидемическая волна достигает территории средневекового татарского государства. Соединившись с местной локальной вспышкой лёгочной чумы и быстро распространившись среди разросшегося в годы правления Узбека и Джанибека местного населения, заболевание очень быстро приобрело те черты, которыми обладала «Чёрная смерть»: молниеносность, способ передачи воздушно-капельным путём и массовая смертность среди населения. Фактически мы можем говорить, что именно на территории Золотой Орды и произошло возникновение указанного бедствия [45; 46]. С большой долей вероятности можно утверждать, что одной из основных причин возникновения совершенно новой формы чумы стало пересечение нескольких локальных вспышек, произошедших на фоне климатических изменений, аридизации степи и наступления вод Каспийского моря [8; 31]. Как показали современные эпидемические исследования, в районе западного и северного побережья данного водоема до сих пор находятся активные природные очаги чумы [5; 7; 9; 10]. Поэтому любое изменение прибрежной зоны может привести к активизации последних [29].

Подобная ситуация произошла в 20-е гг. XIV в. Положение ухудшилось из-за постепенного похолодания, сопровождавшегося изменением передвижения атмосферных фронтов, что в условиях доминирования континентального климата привело к установлению масштабных летних засух, крайне морозных и снежных зим. В этих условиях поголовье местных грызунов (первичные носители заболевания), выросшее в предыдущий, более благоприятный с климатической точки зрения период, вынуждено было искать пропитания в расположившихся в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, в причерноморских и прикаспийских степях недавно основанных золотоордынских городах. Что на первоначальном этапе привело к возникновению пока ещё локальных вспышек лёгочной чумы.

Окончательно «формирование Чёрной смерти» произошло в середине 1340-х гг., когда шедшие из Центральной Азии, Ближнего Востока и Балканского полуострова по уже сформировавшимся торговым путям местные локальные возбудители стали объединяться в районе Крымского полуострова с ордынской вспышкой. Возникшая новая эпидемия и получила в итоге название «Чёрной смерти». Современные исследователи сошлись во мнении, что «Чёрной смертью» стоит называть только первую волну второй пандемии чумы, которая затронула страны Старого Света в период с 1346 по 1352/53 гг. Остальные вспышки чумы были хотя и повторными, но по масштабу и смертности среди населения имели куда больше размах, чем первая волна.

Если говорить об основных теоретических вопросах первой волны второй пандемии чумы («Чёрной смерти»), которые стоят перед исследователями, то здесь можно выделить два основных. Первый касается основных направлений распространения данной эпидемии. И второй, пожалуй, основной – количества павших в результате заболевания.

Отвечая на первый вопрос, можно с уверенностью говорить, что «Чёрная смерть» начала свое смертоносное шествие по территории Старого Света из Крыма. Однако её начало не было связано напрямую с бомбардировкой осенью 1346 г. войсками Джанибека осаждённой Кафы трупами умерших от чумы. Скорее всего, вспышка началась в генуэзской колонии весной 1347 г., когда на территорию города стали проникать уже заражённые вторичные носители чумы (крысы) [33, р. 53]. Именно отправившиеся в весенние месяцы из городской гавани суда генуэзских купцов и стали разносить новую форму чумы.

Однако не только генуэзский фактор сыграл в распространении «Чёрной смерти» важную роль. Скорее всего, исход данного заболевания в обратную сторону имел место из ордынских земель с другими купцами. Именно поэтому в 1347 г. на достаточном отдалении от торговых путей генуэзских купцов фиксируются вспышки нового заболевания. Собственно, столь масштабный охват не был бы возможен без взаимодействия уже активных местных локальных вспышек и вновь прибывшей «Чёрной смерти». Именно поэтому в источниках фиксируется столь разнообразная клиника чумы. Фактически, необходимо говорить о параллельном хождении нескольких форм чумы (бубонной, септической, легочной).

Дальнейшее распространение «Чёрной смерти» в Западной Европе напрямую свидетельствовало о влиянии балканского, ближневосточного и североафриканского регионов на этот процесс. Чего нельзя сказать о территории Улуса Джучи. На сегодняшний день возникло много споров вокруг причин, помешавших распространению во время первой волны второй пандемии чумы заболевания далее на север, вглубь ордынской территории. В этом смысле правомерной выглядит точка зрения норвежского исследователя О.Й. Бенедиктова, который связал приостановку распространения «Чёрной смерти» с противостоянием хана Джанибека с генуэзскими купцами, которое привело к временной приостановке торговли в северном направлении [33, р. 60]. Однако в большей степени это было связано с активным использованием центральных властей Улуса Джучи карантинной системы, известной со времен второго праведного халифа Умара. Чего нельзя было сказать о русских городах (Киев, Чернигов, Полоцк), находившихся в вассальной зависимости и расположенных на восстановленном днепровском торговом пути [16, с. 110]. Здесь вспышка эпидемии была отмечена в 1349 г. Это в свою очередь было значительно раньше, чем принятая в отечественной историографии дата прихода «Чёрной смерти» в Новгород и Псков, а именно, 1352/53 гг. Это предположение согласуется с точкой зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей, которые указали на влияние крупных европейских рек (Рона, Руана, По, Дунай, Рейн, Эльба и Везер) на распространение эпидемии чумы [28; 35; 42]. Исходя из этого, можно предположить, что Северо-Западная Русь в начале 1350-х гг. столкнулась с тремя параллельными волнами чумы, шедшими с Днепра, Польши/Германии и Скандинавии.

Если же говорить о последствиях первой волны второй пандемии чумы («Чёрной смерти») для средневекового татарского государства и находившихся от него в вассальной зависимости русских княжеств, то их не следует считать столь значительными ни в политическом, ни уж тем более в экономическом плане. Как и прежде, золотоордынские правители продолжали контролировать ситуацию. Единственное, с чем можно согласиться, это начало технического и культурного регресса [43; 44]. Однако аналогичные процессы были характерны для остальных стран, переживших данное бедствие. Аналогичные оценки можно дать в отношении умерших от «Чёрной смерти». Согласно точке зрения известного советского демографа Б.Ц. Урланиса, что для русских земель, что и ордынских территорий убыль населения составила не более 5–6% от чумных величин. Согласно его подсчётам, всего на этих территориях до «Чёрной смерти» проживало 8 млн. 579 тыс. человек. Из них примерно 6 млн. 960 тыс. человек – на территории русских княжествах, и порядка 1 млн. 800 тыс человек – в поволжских землях Улуса Джучи [25, с. 118]. Таким образом, в результате «Чёрной смерти» в период между 1346 и 1352 гг. убыль населения во всех русских княжествах составила 417600 чел., а в ордынских землях – 102000 чел. Можно согласиться с точкой зрения советского демографа, что одной из главных причин столь небольшой по сравнению с Западной Европе смертностью среди населения являлось наличие достаточного количества свободных территорий, куда могло эмигрировать население из затронутых эпидемией районов. Причём, в отличие от той же Западной Европе, зачастую люди старались переселиться в уже знакомые по прежним временам территории. В итоге, стал наблюдаться процесс не колонизация пустошей, а повторного заселения прежних районов. Это позволило Улусу Джучи очень быстро начать процесс восстановления численности населения. Однако, разразившаяся после смерти Джанибека «Великая заматня» не позволила достигнуть прежних величин.

Куда более мощной по последствиям стала вторая волна второй пандемии чумы (1359/60–1390/91). Традиционно отечественные авторы связывали ее начало с продолжением возникшего в 1360 г. в Северо-Западной Руси мора. Впрочем, анализ текстов русских летописей показал, что именно нижневолжский природный очаг, как и в период с 1346 по 1349 гг., стал эпицентром распространения эпидемии чумы. Скорее всего, истоки этой вспышки нужно искать в расположенных южнее регионах. Именно об этом свидетельствует запись, сделанная персидским летописцем Фасихом ад-Хасафи, указавшая на произошедшую 1359/60 гг. вспышку эпидемии в Ширване [26]. Однако, если проанализировать данные по всем вспышкам этого периода, то можно говорить, по крайней мере, об исходе чумы из расположенных в Германии, странах Магриба и в Ширване 3-х природных очагов. Причём, в отличие от первой волны второй пандемии чумы («Чёрной смерти»), судя по достаточно длительному пути к эпидемическому порогу, все произошедшие вспышки имели вначале два направления развития: основной и второстепенный. Так, например, псковский мор «лета 6868» являлся второстепенным ответвлением эпидемии чумы в Германии 1360 г. Скорее всего, это было связано с общим количеством населения, проживавшего на определенной территории. И чем

ниже было число жителей, проживавших на заражённой территории, тем более локальное проявлялась вспышка чумы.

Если исходить из представленной в текстах русских летописей информации об этой волне, то регионом исхода для Северо-Восточной Руси стал расположенный севернее персидского Тебриза район ордынских городов Бельджамен и Сарай. Здесь чума отметилась ровно через три/четыре года после североперсидской вспышки (весна 1364 г.). К осени 1364 г. чума достигла Нижнего Новгорода. Причём, одним из возможных путей распространения чумы стал крупный торговый тракт, расположенный южнее данного русского города. О существовании этого тракта свидетельствует упоминание в летописи татарской крепости Сары Кылыч (Саров) с округой и русского села Киши.

На следующий год чума вспыхнула в Переславле, Кашине, Твери и Ростове. Как свидетельствуют тексты русских летописей, ежедневная убыль населения в наиболее пиковый период достигала от 20 до 100 человек. В зиму 1365/66 гг. чума вспыхнула в Москве. Откуда к лету-осени она разошлась по городам и «властемъ Московскимъ», и территории Литвы [14, с. 340; 16, с. 3–4; 21, с. 94–95; 17, с. 76–77; 18, с. 113; 21, с. 112, 115–116; 22, с. 36–37; 23, с. 336–337]. На Северо-Западе Руси данная волна отметилась в 1387–90 гг. [11, с. 375–378; 12, с. 604; 13, с. 242; 15, с. 490–491; 16, с. 90–95, 122–124].

Длительность и колоссальные человеческие жертвы позволили русским летописцам во время этой второй волны зафиксировать основные проявления этого заболевания. Если следовать представленной в Рогожском летописце информации, можно говорить, по крайней мере, о распространении трех форм чумы: бубонной, бубонно-септической и легочной. На первую и вторую форму заболевания указывают такие слова как *«друзи железою ... боляху, железа же не одинако, но иному на шее, иному на стегне, овому подъ пазухою, овому подъ скулою, иному же за лопаткою»*. Третья (легочная) форма – *«и разболится человекъ; и начнет ковию харкати и огонь разбьетъ, и по семь потъ, потом дрожъ иметь, и тако в болести полежава, овии день единъ поболееше умираху, прержне моръ былъ кровью храчюще мерли»* [16, с. 76–77]. Период вспышки чумы, согласно летописным данным, охватывал с конца лета до зимы: *«от Семена дни летопроводца до рождественского говения»* [23, с. 381–382]. Также летописные тексты позволяют говорить о параллельной вспышке нескольких эпидемических заболеваний (чумы, сыпного тифа, сибирской язвы). Собственно, при описании чумы среди симптомов перечисляются кровохаркание и жар. Если же речь идет о сибирской язве – *«и моръ есть на людях и конях»*, сыпной тиф – ломота в конечностях. Иногда одной из главных причин массовой смертности среди населения называется голод. В отношении этой причин также есть два понятия: *«гладъ»* – голод, вызванный неблагоприятными погодными условиями, *«межи»* – голод, вызванный из-за массовой смертности среди крестьян.

Анализируя складывающуюся общеполитическую обстановку в 1360–70-х гг., можно характеризовать её, как обострения на всем пространстве Улуса Джучи политических конфликтов. Самым большим в этот период можно считать «Великую замятню». В этом плане усиление Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского явилось прямым следствием ослабления татарских ханов. Причем, именно в этот период не последнюю роль в этом процессе начинают играть различные эпидемии в качестве

политического фактора. Как правило, любой военный поход проходил при завершении вспышки в осенне-зимний период [28].

В начале 1390 г. летописцы отметили начало третьей волны второй пандемии чумы. Её хронологические рамки охватили период между 1391 и 1431 гг. Фактически, именно в этот период, вследствие усиления транспортной связанности между русскими княжествами и ордынскими территориями, начинают стираться границы между ордынскими и северо-западными вспышками чумы. Поэтому любая вспышка, вне зависимости от места происхождения, могла автоматически затронуть практически всю территорию Улуса Джучи. Положение ухудшило наступление, на фоне нового климатического похолодания в 1420-х гг., масштабного голода, что в условиях политической и военной нестабильности способствовало обострению политических отношений на территории как русских княжеств, так и Золотой Орды.

Положение не улучшилось и во время четвертой волны второй пандемии чумы (1440–1470). Именно в этот период происходит окончательный территориальный распад Золотой Орды, а также рост политического влияния менее пострадавших от эпидемических волн новых политических центров (Великие княжества Московское и Литовское, Крымское, Казанское и Сибирское ханства). Причём, влияние эпидемического фактора на политическую ситуацию проявилось при становлении в конце 1430–40-х гг. Казанского и Крымского ханств. Фактически, именно в ходе четвертой волны и произошло окончательное формирование позднеордынского мира.

Заключение

Таким образом, необходимо говорить о том, что процесс возникновения «Чёрной смерти» был достаточно длителен. В то же время, нельзя однозначно говорить о каком-то конкретном факторе, повлиявшем на её зарождение и дальнейшее распространение. При этом нельзя отрицать влияние этого фактора на развитие ситуации в Улусе Джучи. Поэтому правильнее будет говорить о наступлении эпохи «Чёрной смерти», результатом которой стало постепенное перемещение политического центра на пространствах средневекового татарского государства к территориям, менее пострадавших от эпидемии чумы. Причём, характерной чертой этой эпохи можно считать становление совершенно иной экономической и политической обстановки, развития культуры, религиозного мировоззрения и философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артюхин Ю.В.* Природные катаклизмы как одна из причин «Великой замятни» в Золотой Орде и появление Азака // *Боспорские исследования*. 2009. Вып XVI. С. 314–334.
2. *Ахметзянов М.* Татарские этнонимы по данным татарских шеджере / *История татар Западного Приуралья*. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 448–452.
3. *Бараи С.И.* История неурожая и погоды в Европы (по XVI в.н.э). Л., 1989. 237 с.
4. *Баччи М.Л.* Демографическая история Европы. СПб., 2010. 304 с.

5. *Боголепов М.А.* О колебаниях климата европейской России в историческую эпоху. С приложением материалов, извлеченных из русских летописей. М., 1908. 114 с.
6. *Борисенко Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 522 с.
7. *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М., 1960. 397 с.
8. *Володарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М.: Просвещение, 1973. 159 с.
9. *Домарадский И.В.* Чума: К 100-летию противочумной службы России. – М.: Медицина, 1998. 176 с.
10. *Крамаровский М.Г.* Богатство, хрупкое как сон. Петрарка о бедах Скифии // Античная древность и средние века. 2002. Вып. 33. С. 169–186.
11. *Клименко В.В., Слепцов А.М.* Климат и история России в IX–XVI вв. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://sleptsov.chat.ru/Climruss.htm> (дата обращения: 11.01.2017).
12. *Котенев Е.С., Дубянский В.М.* и др. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2016. Т. 11. № 4. С. 612–616.
13. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Экологический критерий цивилизованности / Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации. М., 2004. С. 127–158.
14. *Максимов А.А.* Природные очаги туляремии в СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 290 с.
15. Население Европы 1300–1800 годов [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.warconflict.ru/rus/new/?action=shwprd&id=1509> (дата обращения: 11.06.2017).
16. Население и территория России в 1000–1987 [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.warconflict.ru/rus/new/?action=shwprd&id=1498> (дата обращения: 11.06.2017).
17. *Павловский Е.Н.* Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов. М., 1964. 211 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись. СПб., 1841.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Вып. 1.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб., 1897.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Петроград, 1922.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Петроград, 1921.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 31. М., 1968.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 34. Л., 1978.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980.
32. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М., Л., 1950
33. *Супотницкий М.В.* Где скрывается чума? // Универсум. 2005. № 3. С. 20–30.
34. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.

35. Урлианис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды [отв. ред. А.Г. Вяземский]; Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: Наука, 2007. 468 с.
36. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ад-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент: ФАН, 1980.
37. Хайдаров Т.Ф. Эпидемия «Чёрной смерти» в русских княжествах и в Золотой Орде (1345/46 – 1430): предпосылки и последствия // Исторически часопис (The Historical Review). 2015, кн. LXIV. С. 9–42.
38. Хайдаров Т.Ф. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 314–335.
39. Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и её последствия // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4. С. 96–112.
40. Чижевский А.Л. Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца. М., 1930.
41. Чума верблюдов *pestis camelorum* [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://zhivotnovodstvo.net.ru/maloizvestnye-zaraznye-bolezni-zhivotnyh/1986-chuma-verblyudov-pestis-camelorum.html> (дата обращения: 01.09.2017).
42. Шамильоглу Ю. Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 665–678.
43. Эйгер Я.Б. История и современное состояние вопроса о бубонной чумы. СПб., 1897. 74 с.
44. Benedictow O.J. The Black Death 1346–1352: the complete history. Woodbridge, 2004. 433 p.
45. Bjoern P.Z., Dunkelberg H. The History of the Plague and research on the causative agent *Yersinia pestis* // International Journal of the Hygiene and Environmental Health. 2004. № 207. P. 165–158. URL: <https://doi.org/10.1078/1438-4639-00259>
46. Campbell B.M.S. The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 463 p. URL: <https://doi.org/10.1093/envhis/emx030>
47. Chwolson D. Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge. Herausgegeben und erklart von D. Chwolson. Mit vier Phorotypischen Taffeln. SPb., 1897. 62 S.
48. Comez J.M., Verdu M. Network theory may explain the vulnerability of medieval human settlements to the Black Death pandemic // Scientific Reports. 2017. № 7 [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5338018/> (дата обращения: 01.09.2017). DOI: 10.1038/srep43467
49. Cui Y., Yu C., Yan Y., Li D., et al. Historical Variations in Mutation Rate in an Epidemic Pathogen *Yersinia pestis* // Proceedings of the National Academy of Science. 2013. Vol. 110. No. 2. P. 577–582. DOI: 10.1073/pnas.1205750110
50. Dols M.W. The Black Death in the Middle East. New Jersey: Princeton University press, 1977. 390 p.
51. Green M.H. Taking “Pandemic” seriously: making the Black Death global / Pandemic disease in the medieval world. Kalamazoo and Bradford, 2015. Vol. 1. P. 27–61.
52. Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor // Russian History. 1975. Vol. 2. P. 53–67.
53. Langer L.N. Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries // Canadian-American Slavic Studies. 1976. Vol. 10. P. 351–368.
54. Rasmussen S., Allentoft M.E. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years ago // Cell. 2015. № 163. P. 571–582. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cell.2015.10.009>
55. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. № 12(4). P. 447–457.

56. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization // *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5. №. 2. P. 325–343. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343

57. Schmid B.V., Buentgen U., et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe // *PNSA*. 2015. Vol. 112. № 10. P. 3020–3025. DOI: 10.1073/pnas.1412887112

58. Spyrou A.M., Tukhabatova R., et al. Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // *Cell Host & Microbe*. 2016. Vol. 19. P. 874–881. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chom.2016.05.012>

Сведения об авторах: Тимур Фаритович Хайдаров – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского федерального университета, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1909-5727> (420008, ул. Кремлевская, 18б, Казань, Российская Федерация). Email: timkh2000@yandex.ru

Дмитрий Александрович Долбин – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории иммунологии и разработки аллергенов, Казанский НИИ Эпидемиологии и микробиологии Роспотребнадзора (420015, ул. Большая Красная, 67, Казань, Российская Федерация); ассистент кафедры биохимии, Казанский государственный медицинский университет (420012, ул. Бутлерова, 49, Казань, Российская Федерация). E-mail: dda_sns@mail.ru

Поступила 10.02.2018 Принята к публикации 30.05.2018

Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Artyukhin Yu.V. Prirodnye kataklizmy kak odna iz prichin «Velikoy zamyat- ni» v Zolotoy Orde i poavlenie Azaka [Natural cataclysms as one of the reasons for the “Great Turmoil” in the Golden Horde and the appearance of Azaq]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporian Studies]. 2009, no. XVI, pp. 314–334. (In Russian)
2. Akhmetzyanov M. Tatarskie etnonimy po dannym tatarskikh shedzhere [Tatar ethnonyms according to the Tatar shejeres]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya*. Vol. I: *Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva* [History of the Tatars of the Western Cis-Ural Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in the Cis-Ural Region. Tatar medieval states]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 448–452. (In Russian)
3. Barash S.I. *Istoriya neurozhaev i pogody v Evropy (po XVI v.n.e)* [History of poor harvests and weather in Europe (until the 16th century CE)]. Leningrad, 1989. 237 p. (In Russian)
4. Bachchi M.L. *Demograficheskaya istoriya Evropy* [The Demographic History of Europe]. St. Petersburg, 2010. 304 p. (In Russian)
5. Bogolepov M.A. *O kolebaniyakh klimata evropeyskoy Rossii v istoricheskuyu epokhu. S prilozheniem materialov, izvlechennykh iz russkikh letopisey* [On the fluctuations of the climate of European Russia during the historical epoch. With the application of materials extracted from the Russian chronicles]. Moscow, 1908. 114 p. (In Russian)
6. Borisenko E.P., Pasetkiy V.M. *Tysyacheletnyaya letopis' neobychaynykh yavleniy prirody* [The millennial annals of extraordinary natural phenomena]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 522 p. (In Russian)
7. Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istoriya epidemiy v Rossii* [The history of epidemics in Russia]. Moscow, 1960. 397 p.

8. Volodarskiy Ya.E. *Naselenie Rossii za 400 let (XVI – nachalo XX vv.)* [The population of Russia for 400 years (16th – the beginning of the 20th century)]. Moscow, Prosveshchenie, 1973. 159 p. (In Russian)
9. Domaradskiy I.V. *Chuma: K 100-letiyu protivochumnoy sluzhby Rossii* [The Plague: To the 100th anniversary of Russia's anti-plague service]. Moscow, Meditsina, 1998. 176 p. (In Russian)
10. Kramarovskiy M.G. Bogatstvo, khрупkoe kak son. Petrarka o bedakh Skifii [The wealth fragile as a dream. Petrarka about the woes of Scythia]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. 2002, no. 33, pp. 169–186. (In Russian)
11. Klimenko V.V, Sleptsov A.M. *Klimat i istoriya Rossii v IX–XVI vv.* [Climate and history of Russia in the 9th–16th centuries]. Available at: <http://sleptsov.chat.ru/Climruss.htm> (last accessed 11.01.2017). (In Russian)
12. Kotenev E.S., Dubyanskiy V.M. et al. Istoriya epidemiy chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyy epidemicheskyy potentsial prirodnykh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the current epidemic potential of natural plague foci]. *Meditsinskiy vestnik Severnogo Kavkaza* [The medical bulletin of the North Caucasus]. 2016, vol. 11, no. 4, pp. 612–616. (In Russian)
13. Kul'pin-Gubaydullin E.S. Ekologicheskyy kriteriy tsivilizovannosti [The ecological criterion of civilization]. *Zolotaya Orda: fenomen stepnoy gorodskoy tsivilizatsii* [The Golden Horde: a phenomenon of the steppe urban civilization]. Moscow, 2004, pp. 127–158. (In Russian)
14. Maksimov A.A. *Prirodnye ochagi tulyaremii v SSSR* [Natural foci of tularemia in the USSR]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1960. 290 p. (In Russian)
15. *Naselenie Evropy 1300–1800 godov* [The population of Europe from 1300 to 1800]. Available at: <http://www.warconflict.ru/rus/new/?action=shwprd&id=1509> (last accessed 11.06.2017). (In Russian)
16. *Naselenie i territoriya Rossii v 1000–1987* [The population of Europe from 1000 to 1987]. Available at: <http://www.warconflict.ru/rus/new/?action=shwprd&id=1498> (last accessed 11.06.2017). (In Russian)
17. Pavlovskiy E.N. *Prirodnaya ochagovost' transmissivnykh bolezney v svyazi s landshaftnoy epidemiologiyey zoonoprozozov* [The natural focality of vector-borne diseases in connection with the landscape epidemiology of zoonanthropozoses]. Moscow, 1964. 211 p. (In Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 3: *Novgorodskaya pervaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3: Novgorod First Chronicle]. St. Petersburg, 1841. (In Russian)
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. St. Petersburg, 1848. (In Russian)
20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5. St. Petersburg, 1851. (In Russian)
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 6. St. Petersburg, 1853. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 6: *Sofiyskaya pervaya letopis' starshogo izvoda* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6: Sofian First Chronicle of the Elder Izvod]. Moscow, 2000. Is. 1. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. St. Petersburg, 1897. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. St. Petersburg, 1901. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 15: *Rogozhskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15: Rogozhsky Chronicler]. Petrograd, 1922. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 18: *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 18: Simeonovskaya Chronicle]. St. Petersburg, 1913. (In Russian)
27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 23: *Ermolinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 23: Ermolinskaya Chronicle]. St. Petersburg, 1910. (In Russian)
28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 24: *Tipografskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24: Tipografskaya Chronicle]. Petrograd, 1921. (In Russian)
29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 31. Moscow, 1968. (In Russian)
30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Leningrad, 1978. (In Russian)
31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 35. Moscow, 1980. (In Russian)
32. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis'* [Troitskaya Chronicle]. Moscow, Leningrad, 1950 (In Russian)
33. Supotnitskiy M.V. Gde skryvaetsya chuma? [Where is the plague hidden?]. *Universum*. 2005, no. 3, pp. 20–30. (In Russian)
34. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy*. Vol. I: *Izvlacheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of materials related to the Golden Horde's history. Vol. 1: Extracts from the Arabic writings]. St. Petersburg, 1884. 579 p. (In Russian)
35. Uralnis B.Ts. *Istoricheskaya demografiya: izbrannye trudy* [Historical demography: selected works] [otv. red. A.G. Vyazemskiy]. In-t narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. Moscow, Nauka Publ., 2007. 468 p. (In Russian)
36. Fasikh Akhmad ibn Jalal al-Din Muhammad al-Havafi. *Fasikhov svod* [Fasikh's Codex]. Tashkent, FAN, 1980. (In Russian)
37. Khaydarov T.F. Epidemiya «Chernoy smerti» v russkikh knyazhestvakh i v Zolotoy Orde (1345/46 – 1430): predposylki i posledstviya [The epidemic of the “Black Death” in the Russian principalities and the Golden Horde (1345/46 – 1430): the prerequisites and consequences]. *Istorijcki chasopis* [The Historical Review]. 2015, vol. LXIV, pp. 9–42. (In Russian)
38. Khaydarov T.F. Rubikon Zolotoy Ordy [Rubikon of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 2, pp. 314–335. (In Russian)
39. Khaydarov T.F., Dolbin D.A. Vtoraya pandemiya chumy v Zolotoy Orde i ee posledstviya [The Second Plague Pandemic in the Golden Horde and Its Consequences]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 4, pp. 96–112. (In Russian)
40. Chizhevskiy A.L. *Epidemicheskie katastrofy i periodicheskaya deyatel'nost' Solntsa* [Epidemic catastrophes and periodic activity of the Sun]. Moscow, 1930. (In Russian)
41. *Chuma verblyudov pestis camelorum*. Available at: <http://zhivotnovodstvo.net.ru/maloizvestnye-zaraznye-bolezni-zhivotnyh/1986-chuma-verblyudov-pestis-camelorum.html> (last accessed 01.09.2017). (In Russian)
42. Shamil'oglu Yu. *Izmenenie klimata v Tsentral'noy Evrazii i Zolotoy Orde* [Climate change in Central Eurasia and the Golden Horde]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 665–678. (In Russian)
43. Eyger Ya.B. *Istoriya i sovremennoe sostoyanie voprosa o bubonnoy chume* [The history and current state of the bubonic plague issue]. St. Petersburg, 1897. 74 p. (In Russian)
44. Benedictow O.J. *The Black Death 1346–1352: the complete history*. Woodbridge, 2004. 433 p.
45. Bjoern P.Z., Dunkelberg H. The History of the Plague and research on the causative agent *Yersinia pestis*. *International Journal of the Hygiene and Environmental Health*. 2004, no. 207, pp. 165–158. DOI: <https://doi.org/10.1078/1438-4639-00259>

46. Campbell B.M.S. *The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 463 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/envhis/emx030>
47. Chwolson D. *Grabinschriften aus Semirjetschie*. Neue Folge. Herausgegeben und erklärt von D. Chwolson. Mit vier Phorotypischen Taffeln. St. Petersburg, 1897. 62 p. (In German)
48. Comez J.M., Verdu M. Network theory may explain the vulnerability of medieval human settlements to the Black Death pandemic. *Scientific Reports*. 2017, no. 7. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5338018/> (last accessed: 01.09.2017). DOI: 10.1038/srep43467
49. Cui Y., Yu C., Yan Y., Li D., et al. Historical Variations in Mutation Rate in an Epidemic Pathogen. *Yersinia pestis*. *Proceedings of the National Academy of Science*. 2013, vol. 110, № 2, pp. 577–582. DOI: 10.1073/pnas.1205750110
50. Dols M.W. *The Black Death in the Middle East*. New Jersey, Princeton University press, 1977. 390 p.
51. Green M.H. Taking “Pandemic” seriously: making the Black Death global. *Pandemic disease in the medieval world*. Kalamazoo and Bradford, 2015, vol. 1, pp. 27–61.
52. Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects upon Urban Labor. *Russian History*. 1975, vol. 2, pp. 53–67.
53. Langer L.N. Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries. *Canadian-American Slavic Studies*. 1976, vol. 10, pp. 351–368.
54. Rasmussen S., Allentoft M.E. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years ago. *Cell*. 2015, no. 163, pp. 571–582. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cell.2015.10.009>
55. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey*. 1993, no. 12(4), pp. 447–457.
56. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 325–343. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343
57. Schmid B.V., Buentgen U., et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe. *PNSA*. 2015, vol. 112, no. 10, pp. 3020–3025. DOI: 10.1073/pnas.1412887112
58. Spyrou A.M., Tukhabatova R., et al. Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics. *Cell Host & Microbe*. 2016, vol. 19, pp. 874–881. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chom.2016.05.012>

About the authors: Timur F. Khaydarov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Kazan Federal University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1909-5727> (18b, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation). E-mail: timkh2000@yandex.ru

Dmitry A. Dolbin – Cand. Sci. (Biology), Senior Research Fellow at the Laboratory of Immunology and development allergens, Kazan Scientific Research Institute of Epidemiology and Microbiology (67, Bolshaya Krasnaya Str., Kazan 420015, Russian Federation); Assistant at the Department of biochemistry, Kazan State Medical University (49, Butlerov Str., Kazan 420012, Russian Federation). E-mail: dda_sns@mail.ru

*Received February 10, 2018 Accepted for publication May 30, 2018
Published June 29, 2018*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ В ПОСЛАНИЯХ ИВАНА IV В КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И НОГАЙСКУЮ ОРДУ*

М.В. Моисеев^{1,2}

¹ *Российский государственный гуманитарный университет*

² *Музейное объединение «Музей Москвы»*

Москва, Российская Федерация

maksi-moisee@yandex.ru

Цель: исследование системы исторической аргументации Ивана Грозного в контексте дипломатических отношений с татарскими государствами.

Материалы исследования: комплекс дипломатических посланий царя Ивана IV Васильевича, сохранившихся в составе посольских книг.

Результаты и научная новизна: впервые для реконструкции представлений русской правящей элиты был использован весь комплекс сохранившейся дипломатической переписки. Было установлено, что пересмотр «ордынского наследия» был начат во время регентства Елены Глинской. Московские интеллектуалы, используя реальные факты, прецеденты, а также идя временами на прямой подлог, создали картину прошлого, в котором Поволжье принадлежало русским князьям еще до монгольского завоевания. В системе аргументации большую роль играли факты принесения присяги (шертования) татарской знати московским князьям, а позднее и царю. Обосновывается точка зрения, что «тмудораканская легенда» происхождения Астрахани использовалась только внутри страны и была необходима для того, чтобы убедить бояр в необходимости ее завоевания. При подборе аргументов русские дипломаты опирались на риторические формулы и образы, понятные в татарской культурной среде, что приводило к выработке иных способов обоснования внешнеполитических претензий, отличных от ретранслируемых в европейские страны.

Ключевые слова: дипломатическая переписка Ивана Грозного, восточная политика, татарские государства, историческая политика

Для цитирования: Моисеев М.В. Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091). Руководитель проекта – К.Ю. Ерусалимский.

HISTORICAL EXAMPLES IN THE LETTERS OF IVAN IV TO THE CRIMEAN KHANATE AND THE NOGAI HORDE

M.V. Moiseev^{1,2}

¹ *Russian State University for the Humanities,*

² *Museum Association "Museum of Moscow"*

Moscow, Russian Federation

maksi-moisee@yandex.ru

Abstract: *Objective:* A study of the historical arguments of Ivan the Terrible in the context of diplomatic relations with the Tatar states.

Research materials: A compilation of diplomatic letters of Tsar Ivan IV Vasilievich preserved in the books of ambassadorial records.

Results and scientific novelty: The author used the whole compilation of the preserved diplomatic correspondence for the first time ever with the purpose of reconstructing a viewpoint of the Russian ruling elite. He established that the revision of the "Horde's legacy" was started during the regency of Elena Glinskaya. By using real facts and precedents, while also allowing themselves at times to commit direct forgery, Moscow intellectuals created a picture of the past in which the Volga region belonged to the Russian princes even before the Mongol conquest. The fact that Tatar nobility engaged in swearing an oath to Moscow princes and later to the tsar played an important role in the system of argumentation employed by Muscovy. The author shows that the "Tmutarakan legend" of the origin of Astrakhan was used only inside the country and was necessary to convince the boyars on the necessity of its conquest. Choosing arguments, Russian diplomats relied on rhetorical formulas and images that were understandable within the Tatar cultural environment, and this led to the development of other ways of substantiating foreign policy claims which differed from those that were employed in European countries.

Keywords: diplomatic correspondence of Ivan the Terrible, Eastern policy, Tatar states, historical policy

For citation: Moiseev M.V. Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303

Давно уже известно, что исторические прецеденты, примеры играли большую роль в деятельности русского Посольского приказа [7, с. 301–328]. Сами эти exempla уже становились предметом изучения, в рамках которого исследователи пришли к выводу о скудности легитимирующих текстов, которые использовала русская дипломатия на восточном фронте. Но так ли это? Нам представляется, что этот вывод связан с абerrацией, вызванной методическим допущением, что образы и механизмы легитимации на Востоке и Западе одинаковы. Этот посыл, на первый взгляд, кажущийся верным, так как и христианство, и ислам выросли из одного культурного корня и обнаруживают ряд единых сюжетов и символов, всё-таки не может быть полностью принят. И вот почему. Дело в том, что постордынские государства, кроме принадлежности к исламскому миру, были еще и частью кочевого мира, некогда объединенного Чингиз-ханом в гигантскую империю, которая выработала свой символизм и практику символической коммуникации. Именно поэтому при изучении дипломатического общения мы должны постоянно иметь в виду этот дуализм. Но

для того чтобы наши объяснения и реконструкции были наиболее корректны, нам необходимо ответить на один вопрос: а что вообще знали об истории татар в Московском государстве XVI века? Для ответа на него мы выбрали период правления первого русского царя Ивана Васильевича, а объектом нашего исследования станут его дипломатические послания.

Выбор объекта нашего исследования объясняется несколькими соображениями. Дипломатические послания сами по себе выполняли репрезентационные функции, провозглашая место монарха в мировой системе власти, и вместе с тем свидетельствовали о его мирных намерениях. Впрочем, только этими функциями роль послания не ограничивалась. Оно могло превратиться в саркастический памфлет, наносящий удар адресату не только словами¹, но и даже своим внешним видом. Так, например, после сожжения Москвы в 1571 г. крымскими войсками Девлет-Гирея, послания в Крымское ханство скреплялись черными печатями для подорожных грамот [21, с. 334]. В посланиях имелось место и для учительского тона. Красноречивым примером может служить послание царя Ивана турецкому султану Селиму после знаменитого астраханского похода 1569 г. В этом послании Иван IV поучает турецкого султана азам дипломатии: «припоминая тебе, как нашим прародителем с твоими прародители дружба братственная и любовь крепкая велас и грамотами подкреплена. И возря в те грамоты, уведаеш их, то будет лихие люди меж нас с тобою ссору чинили и ты б нам то изявил, которым обычаем так учинилося и чего для недружба всчинати»². В целом, дипломатические послания могут рассматриваться как пример авторитетного дискурса. Заметна стандартизация формы, которая позволяла безболезненно копировать части текста из послания в послание. Впрочем, авторитетному языку посланий Ивана Грозного еще далеко до застывших форм авторитетного дискурса позднесоветской эпохи [32, с. 90–93], но, что важно, послания выстраивались нередко на основе исторических примеров, причем эти примеры должны были обладать качествами доступности и очевидности. Поэтому исторические факты, использовавшиеся при дипломатической переписке, отражают определенный элитарный консенсус по вопросам прошлого и тем самым имеют для нас дополнительный интерес. Таким образом, исторические факты и интерпретации используемые в дипломатических посланиях обладали авторитетным характером как минимум для отсылающей стороны и соответственно могут служить источником для реконструкции концепции прошлого соседей.

Для русской дипломатической переписки с татарскими аристократами характерна апелляция к авторитетным предкам. Такая линия поведения отвечала представлениям самих кочевников. В.В. Трепавлов отмечает, что номады, «чтобы сослаться на какой-нибудь эпизод прошлого, обычно вспоминали своего предка (современника этого эпизода) или государя, правившего в то время» [28, с. 192]. Так, в случае с Крымским ханством таким предком был Менгли-Гирей-хан. В июне 1536 г. в послании Ислам-Гирею писали следующее: «...ино как тому делу крепку быти, наперед того дед твой Менли-Гирей царь был з дедом нашим и отцом нашим в дружбе и в братстве, и они дела свои делали, а то ведали про своих недругов, каково кому с кем дело, и один

¹ Интересно, что в ходе полемики допускались весьма острые выпады, но это не приводило к разрыву отношений [2, с. 13–14].

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 6.

одному помагал, и того деля им на обе стороны, сколько добра ссталось»³. В 1562 г. время правления Менгли-Гирея и Ивана III в послании царя Ивана Сулеш-беку – это время мирного сосуществования, на которое надо ориентироваться, к которому надо стремиться; именно поэтому царь готов прекратить военные конфликты с ханом: «И мы памятуя Минли- Гирѣя царя и великого князя Ивана тѣ всѣ дѣла хотим оставити»⁴. Время Менгли было не только эталоном осуществления союзных обязательств, но и образцом оформления посланий. На это указывалось всё тому же Исламу летом 1536 г. на то, что его манера посланий «не к любви видится», в отличии от «...Менли-Гирея царя, письмо как писывал, и дружбу его памятуем, как был с дедом нашим, с великим князем Иваном, и с отцом моим»⁵. В целом, именно время правления Менгли-Гирея рассматривалось как период наиболее благоприятных русско-крымских отношений⁶ [см.: 21, с. 286, 303]. В русско-ногайских отношениях список «авторитетных предков» был несколько шире. Шейх-Мамай в 1548 г. вспоминал времена «при наших прежних, при Окасе князе и при Мусе князе, и при Шигым князе, и при Кад-Ахмеде князе, и при твоём деде, при Василье князе, наши добрые люди хаживали...» [18, с. 245]. Однако ни Иван Грозный, ни его окружение не считали нужным поддерживать столь длинный и древний авторитетный ряд, ограничиваясь упоминаниями отношений «при отце нашем великом князе Василье» [18, с. 86, 88, 89, 106, 107, 174, 241]. Напротив, под пером царя история ранних отношений вождей мангытов с московскими князьями могла приобрести неожиданный для потомков Эдиге характер. В сентябре 1576 г. в ответ на претензии Уруса на выплаты с Казани и Астрахани было написано следующее: «А отец твои Идиги князь отцу нашему и деду нашему служивали и жалованье имывали. А отец твои Нурадин мирза Темир Кутлюю царю служивал и жалованье имывал. А отец твои Исмаиль князь Сафа Кирею царю служивал и жалованье имывал» [20, с. 47]. То есть все эти выплаты были жалованьем за службу, а, следовательно, и Урус мог бы на них претендовать лишь в случае своей службы русскому царю. Но самое интересное, что Иван Грозный путем нехитрой манипуляции удревнил служебные отношения мангытов. Согласно его словам, уже знаменитый Эдиге служил предкам Ивана Васильевича! Эта дерзкая фальсификация – довольно редкий пример для дипломатической практики того времени, – тем не менее полностью находилась в русле той исторической концепции отношений с татарами, которая была выработана в то время.

Актуализация наследия прошлого имела не только абстрактный характер, к ней прибегали и для достижения вполне конкретных целей, например, таких, как составление шертей. В послании Эмин-Гирею от 1539 г. сообщалось следующее: «...отца твоего бакшей написал список шертной, какова была грамота шертная деда твоего, Менли-Гиреева царева, у отца нашего, у великого князя Василья...»⁷. Причем, очевидно, эта шертная запись долго сохраняла статус

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 290об.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 14об.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 272об.

⁶ См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 379об., 465–465об., 466об., 480об.; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 3; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 13–13об.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 622об.–623

актуального образца. В 1545 г. в русско-крымских отношениях вновь начались затруднения с шертованием. Сахиб-Гирей-хан прислал шертную грамоту в которой «...многие слова из шертные грамоты выставлены, а иные слова приставлены...». С претензиями был отправлен Никита Васильев сын Мясной, который должен был добиваться того, чтобы «...шертную велел написати с того списка слово в слово, которой есмя список послали к тебе с своим большим послом, с Васильем с Петровичем, каковы шертные грамоты наперед сего бывали отца твоего, Менли-Гирея царя, з дедом нашим, с великим князем Иваном, и с отцом нашим, великим князем Васильем»⁸. Такой стойкий характер обращения к документам конца XV – начала XVI в., как к эталону, довольно любопытен, хотя и не является исключением. С подобной практикой мы сталкиваемся и в русско-ногайских отношениях начала XVI в, когда к тексту шерти 1501 г. апеллировали вплоть до 1509 г. [16, с. 85], хотя следует признать, что случай с «шертью Менгли-Гирея», сохранявшей свою актуальность вплоть до середины XVI века, вызывает определенное удивление. Впрочем, это удивление может быть развеяно, если мы примем во внимание, что в переписке фигурирует серия документов за период конца XV – начала XVI в., связанных с именем Менгли-Гирея, а также стремление русской стороны вернуть отношения с Крымским ханством ко времени политического союза.

Апелляции к прошлому, как примеру правильных отношений, эталонных документов или как способу объяснения характера отношений, занимали в дипломатической переписке не самое большое место. Однако именно исторические примеры сыграли абсолютную роль в обосновании прав Москвы на Казань и Астрахань. Причем сначала эта теория была зафиксирована в летописях, а потом уже была доработана в составе посольской документации. Согласно летописям, ногаи всегда «бьют челом» и просят себя пожаловать [22, с. 9, 65, 84, 85, 115–116, 128, 130, 131, 132, 134–135, 137, 140, 235, 249, 262], то есть выступают как вассалы московских великих князей. Все статьи летописей, посвященные русско-ногайским отношениям можно представить в виде двух формуляров. Формуляр1 (далее – ф1.) представлял собой короткое сообщение, составленное следующим образом: «(дата) приидоша к великому князю (имя) послы Нагайские (от кого; кто) бил (били) челом, чтобы князь великий жаловал (чем именно)». Формуляр2 (далее – ф2.) отличался большей развернутостью текста, причем он сохранял ф1, а затем сообщались определенные подробности миссии. Так, в статье 7048 г. сообщается о дешевизне ногайских коней, пригнанных на продажу [22, с. 130]. В статье 7046 г. приводится сообщение о предложении Баки-бека выдать русским властям за откуп авантюриста князя С.Ф. Бельского [22, с. 124]. Естественно, наибольший интерес представляют летописные статьи ф2, так как в них иногда имеется информация, подчас не отраженная в посольских книгах.

Характерной особенностью летописных статей, в отличие от материалов посольских книг, следует признать их направленность. Летописям свойственно придание русско-ногайским контактам вида отношений вассала с сюзереном. Ногайские послы бьют русскому государю челом, «чтобы их князь великий жаловал и велел в свои государства ходити с торгом» или «чтобы князь великий жаловал, дружбу свою дръжал». С точки зрения летописца

⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 3–3об.

русский великий князь, а затем царь – вершитель судеб Ногайской Орды. Он защищает ногаев от хаджитарханского хана Ямгурчи, по его приказу убивают бия орды – Юсуфа. Однако все это не имеет параллелей с материалами посольских книг. Таким образом, освещение русско-ногайских отношений в летописях представляется нам идеологически измененным, с целью легитимации прав России на Джучидское наследие.

Время возникновения этой теории в составе летописей определить весьма сложно. Так, по мнению современного исследователя Лицевого летописного свода В.В. Морозова [17, с. 35], общим источником для ряда памятников русского официального летописания (Летописец начала царства и Воскресенская летопись) послужил Летописец 1541 г. При этом в протограф Никоновской летописи и Свода 1560 г. перешли сведения за 1533–1541 г. из Воскресенской летописи, а из Летописца начала царствования (поздней редакции) – известия за 1542–1556 гг. Общим же источником для них в части до 1541 г. послужил все тот же Летописец 1541 г.

Таким образом, можно предположить, что основные черты концепции легитимации прав власти России на Джучидское наследие сложились в течение 1-ой половины XVI века, еще до завоевания Казанского ханства. У нас есть возможность конкретизировать хронологические рамки для первой части этой концепции, связанной первоначально с Казанским ханством. Русская теория о легитимности своих прав на Казанское ханство, основным содержанием которой был принцип возведения на казанский престол султанов московскими великими князьями (при этом взятие казанцами хана без русского «ведома» расценивалось как измена)⁹, сложилась к 1520-м годам. Окончательную форму она приняла позднее и выразилась в посланиях 1568–1569 гг.

Вероятно, к 1520-м годам сложилась и концепция вассалитета Ногайской Орды. Однако представление об определяющей роли Москвы во внутренних ногайских процессах появилась позднее, вероятно, тогда же, когда сложилась теория легитимации завоевания Хаджи-Тархана (Астрахани). Эта теория включала в себя ряд моментов. Во-первых, план смещения Ямгурчи-хана обосновывался тем, что он изменил своей шерти; во-вторых, ограбил царского посла Севастьяна; в третьих, Хаджи-Тархан отождествлялся с древнерусской Тмураканью [22, с. 235–236]. В составе этой же летописной статьи проводится тезис о приказе русского царя убить Юсуф-бия во время проведения хаджитарханской операции [22, с. 235]. Необходимо отметить, что это противоречит данным посольской книги, по которой русские власти ожидали ногайской помощи в смещении Ямгурчи-хана, после чего должно было произойти шертование ногаев, но к моменту прибытия русского посла к Исмаилу, между ним и его братом Юсуфом уже началась открытая борьба [19, с. 141–142, 153]. Таким образом, летописные известия и посольские книги в этом вопросе разнятся. В случае летописных текстов мы сталкиваемся с создаваемой теорией легитимации, которая противоречит реальному ходу событий.

Время создания этой теории можно датировать, исходя из времени создания Летописца начала царства ранней и поздней редакций – 1555–1556 г. Итак, можно предположить, что теория легитимации прав России на Джу-

⁹ РГАДА. Ф.123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 6. Л. 19–19об.

чидское наследие в общих чертах сложилась к 1555–1556 г. Однако использоваться в дипломатических переговорах она начала позднее. Так, часть этой теории, касавшаяся Ногайской Орды, а именно, убийства Юсуфа по приказу Ивана Грозного, в переписке с ногайскими правителями начинает использоваться после смерти Исмаила при его приемниках после 1563 г. [28, с. 274].

В рамках дипломатического дискурса эта теория реализовывалась в виде непротиворечивой концепции истории Казанского ханства. Согласно этой концепции, все казанские ханы получали власть из рук московских князей. Однако свою окончательную форму эта теория получила не сразу. Один из наиболее ранних экскурсов в казанскую историю в русско-крымской переписке был предпринят в послании Сахиб-Гирею в феврале 1538 г. Приведем этот отрывок полностью: «...еси писал к нам, что Казанская земля – юрт твой, и ты посмотрив старые свои летописцы, который государь придет ратью да возмет которово государя, да его сведет, а землю его даст кому всхоchet, не тово ли земля будет, хто ее взял, и ты, Казани помогающее, писал еси, а нам помогающее, молчал еси, цари, которые грешат своих юртов ордынских, пришед на Казанской юрт войнами, неправдами, что имали, и ты то помятуешь, а что дед наш, князь великий Иван, милостью Божиею, Казань взял, и царя своего с матерью, и с царицею, и з братьею, того не помятуешь, и ныне бы ты, брат наш, памятуючи свои старины, да и наши не забывал, и был бы еси с нами по тому, как был наперед того дед наш, князь великий Иван, и отец наш, князь великий Василей, с отцом с вашим, с Менли-Гиреем царем...»¹⁰. Этот пассаж весьма любопытен с точки зрения анализа политических концепций постордынского пространства. В послании малолетнего великого князя Ивана¹¹ мы видим реакцию на использование Сахиб-Гиреем «права меча», как обоснования своих претензий на Казань. Это право и его правоприменение в послании изложено с достаточной полнотой, но, что примечательно, автор послания резко напоминает, что «право меча» – это вовсе не исключительная прерогатива крымских ханов. Отнюдь, его могут использовать и русские князья. В этом споре историческая аргументация играет большую роль. Сам спор начинается с директивного предложения: «...и ты посмотрив старые свои летописцы...»; и, очевидно, что вне исторического измерения решения он не имеет. Есть здесь пассаж и в лучших традициях «войн памяти»: то, что цари ордынские «...пришед на Казанской юрт войнами, неправдами, что имали, и ты то помятуешь...», а что Иван III «...Казань взял, и царя своего с матерью, и с царицею, и з братьею, того не помятуешь...». Резюме выполнено в этой логике «памятуючи свои старины, да и наши не забывал». Примечательно, что несмотря на то, что к 1538 г. уже в общих чертах концепция давней подчиненности Казани Москве была выработана и даже прошла своеобразную апробацию в 1522 г. в переговорах с Саадет-Гиреем [15, с. 399], в переписке с бывшим казанским ханом Сахиб-Гиреем решили использовать парадигму «права меча». Мы вполне можем

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 480–480об.

¹¹ Вопрос об авторстве этого, как и других посланий малолетнего Ивана, довольно сложен. Очевидно, что дипломатические послания этого времени должны были составлять представители регентского совета и приближенные к нему чиновники. Учитывая роль в восточной политике 1530–1538 гг. оружничего Ф.И. Карпова, мы можем полагать его авторство этой концепции.

предполагать, что в 1530-е гг. московские дипломаты перешли к фронтальному пересмотру всего комплекса норм и ритуалов, унаследованных в двусторонних отношениях от ордынских времен. Именно поэтому было важно подчеркнуть, что крымские ханы не обладают исключительными правами на постордынские политические образования, и «право меча» работает в обе стороны¹². Значение анализируемого документа сложно переоценить. В этом послании мы видим жесткий отказ признавать хоть какую-то эксклюзивность прав крымского хана, и сделано это было в рамках той политической риторики, которая была абсолютно понятна именно в татарской среде.

Дальнейшее развитие международных отношений в Поволжско-Черноморском регионе привело к тому, что его судьбы уже решались только в рамках русско-крымских отношений. Постепенно снижалось значение ногайского фактора, влияние Великого княжества Литовского на региональный политический процесс было недостаточным, а роль турецкого фактора пока еще была незаметна. В этих условиях крымский хан Девлет-Гирей проводил последовательную политику на отторжение от Московского государства территорий завоеванных им Казанского и Астраханского ханства. Поэтому дискуссия вспыхнула вновь с удвоенной силой. В январе 1568 г. в ответном послании Девлет-Гирею царь Иван Васильевич вновь обратился к истории Казанского и Астраханского ханств. Однако теперь ответ выстраивается в рамках официальной концепции. Царь с присущей ему учительской интонацией излагает ее хану: «И мы грамоту твою выслушали и вразумели гораздо. И что писал еси к нам в своей грамоте о Казани и о Азсторохани, – и Казанской юрт от прародителей наших и от деда, и от отца нашего в нашей во всей воле были. И царей сажали на Казани дед и отец наш по своему хотению, – кого пожелают» [21, с. 132–133]. Итак, в годы правления Ивана III и Василия III престолонаследие в ханстве было под исключительным русским контролем. Это утверждение очевидным образом противоречило реальности, но царь Иван IV рассуждал в рамках выработанной посольскими интеллектуалами концепции, согласно которой после 1487 г. все казанские ханы на своем престоле были утверждены московскими правителями. Нарушение этой практики случилось «...в наши не в свершенные лета», когда «казанцы изменным обычаем нам грубили и убытки земле нашей многие делали». Однако это не вызвало мгновенного военного вмешательства. Царь рисует себя миротворцем: «И многижда есмя к ним писали, чтоб ся в своих изменах узнали. И они нас не послушали – в своих изменах ся не узнали». Военное вмешательство же стало последним средством для восстановления законности: «И как есмя своего совершенного возрасту дошли и на конь всели, и мы всемилостиваго Бога волею по тому за их неправды так над ними и учинили» [21, с. 133]. По сходной схеме было выстроено и обоснование завоевания Астрахани: «А азстороханской Ямгурчей, царь, поискал был к себе нашего жалованья и присылал к нам посла своего Ишима, князя, чтоб нам его во обороне держати по тому ж, как и дед наш, и отец тот юрт во оберегание держал, а ему от нас и от наших детей неотступну быти. И мы его своим жалованьем пожаловали, и посла сво-

¹² С точки зрения Б.Р. Рахимзянова, факт завоевания, увязанный с представлениями о харизме, служил «базисом» всего комплекса русско-татарских отношений XIII – XVII вв. [26, с. 381–387].

его Савастьяна Аврамова с своим жалованьем послали есмь. И он, позабыв свою правду, посла нашего Савастьяна, изымав, безчествовал. И мы за те его неправды посылали на него з Дербышем, царем, рать свою, и на том юрте учинили есмь от своее руки Дербыша, царя. И Дербыш, царь, на своей правде нам не устоял, и мы за его неправды учинили в Азсторохани воевод своих» [21, с. 133]. Итак, мы можем констатировать, что русская политическая мысль к 1568 г. пережила очевидную эволюцию. Если еще в 1538 г. в споре о Казани приходилось использовать риторику, выработанную в рамках ордынского дискурса, то теперь это не представляется необходимым. Напротив, русские используют собственное объяснение, в котором именно они выступают источником власти для казанских и астраханских ханов. Однако с исчезновением (или мягче – ослаблением) ордынского содержания, более важное значение стал играть религиозный фактор. Царь отводит любые подозрения от того, что казанское и астраханское взятие имели крестоносный характер: «И Божиим милосердием те есмь юрты Казанской и Азстороханской устроили, как им от нас неподвижным быти, а не для того, что мусульманского роду веру изводя: которые нам измены делали, – над теми для их неправды потому и ссталось, а которые мусульманы нам правдою служат, – и мы по их правде их жалуем великим жалованием, а от веры их не отводим» [21, с. 133]. Таким образом, Иван Васильевич в своем послании Девлет-Гирею предложил цельную теорию обосновывающую его права на эти государства. Существенными ее моментами были: а) ранее, начиная с 1487 г., право возведения на казанский престол ханов, б) нарушение этого права казанцами и в) сохранение ислама на покоренных территориях. Эти элементы с некоторыми корректировками, в первую очередь хронологического свойства, использовались и для легитимации покорения Астрахани. Все эти доводы в конечном итоге доказывали законность включения этих территорий в состав христианского Московского царства и именно поэтому: «И тому делу быти непригоже, чтоб нам тебе Казани и Азсторохани поступиться» [21, с. 133].

Поход турецко-татарского войска в 1569 г. на Астрахань, обосновывавшийся соображениями защиты ислама, в значительной степени актуализировал риторику толерантности к мусульманам, однако и использование истории не было прекращено. Так, еще в феврале 1569 г. Иван IV в своем послании отводит все обвинения в насильственной христианизации населения покоренных ханств и вновь возвращается к казанской истории. Сначала он утверждает, что «Казань и Азсторохань Бог нам в руки дал, а не мы того искали» [21, с. 199], и затем объясняет, каким образом это произошло. Приведем эти слова полностью.

«К деду нашему великому государю Ивану Абреимовы, царевы, дети Магмед-Амин, Абдыл-Летиф, Кудайгул ис Казани прибежали от брата своего от Алехама, царя, бьючи челом деду нашему на него о своих обидах. И дед наш многую рать свою с Магмед-Амином, царевичем, послал. И казанские люди деду нашему добили челом, и Алехама, царя, с матерью и со царицею деду нашему в руки дали. И дед наш из своих рук учинил Магмед-Аминя царем на Казани. И после того Магмед-Аминя, царя, казанские люди с царства согнали. И дед наш опять на Казань многую свою рать посылал, и из своих же рук учинил на Казани брата Магмед-Аминева Абде-Летифа царем. И после того Абде-Летиф деду нашему не учал правити, и дед наш его с Казани

свел и опять царем учинил Магмед-Аминя, царя. И после того, как Магмед-Аминя, царя, не стало, присылали бити челом казанские люди к отцу нашему великому государю Василью, штом им дал царя из своих рук. И отец наш дал им царя из своих рук на царство Шиалея, царевича, и они после того Шиалея, царевича, согнали с царства и после того много спустя присылали бити челом к отцу нашему и взяли из отца нашего рук Яналея, царевича. И отец наш учинил Еналея, царевича, на Казанском юрте царем. И при деде при нашем, и при отце при нашем от Магмед-Аминя, царя, и до Зеналея, царя, от всех мусулманских государей ни от кого о том слово никакого не бывало. А как отца нашего великого государя Василья не стало, а мы учинились на своих государствах в несовершенно летех, и казанские люди, роту и шерть переступя, Яналея, царя, убили, и в наши несовершенно лета в нашей земле много христьянские крови пролили. И как мы своего возраста дошли, и мы на них почали посылати рати свои, – и они к нам присылали бити челом, штобы мы им дали из своих рук Шиалея царем. И мы их пожаловали – дали им из своих рук Шиалея, царя. И они Шиалея, царя, безчествовали и с царства согнали. И мы за те их неправды и сами на них ратью ходили, – и они нам били челом, и опять у нас взяли Шиалея, царя. И мы чаяли того, что уж они в своих неправдах познаютца, и они опять, по прежним своим обычаем роту и шерть переступя, Шиалея, царя, с царства согнали, а к себе взяли на царство из Нагаи Едигеря, царевича. И мы за те их неправды ходили на них ратью, – и Бог так над ними учинил за их неправды» [21, с. 199–200].

В этом отрывке легко заметить, что, кроме Али-хана и Ядгар-Мухаммада, никаких иных «изменных царей», вроде как, и нет, но есть череда ханов, возведенных на престол русскими, и есть некие измены казанцев, но имен ханов, получивших власть в Казани без «благословения» из Москвы, нет. Эта практика частичного умолчания довольно любопытна. Означала ли она нежелание ввязываться в долгий и бесперспективный спор о законности правления Сахиб-Гирея и Сафа-Гирея, или же мы здесь сталкиваемся с «механизмом забывания», который должен был создать относительно бесконфликтный дискурс прошлого? Если согласиться с политическим объяснением этого, то тогда придется в таком же контексте объяснить отсутствие в перечне «изменных царей» Мамука. Подобная логика вряд ли будет уместна, так как сложно представить, что упоминание сибирского Шибанида могло вызвать дискуссию о легитимности его правления в Казани в рамках русско-крымского переговорного процесса. Тогда с чем мы имеем дело? Чарльз Гальперин, анализируя историю отношений на религиозном фронтире, в частности, Руси и Орды, обнаружил «идеологию молчания», которая позволяла «справляться с противоречием между идеальным и реальным, между предвзятостью и прагматизмом» [4, с. 92]. Константин Ерусалимский увязал это явление с феноменом *damnatio memoriae* посольской практики [7, с. 309]. Выявленные факты позволяют согласиться с приведенными наблюдениями ученых и признать возможность «механизма забывания» или «умолчания», который играл роль в практике выстраивания политики памяти в Московском государстве XVI века. Однако стоит признать, что указанный нами «механизм забывания» был более активной стратегией, чем просто «забывание» или «идеология молчания», так как позволял конструировать удобное для себя прошлое.

В этом же послании была затронута и астраханская проблема. Завоевание этого ханства объяснялось без лишних прикрас и основывалось на схеме, рассмотренной выше.

«А Астороханской юрт нам в руки Бог дал тем обычаем: Емгурчей, царь, присылал к нам бити челом своего посла Ишима, князя, штоб нам по тому же его держати, как Казанской юрт держим в нашем имени. И мы к нему посылали с своим словом своего посла Савастьяна, толмача, и он нашего посла безчествовал да и ограбил. И мы за те его неправды посылали на него рать свою. А у нас в те поры был того ж юрта Дербыш-Алей, царь, и мы его в своей ж рати послали. И наши люди Асторохань взяли и Дербыш-Алея на Азсторохани по нашему велению царем учинили. И Дербыш-Алей нам не учал прямити, и мы потому на него и рать свою посылали, и в Асторохани воевод своих учинили. И потому так стало, а не изводя мусулманство так учинили есмь» [21, с. 200–201]. Интересно, что в рамках дипломатического дискурса совершенно отсутствует «Тмутараканская легенда» происхождения Астрахани, к которой традиционно прибегают при анализе московских легитимационных легенд. Об этом вскользь упомянул Н.М. Карамзин [12, стб. 136]. Позднее весь этот сюжет неоднократно упоминался. Наиболее цельно он был проанализирован А.И. Филюшкиным:

«В октябре 1553 г. окольник А.Ф. Адашев и дьяк И.М. Висковатый вели переговоры с ногайскими послами во главе с Исмаил-мурзой об утверждении на Астраханском престоле хана Дербиша-Али. Был заключен антиастраханский военный московско-ногайский союз. В ходе переговоров русские дипломаты прибегли к любопытной аргументации: Астрахань была названа ими древней Тмутараканью, вследствие чего, по их мнению, Иван получал на нее законное право как на древнюю вотчину своих предков» [29, с. 289].

Таким образом, исследователь пришел к выводу: во-первых, о ведении специальных переговоров в 1553 году между русскими и ногаями о судьбе Астраханского ханства; во-вторых, «Тьмутараканская» легенда использовалась ими для убеждения ногаев в закономерности захвата.

Концепция А.И. Филюшкина о легитимирующем характере «Тьмутараканской легенды», поддержанная рядом исследователей [7, с. 321], встретила более прохладный прием у востоковедов, которые отвели ей подсобную роль в деле обоснования захвата Астрахани [9, с. 160]. На наш же взгляд, это суждение А.И. Филюшкина не учитывает ряда данных и поэтому не может удовлетворять, и вот почему.

Во-первых, мы не можем согласиться с датировкой русско-ногайских переговоров октябрём 1553 года. Дата эта приводится в Никоновской летописи и в близких к ней. Однако, согласно ногайской посольской книге, ногайское посольство Тимур-батыра прибыло в Москву заметно позднее – 15 декабря 1553 года¹³. Не могло это быть и другим посольством, так как ногайские послы в Москве были в августе того же года. В октябре они покинули Москву, но 13 октября 1553 года стало известно о походе бия Ногайской Орды Юсуфа на Русское государство, и послов вернули в Москву¹⁴. После этого ногайских

¹³ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4. Л. 195, 195об.

¹⁴ Там же. Л. 181, 188об., 189, 189об., 191об.–192.

дипломатических агентов не было до декабря 1553 года. Таким образом, налицо смещение хронологии, имеющее место в летописных памятниках.

Во-вторых, мнение о русско-ногайских переговорах, направленных против Астраханского ханства, не учитывает динамики этого вопроса в отношениях России и Ногайской Орды в то время. Дело в том, что, хотя в летописях фигурирует просьба ногаев «оборонить их» от Ямгурчи-хана хаджитарханского [22, с. 253; 23, с. 544], посольские материалы демонстрируют полное молчание по астраханскому вопросу с мая 1553 года¹⁵. Молчало о нем и Русское государство¹⁶. Более того, один из наиболее последовательных сторонников Дервиш-Али в орде, Исмаил, в конце лета – начале осени начал мирные переговоры с Ямгурчи-ханом¹⁷. В целом, в том контексте, как он упоминается в летописях, ногаи вообще не ставили вопрос о Хаджи-Тархане.

Так же менялась позиция ногаев по вопросу о будущем Дервиш-Али. Уже в октябре 1552 года они разуверились в русской помощи в возведении его на хаджитарханский престол и требовали отпустить знатного эмигранта в Ногайскую Орду¹⁸. После «казанского взятия» русская дипломатия вновь будировала хаджитарханский вопрос, но ногаи сконцентрировались на попытке освобождения последнего хана Казани. Тот же Исмаил колебался в вопросе о будущем Дервиш-Али: то предлагал «учинить» его в Хаджи-Тархане, то, напротив, отослать к себе¹⁹.

Таким образом, можно отметить следующее. Летописи и посольская книга весьма отлично друг от друга передают обстоятельства русско-ногайских отношений по хаджитарханскому вопросу. Более того, посольские материалы фиксируют изменение позиции мирз по этой проблематике от активного стремления к смещению Ямгурчи-хана к более сдержанной позиции, вплоть до сворачивания этой политики. Пусковым моментом этих изменений, вероятно, стало «Казанское взятие».

Анализ летописных известий о переговорах с Тимур-батыром также вселяет в нас определенный скепсис об их характере. Согласно этим источникам, Иван Грозный велел А.Ф. Адашеву и И.М. Висковатому «выспросити» у послов Исмаила, «что их хотение, и велел с ними приговорити, как ся тому делу делати» [22, с. 235]. Здесь, на наш взгляд, уместнее говорить не о переговорах, а о неофициальных консультациях. Не последнее значение в нашем предположении играет тот факт, что, кроме вполне ясного летописного текста, в самих ногайских посланиях оснований для переговоров по хаджитарханскому вопросу нет.

После этих консультаций было принято решение об отправке Дервиш-Али в Хаджи-Тархан и войсковой операции по его возведению на престол [22, с. 235]. Однако нельзя сказать, что это решение было оглашено перед

¹⁵ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4. Л. 167–170об., 183об.–188.

¹⁶ Там же. Л. 175об.–181.

¹⁷ Там же. Л. 194–194об.

¹⁸ Там же. Л. 147–147об.

¹⁹ Там же. Л. 197об., 198об.

ногайскими послами. Более того, оно нашло отражение в секретной части наказа русскому послу Н.И. Бровцыну в 1554 году²⁰.

Таким образом, вместо официальных переговоров в 1553 году имели место консультации с ногайскими послами, которые привели к разработке секретной войсковой операции по смещению Ямгурчи-хана и возведению на престол Дервиш-Али.

Завершая наше рассмотрение вопроса о «переговорах» в 1553 году, отметим, что, несмотря на утверждение А.И. Филюшкина об использовании русскими дипломатами отождествления Астрахани с Тмутараканью в ходе «переговоров» с ногаями, летописи об этом не сообщают. Напротив, эта аргументация использовалась Иваном Грозным во время совета с боярами: «И царь и великий князь, положи упование на Всемогущаго Бога, почал съвѣтовати з бояры, как ему промышляти над Емгурчѣем царем Азтороханьским за свою обиду: на чем присылал послов своих Ишима князя бити челом, в том всем измѣнил и царева великого князя посла Севастиана ограбил. И вѣспомяна царь и великий князь древнее свое отечество, яже прежебывши его родителис-вьяиопочивший великий князь Владимир, просвѣтивый Русскую землю святым крещением, раздѣляя области на части дѣтем своим, и ту Азторохан, тогда именовалася Тмutorокань, и да еѣ сыну своему Мстиславу» [22, с. 235–236]. Так же передано это сообщение в Львовской и Лебедевской летописях [23, с. 544–545; 24, с. 225], однако его нет в других летописных памятниках, например, в Кратком московском летописце из Галле [см.: 3, с. 565]. Умалчивает о «тмутараканском» тождестве Астрахани и Летописчик Игнатия Зайцева, который при этом содержит весьма подробный, хоть и немногословный, рассказ об астраханском походе князя Ю.И. Шемякина-Пронского в 1554 г. [10, с. 19]. Ничего о том, что Астрахань – это древняя русская Тмutorокань, не знает и князь А.М. Курбский [8, с. 113; 13, с. 96], хотя и относит ее к древнерусским землям. Аргументация князя здесь следующая: по его мнению, некий князь Андрей Суздальский владел поволжскими землями вплоть до Каспийского моря, и тем самым эта территория еще до возникновения Астрахани принадлежала русским, и, соответственно, астраханское взятие 1554 г. – это отвоевание русских земель [6, с. 227; 7, с. 322]. Любопытно, что князь Андрей не часто обращавшийся к историческим примерам, если все-таки это делал, то выбирал наиболее «яркие иллюстративные сюжеты» [6, с. 225]. Не говорит ли его молчание о том, что «тмutorоканская легенда» ему была не известна? Если допустить это, то мы можем полагать, что она была доступна узкому кругу лиц и так и не стала легитимирующей легендой для внешнеполитического дискурса, создававшегося в Москве. Это подтверждается тем, что в посольском дискурсе теория о тмutorоканском происхождении вообще применения не имела. В контексте отношений с европейскими странами подчеркивалось, что «Астрахан государство было болше Казанского государства, изначала Болшие Орды государство началное в мусулманских государех» [7, с. 321]. Таким образом, теория легитимирующая захват Астрахани тем, что она якобы является древнерусской Тмutorоканью, не имела общепризнанного характера. Имеющиеся источники демонстрируют несколько способов объяснения, причем два

²⁰ См.: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4. Л. 210об.–211об.

метода были укоренены в летописной традиции, и только отождествление Астрахани с Большой Ордой имело активное внешнеполитическое использование. Возможно, это летописное сообщение указывает на некоторую оппозицию бояр дальнейшей завоевательной восточной политике в условиях не доведенного до конца замирения казанского края. О наличии глухой оппозиции решениям юного царя пишет князь Андрей Курбский [8, с. 68–69]. Уже в ноябре 1552 г. на представителей русских властей начались нападения луговых людей. Отряд, посланный на усмирение повстанцев, был разбит. Восставшим марийцам удалось блокировать Казань. Зимой 1553 г. они блокировали Свияжск, Васильсурск, нападали на муромскую, вятскую и нижегородские земли. Только весной 1553 г. царским войскам удалось перейти в наступление. В конце этого года из Нижнего Новгорода на подавление мятежа были двинуты значительные силы. В январе 1554 г. эта группировка при поддержке лояльного местного населения нанесла повстанцам серию поражений. Однако попытка подавить сопротивление руками лояльной казанской знати провалилась. Летом 1554 г. ряд казанских аристократов перешли на сторону повстанцев. Только осенью 1554 г. сводному русско-татарскому отряду удалось нанести серьезное поражение мятежной знати и марийцам, в восстании наметился спад [1, с. 139–153; 13, с. 76, 78]. Сами переговоры с ногайскими послами о судьбе Астрахани могли иметь место в январе 1554 г., когда еще не было понятно, удастся ли сломить сопротивление повстанцев в Казанской земле. В ногайской посольской книге зафиксирована следующая хронология: в декабре 1553 г. посольство прибыло, 22 января 1554 г. царь Иван «нагайских грамот слушал», а 26 января им дали аудиенцию, на которой им представили русского посланника Микулу Иванова сына Бровцына, на которого и возлагалась миссия по привлечению ногаев к захвату Астраханского ханства [19, с. 136, 137]. То есть, это решение принималось в сжатые сроки, и хронологически оно совпадает с тем периодом неопределенности в борьбе со сторонниками освобождения Казани от русских. В принципе, логично предполагать оппозицию этому решению царя в Боярской Думе. Князь Андрей Курбский сообщал об этих настроениях: «...яко многим уже совѣтовати со вопианием, да покинет мѣсто Казанское и град и воинство христианское сведет оттуды». Источники этих панических настроений он локализовывал без персонализации, что в принципе, свойственно Андрею Курбскому как автору: «А рада то была богатых и ливных мнихов и мирских...» [13, с. 84]²¹. Красноречивым подтверждением этому может служить сообщение так называемого Летописца Русского, опубликованного А.Н. Лебедевым²² в 1895 г., согласно которому, боярин, князь С.В. Звяга Лобанов-Ростовский сообщил литовскому послу Станиславу Довоине, что «...Казани царю и великому князю не здержать, ужжо ее покинет» [31, с. 14]. Интересно,

²¹ Пораженческие настроения в Москве в 1553–1554 гг. уже давно привлекли внимание ученых [см., например: 1, с. 145; 30, с. 140], но без связи с астраханской эпопеей.

²² Лебедев Андрей Николаевич (1842–1899), выпускник Московского университета (1868). Служил врачом на Орловско-Витебской железной дороге. Активный член Орловского медицинского общества и Орловской ученой архивной комиссии. Занимался книговедческими изысканиями, приобрел часть книжного собрания новосильского библиофила XVIII в. Василия Осипова. Описание библиотеки дал в 1896 г. в специальной статье [11, с. 80–81].

что в целом сообщение этого Летописца повторяет аналогичную статью Никоновской летописи, но слова о скором оставлении Казани есть только в публикации А.Н. Лебедева. Поэтому необходимо проанализировать эти уникальные сведения. Сам публикатор довольно скупо описывал рукопись. Приведем цитату полностью: «В лист, в бумажном переплете, писана красивою, очень разборчивою скорописью конца XVII века, на 323 листах» [31, с. III]. Рукопись была приобретена Лебедевым у тульского помещика М.В. Соймонова в 1893 г. [11, с. 81; 31, с. III]. Содержательно этот летописец повторял Львовскую летопись. А.Н. Лебедев предполагал, что «...как наша, так и известная Александро-Невская рукописи составляли части одного целого...» и вслед за А.Е. Пресняковым связывал их с лицевыми летописями [31, с. III]. При передаче текста публикатор части текста, не встречавшиеся в летописях, послуживших источником для текста, набрал курсивом. Лебедев отмечал, что все эти «излишки текста» оказались приписками, «сделанными на полях» так называемой «Никоновской летописи с рисунками» [31, с. IV]. Сразу после публикации источника последовал отзыв известного историка А.Е. Преснякова (1870–1929), напечатанный в июньском номере «Журнала министерства народного просвещения». Столичный исследователь с любезного разрешения А.Н. Лебедева смог познакомиться с рукописным собранием орловского библиофила и подробнее ознакомиться с рукописью летописца. А.Е. Пресняков отмечал, что рукопись Лебедевым была напечатана не вся, а только частично, полностью же она составляет 4 фолианта, разделенных «более или менее случайно» в XVIII веке [25, с. 467]. Исследователь предположил, что летописец А.Н. Лебедева является одной из копий с лицевого свода. Также он указал на связь этой летописи с Александро-Невской летописью: «...сорт бумаги тот же, так как на всех листах Александро-Невской летописи тот же водяной знак, что и в рукописи А.Н. Лебедева; в почерке, ни по общему впечатлению, ни после сличения начертания отдельных букв, я разницы не нашел» [25, с. 470]. Эти наблюдения позволили ему предположить, что обе летописи являются «частями одной и той же копии с большого лицевого свода» [25, с. 471]. В 1965 г. Летописец Русский А.Н. Лебедева был переиздан в Полном собрании русских летописей под названием «Лебедевская летопись». Публикаторы в водной статье повторили наблюдения А.Н. Лебедева и А.Е. Преснякова, уточнив, что почерк переписчика относится к третьей четверти XVII в. Основным источником Лебедевской летописи, по мнению А.Е. Преснякова, поддержанным публикаторами 2-ой половины XX в., оказалась Никоновская, а не Львовская летопись [25, с. 474; 24, с. 5–6]. Таким образом, сведения о словах князя Семена Ростовского о скорой сдаче Казани восходят к официальному летописанию, а если точнее, к припискам к лицевому своду. Не углубляясь в известную дискуссию об авторстве этих приписок, мы можем все-таки признать думскую оппозицию завоеванию Астраханского ханства, отмеченную в двух независимых источниках: приписках 70–80-х гг. XVI в. и «Истории» князя А.М. Курбского.

«Тмутараканская легенда» в том виде, в котором она фиксируется в ряде летописных памятников, очевидно, является развитием теории о покорении Поволжья еще древнерусскими князьями. Можно полагать, эти представления имели своих сторонников, но единой трактовки не было. Если в официальном летописании это связывалось с князем Владимиром Святым (Тмутаракань-Астрахань была дана в удел его сыну Мстиславу), то князь Андрей

Курбский писал о том, что «Бо тѣ княжата суздальские вѣлекомы от роду великого Владимира, и была на них власть старшая руская между всѣми княжаты боле двусот лѣтъ, и владѣл от них един Андрѣй, княжа Суздальское, Волгою рекою аж до моря Каспийского (выделено мною – М.М.)...» [13, с. 140–142]. Предпочтение Владимиру князя Андрея Суздальского, до сих пор точно не идентифицированного исследователями, вызывает определенные вопросы. Может быть, Курбский хотел вывести победные деяния древнерусских князей из-под московского имперского дискурса. В таком случае, признание этого Андрея родоначальником тверских князей может оказаться не ошибкой [13, с. 686], а намеренным искажением²³. В этом контексте любопытна следующая связь, предлагаемая Курбским: суздальские князья имели «старшую власть» над всеми русскими князьями [5, с. 95], а от них происходят князья тверские, и, стало быть, старшинство переходит к ним. Князь Андрей далеко не случайно увязал в этом небольшом предложении в рамках мартиролога суздальских князей покорение Андреем Суздальским Поволжья и происхождение от него тверских князей. Это была, на мой взгляд, крайне резкая инвектива, направленная не просто против царя Ивана, но и в целом против его рода; по сути, Курбский обвинял московских властителей в узурпации власти и в крайней неблагодарности к достижениям русских князей. Таким образом, перед нами системно переосмысленное представление о прошлом, которое выступало оружием в настоящем.

Итак, обращение при обосновании вторжения в Астраханское ханство к «тмутараканской легенде» носило вынужденный характер в условиях оппозиции Боярской думы и было направлено только на нее. Упоминание Тмутаракани могло быть воспринято русскими аристократами и церковными деятелями, так как в это время теория о принадлежности всего Поволжья древнерусским князьям имела очевидно широкую известность. Однако в дальнейшем представления о тождестве Тмутаракани и Астрахани не получили использование. «Тмутараканская легенда» играла факультативную роль в процессе обоснования права завоевания Астрахани русскими. Официальные летописи фиксируют, что хан Ямгурчи изменил царю, нарушив ранее данную присягу (шерть), ровно так же завоевание обосновывалось и в практике отношений с татарскими государствами. Поэтому можно заключить, что и в астраханском взятии, так же, как и в случае с Казанью, ведущая роль принадлежала топосу измены, понимаемой как нарушение шертной присяги.

Итак, следует признать, что сами по себе исторические примеры в посланиях выстраиваются в полемический текст, который имеет авторитарную природу и не рассчитан, казалось бы, на доброжелательное понимание. Ряд аргументов, используемых полемистами, имеют очевидный нелегитимный характер²⁴. Умолчание, подлог и прямой обман – обычный инструментарий дипломата. Вместе с тем выстраиваемый дискурс не был насквозь лживым и нетранспортным адресату. Напротив, он опирался на систему прецедентов

²³ Любопытно, что московские князья лишены персонального предка, а просто происходят, как и все князья, от Владимира Святого. Однако делать из этого какие-то определенные выводы не стоит, так как персональных предков нет и у князей стародубских, рязанских, ростовских, белозерских [см: 5, с. 95].

²⁴ Подробнее об авторитарности полемики и нелегитимной аргументации см: [14].

и образов, понятных и известных своему vis-à-vis. Именно в рамках такой практики происходило переосмысление исторического опыта русско-ордынских отношений и создание нового понимания характера отношений между Москвой и тюрко-татарскими государствами.

Мы можем полагать, что фронтальный пересмотр всего комплекса практик дипломатического общения с постордынскими государствами, происходивший в 1530-е гг., разрабатывался московскими интеллектуалами, окружавшими Елену Глинскую. Ведущая роль, скорее всего, принадлежала Ф.И. Карпову. В любом случае, предпочитались риторические стратегии, которые находят параллели в ренессансной Европе. Следующим этапом выстраивания исторической аргументации стало использование теории о давней принадлежности Поволжья древнерусским князьям. Московские интеллектуалы выработали связную картину прошлого – прошлого, в котором московские князья, а затем и царь, выступают как безусловные сюзерены над поволжскими ханствами. Следствием этой исторической политики стало понимание завоевания Казани и Астрахани не как необоснованной незаконной военной агрессии, а как реализации своего права на установление той формы управления, которая представляется Москве приемлемой. Грубо говоря: ставили ханов, а теперь из-за их измен и грубости «воевод своих учили». То есть, вроде, как ничего не изменилось – ничего, кроме персон! Конечно, такая логика не могла примирить крымского хана с этими изменениями. Но показательно, что в качестве основы для спора о судьбе завоеванных ханств отныне более существенную роль станут играть прения о вере, что позволяет нам предполагать негласное согласие с правом русских на эти земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
2. Бачинский А.А. «С розметом писано»: реакция на «невежливость» в рамках эпистолярно-дипломатического этикета русско-польских отношений XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 13–14.
3. Буганов В.И., Рогожин Н.М. Краткий Московский летописец начала XVII в. из г. Галле (ФРГ) // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 519–573.
4. Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001. С. 65–97.
5. Ерусалимский К.Ю. Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князей IX–XVI века // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2004. Вип. 4. С. 71–100.
6. Ерусалимский К.Ю. Историческая память и социальное самосознание князя Андрея Курбского // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2005. Вип. 5. С. 225–248.
7. Ерусалимский К.Ю. Исторические exempla Посольского приказа // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 307–328.
8. Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. II.
9. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004.
10. Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. V. 1950. С. 3–39.

11. Календарь памятных дат Орловского края на 2017 год / Орл. обл. науч. универ. публ. б-ка им. И.А. Бунина, отдел краевед. док. [сост. И.Н. Шмаркова; ред. Н.М. Кирилловская]. Орел, 2016. 135 с.
12. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. II. Т. VIII.
13. *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / Издание подготовил К.Ю. Ерусалимский, перевод А.А. Алексеев. М., 2015.
14. Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015.
15. *Моисеев М.В.* Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневеком нарративе // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 395–402
16. *Моисеев М.В.* Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. Вып. 6. С. 84–90.
17. *Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.
18. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995.
19. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.
20. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. (1576 г.) / Подг. к печати, введение и комментарии В.В. Трепавлова. М., 2003.
21. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М.В. Моисеев; подг. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М., 2016.
22. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13.
23. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 20.
24. Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29.
25. *Пресняков А.Е.* Новые данные для изучения московских летописных сводов // Журнал министерства народного образования. Июнь. Часть ССХСІХ. СПб., 1895. С. 466–475.
26. *Рахимзянов Б.Р.* Базис и эволюция отношений «Орда – Москва» (XIII–XVII вв.) // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии. М., 2017. С. 381–387.
27. *Трепавлов В.В.* История и историческое время в представлениях позднесредневековых кочевников Евразии // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 191–203.
28. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002.
29. *Филлюшкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.
30. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
31. Летописец русский (Московская летопись) / Подг. к изданию действ. член Орловской ученой архивной комиссии А.Н. Лебедев // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1895, книга третья. Вып. 174. М., 1895. С. I–IV + 1–190.
32. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2016.

Сведения об авторе: Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Учебно-научного центра социокультурных проектов Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета (125993, Миусская площадь, 6, ГСП-3, Москва, Российская Федерация); заведующий сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016 (119021, Zubovskiy bul'var, 2, Москва, Российская Федерация). E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

Поступила 02.02.2018 Принята к публикации 24.05.2018

Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Bakhtin A.G. *XV–XVI veka v istorii Mariyskogo kraya* [The 15th–16th centuries in the history of the Mari region]. Yoshkar-Ola, 1998. (In Russian)
2. Bachinskiy A.A. «S rozmetom pisano»: reaktsiya na «nevezhlivost'» v ramkakh epistolyarno-diplomaticeskogo etiketa russko-pol'skikh otnosheniy XVI v. [“S rozmetom pisano”: reaction to the “incivility” in the framework of the epistolary and diplomatic etiquette of the Russian-Polish relations of the 16th century.] *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle ages]. 2017, no. 3, pp. 13–14. (In Russian)
3. Buganov V.I., Rogozhin N.M. Kratkiy Moskovskiy letopisets nachala XVII v. iz g. Galle (FRG) [Brief Moscow chronicler of the early seventeenth century from Halle (Germany)]. *Arkhiv russkoy istorii* [Archive of Russian history]. Moscow, 2007, is. 8, pp. 519–573. (In Russian)
4. Halperin Ch. Ideologiya molchaniya: predvzyatost' i pragmatizm na srednevekovoy religioznoy granitse [The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Russian Religious Frontier]. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoy i Moskovskoy Rusi. Antologiya* [American Russian studies. Milestones of historiography in recent years. Period of Kiev and Moscow Rus'. Antology]. Samara, 2001, pp. 65–97. (In Russian)
5. Erusalimskiy K.Yu. Predstavleniya Andrey a Mikhaylovicha Kurbskogo o knyazheskoy vlasti i russkikh knyazey IX–XVI veka [Representations of Andrei Mikhailovich Kurbsky of princely power and Russian princes of the 9th–16th centuries]. *Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii* [Socium. Almanac of social history]. Kyiv, 2004, is. 4, pp. 71–100. (In Russian)
6. Erusalimskiy K.Yu. Istoricheskaya pamyat' i sotsial'noe samosoznanie knyazya Andrey a Kurbskogo [Historical memory and social consciousness of Prince Andrei Kurbsky]. *Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii* [Socium. Almanac of social history]. Kyiv, 2005, is. 5, pp. 225–248. (In Russian)
7. Erusalimskiy K.Yu. Istoricheskie exempla Posol'skogo prikaza [Historical exempla of the Embassy office]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneyshikh vremen do XX veka* [Proceedings of the Department of Russian history from ancient times to the 20th century]. St. Petersburg, 2006, pp. 307–328. (In Russian)
8. Erusalimskiy K.Yu. *Sbornik Kurbskogo. Issledovanie knizhnoy kul'tury* [A Collection of Kurbsky. The study of book culture]. Moscow, 2009. Vol. II. (In Russian)
9. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2004. (In Russian)
10. Zimin A.A. Kratkie letopisty XV–XVI vv. [Brief chronicles of the 15th–16th centuries]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. 1950, vol. 5, pp. 3–39. (In Russian)

11. *Kalendar' pamyatnykh dat Orlovskogo kraya na 2017 god* [Calendar of memorable dates of the Oryol region for 2017]. Orl. Obl. nauch.Univer. Publ. B-ka im. I.A. Bunina, otdel kraeved. dok. [sost. I.N. Shmarkova; red. N.M. Kirillovskaya]. Orel, 2016. 135 p. (In Russian)
12. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state]. Moscow, 1989. Part II. Vol. VIII. (In Russian)
13. Kurbskiy A.M. *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo* [The History of the Grand Duke of Moscow's Deeds]. Izdanie podgotovil K.Yu. Erusalimskiy, perevod A.A. Alekseev. Moscow, 2015. (In Russian)
14. *Mnogolikaya sofistika: nelegitimnaya argumentatsiya v intelektual'noy kul'ture Evropy Srednikh vekov i rannego novogo vremeni* [Multifaceted sophistry: illegitimate arguments in the intellectual culture of Europe of the Middle ages and early modern times]. Otv. red. P.V. Sokolov. Moscow, 2015. (In Russian)
15. Moiseev M.V. Obosnovanie prav na Kazanskoe khanstvo v russkom srednevekom narrative [Justification of the rights to the Kazan khanate in the Russian medieval narrative]. *Mininskie chteniya: Trudy uchastnikov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo (24–25 oktyabrya 2008 g.)* [Minin readings: Proceedings of the international scientific conference. Nizhny Novgorod state University named after N.I. Lobachevsky (24–25 October 2008)]. Nizhniy Novgorod, 2010, pp. 395–402. (In Russian)
16. Moiseev M.V. Shertnye gramoty v kontekste russko-nogayskikh otnosheniy v XVI v. [Charters of shert in the context of the Russian-Nogai relations in the 16th century]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Kazan, 2014, is. 6, pp. 84–90. (In Russian)
17. Morozov V.V. *Litsevoy svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI veka*. [Litsevoy svod in the context of the domestic chronicle of the 16th century.]. Moscow, 2005. (In Russian)
18. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549* [The Book of Embassies on the Relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala, 1995. (In Russian)
19. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg.* [The Book of Embassies on the Relations between Russia and the Nogai Horde. 1551–1561]. Publikatsiya teksta / Sost. D.A. Mustafina, V.V. Trepavlov. Kazan', 2006. (In Russian)
20. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. (1576 g.)* [The Book of Embassies on the Relations between Russia and the Nogai Horde. (1576)]. Podg. k pečhati, vvedenie i kommentarii V.V. Trepavlova. Moscow, 2003. (In Russian)
21. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg.* [The Book of Embassies on the Relations between the Muscovite State and Crimea, 1567–1572]. Otv. redaktor M.V. Moiseev; podg. teksta A.V. Malov, O.S. Smirnova; stat'i, komment. A.V. Vinogradov, I.V. Zaytsev, A.V. Malov, M.V. Moiseev. Moscow, 2016. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, 2000. Vol. 13. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, 2000. Vol. 20. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, 1965. Vol. 29. (In Russian)
25. Presnyakov A.E. Novye dannye dlya izucheniya moskovskikh letopisnykh svodov [New information for the study of Moscow Chronicles]. *Zhurnal ministerstva narodnogo obrazovaniya* [Journal of the Ministry of education]. St. Petersburg, 1895, June, part CCXCIX, pp. 466–475. (In Russian)

26. Rakhimzyanov B.R. *Bazis i evolyutsiya otnosheniy «Orda – Moskva» (XIII–XVII vv.)* [Basis and evolution of the relations “Horde-Moscow” (13th–17th centuries.)]. *XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoy Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii* [XIII Faizkhanov readings. Heritage of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia]. Moscow, 2017, pp. 381–387. (In Russian)
27. Trepavlov V.V. *Istoriya i istoricheskoe vremya v predstavleniyakh pozdne-srednevekovykh kochevnikov Evrazii* [History and historical time according to the conception of the late medieval nomads of Eurasia]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2001 god: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya* [The Oldest States of Eastern Europe: 2001: Historical memory and forms of its implementation.]. Moscow, 2003, pp. 191–203. (In Russian)
28. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [The History of the Nogai Horde]. Moscow, 2002. (In Russian)
29. Filyushkin A.I. *Istoriya odnoy mistifikatsii: Ivan Groznyy i «Izbrannaya Rada»* [The history of one mystification: Ivan the Terrible and the “Chosen Council”]. Moscow, 1998. (In Russian)
30. Khoroshkevich A. L. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy sereдины XVI veka* [Russia in the System of International Relations in the middle of the 16th century]. Moscow, 2003. (In Russian)
31. *Letopisets russkiy (Moskovskaya letopis')* [The Russian Chronicler (Moscow Chronicle)]. Podg. k izdaniyu deystv. chlen Orlovskoy uchenoy arkhivnoy komissii A.N. Lebedev. *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in the Imperial society of history and antiquities of Russia at the Moscow University]. Moscow, 1895, book III, is. 174, pp. i–iv + 1–190. (In Russian)
32. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [This Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow, 2016. (In Russian)

About the author: Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Researcher Fellow of the Department of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Square, GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation); Head of the sector, Museum Association “Museum of Moscow” (2, Zubovskiy Blvd., Moscow 119021, Russian Federation). E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

*Received February 2, 2018 Accepted for publication May 24, 2018
Published June 29, 2018*

НЕИЗВЕСТНЫЕ КАСИМОВСКИЕ ЭПИТАФИИ ИЗ НОВОГО ИЕРУСАЛИМА

И.В. Зайцев^{1,2}

¹ *Институт научной информации по общественным наукам РАН*

² *Институт российской истории РАН*

Москва, Российская Федерация

ilyaAugust@yandex.ru

Цель: изучение средневековой эпитафики Касимова.

Материалы исследования: надгробные камни в лапидарии Новоиерусалимского музея.

Результаты и научная новизна: статья является публикацией текстов двух средневековых татарских надгробий из Касимова. Одна эпитафия принадлежит некоей Сююн-бик-каин, дочери султана Кайбуллы, скончавшейся в понедельник в конце мухаррама 1003 г.х. (начало октября 1594 г.) в возрасте 27 лет. Вторая эпитафия сохранилась частично и не содержит имени погребенного и даты его смерти. Обе эпитафии содержат в начальной части арабские хадисы.

Ключевые слова: татарская средневековая эпитафика, Касимовское ханство, касимовские татары, мусульманские надгробные памятники

Для цитирования: Зайцев И.В. Неизвестные касимовские эпитафии из Нового Иерусалима // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 304–311. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.304-311

Благодарности: Я признателен Александру Григорьевичу Авдееву, который не только обратил мое внимание на новоиерусалимские надгробия, но и снабдил меня фотографиями памятников. Особую благодарность хотелось бы выразить Никите Савельеву за фотографии и обмеры камней.

TWO MEDIEVAL TATAR TOMBSTONES FROM KASIMOV

I.V. Zaytsev^{1,2}

¹ *Institute of Scientific Information of Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences*

² *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*

Moscow, Russian Federation

ilyaAugust@yandex.ru

Abstract: Research objectives: Medieval Tatar epitaphs from Kasimov.

Research materials: Texts found on two medieval Tatar tombstones from Kasimov.

Research results and novelty: This article is a publication of the texts of two medieval Tatar tombstones from Kasimov which have been preserved in the collection of Novy Ierusalim Museum (Moscow Region). The first epitaph belongs to a certain Syun-biq-qain,

the daughter of the Sultan of Qaybullā. She died on Monday at the end of Muharram 1003 AH (early October, 1594), aged 27 years. The second epitaph is partially preserved and contains neither the name nor date of death of the buried person. Both epitaphs begin by bearing Arabic Hadiths.

Keywords: Tatar medieval epigraphy, Kasimov Khanate, Kasimov Tatars, Muslim tombstones

For citation: Zaytsev I.V. Two Medieval Tatar Tombstones from Kasimov. *Zoloto-ordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 304–311. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.304-311

Acknowledgments: I am indebted to Alexander G. Avdeev and Nikita Saveliev for the photos of the tombstones.

В 2006 году была опубликована монография, посвященная некрополю подмосковного Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. В ней нашлось место и двум фрагментам плит неизвестного происхождения с арабско-графичными эпитафиями: «На северном участке старого братского кладбища (С1-09) сохранилось надгробие мусульманина Султана Юсофа бен Касема, выходца из древнего города Хорсанда, располагавшегося на территории современного Таджикистана. Предположительно датируют это надгробие концом XVII века. Плита ... была привезена сюда с мусульманского кладбища известным архитектором-реставратором П.Д. Барановским, работавшим в Новом Иерусалиме в 1950-х годах» [6, с. 93–94].

В другом месте книги авторы писали: «Отдельно следует сказать о тексте надгробной плиты (С1-09) над погребением Султана Юсуфа бен Касема из города Хорсанда как образце мусульманской эпиграфики. Сохранившиеся фрагменты надгробия с надписями были обследованы докт. филол. наук В.Э. Шагалем (Институт востоковедения РАН), который сделал следующий вывод. Формуляр надписи типичен для мусульманской погребальной культуры. Он содержит в себе в виде отдельного текстового блока цитаты из Корана, написанные по-арабски (*И сказал пророк «Да пусть он будет святым и жизнь его будет долгой. Ты покидаешь этот мир и уходишь в другой мир...»*)), а также собственно мемориальную часть, написанную по-персидски, где и сообщается имя и происхождение погребенного» [6, с. 270–271]¹. Есть в книге и иллюстрация. Впрочем, как часто бывает в восточноведных изданиях, надписи даны в зеркальном отображении.

Обращение к самим камням убеждает в том, что прочтение и трактовка эпитафий в книге Г.М. Зеленской и А.В. Святославского не соответствует действительности. На самом деле новоиерусалимские надгробия не имеют никакого отношения к Таджикистану, а принадлежат кругу позднезолото-ордынской эпиграфики: с точки зрения содержания, в языковом отношении, графически, а также приемами оформления и стилистикой декора они ближе всего стоят к эпиграфике Касимова.

Совершенно очевидно, что обе плиты содержат стандартные начала *матна* хадисов – «сказал пророк, да будет над ним мир!» (قال النبي عليه السلام) и

¹ Северный участок старого братского кладбища (к северу от подземной церкви во имя свв. Константина и Елены). С1-09 Султан Юсоф бен Касем (Надгробие с мусульманского кладбища, на хранении в Новом Иерусалиме) [6, с. 302].

частично тексты самих хадисов. Большой фрагмент (плита I) сохранил дату и имя погребенного. В меньшем осколке плиты, к сожалению, ни имя, ни дата не сохранились. Имея в качестве образцов уже опубликованные эпитафии, можно предположить, что с оборотной стороны плит также могли находиться надписи (обычно, это были указания на заказчиков памятников – родственников погребенных). На боковых гранях плит также имеются остатки надписей в вытянутых резных картушах-медальонах, однако чтению они не поддаются из-за очень плохой сохранности.

В тексте огласовки не учтены. Сохранено разбиение на строки.

Плита I

Общая высота 90 см. Верхняя часть утрачена.

Сохранилась концовка текста на высоту 55 см.

Высота нижней части, предназначавшейся для вкапывания, 35 см.

Текст:

قال النبي عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة

قال النبي عليه السلام الدنيا مزرعة الآخرة

تاريخ ميکدا اوحداً محرم آى نينک اڅريندا دوشنبه کون قايب الله

سلطان يوجونى سوين بك قاين يكرمى يتى ياشندا دونيادين نقل قىلدى

Самая близкая аналогия тексту хадиса обнаруживается в касимовских памятниках:

1) «сказал пророк, да будет над ним мир! Эта жизнь есть час, употребляйте ее на служение (Богу)». В.В. Вельяминов-Зернов переводил так: «жизнь человеческая скоропреходяща, употребляй ее на дела угодные Богу». На традиционность использования хадисов в касимовских памятниках и их параллели в других эпитафиях с территории Золотой Орды обратил внимание еще В.В. Вельяминов-Зернов. Он приводил поздние аналогии с территории тогдашней Оренбургской губернии (окрестности Уфы, близ мещеряцкой деревни Тирма). Так, на памятнике некоего Такыр-батыра (ум. в 1107/1695–96) имелась та же формула²: الدنيا ساعة فجعلها طاعة.

2) قال النبي عليه السلام الدنيا مزرعة الآخرة

«Эта жизнь – посевное поле жизни загробной» (В.В. Вельяминов-Зернов переводил: «мир сей есть поле, но котором сеются семена для будущей жизни») [3, с. 95].

Формуляр Новоиерусалимской надписи идентичен образцам из Касимова [2, с. 539–542; 6, с. X, № 6].

К числу заслуживающих внимания особенностей написания текста следует отнести пропуск первого алифа в слове اڅريندا. Очевиден орфографический разнобой между арабским и тюркским текстами, что заметно даже по написанию одного слова: دنيا и دونيا.

Автор эпитафии предпочел форму نقل вместо نقل.

² [2, с. 557–558]. Этот памятник был описан впервые еще в книге И.Г. Георги (1775 г.).

Отдельно стоит остановиться на двух терминах родства, употребленных в надписи. Это слово *каин* (قائين), означающее собственно родню по супруге, которое не употреблялось отдельно, но всегда в составе сложных слов вроде *каин-ата*, *каин-ага*, *каин-ини*, *каин-туташи* и проч. (соответственно, тещь, старший и младший шурина, племянник, невестка). В данном случае это часть личного имени погребенной. Возможно, в сочетании этом (*бик-каин*) стоит видеть другую форму слова *каин-бике* (младшая свояченица) [7, с. 34–35]. Второе слово – *юджун* (يوجون) – в свое время вызвало развернутое объяснение В.В. Вельяминова-Зернова, который видел в нем обозначение не только родной дочери и дочери приемной, но вместе с тем и всякой вообще близкой родственницы [2, с. 505–510].

Таким образом, эпитафия принадлежит некоей Сююн-бик-каин, дочери султана Кайбуллы, скончавшейся в понедельник в конце мухаррама 1003 г.х. (начало октября 1594 г.) в возрасте 27 лет. Родилась она, значит, в 1567 г.

В.В. Вельяминов-Зернов некогда отмечал: «весь период времени от 1586 до 1600 г. составляет в истории Касимова эпоху темную. За все эти тринадцать лет мне известны только: одна жалованная грамота царя Федора Ивановича 1587 г. и один надгробный памятник 1594 г.» [3, с. 93]. Памятник относится к началу мухаррама того же 1003 г.х., когда в понедельник в возрасте 17 лет в Касимове умерла некая Яхшилык-ханыш, дочь мирзы Айдара [3, с. 95–96].

Теперь очевидно, что Абдулла б. Аккубек, который выехал на Русь в 1552 г., и скончавшийся около 1570 г., был весьма чадолюбив: у него было пять сыновей и не менее пяти дочерей (ранее было известно о четырех). Катар-салтан (Катар-туташи) умерла в 1020/1611–12 гг., Ахтанай (Ульяна) покинула этот мир после 1615 г., Даулетли-ханым скончалась в 1592 г., года смерти четвертой дочери – Ак-ханым – мы не знаем (ее надгробие сохранилось не полностью) [2, с. 536; 4, с. 39–40, 42–43; 1, с. 63–64]. Получается, что Сююн-бек-каин (1567–1594) была пятой дочерью Абдуллы, и всего у него было 10 детей. Само по себе это не вызывает особых подозрений в правдоподобности.

Впрочем, есть одна странность. В эпитафиях Ак-ханым, Девлетли и Катар-туташи имя их отца написано однозначно правильно по-арабски – Абдулла. Так же это имя написано и в эпитафиях его сыновей. А отец Сююн-бек назван Кайбулла (قايب الله). Сложно предположить, что автор эпитафии не знал правильного написания этого арабского по происхождению имени. Еще В.В. Вельяминов-Зернов осторожно задался вопросом: а не было ли на Руси еще одного Абдуллы/Кайбуллы, помимо сына астраханского хана Ак-Кубека? [4, с. 40–41]. Основанием для этого служило то, что двум предполагаемым сыновьям Абдуллы (Кутлуг-Гирею и Муртазе-Али) дали при крещении одинаковое имя – Михаил.

Ответить на этот вопрос пока не представляется возможным. Однако заслуживает внимания то, что имя отца погребенной написано с очевидной ошибкой.

Плита I

Плита II

Автор
фотографий
А.Г. Авдеев

Плита II

Обломок неправильной формы (высота от 40 до 50 см).

Две первых строки из сохранившихся трех читаются довольно уверенно:

عبد الله كمثال آدم خلقه من تراب ثم قال له كن فيكون

قال الله سبحانه و تعالى كل نفس داعة الموت

قال الله سبحانه و تعالى باى ارض تموت

Устойчивость сочетаний хадисов на ордынских эпитафиях позволяет реконструировать последнюю строку и предполагать наличие как минимум предшествующей строки.

بِأَيِّ أَرْضٍ تَمُوتُ إِنَّ اللَّهَ عَلِيمٌ خَبِيرٌ

«Сказал Аллах Преславный и Всевышний: «Не знает душа, на какой земле она умрёт. Поистине Аллах всезнающ, всеведущ» [Коран 31:34 (окончание)]. Аналогии этой надписи также есть в Касимове [2, с. 514, № 6; 6, с. 95, X, № 6].

Вторая строка قال الله سبحانه و تعالى كل نفس داعة الموت

Сказал Аллах Преблагословенный и Всевышний: «Каждая душа вкусит смерть» [Коран 29:57 (часть)].

* * *

Попробуем разобраться, как попали касимовские надгробия в Новоиерусалимский монастырь. В этом нам помогут материалы Архива Государственного музея Востока, а именно Протокол № 36 заседания Правления Музея восточных культур (так тогда назывался ГМВ) от 14 мая 1927 г. На заседании присутствовали: Б.П. Денике, Ф.В. Гогель, И.Н. Бороздин, В.А. Гурко-Кряжин. Председатель: Б.П. Денике. Пятым пунктом повестки заседания был вопрос о командировке Б.П. Денике в Касимов. «Б.П. Денике просит разрешить ему командировку в Касимов за собственный счет сроком с 22 по 29 мая для осмотра памятников татарской культуры». Присутствовавшие на заседании постановили разрешить Б.П. Денике эту поездку³.

17 октября того же года на заседании Правления Музея восточных культур от 14 мая 1927 г. (присутствовали те же, с тем же председателем) первым пунктом повестки слушали сообщение Б.П. Денике о «получении из Касимова татарских надгробий». В сообщении Б.П. Денике дал «краткое обоснование научно-художественной ценности надгробий»⁴. Собравшиеся приняли сообщение к сведению.

17 декабря 1927 г. Б.П. Денике сделал доклад в РАНИОН под названием «Художественные памятники касимовских татар», в котором, скорее всего, использовал привезенные из Касимова камни⁵. В начале 1928 г. Б.П. Денике выступил с тем же докладом на заседании историко-этнологического отдела Научной ассоциации востоковедов [5, с. 108].

³ Архив Государственного Музея Востока. Оп.1. Ед.хр.16. Л.39–39об. Этот пятый пункт повестки, в отличие от основного текста протокола, не машинописный, а подписан чернилами, возможно, позднее. См. также: [5, с. 93].

⁴ Архив Государственного Музея Востока. Оп.1. Ед.хр.16. Л.53.

⁵ Архив Государственного Музея Востока. Оп.1. Ед.хр.3. Л.25об.

Следующий документ, датированный 29 января 1932 г., заслуживает того, чтобы быть опубликованным целиком. Этот текст наглядно показывает, как изменилось положение вещей в советском музееведении и востоковедении за неполные пять лет со времени касимовской экспедиции Б.П. Денике. Документ представляет собой фрагмент переписки нового директора Музея и ученого секретаря с Народным комиссариатом просвещения и сочетает в себе черты докладной записки с настоящим доносом.

«В Сектор науки Наркомпроса

Музей Восточных Культур настоящим отношением просит утвердить списание с инвентарной книги двух могильных камней, привезенных бывш. директором Музея т.Денике. Настоящие камни привезены из г.Касимова, не отличаются художественной ценностью и абсолютно [подчеркнуто в машинописном тексте, – И.З.] не нужны Музею для работы. Привоз этих камней, обошедшийся в общей сложности в 300 руб., является головотяпством б.[ывшего, – И.З.] буржуазного руководства. Их перевозка вызывает постоянные лишние расходы, так как указанные камни – огромной тяжести. Музей Народоведения, где в настоящее время хранятся эти плиты, отказался их взять, несмотря на то, что они являются историко-этнографическим материалом.

Музей просит Сектор Науки одновременно со списыванием этих камней с инвентаря, взыскать с быв. директора стоимость перевозки этих камней из Касимова в Москву.

Директор Музей [подпись] /Лидак/
Ученый секретарь [подпись] /Сергеев/»⁶.

Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что два фрагмента надгробий были привезены в 1927 г. из Касимова в Москву в Музей восточных культур его директором Б.П. Денике. В 1932 г. по просьбе нового «пролетарского» руководства Музея камни, скорее всего, списали. Где они находились до 1950-х годов, когда благодаря П.Д. Барановскому они попали в Новый Иерусалим, я не знаю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляков А.В.* Чингисиды в России. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.
2. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.
3. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.
4. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866.

⁶ Архив Государственного Музея Востока. Оп.1. Ед.хр.67. Л.2, 15–16. См. также: [5, с. 200]. В книге В.Е. Войтова текст обращения в Наркомпрос несколько отличается от того, которое приводится здесь. К тому же фамилия ученого секретаря Музея, подписавшего обращение, не соответствует оригиналу документа. Возможно, В.Е. Войтов использовал другой вариант обращения. «Как развивалось это дело далее, архивы МВК не сообщают, но данные плиты больше никогда в документах не упоминались», – замечает автор книги [5, с. 200].

5. Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. 1918–1950. Люди, вещи, дела / Под общей редакцией В.А. Набатчикова. М., 2003.
6. Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. М., 2006.
7. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских. Составил Л.З. Будагов. СПб., 1870. Т. II.

Сведения об авторе: Илья Владимирович Зайцев – доктор исторических наук, временно исполняющий обязанности директора Института научной информации по общественным наукам РАН (117418, Нахимовский пр-т, 51/21, Москва, Российская Федерация); старший научный сотрудник Института российской истории РАН (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

Поступила 20.02.2018 Принята к публикации 30.05.2018
Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii. Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia. A prosopographic study]. Ryazan, 2011. (In Russian)
2. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research on the tsars and tsarevichs of Kasimov]. Part 1. St. Petersburg, 1863. (In Russian)
3. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research on the tsars and tsarevichs of Kasimov]. Part 2. St. Petersburg, 1864. (In Russian)
4. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research on the tsars and tsarevichs of Kasimov]. Part 3. St. Petersburg, 1866. (In Russian)
5. Voytov V.E. *Materialy po istorii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka. 1918–1950. Lyudi, veshchi, dela* [Materials for the History of the State Museum of Orient, 1918–1950. Persons, artifacts, activity]. Pod obshchey redaktsiyey V.A. Nabatchikova. Moscow, 2003. (In Russian)
6. Zelenskaya G.M., Svyatoslavskiy A.V. *Nekropol' Novogo Ierusalima. Istoriko-semioticheskoe issledovanie* [Necropolis of the New Jerusalem Monastery. A historical and semiotic research]. Moscow, 2006 (In Russian)
7. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy so vklyucheniem upotrebiteľnykh slov arabskikh i persidskikh* [Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects with the inclusion of the most common Arabic and Persian words]. Sostavil L.Z. Budagov. St. Petersburg, 1870. Vol. II. (In Russian)

About the author: Il'ya V. Zaytsev – Dr. Sci. (History), Acting Director of the Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21, Nakhimovsky prospect, Moscow 117418, Russian Federation); Senior Researcher Fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

Received February 20, 2018 Accepted for publication May 30, 2018
Published June 29, 2018

КАСИМОВСКИЕ ТАТАРЫ ИЗ РОДА КЫПЧАК

М.М. Акчурин^{1*}, **М.Р. Ишеев**², **А.В. Беляков**³,
Т.А. Абдурахманов⁴, **Р.Р. Салихов**⁵

^{1,5} *Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация*

^{2,4} *Центр историко-родословных исследований «TatarGen.Ru»
Казань, Российская Федерация*

³ *Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
* bigeevo@yandex.ru*

Цель: изучить три татарские родословные, восходящие к золотоордынскому князю Исеню Кипчацкому.

Материалы исследования: были обнаружены три родословные. Одна из них из Саратовского областного архива принадлежит татарам Хвалынской округи по фамилии Кипчакские, следующие две принадлежат касимовским татарам Тонкачевым – они хранятся в Астраханском областном архиве и в Российском государственном архиве древних актов. Эти родословные были детально изучены. Указанные в них персоны были сопоставлены с личностями, сведения о которых содержатся в документальных источниках.

Результаты и научная новизна: выяснилось, что ряд княжеских и мурзинских фамилий касимовских татар, таких, как Тонкачевы (Тонкачевы), Булушевы, Алышевы, Кикичевы, Емашевы, а также татар Кипчацких Саратовского наместничества, являются родственными. Они ведут свое происхождение от князей из клана Кыпчак – одного из самых влиятельных в Золотой Орде. В Касимове эти князья имели особый статус карачи-беков. Результаты генетических исследований показали вероятность родства данных татарских фамилий с современными носителями этнонима кыпчак, что подтверждает кыпчакское происхождение золотоордынских князей этого рода.

Ключевые слова: родословные, золотоордынский род Кыпчак, касимовские князья, карачи-беки, мурзы

Для цитирования: Акчурин М.М., Ишеев М.Р., Беляков А.В., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р. Касимовские татары из рода Кыпчак // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 312–341. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.312-341

Благодарности: Авторы выражают искреннюю благодарность Камиллю Алимовичу Аблязову (г. Саратов) за финансовую помощь в получении материалов.

KASIMOV TATARS OF THE KYPCHAK TRIBE

M.M. Akchurin^{1*}, *M.R. Isheev*², *A.V. Belyakov*³,
*T.A. Abdurakhmanov*⁴, *R.R. Salikhov*⁵

^{1,5} *Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

^{2,4} *Center of the historical and genealogical researches "TatarGen.Ru"
Kazan, Russian Federation*

³ *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

* *bigeevo@yandex.ru*

Abstract: *Objective:* To study the three Tatar genealogies dating back to the Golden Horde's Prince Isenei Kypchatsky.

Research materials: This study has detected three genealogies. One of them from the Saratov regional archive belongs to the Tatars of Khvalynsky district, bearing the surname Kipchaksky. Two others, from the Astrakhan regional archive and the Russian State Archives of Ancient Acts respectively, belong to those Kasimov Tatars bearing the surname Tonkachev. These genealogies have been studied in detail. The persons mentioned in them were then compared with individuals mentioned in documentary sources.

Results and novelty of the research: It was found that a number of the princes' and murzas' surnames of Kasimov Tatar groupings – such as Tonkachevs (Tonkacheevs), Bulushevs, Alyshevs, Kikichevs, Emashevs as well as of the Kypchatsky Tarars of Saratov governorship – are related. They originate from the princes of the Kypchak tribe – one of the most influential in the Golden Horde. These princes had the special status of Karachi begs. DNA tests have revealed the possibility of the relationship of these Tatar surnames with modern carriers of the Kypchak ethnonym, which strongly supports the Kypchak origin of the Golden Horde's princes from this clan.

Keywords: genealogies, Kypchak clan of the Golden Horde, Kasimov princes, Karachi begs, murzas

For citation: Akchurin M.M., Isheev M.R., Belyakov A.V., Abdurakhmanov T.A., Salikhov R.R. Kasimov Tatars of the Kypchak Tribe. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 312–341. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.312-341

Acknowledgments: The authors are grateful to Kamil Ablyazov (Saratov) who provided financial assistance in obtaining materials.

Ol zamana gelince kabail-i Tatarдан Şirin ve Barin ve Argın ve **Кыпчак**
 ümerası Karaçu tabiri ile kabail-i saireden mümtaz iken
 (*Seyyid Muhammed Rıza, Es Sebü's-Seyyar fi Ahbar-ı Mulûku 't-Tatar*)
 [42, с. 194; 6, с. 415]

Перевод:

«До тех пор из татарских родов роды Ширин, Барын, Аргын и **Кипчак**
 отличались от прочих тем, что их бики были карачиями...»

(*Сейид-Мухаммед-Риза, Семь планет в известиях о царях татарских*)
 [6, с. 415]

В Саратовском областном архиве в делах о восстановлении дворянства был обнаружен один документ, представляющий собой прошение в Пензенское дворянское депутатское собрание, поданное в 1784 г. татарами из деревень Хвалынской округи Саратовского наместничества (ныне в Саратовской и Ульяновской областях). При знакомстве с его содержанием, в первую очередь, на себя обращает внимание фамилия просителей – Кипчацкие. Фамилия звучит нетипично для татар Среднего Поволжья, и еще важно, она означает, что ее носители имеют отношение к кыпчакам.

Кыпчак – название одного из самых могущественных кланов Золотой Орды. Возвышение татарских князей из рода Кыпчак в Поволжье связано с захватом ханом Токтамышем престола в Сарае. Эти события описаны в сочинении Утемиш-хаджи. В XIV веке кыпчакский эль входил в состав улуса Урус-хана в восточной части Дешт-и Кыпчак (на территории современного Казахстана). Однако, после конфликта Токтамыша с Урус-ханом, некоторые представители традиционно близких к Токтамышу элей стали переходить на его сторону; вот как об этом сообщает Утемиш-хаджи: «сорви-головы, лихие молодцы из этих элей потянулись к нему в нукеры и начали поддерживать» [40, с. 115]. В итоге Токтамыш покинул пределы улуса Урус-хана и ушел на Волгу. По словам Утемиш-хаджи, он забрал эли Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак и «прочие свои эли и ушел к реке Идил» [40, с. 116]. Видимо, основателем династии поволжских эмиров из рода Кыпчак стал один из приближенных к хану Токтамышу «нукеров». С этого времени представители клана занимали почетные должности карачи-беков в Золотой Орде и продолжали сохранять свой политический вес после ее распада [16, с. 123–139].

Просители предоставили грамоту 1632 г., выданную мурзе Уразаю Крачеву сыну князь Исин Кепчацкому. Такое необычное написание фамилии, дает нам право предполагать, что мурза Уразай являлся потомком некоего князя Исина Кипчацкого. Мурза Уразай назван как «алаторский служилый», и это может означать, что он являлся жителем Алатырского уезда. Но в писцовой книге татарским поместьям 1624–1626 гг. [25] или в других документах Алатырского уезда за годы, близкие к написанию грамоты, мурз с именем Уразай или с именем его отца Крач встретить не удалось. К сожалению, содержание грамоты не дает ответа, где и в какие годы жил предок Уразая князь Исин, названный Кипчацким.

Однако в приложенных к прошению документах обнаруживается поколенный список, который начинается со следующих слов (см. Приложение 1):

«7001-го (1492/93 – прим. авторов) года выехал из Золотой Орды с цари татарским, с Мухамет-ханом ж и з Баром-ханом, ближнем их князь Исень Кипчацкой. Сей род князь Исена Кипчацкаго, выписано из Московского Посольнаго приказа из выезжих книг.

Справил Елисей Симонов 1776 года генваря 25-го дня».

Согласно представленной в деле поколенной росписи, изображение начальной части родословного древа будет выглядеть следующим образом (см. Рис. 1):

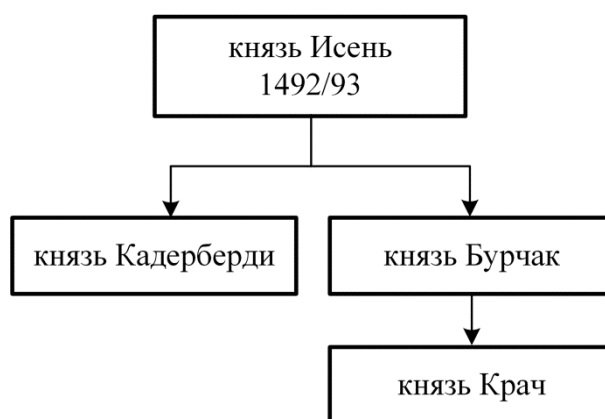

Рис. 1. Начальная часть родословного древа татар Кипчацких

Fig. 1. The initial part of the genealogical tree of the Tatars of the Kipchatsky family

Перед нами открывается ценное историческое сообщение – фрагмент выписи из Выезжих книг из Посольского приказа, сделанной, видимо, в Москве по запросу в 1776 г. Выпись сообщает о выходе в 1492/93 г. на московскую службу князя Исеня вместе с Мухаммет-ханом и с Баром-ханом. Однако имена этих ханов не совпадают ни с одним из известных нам по источникам именем Чингизидов, перешедших на службу великим московским князьям в период конца XV века. Если исходить из того, что в тексте содержатся ошибки переписчиков в прочтении имен ханов или даты выезда, то более-менее созвучным вариантом является приход князя Исеня вместе с казанским ханом Мухаммад-Амином. Мухаммад-Амин выезжал в Москву несколько раз, причем в 1497 г. он бежал со своими преданными князьями: «Царь же Магамед Аминь Казанский блюдеся измены от своих князей, и выбежа ис Казани сам и с царицею и с останочными князи своими» [29, с. 243]. Имена князя Исеня и перечисленных в поколенной росписи детей (Кадерберди, Бурчак) и внука (Крач) по другим источникам нам неизвестны. Поэтому начальное место проживания этого рода в Московском государстве после выезда по-прежнему остается загадкой. Тем не менее, судя по количеству просителей, мы можем сказать что, потомство мурзы Уразая Кипчацкого было многочисленным. Очень вероятно, что одним из его потомков был знаменитый суфийский шейх ишан Джагфар аль-Кулатки (1790–1862) из села Старая Кулатка Хвалынского уезда Саратовской губернии. Он являлся учителем Багаутдина Ваисова, основателя Ваисовского движения. В своей автобиогра-

фии Багаутдин Ваисов назвал имя своего учителя как «дердеманд дервиш Хазряти Ишан Ягафар Сани Альбулгари *Кипчакский*» [19].

Однако на этом история фамилии Кипчацких не заканчивается. Нам удалось обнаружить еще один документ в Астраханском областном архиве в фонде №375 «Астраханское дворянское депутатское собрание» – это прошение, поданное в 1803 г. об установлении дворянского происхождения 17-летнего татарина Юсупа Тонкачеева. Его отец Сулейман мурза в чине поручика и дед Муса в чине коллежского ассесора служили в Астрахани. Юсуп сообщил, что в делах своего деда Мусы обнаружил поколенную роспись. Представленная поколенная роспись начинается со слов, повторяющих слова из дела татар Кипчацких Хвалынской округи (см. Приложение 2):

«Выписано в Посольском приказе из выезжих книг лета 7001 (1492/93 – прим. авторов) года: выехал из Золотой Орды с цари татарскими с Мухаммет ханом ближней их князь Исень Кипчацкой мосен сродской унжемамеров черной китяк».

Если сравнивать варианты этих выписей, то можно увидеть, что имя второго хана в последнем варианте пропущено. По смыслу, кроме «Мухаммета», должно было стоять еще одно имя, поскольку во множественном числе указаны слова «цари татарскими» и «их князь». Смысл выражения «мосен сродской унжемамеров черной китяк» объяснить пока не представляется возможным.

Но в нашем распоряжении появилось еще одно архивное дело из Российского государственного архива древних актов из фонда №286 «Герольдмейстерская контора». Это дело¹ 1786 г. Мусы мурзы Тонкачеева – деда того самого астраханского Юсупа. Среди документов также содержится выпись из Выезжих книг и поколенная роспись, в большей части повторяющая поколенную роспись Юсупа (см. Рис. 7). Мы узнаем, что Муса мурза Тонкачеев, был принят на службу в 1753 г. из «татарских касимовских мурз». Зачислен студентом для обучения персидскому и арабскому языку. До этого знал русский, татарский, турецкий, отчасти персидский. Жил в Персии при консуле коллежском ассесоре Чекалевском по 1759 г. С 1759 г. – студент при Астраханском губернском правлении. 21 марта 1762 г. – коллежский регистратор при Коллегии иностранных дел. 9 августа 1777 г. – капитан-поручик. В 1786 г. подал рапорт об отставке за старостью (жалуется на зрение). При отставке дали чин коллежского ассесора и сделали присяжным заседателем. Обнаруженная в этом деле выпись выглядит следующим образом:

«Выписано в Посолском приказе из выезжих книг. Лета 7001-го (1492/93 – прим. авторов) года выех[ал] из Золотой Орды с цари татарскими с Мухаммет ханом с Хезбарах ханом² ближний их князь Исень Кипчацкой, Мосин сродской³, он же Мансырев черной кипчак»⁴.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286. Оп. 1. Д. 740. Л. 240–251.

² Очень похоже, что выражение «с Мухамет ханом с Хезбарах ханом» – это неправильно сделанное прочтение переписчиком выражения «с Мухамет ханом ж и з Баром ханом» – так оно звучит в копии, приложенной к прошению татар Хвалынской округи (см. Приложение 1).

³ По буквам «срдской»

⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 740. Л. 250.

Таким образом, все три имеющиеся в нашем распоряжении копии выписи практически дословно повторяют друг друга. Это значит, что все просители ссылались на одну выпись, сделанную еще в 1776 г. Елисеем Симоновым в Посольском приказе. Теперь, кстати, немного раскрывается смысл последней фразы «Мосин сродской, он же Мансырев черной кипчак», хотя вопросы еще остаются. Видимо, здесь поясняется, что некий Моса (м.б. Муса?), также названный «Мансыревым» («он же Мансырев»), а в другой версии «Мамеровым» («унжемамеров» – возможно, «он же Мамеров»), являлся родственником упомянутого князя Исеня (написано «сродский»⁵), и уточняется, что он – «черный кипчак» (?!). Возможно, этот Моса (Муса) был тем потомком князя Исеня Кипчацкого, для кого в 1776 г. был сделан оригинал выписи в Посольском приказе, или эту фразу дописали для самого Мусы Тонкачеева, но тогда не понятно, почему он назван Мансыревым/Мамеровым, хотя отцом Мусы был Резеп (см. Приложение 2, Рис. 7). Если мы допускаем, что слова «черный кипчак» были правильно переписаны, то, может, этим подчеркнули его принадлежность к подроду «Кара-Кыпчак»?

Как мы можем заметить, князь Исень, его сыновья князь Кадырберды и Бурчак, а также князь Карач, сын Бурчака из поколенных росписей Тонкачеевых (см. Приложение 2, Рис. 7), полностью совпадают с персонами из поколенной росписи татар Хвалынской округи (см. Рис. 1). Значит и татары Тонкачеевы, и татары Кипчацкие из Хвалынской округи являются представителями одного рода. Но в росписи, представленной Юсупом Тонкачеевым, у князя Бурчака появляется еще один сын – князь Тонкач – родоначальник фамилии Тонкачеевых. Согласно приложенным к делу двум грамотам, выданным в 1618 и 1642 гг. мурзе Уразаю Тонкачееву (см. Приложение 2), выясняется, что потомки князя Тонкача являлись касимовскими татарами. И что примечательно, многие из них известны по другим историческим источникам, хотя о родстве некоторых линий между собой до сегодняшнего дня ничего не было известно. Благодаря этим документам становится понятным, что все они принадлежат к одному роду и происходят от князей золотоордынского клана Кыпчак.

Большой удачей можно считать наличие на обнаруженных схемах поколенной росписи Тонкачеевых подробного изображения боковых ветвей. Отметим еще одну важную, с нашей точки зрения, особенность: на схемах для всех персон указаны их титулы, поэтому наглядно видно, кто являлся князем, а кто мурзой. Поскольку княжеские титулы фиксируются у разных поколений, то значит, они передавались внутри рода по наследству, все остальные потомки князей отмечены с титулом мурза.

Сам **князь Тонкач** является историческим лицом. Он упоминается в памяти посла Ивана Лобана, которому предписывалось доложить крымскому хану Менгли-Гирею об итогах совместной военной кампании касимовских, казанских и русских полков во главе с касимовским царевичем Сатылганом против Большой Орды. Из текста памяти мы узнаем, что летом 1491 г., углубившись в степные пределы («на Поле под Орду»), царевич Сатылган выслал вперед «Орды отведовати» полк под командованием князя Тонкача, который попал под внезапный удар большеордынского мурзы Мусеки⁶, «да Тонкача

⁵ От слова «сродник» – родственник.

⁶ Мусека мурза назван как «Азикин сын» – вероятно, сын правителя мынгытского улуса в Большой Орде князя Азике (Хаджике б. Тимур).

разгонял». Отряд Тонкача понес ощутимые потери: «иных людей перебили, а иных переимали». Сатылгану пришлось отвести свое войско, где он вынужден был дожидаться прибытия казанского подкрепления, посланного ханом Мухаммет-Амином [35, с. 142].

Имя «Тонкач», правда без княжеского титула, упоминается в другом документе Посольских книг⁷. Так, крымский хан Менгли-Гирей в 1493 г. просил Ивана III вернуть в Крым своего племянника: «Кобяков один его сын, Алеем зовут, у Кискача да у Тонкача живет» [35, с. 174]. Скорее всего, речь идет о касимовском князе Тонкаче. Есть основания предполагать, что Кискач⁸ и Тонкач в это время вместе с крымским Алеем проживали в Касимове⁹. Во-первых, Менгли-Гирей просит послать за племянником «ко царю брату моему Нурдовлату» [35, с. 174], который являлся правителем Мещерского юрта. Во-вторых, упоминаемый с Тонкачем татарин Кискач (Кыскач) ранее весной 1486 г. был послан провожать крымское посольство вместе с Курчбулатом-уланом, который, в свою очередь, в сообщении января 1493 г. указывался головой мещерских, т.е. касимовских, казаков [35, с. 176]. И что важно отметить, племянник Менгли-Гирея, живший у Тонкача, являлся представителем все того же рода Кыпчак, как и сам Тонкач, поскольку про его отца Менгли-Гирей осенью 1493 г. написал: «Кипчак, а и Кобяк нам был брат, один его сын у тебя нынеча, как гораздо пожаловав, к нам того, а и Кобякова княжова сына пришлешь» [35, с. 197]. Данный факт может свидетельствовать о тесных связях между касимовскими и крымскими представителями кыпчакского клана. Примечательно, что, если Менгли-Гирей называет нечингизида князя Кобяка братом, а его сына Алея своим племянником, то они могли быть двоюродными братьями и только по материнской линии, и тогда мать Менгли-Гирея должна была также происходить из этого рода¹⁰. Либо Кобяк

⁷ В Посольских книгах еще есть упоминание о посылке Иваном III в 1482 г. посла по имени Тонкач [35, с. 31].

⁸ В поколенной росписи братом Тонкача показан Карач (см. Приложения 1, 2, Рис. 7). Мы предполагаем, что Кискач и Карач может являться одним лицом.

⁹ А.Л. Хорошкевич предположила, что Тонкач жил в городе Сураж [39, с. 300], поскольку в списке татар из этого города, провожавших в 1487 г. посольство Дмитрия Шеина в Крым, указано имя «Тонкач» [35, с. 70–71]. В действительности в этом списке имя «Тонка» встречается два раза: один Тонкач «из Суражи Кабайрачевских татар» (И.В. Зайцев указал на ошибку публикаторов: в тексте должно быть «из Суражика байрачевских татар» [13]), другое имя Тонкач показано среди «княжих Михайловских татар». Отредактированный И.В. Зайцевым полный список выглядит следующим образом: «А се ехати с Дмитрием с Шеиным татаром; а проводити им Дмитрея в Перекоп в Орду: из Ростунова Шамарда Умачев сын, да Тулуш, Тевекелев брат, да Асман да Неболса, да Мерег Хозя, да Сююндюк. А из Щитова от Машейковых товарищов Мамыш, да Карачюра, да Киинчий. А с Коломны Давыдов брат Кутай да сын его. А с Коломны ж Васильевских татар, Чигиревых товарищов, Резяк да Булгак, да Довлетек, да Шикчя, да Неболса Кобяковы дети. А из Левичина Токмас да Давид. А из слободы Бурундук. А из Суражика байрачевских татар Козелак, да Орозьяк, да Исенек, да **Тонкач**. А из Берендеева Темеш, да Неболса, да Мансырь. А из Ижва Темешов сын Мерет хозя, да брат его Пронос, да Оруске Орозов, да Чигирь Ямгурчиев сын, да Карачюра Осанов. А княжих Михайловских татар Асман да Меглешеик, да Баклаш, да **Тонкач**» [13].

¹⁰ Однако эта версия о принадлежности матери к роду Кыпчак не согласуется с мнением, что мать Менгли-Гирея, являясь дочерью князя Индиавы [35, с. 200], была аланской княжной [14].

не был кровным братом Менгли-Гирея, а, например, был племянником какой-то другой жены отца Менгли-Гирея. Но о существовании такой традиции установления братства у нас информации нет.

Приведенные сообщения о князе Тонкаче не стыкуются с текстом представленной просителями выписи из Выезжих книг, согласно которой, в 1492/93 г. из Золотой Орды вместе с татарскими царями Мухамет ханом и Баром ханом выехал их «ближний» князь Исень, дед Тонкача. Тонкач, как показывают источники, в эти годы уже жил в Мещере и участвовал в походе, командуя полком. Значит его дед, князь Исень, в действительности должен был выехать раньше. Причем мы можем допускать, что реальный князь Тонкач, упоминаемый в 1491 г., был достаточно взрослым человеком, ведь он уже обладал княжеским титулом, а княжеский титул, согласно татарской традиции, передавался самому старшему из представителей рода [1].

Несмотря на краткость и возможные небрежности или нестыковки в тексте выписи, попробуем высказаться по ее содержанию. Но начнем с того, что само существование «Выезжих книг» ставится некоторыми специалистами под сомнение, поскольку в известных описях они не числятся [41, с. 149–150]. Возможно, выпись представляла собой какую-то сводную справку из разных документов, хранившихся в Посольском приказе. Можно даже допустить, что дата 1492/93 г. попала в выпись из представленного нами выше донесения из Посольских книг о столкновении в 1491 г. князя Тонкача с мурзой Мусекой. Отрицать факт наличия записей о князе Исене в каких-то неизвестных нам документах Посольского приказа пока нет оснований. Возможно, что в тех же документах были указаны и имена Кадырберды, Бурчака и его детей Карача и Тонкача. Мы предполагаем, что они попали в поколенные росписи как раз из этого неизвестного источника. Об этом можно судить по представленным материалам в прошении татар Кипчацких Хвалынской округи. Кроме выписи из книг Посольского приказа с короткой поколенной росписью под ней (см. Приложение 1, Рис. 1) и копии грамоты 1632 г. мурзе Уразаю, никакие другие документальные свидетельства или персоны не упоминались. Откуда могла взяться информация про личности Бурчака и Кадырберды? Сомнительно, чтобы они сохранились в семейных легендах, при этом ничего о других более близких своих предках или родственниках они не сообщили. Да и копия грамоты мурзе Уразаю 1632 г. выглядит несколько странно. С учетом того, что князь Тонкач жил в конце XV века, его брат, Карач, вряд ли мог быть отцом Уразаю, чье имя записано в грамоте как «Уразаю Крачев сын князь Исин Кепчацкий» (см. Приложение 1). Есть ощущение, что в полной поколенной росписи, представленной татарами Хвалынской округи, несколько поколений между Крачем и Уразаем выпало, а Крач в качестве отца Уразаю и фамилия «князь Исин Кепчацкий» были добавлены переписчиками уже в копию для демонстрации непрерывной связи с достоверными персонами из выписи из Посольского приказа.

Таким образом, выходит, что время жизни князя Исеня Кипчакского приходится на первую половину – середину XV века. Следовательно, первоначальная версия о приходе князя Исеня вместе с Мухаммад-Амином отпадает. Пока наиболее вероятным ханом, для которого Исень являлся «ближнем» князем, и по годам жизни, и по созвучию имени мог быть Улуг Мухаммад. В русских источниках его также называли как «царь Махмет» без приставки

«Улу» [30, с. 103, 107]. Безусловно, сам Улуг Мухаммад не выезжал к московскому князю на службу, но вот после смерти Улуг Мухаммада (он пропадает из источников после 1445 г.) один из его «ближних» князей вполне мог выехать, например, вместе с царевичами Касимом или Якубом, ведь с ними также прибыли «ордынские» князья¹¹. Справедливости ради надо отметить, что имя «Исень» не фигурирует среди имен выехавших князей царевича Касима, с которым заключил договор великий московский князь Василий Темный: «Князь Велики Василей Васильевич за твоего отца за великого князя Василья Ивановича кончал со царевичевыми с Касымовыми князьями с Кобяком с Айдаровым сыном, да с Исаком с Ахматовым сыном» [12, с. 129]. Тем не менее мы пока склонны считать князя Исеня одним из бывших князей-карачи Улуг Мухаммада. А факт наличия записей о нем в Посольском приказе свидетельствует о его историчности.

Что касается имени второго хана («з Баром ханом»), то, скорее всего, это неправильное прочтение какого-то другого слова. Хотя, при отсутствии наших знаний о том, как дословно выглядела запись в «Выезжих книгах», гипотетически по созвучию имени можно допустить, что там упомянут Барак хан, и каким-то образом было отражено противостояние Улуг Мухаммада с ним.

Вероятно, с именем князя Тонкача, связаны названия трех одноименных деревень, одна из них точно являлась его пожалованным владением. Это следующие деревни:

– Тонкачево (ныне уже не существует), была расположена в Касимовском р-не Рязанской области. Скорее всего, именно эта деревня Касимовского уезда перечисляется в числе поместий Уразая мурзы Тонкачеева в грамоте 1619 г. (см. Приложение 2), и, соответственно, ее можно считать родовой деревней для татар Тонкачевых (Тонкачевых).

– Тонкачево, ныне расположенное в Сасовском р-не Рязанской области.

– Тонкачево, ныне расположенное в Ермишевском р-не Рязанской области.

Конечно, нельзя не учитывать версию, что в поколенной росписи (см. Приложение 2) указан какой-то другой Тонкач, живший значительно позже указанной в выписи даты выезда его деда 1492/93, но дело в том, что представленное в росписи потомство Тонкача также фиксируется во многих других известных исторических источниках. Данное обстоятельство позволяет нам с высокой степенью достоверности допускать, что речь идет о том самом историчном князе Тонкаче.

Итак, более детально обратимся к потомкам князя Тонкача.

Кикичевы. В Лебедевской летописи среди воевод упоминаются имена татарских военачальников, вышедших с отрядами из Пскова в 1558 г.: «...да с ними ж отпусти с татары Уразлы князя Канбарова, да Епара мурзу Ибачева, да Кикеча мурзу Салнаглычова...» [28, с. 260]. В мурзе Кикече Салнаглычеве мы склонны видеть Кикича мурзу, который согласно поколенной росписи

¹¹ В перемирной грамоте 1447 г. между можайским князем Иваном Андреевичем и верейским и белозерским князем Михаилом Андреевичем с великим князем Василием Васильевичем есть такие слова: «на князя великого Василья Васильевича, и на князя Михаила Андреевича, и на князя Василья Ярославича, и на царевичев и на князей на ордынских, и на их татар не ити, и не изгонити их, не пастися им от нас никоторого лиха...» [12, с. 140–142].

был показан сыном Салтанахмета, внука Тонкача (см. Приложение 2, Рис. 7). Судя по написанию его имени в представленном летописном сообщении, он был сыном князя Салтанглыча и внуком мурзы Салтанахмета, и, соответственно, правнуком Тонкача. Кикич мурза стал родоначальником фамилии Кикичевых. Так в 1623 г. встречается Акмамет мурза Енмометев сын Кикичев [10, с. 182]. Джанмамет мурза (Енмомет) в росписи показан сыном Кикича (см. Приложение 2).

Булушевы (Болушевы). Другим сыном князя Салтанглыча был Булуш. **Князь Болуш князь Салтанглычев сын** упоминается в трех записях 1594 г., в которых он производит отдел поместья служилому татарину в с. Подлипки, во всех трех документах приложена его печать [38, с. 38]. По всей видимости, он занимал какую-то административную должность. Булуш дал начало фамилии князь Булушевых [15, с. 46, 48; 17].

Сын князя Булуша, **князь Смолен**, получил княжеский титул до 1623 г., так как среди новиков Чернакай мурза упоминается в этом году как «князь Смоленов сын Болушев» с окладом в 200 четей [3]. Другой сын князя Смолена Араслан мурза, отмеченный в поколенной росписи (см. Приложение 2), упоминается в более поздних смотренных списках касимовских татар:

1642/43 г., смотренный список: «Ураслан мурза князь Смоленов сын Толкачов», Царев двор, 1-я половина, оклад 300 четей¹²,

1649 г., смотренный список: «Араслан мурза князь Смоленов сын Токаев¹³», Царев двор, 2-я половина, оклад 300 четей [4].

Еще одним сыном Смолена был Исмаил («Смоил»), в последствии крестившийся под именем Иван. В росписи он показан сыном Булуша, но это неточность: в действительности он не сын, а внук Булуша. Князь Иван был известен как верный сторонник Лжедмитрия II. Ночью 30 ноября 1608 г. он приходил к хану Ураз-Мухаммаду. В письме Яну Сапеге хан написал: «...приехал в Касимов новокрещен *Смоил Смоленев* сын, а руская имя *Иван*, в ночи, с товарищи к моему дворишку с прапором, и учал меня и мою бабушку и матушку и семьшак и детишак лаяти и позорити, и называти изменики; а я государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичу, всеа Русии, не изменик» [36, с. 30–31]. Возможно, что именно князь Иван Булушев, названный князем Иваном Смиленевым, указан одним из руководителей повстанцев, участвовавших в 1609 г. в сражении в Свяжском уезде под д. Бурундуки: «...приходили в Горную сторону, в Свяжской уезд собрався воры с Олаторя, и с Курмышы, и из Ядрины, и из Арзамаса, и из Темникова, и из *Касимова*, Князь Еналейко Шугуров, да князь Брюшейко Яникеев, да *князь Иванко Смиленев*, да Федко Киреев, да Якушко Глядко, да Васка Ртишев, да Семейка Кузминской, а с ними сборные многие люди, тех городов дети боярские и стрелцы, и Мордва, и бортники, и Горная Чюваша и Черемиса» [23]. После окончания Смуты князь Иван Булушев признал власть нового царя. По грамоте царя Михаила Федоровича было записано в 1614 г. поместье «за князем Иваном Смоляновым сыном Булушевым» 70 четвертей и дано 6 крестьянских дворов в д. Карге Темниковского уезда [27, с. 73].

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 184. Столпник 5. Л. 70. Смотренный список татар Касимовского уезда 1642/43 г. был предоставлен историком Валерием Дмитриевичем Кочетковым, за что авторы выражают искреннюю признательность.

¹³ Видимо, Тонкачев.

Хотелось бы отметить, что среди жен сибирского царевича Алтаная б. Кучума упоминается Девлетпача Смолянова, проживавшая после смерти мужа в Ярославле¹⁴ и умершая между 1673 и 1677 гг.¹⁵. Судя по отчеству, она могла являться дочерью князя Смолена. Если это действительно так, то перед нами еще одно подтверждение высокого статуса рода Кыпчак в Касимове в виде брачных связей с Чингизидами. Тем более, ранее мы указывали на возможную принадлежность к роду Кыпчак матери крымского хана Менгли-Гирея.

Другим сыном князя Булуша в росписи показан **князь Тюгей**. В связи с этим отметим, что в сочинении Кадыргали-бека «Джами ат-Таварих» [37; 18, б.8–36] описывается церемония возведения в 1600 г. Ураз-Мухаммад хана на касимовский престол. На изображении ханского трона (золотой кошмы) [37] имя одного из карачи-беков, располагавшегося с левой стороны, было прочитано как «кипчак Тукай бик» [6, с. 403], «кыпчак Тукэй бек» [5] или «кыбчак Түкэй бэк» [18, б.31] (см. Рис. 2).

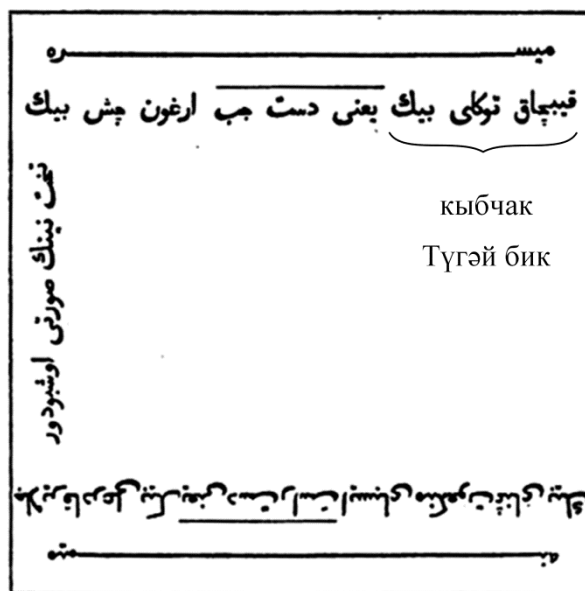

Рис. 2. Изображение ханского трона Ураз-Мухаммада

Fig. 2. The image of the khan's throne of Uraz-Muhammad

Учитывая, что татарские звуки «г» и «к» в тексте летописи передавались одной буквой арабского алфавита кяф «ك», т.е. слово «Түгэй» в написании не отличалось от «Түкэй», можно предположить, что этим карачи-беком был именно Тюгей. Тюгей подходит на роль карачи-бека и по другим признакам. Во-первых, согласно обнаруженной поколенной росписи, он принадлежал к роду Кыпчак, во-вторых, имел титул князь (бек). Князь Тюгей обнаруживается

¹⁴ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹⁵ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 7. Л. 66.

в записи отчества Едигера мурзы (в поколенной росписи под именем Идигер (см. Приложение 2), упоминаемого в смотренных списках касимовских татар:

1642/43 г., «Едигел мурза князь Тюгеев сын Толкачов», Царев двор, 1-я половина, оклад 300 четей¹⁶,

1649 г., «Едигер мурза князь Тегреев сын Тонкачев», Царев двор, 1-я половина, оклад 300 четей [4].

Алышевы. Другим сыном князя Салтанглыча показан князь **Буян**. Его сын князь **Алыш Буянов** получил княжеский титул между 1623 и 1639 гг. Такой вывод следует, во-первых, из записи в смотренном списке 1623 г., там Алыш отмечен ещё как «Алыш мурза князь Боянов», а его сын как «Араслан мурза Алышев», т.е. Алыш еще княжеским титулом не обладал, он только мурза [3]. В 1649 г. Араслан мурза уже показан в составе Сеитова полка как «князь Алышев сын» [4]. Во-вторых, возможно, что именно этот Алыш уже как князь упомянут в тексте духовного завещания «васият-намэ» Аликей-аталыка, составленного в 1639 г. [22, с. 22]. В. Вельяминов-Зернов перевел его имя как «сын Бий-гуват бика Алыш бик» [7, с. 248]. Там же упомянут его сын «Алыш биков сын Ад-Мухаммед мурза», он же, видимо, подписался на обороте завещания как Алмакай: «вместо отца моего Алыш-бика, к сей духовной грамоте я Алмака руку приложил» [7, с. 262]. Как мы видим, и Алыш, и его отец под именем Бий-гуват в завещании записаны с княжеским титулом (бек), но, как было показано выше, имя отца князя Алыша по документам – Буян. Если предположить, что последняя буква имени «Бий-гуват» в старотатарском написании с помощью арабского алфавита записана как «н» – ن, а не «т» – ت (в написании отличаются только одной точкой), то полученное имя «Бийгуван» станет вполне созвучным с именем «Буян». Это позволит нам предположить, что речь идет об одном и том же князе Алыше.

О принадлежности князя Алыша к роду князей Тонкачевых свидетельствует запись фамилий его сыновей:

1646 г., переписная книга по г. Касимову: «Касимовскаго царевича Сеит Бурхана Араслановича служивых его мурз и татар и задворных людей; двор *Армакая* (видимо, Алмакая – прим. авторов) мурзы князь *Алышева сына Толкачева*» [24],

1642/43 г., смотренный список: «Мамеш мурза князь Олышев сын Тонкачев», новик, оклад 300 четей¹⁷, отмечен в поколенной росписи (см. Приложение 2),

1649 г., смотренный список: «Мамеш мурза князь Алышев сын Тонкачев», Царев двор, 1-я половина [4],

1642/43 г., смотренный список: «Мамеделей мурза князь Алышев сын Тонкачов», Сеитов полк, 2-я половина, оклад 300 четей¹⁸, отмечен в поколенной росписи (см. Приложение 2).

Многие потомки князя Алыша стали носить фамилию Алышевых.

Емашевы. Братом мурзы Кикича и князя Салтанглыча в росписи показан мурза Джангалыч, а его сыном князь **Емаш**. В 1613/14 г. Емаш уже носил княжеский титул, поскольку в касимовских дозорных книгах Михаила Беклемишева 1613/14 г. сохранилась запись его сына Уразая: «за Уразаем мур-

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 184. Столпник 5. Л. 70.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 184. Столпник 5. Л. 113.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 184. Столпник 5. Л. 99.

зою князем Емашевым» (см. Приложение 2). Как видим, отец указан с княжеским титулом. Уразай мурза также упоминается в смотренном списке 1623 г.: «Урозай мурза княж Емашев», Царев полк, 2-я половина, оклад 300 четей [3].

О принадлежности к роду Тонкачевых подтверждает запись фамилии Уразая:

1618 г., грамота царя Михаила Федоровича: «Бил нам челом касимовской *Уразай мурза сын*¹⁹ *Емашев сын Тонкачев...*» (см. Приложение 2). Видимо, в 1618 г. сам Емаш уже не был жив, поскольку в грамоте, выданной в этом году, за сыном Уразаем числились старинные отцовские поместья,

1646 г., переписная книга по г. Касимову: «В Касимове ж городе на старом посаде служивые мурзы и татарове... двор *Урузая мурзы князь Емашева сына Тонкачева*» [24].

В Завещании Аликей аталыка 1639 г. упомянут сын Мемеш бика Уразай мурза. С большой долей уверенности можно предполагать, что Мемеш и есть наш князь Емаш. В 1631 г. Уразаю мурзе были пожалованы земли «от Пайгармы едучи за рекою за Инзарою по обе стороны речки Шебдас до речки до Инзары, да на речке Сузгарье и по речке по Сузгарье до речки Пишли вверх до Атаева рукава» [32]. Тем самым было положено начало селу Рузаевке. В 1672 г. владельцем этих поместий упоминается служилый Сарай мурза Уразаев сын князь Емашев [11], а в 1695 г. – его дети Сулейман и Юсуп Тонкачевы [32]. К потомкам князя Емаша относил себя и сам проситель из дела об установлении дворянского происхождения, астраханский Юсуп Тонкачев.

По всей видимости, у Емаша был ещё один сын **князь Болтай**, не указанный в поколенной росписи. Княжеский титул **Болтай** получил до 1623 г., т.к. в 1623 г. в смотренном списке в составе Царева полка упоминается его «сын Ишмамет мурза княж Болтаев» [3] с окладом в 174 чети. Он упоминается также в следующих записях:

1627 г., писцовая книга Касимовского уезда: «да луг на Лобочовском веретье, а об между тот луг... с Ишмакаем мурзою княж Болтаевым» [7, с. 147],

1642/43 г., смотренный список: «Ишмамет мурза князь Болтаев», Царев двор, 2-я половина оклад 174 четей²⁰.

1649 г., смотренный список: «Ишмамет мурза князь Болтаев», Царев двор, 1-я половина [4].

В смотренном списке 1642/43 г. упоминается «Теребердей мурза князь Болтаив сын князь Емашев» в составе Царева двора, 1-я половина, оклад 300 четей²¹. Отчество и фамилия сыновей подтверждают принадлежность князя Болтая к роду князь Емашевых, а значит и Тонкачевых.

В выписи из отказных книг, сделанной в 1656 г., сказано, что «Ишмакаево поместье мурзы княж Балтаева» отказывается его племяннику касимовскому Тинмамютю мурзе Камкееву сыну Танкачеву²². В поколенных росписях Тинмаммет мурза Камкеев показан внуком князя Емаша, что еще раз подтверждает версию о том, что князь Болтай был сыном князя Емаша.

¹⁹ Сын – так в тексте.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 184. Столпник 5. Л. 93.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 184. Столпник 5. Л. 70.

²² Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 644. Оп. 2. Д. 33. Л. 1об.–2.

С учетом перечисленных исторических свидетельств и сведений из обнаруженной поколенной росписи Тонкачевых, мы можем реконструировать родословное древо касимовских князей из рода Кыпчак (см. Рис. 3).

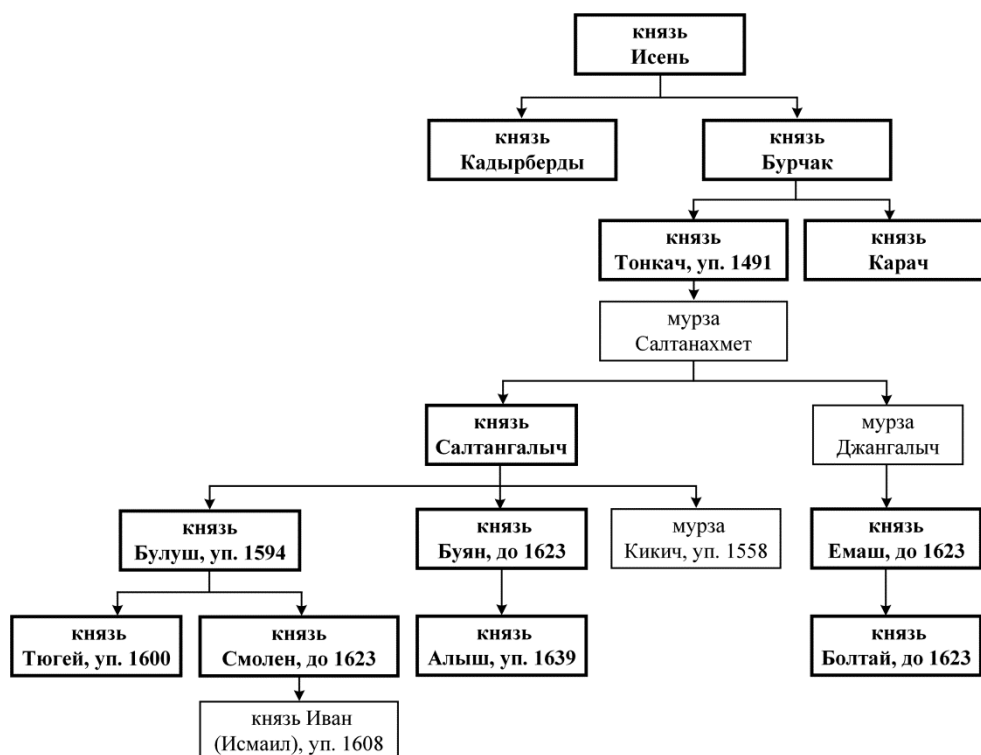

Рис. 3. Реконструкция родословного древа князей Тонкачевых

Fig. 3. The reconstruction of the genealogical tree of the Tonkachevye princes

Точный порядок чередования князей установить затруднительно. Тем не менее мы наблюдаем, что общеордынская практика передачи титула не от отца к сыну, а старшему представителю рода по возрасту [1], сохранялась. Титул передавался сначала от старшего брата к младшим, причем и двоюродным, и даже троюродным, и уже потом переходил у следующему поколению. Так после Салтангалыча князьями в какой-то последовательности должны были становиться Булуш, Буян, Емаш, а после них – Тюгей, Смолен, Болтай. Последним из некрещенных князей, видимо, был Альш, упоминаемый в 1639 г.

Согласно татарским традициям, которые должны были сохраняться и в Касимовском ханстве (Мещерском юрте), наличие наследного княжеского титула (по-татарски: бек, бей) означало, что его носитель обладал определенными властными полномочиями, распространявшимися на некий «эль» («юрт» или «улус») [1]; в нашем случае это должен был быть кипчакский «эль». К сожалению, отсутствие каких-либо сведений не дает нам ясного представления о том, чем являлись княжеские «эли» в Касимове. Возможно, что «эль» составляла определенная подведомственная группа татарского населения, в то время

как русское население, как правило, находилось в ведении представителей русской администрации – волостелей или наместников [2].

Для получения более глубокой информации о происхождении рода Тонкачевых (Тонкачевых, Танкачевых) были выполнены ДНК-тесты Y-хромосомы одного из касимовских представителей татарской фамилии Танкачевых в лаборатории Family Tree DNA (Хьюстон, США). О его предках известно, что они проживали в деревне Тонкачеве Касимовского района Рязанской области. Номер ДНК-образца в базе данных лаборатории – 473101 [43].

Тесты показали, что гаплотип 473101 относится к гаплогруппе R1b-M73 и выглядит следующим образом²³:

12 19²⁴ 14 11 13-13 12 12 13 14 13 30 18 9-9 11 11 23 15 19 32 12-12-16-16
10 10 19-25 15 16 16 17 31-31 12 10

Что примечательно, протестированный Танкачев оказался принадлежащим к кластеру, который отличает специфическое значение STR²⁵ маркера DYS390=19. Поясним, что речь идет о выяснении родства только по прямой мужской линии. Эта генетическая линия обнаруживается у разных народов евразийского пространства от областей Западной Украины и Молдовы до Внутренней Монголии [9; 44]. Ее главная особенность заключается в том, что она присутствует у многих носителей этнонима кыпчак. В первую очередь было отмечено наличие этой линии у большинства представителей казахского рода Кара-кыпшак [45], а также некоторых представителей каракалпакских кыпчаков [33], башкирских кыпчаков [21] и крымскотатарских кыпчаков [20]. Представленные в данной статье свидетельства позволяют нам заключить, что к этой генетической линии относились и золотоордынские князья из рода Кыпчак. Данные обстоятельства не исключают вероятности прихода князей из рода Кыпчак в западную часть Золотой Орды, на правобережье Волги, вместе с ханом Токтамышем из восточных областей Дешт-и Кыпчак.

Остается вопрос, могли ли предки по прямой мужской линии как современных носителей этнонима кыпчак, так и золотоордынских беков из рода Кыпчак находиться среди домонгольских кыпчаков, которых в русских источниках называли половцами, а в европейских и византийских – куманами. Исследователи, проанализировав результаты ДНК-тестирований, пришли к выводу, что есть основания дать положительный ответ на поставленный вопрос [34; 8; 21]. Ключевым фактором является значительное присутствие R1b-M73 (DYS390=19) среди кумандинцев [9]. Кумандинцы – тюркский народ, живущий в Алтайском крае, Республике Алтай и Кемеровской области России. О связях предков кумандинцев со средневековыми кыпчаками высказывались еще О. Притсак и Л.П. Потапов [26]. Поэтому родиной предков золотоордынских беков из рода Кыпчак считают Кимакское государство [8]. Добавим, что и Рашид ад-Дин в своем сочинении «Сборник летописей» не относил кыпчаков к числу монгольских племен Чингиз-хана, считая их потомками Огуза [31, с. 84, 151].

²³ STR-маркеры расположены в формате Family Tree DNA.

²⁴ DYS390=19.

²⁵ STR (short tandem repeats) – короткие tandemные повторы.

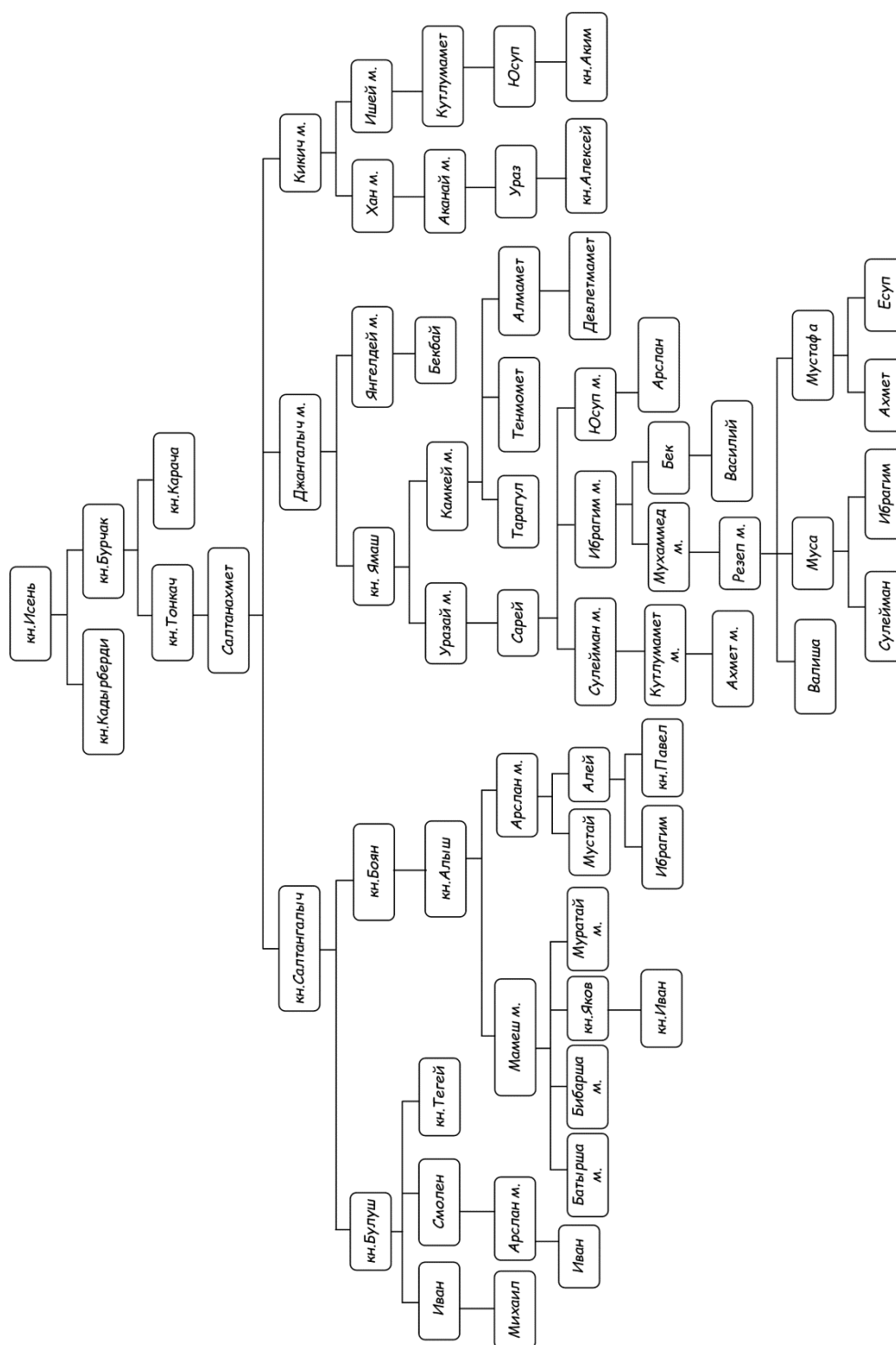

Рис. 7. Воспроизведенное генеалогическое древо, представленное мурзой Мусой Тонкачевым в 1786 г. (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 740. Л. 240–251)

Fig. 7. The reproduced genealogical tree presented by Musa-murza Tonkachev in 1786

Подводя итоги вышесказанному, мы можем сказать, что перед нами документы, раскрывающие историю происхождения одного из самых старинных и влиятельных татарских родов. Фамилию Тонкачевы (Тонкачевы, Танкачевы) также можно считать одной из самых старых татарских фамилий. Родоначальником является золотоордынский князь Исень из рода Кыпчак, живший еще в XV веке. Его потомки оставили заметный след в истории татар и всего Российского государства.

Приложение 1

1784 г. – Дело об установлении дворянского происхождения татарских мурз Кипчацких

(Л. 396) В Саратовское наместническое правление

Хвалынской округи деревни Муллина, Аютова тож, мурз Сефулла Баязитова, деревни Середней Кулатки Шафея Уразаева, деревни Ендовки Абушахмана Абузяров, деревни Бешировой Бешара Усманова, деревни Мемеделеевки Мемеделя Усманова князей Кипчацких

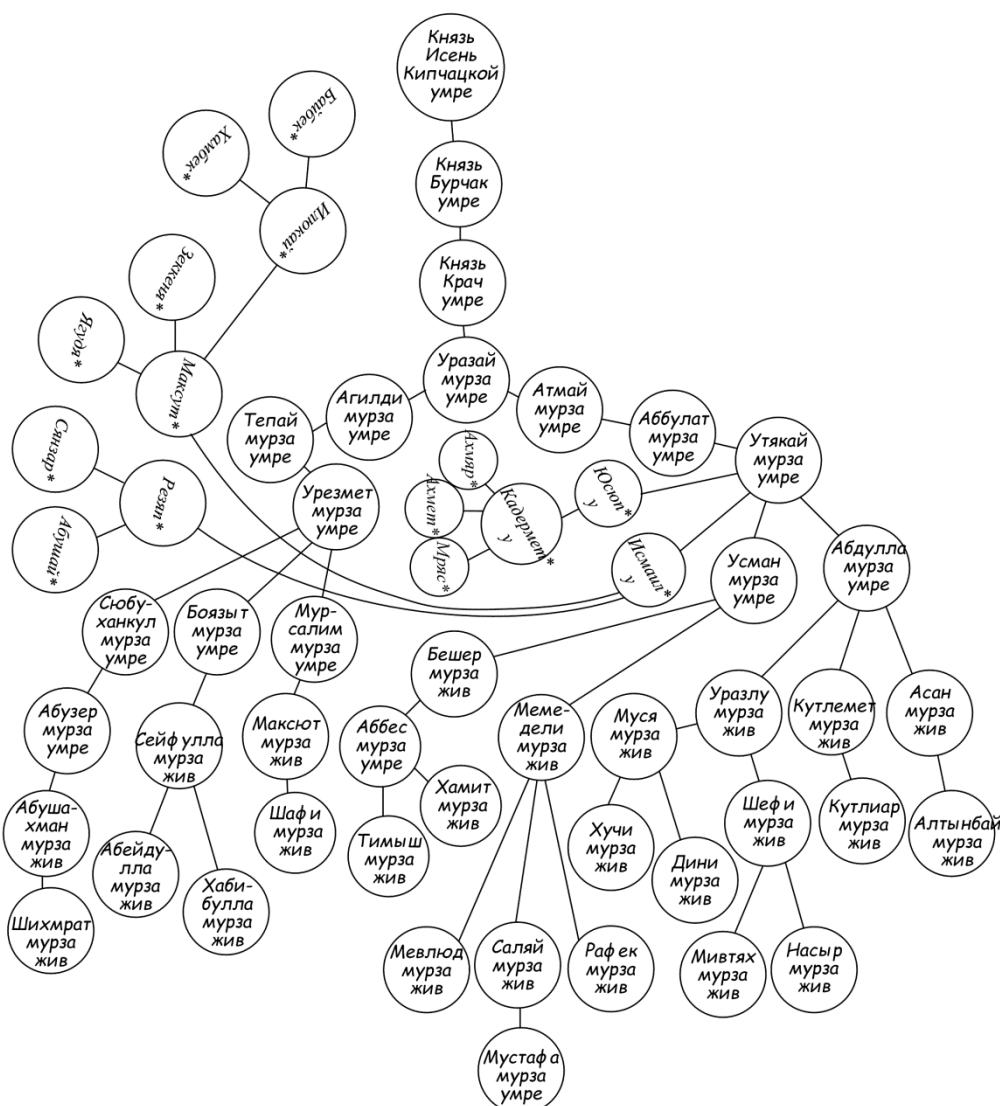
Доношение

Как указом Правительствующаго сената с прописанием во оном имяннаго ея императорскаго величества велено всем, находящимся в магометанском законе мурзам и князьям, предъявить жалованныя прадедам их государския грамоты на недвижимыя имения и другия письменныя виды утверждающие благородство с ясным доказательством, посему вследствие онога мы именованные о действительном нашем мурзинском и княжеском произхождении представляем со изъяснением: во-первых поколенную роспись, во-вторых копию списка с отказных книг 7140 (1632 – прим. авторов) года на поместья прадеду Уразаю Капчатскому, в-третьих список с выезжих книг, хранящихся в Московском Посольном приказе, более ж о благородствии нашем доказательства не имеем. Июля дня 1784 года.

(Л. 397) Копия

Лета 7140 (1632 – прим. авторов) года генваря 26 дня били челом Великому государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всея Великия и Малыя и Белья России, алаторские служилые мурза Уразай Крацев сын князь Исин Капчацкой, а в Алаторской в площадное воеводе Максиму Ивановичю Ларионову, даяко Федор Андреевичю подал челобитную, а в челобитной ево написано:

В прошлом де 7139 (1630/31 – прим. авторов) году отказано ему в Алаторском уезде порожняя земля в урочищах деревни Лябле по конец полы по реке Лябла и по иным урочищам и отдельное книги в Алаторску в площади поданы. А выписи ему с тех книг не дано, и великий государь пожаловал бы ему, велел с тех книг дать владеную выпись и того ж вышеписаннаго числа по помете на челобитной дьяка Федор Андреева велено ему на той земле с тех книг дать владеную выпись, а в Алаторску в отдельном книгам отказу алаторские площадной подьячего Ивану Степановичю за ево обыском и сторонних людей за руками написано прошлаго 7139 (1631 – прим. авторов) года майя 1 дня по указу Великаго государя и по сыску сторонних людей отказано алаторски служилы мурзе Уразай Крачеву сыну князь Исин Кепчацкину сто пятьдесят четвертей в поле а в дву потому ж с санными покосы и со всеми угоды, а межа его Уразай Крачева отводной земле почин от устья речки Болшанки через реку Лябла на дуброве, которая стоит на среди дубров врак с вершины врак на ям от ям на шихан (Л. 397об.)

К поколенной росписей вместо означенных князей Кипчатских по их прошению Кузнецкой округи деревни Озерок мурза Сеит Мустафин руку приложил

Рис. 4. Воспроизведенное генеалогическое древо, изображенное на листе 398
(* – вписано другим почерком и чернилами)

Fig. 4. The reproduced genealogical tree depicted on the folio 398

от шихана на лис а через лес по сыртам на реке Лябля против займища верхняго, а по реке Лябля две версты, на той помянутой остья речки Алшанки, а по тем вышеписаным урочищам на праве земля и сенные покосы и всякия угодыя и черные леса и с глухими полянки по указу Великаго князя Михаила Федоровича всея великия и малыя и белыя России по сей выписи ему Уразая мурзу Крачеву сыну Князь Исин Кабчацкову тоя вышеписанную землю по тем вышеписанным урочищам владеть до воловых пицов и мершиков и великих государей службу с той земли служить.

А Великий государь, царь и великий князь Михайла Феодорович всея Великия и Малыя и Белья России пожаловал оной вышеписанной мурза Уразай Крачева сына князь Исин Копчацкова русскими христианами пятнатцать дворами Алаторскаго уезду деревня Ляблю мужеска и женска пола пятьдесят пять душами, и по указу Великаго государя, царя и великаго князя Михайла Феодоровича всея Великия и Малыя и Белья России и по сей выписи ему Уразаю Крачкову сыну князь Исин Капчацкаго тое вышеписанную рускую крестьян владеть до указу Великаго государя.

У подлинной выписи припись дьяка Федор Андреева.

Справил подьячей Иван Степанов.

С представленною копию свидетельствовал секретарь Николай Росляков.

(Л. 398)

(На этом листе изображено генеалогическое древо. Воспроизведенное генеалогическое древо представлено на Рис. 4).

(Л. 399) Список

7001-го года выехал из Золотой Орды с цари татарским, с Мухамет-ханом ж и з Баром-ханом, ближнем их князь Исен Кипчацкой. Сей род князь Исена Кипчацкаго, выписано из Московского Посольнаго приказа из выезжих книг.

Справил Елисей Симонов 1776 года генваря 25-го дня.

(Ниже на этом листе изображено генеалогическое древо. Воспроизведенное генеалогическое древо представлено на Рис. 5).

Рис. 5. Воспроизведенное генеалогическое древо, изображенное на листе 399

Fig. 5. The reproduced genealogical tree depicted on the folio 399

Сверял подканцелярист Степан Смирнов

Государственный архив Саратовской обл. Ф. 19, оп. 2, д. 1.

Приложение 2

1803 г. 31 декабря – Дело об установлении дворянского происхождения татарского закона князя Тонкачеева Юсуна Сулеймановича (фрагмент)

(Л.1) Всепресветлейший, державный великий государь император Александр Павлович самодержец всероссийский государь всемилостливейший!

Просит недоросль татарского закона князь Исуп княж Сулейманов сын Тонкачев о нижеследующем:

1-е

Поколение рода князей и мурз Тонкачевых обстоит с 7001-го (1492/93 – прим. авторов) года, чему доказательно поколенная роспись у сего прилагаемая, но как она мною найдена в делах деда моего коллежского ассесора мурзы князя Тонкачеева и без всякаго о том свидетельства, но во уважение, что я точно того имянно рода и, что отец и дед мой, находясь в службе Вашего императорского величества, имели чины: 1-й порутчиком, а 2-й коллежским ассесором, то в дополнение представляю подлинныя патенты, крепости и данное мне свидетельство от Рязанского дворянского собрания. Но по елику я лет молодых коих имею только 17 желание возымел продолжать ревностную мою Вашего императорского величества (Л. 1об.) службу в течение²⁶ коей мог бы я достигнуть и до чиновъ прародительских, но без внесения меня в продолжаемой Астраханской губернии дворянской родословной книге в числе дворян по вышеписанному доказательству в следующей ей части и без отдачи грамоты, принять той моей службы смелости не имею, но уповая на право изданной российской дворянству грамоты, приемля смело всеподданнейше просить: к сямю прашины²⁷

Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение приняв, на основании законов рассмотреть и по представленным доказательствам древняго рода Тонкачевых о внесении меня в число астраханских дворян в дворянскую родословную книгу поступить по изданным на то в высочайшей грамоте постановлениям, не отлагая по каким бы то ни было обстоятельствам от сего внесения, а по случаю заслуги отца и деда паче ж чаяния ежели и сего право дворянское усумнитца принятием²⁸ в свое общество, то куда следует учинить о сем представление с подлинным же патентов и прочих документов, списав под дело, копии подлинныя мне возвратить. Князь Исуп княж Сулейманов.

...

(Л.5) Копия с копии

От царя великаго князя Михаила Федоровича всея России в Касимовской уезд: в деревню в Семилову, в починок Захаровской, да в починок Михайловской, да в починок Поршев, да в деревню в Скачеву, да в деревню в Смаилову, да в деревню Тонкачеву, да в Елатомской уезд: да в деревню в Полчмарву в Уразаеве в поместье Тонкачева всем крестьянам, которыя в тех поместьях живут. Бил нам челом касимовской Уразай мурза сын²⁹ Емашев сын Тонкачев, нашего жалованья по окладу велено за ним учинить поместья на триста четвертей, а поместья де за ним отцовскаго в Касимовском уезде в деревне в Семилове, да в починке Захаровском, да в починке Михайловском, да в починке Поршеве пашни семнадцать четвертей с третником. За ним же поместье в той же деревни в Семиловской пустоше Алвеновская Анбулатовской жеребей пашни пятнадцать четвертей и теми де он своими поместьи ныне владеет по

²⁶ Подписано сверху.

²⁷ «прашины» написано другим подчерком.

²⁸ «М» сверху.

²⁹ Так в тексте.

выписям. Да за ним же де Уразаем поместья в Касимовском же де уезде³⁰ в деревне в Скаче, да в деревне в Смоилове, да в деревне в Тонкачеве пашни шездесят пять четвертей, и то де ево поместье в дозорных книгах за ним Уразаем написано. Да ему ж де Уразаю во сто дватцать пятом (1616/17 – прим. авторов) году дано в Елотомском уезде Дербышевское поместье Ноурузова в деревне в Полчамарве пашни осмнатцать четверей, и то де ево поместье отделено. А нашей де ввозные грамоты у него Уразая на те ево поместья на деревне и на починики почему ему теми своими поместьями вперед владеть нет. И нам бы ево пожаловать на те ево поместья, что в деревне в Семилове, да в починке Захарьевском, да в починке Паршеве, да в деревне в Скачеве, да в деревне в Смоилове, да в деревне в Тонкачеве, да в деревне в Полчамарве пашни пятнатцать четвертей с третником по выписям и по дозорным (Л. 5об.) и по ответным книгам велеть ему Уразаю дать нашу возную грамоту почему ему тем своим поместьям вперед владети, а в выписи отдел Федора Казловскаго лета семь тысяч сто третьего (1594/95 – прим. авторов) года написано: в деревне в Семилове, да в починке Захаровском, в починке в Михайловском, в починке в Паршеву пашни пахатные и перелогу семнатцать четверти с третником в поле, а в дву потому ж, да в отдельных книгах отделу касимовскаго дьячка Бориса Данилова написано: в деревни в Семилове Айбулатовском жеребье в посташи³¹ Алденевской пашни пятнатцать четвертей в поле, а в дву потому ж. Да в касимовских дозорных книгах Михаила Беклемишева с товарищи сто дватцать втораго (1613/14 – прим. авторов) году написано: за Уразаем мурзою князем Емашевым, в деревне в Скачеве, да в деревне Смоилове, да в деревне Тонкачеве пашни шездесят пять четвертей в поле, а в дву потому ж, а в деревне Полчамарве от тово тож по отделенным книгам отделу городского прапорщика Андрея Аксенова сто дватцать пятаво году пашни паханыя и перелогу и лесом поросли осмнатцать четвертей в поле, а в дву потому ж. И будет так как нам касимовской Уразай мурза князь Емашев бил челом, и вы все крестьяне, которые в тех ево Уразаевых поместьях в деревнях и ево починках живут Уразая мурзы князь Емашева слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили пока место за ним то ево поместье писцы наши и большие мерщики отпишут и измерят и учинят за ним пашню по нашему указу.

Подписано на Москве.

Лета 7127 (1619 – прим. авторов) году августа 18-го дня.

Ввозна грамота, какова дана Уразаю мурзе князь Емашеву сыну Тонкачеву на все ево поместье.

На подлинном подписано тако:

Царь и велики князь Михаила Федорович всея России.

Думной дьяк – Васильев.

Справил Сидорка Андреев.

Копию засвидетельствовал архивариус губернской секретарь Федор Ребров.

С копиею верно в должности секретаря отставной подпоруччик Стрелков.

(Л.6) Копия с копии

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея России в Касимовском уезде в Сабакинском Стане в Синолейков жеребей поместья Зеликеева в жеребей деревни Асеевы, да в пустошь Мамаковскую, да в Новокейков жеребей поместья Нагаева, а жеребей деревни Асеевы ж, да в Темниковском уезде в Верхмокшанской стан на дикое поле, что на речке на Пишле и в иных урочищах, что ныне то Исинолейково поместье Зеликеева и Новолейков поместной жеребей Нагаева и дикое поле в поместье за касимовским Уразаем мурзою князь Емашевым всем крестьяном, которые в

³⁰ «Уезде» – сверху.

³¹ Так в тексте.

тех жеребьях деревни Асеевы живут, а пустоши и на диком поле и на иных урочищах учнут жити. Бил нам челом касимовской Уразай же мурза князь Емашев, нашего жалованья велено за ним по окладу учинити поместья на триста четьи, и за ним де Уразаем мурзою стариннаго отца ево поместья сто четьи четыре четьи без полуосмины. И в прошлом де в 149-м (1640/41 – прим. авторов) году из того стариннаго отца своего поместья в Касимовском да в Кадомском уезде пашни 48 четьи с осминою он Уразай мурза росписал полюбовно з братом своим родным с Камкеем мурзою князь Емашевым пополам по 24 четьи с полутретником. Да ему ж де дано было поместья в Темниковском уезде дикова поля за Инзарою и в иных урочищах пашни 5 четьи и то де ему поместье не отделено, да ему ж де дано в прошлом во 136 году поместье в Касимовском уезде в Кабакинском стану Исинолеевсково поместье Желикеева в деревне Асееве, да в пустоши Мамакеевской пашни 15 четьи и то де ему поместье отказано, и отказные книги к нам к Москве в Приказ Казанского дворца присланы, да ему ж дано в той же деревне Асееве Новолейков жеребей поместья Нагаева пашни 17 четьи с осминою, да ему ж де дано (Л. 6об.) с темниковским с Мамаделеем мурзою князь Девлеткильдеем поместье в Темниковском уезде дикова поля на речке на Пишле и в Инзе урочищах пашни 61 четьи без полуосмины по 30 четьи с осминою человеку. И на те де поместные жеребья есть у них отделныя выписи, а наши де возные грамоты ему Уразаю мурзе на те ево поместные жеребьи и на дикое поле не дано. И нам бы ево пожаловати велети ему наш его поместья на три дачи с отказных книг ис отделных выписей дати нашу ввозную грамоту, почему ему теми поместьи впредь владети, а в отказных книгах отказу касимовскаго подьячаго Степки Елизарьева да касимовскаго пристава Уразайки Байкеева 136 (1627/28 – прим. авторов) года написано: по нашей грамоте и по наказной памяти воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина отказано касимовскому Уразаю мурзе князь Емашеву в Касимовском уезде в Сабакинском стану в деревне Асееве, да в пустоше Мамаковской касимовскаго татарина Исинолейкова поместье Зиликеева пашни 15 четьи в поле, а в дву потому ж, сена за Окою рекою повыше Монцова взвозу навалашку 30 копен, да в отдельной выписи воеводы Гаврила Лодыгина, да подьячаго Данилы Петрова 139 (1630/31 – прим. авторов) году, какову выпись положил в Приказ Казанскаго дворца темниковской Мамаделей мурза князь Девлеткильдеев, написано: отказал темниковской площадной дьячок Якунка Котомин темниковскому Мамаделею мурзе князь Девлеткильдееву в поместье в Темниковском уезде в Верхмокшанском стану на диком поле на речке на Пишле и по обе стороны речки Пишли и под Паргамуцким Сениром, что вышла из под Паргамуцкаго Сениру речка Нуркалей и по обе стороны тое речки Нуркалеи, а в нем четверные пашни по мере темниковскаго площаднова подьячева Афонки Андреева, да пушкаря Васки Иванова 61 четьи без полуосмины, а рубеж той земле с темниковским мордвином деревни Пишли с Кангилдейком.

(Л.7) Свидетельство.

Мы, нижеподписавшиеся, сим уверяем, что умершаго порутчика Сулеймана мурзы Мусуева сына Тонкачеева родной ево сын Исуп мурза Сулейманов сын Тонкачеев как из представленных от него подлинных актов значит действительно прижитой от него Сулеймана Танкачеева, да и отец сего Сулеймана, Муса Тонкачеев, был из татарских мурз, продолжал службу в ведомстве государственной иностранной коллегии, а наконец в штате Кавказкаго наместничества в Астраханском суде судьбою коллегским ассесором. И в том под сим и подписуемся в Астрахане декабря дня 1802 года:

Надворный советник Григорий Некрасов
Коллежской ассесор Федор Пантелеев
Коллежский советник Дмитрий Тарасов
Адмиралтейств комиссионерной каманде прапорщик Исуп Шакулов

Отставный майор Иван Копытов
Губернский секретарь Данила Саромятников
Губернский секретарь Филип Тимофеев
Губернский секретарь Иван Бегичев
Губернский секретарь Петр Иванов сын Бобров
Коллежский регистратор Илья Панкратьев сын Рохманов
Коллежский регистратор Петр Добротворский
Коллежский секретарь [...] ³² Борисов сын

(Л.9) Выписано в Посольском приказе из выездных книг лета 7001 (1492/93 – прим. авторов) года выехал из Золотой Орды с цари татарскими с Мухаммет ханом ближней их князь Исень Кипчацкой Мосен Сродской Унжемамеров черной китяк ³³.

(Ниже на этом листе изображено генеалогическое древо. Воспроизведенное генеалогическое древо представлено на Рис. 6).

Государственный архив Астраханской обл. Ф. 375, оп. 1, д. 128.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Вып. 4. Казань: Институт истории АН РТ; Яз, 2014. С. 5–27.
2. Акчурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 4–18.
3. Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005. № 2–3. Рязань: Край, 2006. С. 358–380.
4. Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина. 2004–2005. № 2–3. Рязань: Край, 2006. С. 381–405.
5. Березин И.Н. Татарский летописец, современник Бориса Федоровича Годунова. // Москвитянин, 1851. Ч. 6. № 24. Кн. 2. Москва, 1851. С. 543–554.
6. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866.
8. Волков В.Г. К вопросу о прародине и миграциях кыпчаков. Генетический аспект // Золотоордынская цивилизация. 2016. №9. С. 298–308.
9. Волков В.Г. Кыпчакский генетический компонент в составе средневекового населения юга Западной Сибири и Северного Казахстана // Этногенез казахов: историко-генетический аспект. Алматы: Shejire DNA, 2014. С. 234–245.
10. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
11. Гуркин В.А. Столбцы Ульяновского областного краеведческого музея // Симбирская черта: Материалы XVII–XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья. М., Ульяновск, 2000. С. 121–144. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://archo73.ru/Russian/17vek/museum/index.htm> (дата обращения: 18.03.2018).
12. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей / Под ред. Л.В. Черепнина. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
13. Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. [Электронный ресурс] Адрес доступа:

³² Подпись неразборчива.

³³ Так в тексте: «Мосел Сродской Ундемамеров черной китяк».

<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (дата обращения: 18.03.2018).

14. *Зайцев И.В.* Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. М., 2013. С. 494–505.

15. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XV. Тамбов, 1887.

16. *Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.) // Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 123–139.

17. *Ишеев М.* Дело о дворянстве мурз Маматказиных, как источник информации по истории деревни Татаршино Тамбовской области. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.tatargen.ru/mamatkazins-tatarshchino.pdf> (дата обращения: 18.03.2018).

18. Кадыр Гали бик «Жамигыт-тэварих» // Мирастан биш сэхифэ: XVII–XIX гасырлар эдэби-тарихи ядкярлэре. Казан: Татар кит нэшр., 2011.

19. *Кемпер М., Усманова Д.М.* Вансовское движение в зеркале собственных прошений и поэм // «Гасырлар авазы – Эхо веков». 2001. № 3–4. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2001_3_4/04/04_1 (дата обращения: 18.03.2018).

20. *Муратов Б.А.* ДНК-генеалогия татарских фамилий-2. Крымские татары / ВЕНР «Suyun». Vol. 3. №1 [1, 2]. January 2016. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-1/Crimea_Tatars_3_20160103_1_%5B1_2%5D_3_VENPS_2016_1.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

21. *Муратов Б.А.* Потомки кланов Дешти-Кипчака – куман и сиров, R1b-M73. Часть 1-я // ВЕНР «Suyun». Vol. 3. №5 [1, 2]. May 2016. [Электронный ресурс] Адрес доступа: [http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-5/Cumans_Sirs_R1b-M73_3_20160526_5_\[1_2\]_3_VENPS_2016_5.pdf](http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-5/Cumans_Sirs_R1b-M73_3_20160526_5_[1_2]_3_VENPS_2016_5.pdf) (дата обращения: 18.03.2018).

22. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. Казань, Изд-во «Ихлас», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012.

23. Отписка казанских воевод Василия Петровича Морозова и Богдана Яковлевича Бельского в Вятку; 1609 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1836. С. 216–217.

24. Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. VI. 1891. № 1. Рязань, 1892. С. 5–10.

25. Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1646 годов / Сост. В.Д. Кочетков, М.М. Акчурин. М.; Н.Новгород, 2012.

26. *Потанов Л.П.* Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: «Наука», 1968. С. 316–323.

27. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / Сост. М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015.

28. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. Репринт: М., 2009.

29. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901.

30. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып.2. Софийская вторая летопись. М., 2001.

31. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга первая. / Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. Редакция и примечания проф. А.А. Семенова. Ответственный редактор С.П. Толстов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952.

32. Рузаевка православная // Саранские епархиальные ведомости. 2010. № 2. С. 14–21. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.old.sarep.ru/assets/files/jurnal/sev_2_2010.pdf (дата обращения: 18.03.2018).
33. *Сабитов Ж.М., Даулет Б.* Гаплогруппы и гаплотипы 50-ти каракалпаков // Russian Journal of Genetic Genealogy. (Русская версия) Том 3. №3 (2011) / Том 4. № 1 (2012). С. 83–90.
34. *Сабитов Ж.М.* К вопросу о гаплогруппах кипшаков // Ылы Даланың тарихы: түріктер мен моңғолдар. Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ баспасы, 2014. С. 102–107.
35. Сборник императорского Русского исторического общества. Т.41. СПб., 1884.
36. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
37. Сборник летописей. Татарский текст (Составлен в царствование Б. Годунова) с русским предисловием. // Библиотека восточных историков. Изд. И.Н. Березина. Т. II. Ч.1. Казань, 1854.
38. Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. VI. 1891. № 3. Рязань, 1892.
39. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.
40. Чингиз-наме // Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992.
41. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2009.
42. *Acar S. Kâsım Hanlıđı (1445–1681).* İstanbul, IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2008.
43. DNA Project «Idel» [Электронный ресурс] Адрес доступа: <https://www.familytreedna.com/public/tatarlar?iframe=yresults> (дата обращения: 18.03.2018).
44. *Tianzhen Gao, Libing Yun, Shuang Gao, Yan Gu, Wang He, Haibo Luo, Yiping Hou.* Population genetics of 23 Y–STR loci in the Mongolian minority population in Inner Mongolia of China. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00414-016-1433-1> (дата обращения: 18.03.2018).
45. *Turuspekov Y., Sabitov Zh., Daulet B., Sadykov M., Khalidullin O.* The Kazakhstan DNA project hits first hundred Y-profiles for ethnic Kazakhs // Russian Journal of Genetic Genealogy. 2011. Vol. 2. №1. С. 69–84.

Сведения об авторах: Акчурин Максум Маратович – соискатель Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Мулланур Равильевич Ишеев – исследователь Центра историко-родословных исследований «TatarGen.Ru» (420029, ул. Сибирский тракт, 34, Казань, Российская Федерация). E-mail: mullanur.isheev@yandex.ru

Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: feb@ru.ru

Тахир Ахатович Абдурахманов – исследователь-архивист Центра историко-родословных исследований «TatarGen.Ru» (420029, ул. Сибирский тракт, 34, Казань, Российская Федерация). E-mail: ata1967@yandex.ru

Радик Римович Салихов – доктор исторических наук, академик АН РТ, заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: rsalikh@mail.ru

Поступила 01.02.2018 Принята к публикации 25.05.2018
Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Akchurin M., Isheev M. Institut vlasti tatarskikh knyazey v Rossiyskom gosudarstve [Institute of the power of the Tatar princes in the Russian state]. *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Sbornik statey* [Historical destiny of the peoples of the Volga and Ural regions. Collection of articles]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, is. 4, pp. 5–27. (In Russian)
2. Akchurin M., Isheev M. Etnopoliticheskie struktury Meshchery v XVI veke [Ethno-political structures of Meschera in the 16th century]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statey* [Medieval Turkic-Tatar States. Collection of articles]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, is. 6, pp. 4–18. (In Russian)
3. Belyakov A.V. Smotrennyy spisok kasimovskikh tatar tsareva dvora i seitova polka 1623 g. [Watched list of the Kasimov Tatars at the Tsarev court and Seitov regiment of 1623]. *Ryazanskaya starina* [Ryazan antiquity]. 2004–2005. Ryazan, Kray Publ., 2006, no. 2–3, pp. 358–380. (In Russian)
4. Belyakov A.V. Smotrennyy spisok kasimovskikh tatar tsareva dvora i seitova polka 1649 g. [Watched list of the Kasimov Tatars at the Tsarev court and Seitov regiment of 1649]. *Ryazanskaya starina*. [Ryazan antiquity]. 2004–2005. Ryazan, Kray Publ., 2006, no. 2–3, pp. 381–405. (In Russian)
5. Berezin I.N. Tatarskiy letopisets, sovremennik Borisa Fedorovicha Godunova. [Tatar chronicler, a contemporary of Boris Fedorovich Godunov]. *Moskvityanin* [A Muscovite]. Vol. 6, no. 24, book 2. Moscow, 1851, pp. 543–554. (In Russian)
6. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh*. [A Study on the Kasimov Tsars and Princes]. Part 2. St. Petersburg, 1864. (In Russian)
7. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh*. [A Study on the Kasimov Tsars and Princes]. Part 3. St. Petersburg, 1866. (In Russian)
8. Volkov V.G. K voprosu o prarodine i migratsiyakh kypchakov. Geneticheskiy aspekt [On the question about the homeland and migrations of the Kipchaks. The genetic aspect]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde civilization]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, no. 9, pp. 298–308. (In Russian)
9. Volkov V.G. Kypchakskiy geneticheskiy komponent v sostave srednevekovogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri i Severnogo Kazakhstana [Kipchak genetic component as part of the medieval population of the south of Western Siberia and Northern Kazakhstan]. *Etnogenez kazakhov: istoriko-geneticheskiy aspekt* [Ethnogenesis of the Kazakhs: historical and genetic aspect]. Almaty, Shejire DNA Publ., 2014, pp. 234–245. (In Russian)
10. Gabdullin I.R. *Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu* [From the serving Tatars to the Tatar nobility]. Moscow, 2006. (In Russian)
11. Gurkin V.A. Stolbtsy Ul'yanovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [A columns of the Ulyanovsk regional Museum of local lore]. *Simbirskaya cherta: Materialy XVII–XVIII vv. po istorii Simbirskogo Povolzh'ya*. [Simbirsk boundary: Materials of the 17th–18th centuries on the history of the Simbirsk Volga region]. Moscow, Ul'janovsk, 2000, pp. 121–144. Available at: <http://archo73.ru/Russian/17vek/museum/index.htm> (last accessed: 18.03.2018). (In Russian)
12. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey*. Pod red. L.V. Cherepnina [Spiritual and contractual charters of the Great and appanage princes of

the 14th–16th centuries. Prepared for publication by L.V. Cherepnin]. Moscow, Leningrad, Academy of sciences of the USSR Publ., 1950. (In Russian)

13. Zaytsev I.V. *Velikoknyazheskie sluzhilye tatory v XV – pervoy polovine XVI v. i ikh zemlevladieniye v Moskovskom krae* [Grand-ducal service Tatars in the 15th – first half of the 16th century and their land ownership in the Moscow region]. Available at: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (last accessed: 18.03.2018). (In Russian)

14. Zaytsev I.V. Kyrk-Yer/Kyrkor (Chufut-Kale) i rannaya istoriya Krymskogo khanstva [Kyrk-yeer/Kyrkor (Chufut-Kale) and the early history of the Crimean khanate]. *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi* [From the river Onon to Thames. The Chinggisids and Their Western Neighbors]. Moscow, 2013, pp. 494–505. (In Russian)

15. *Izvestiya Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. [News of the Tambov scientific archival commission]. Tambov, 1887, is. XV. (In Russian)

16. Iskhakov D.M. K voprosu ob etnosotsial'noy strukture tatarskikh khanstv (na primere Kazanskogo i Kasimovskogo khanstv XV – ser. XVI vv.) [On the question of the ethnosocial structure of the Tatar khanates (on the example of the Kazan and Kasimov khanates of the 15th–16th centuries)]. *Istoricheskie ocherki* [Historical essays]. Kazan, Fen, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 123–139. (In Russian)

17. Isheev M. *Delo o dvoryanstve murz Mamatkazinykh, kak istochnik informatsii po istorii derevni Tatarshchino Tambovskoy oblasti* [A case of the nobility of Mamatkazin murzas as a source of information on the history of the village of Tatarschino in the Tambov region]. Available at: <http://www.tatargen.ru/mamatkazins-tatarshchino.pdf> (last accessed: 18.03.2018). (In Russian)

18. Kadyr Gali bik. “Жамигыт-төварих” [Collection of Chronicles]. *Mirastan bish sakhifa: XVII–XIX gasyrlar ədəbi-tarixi yadkyarləre* [History covered with legends: literary-historical monuments of the 17th–19th centuries]. Kazan, Tatar kitap nashriyate, 2011. (In Tatar)

19. Kemper M., Usmanova D.M. Vaisovskoe dvizhenie v zerkale sobstvennykh prosheniy i poem [The Vaisov movement in the mirror of their own petitions and poems]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of the centuries]. 2001, no 3–4. Available at: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2001_3_4/04/04_1 (last accessed: 18.03.2018). (In Russian)

20. Muratov B.A. DNK-genealogiya tatarskikh familiy-2. Krymskie tatory [DNA genealogy of Tatar surnames-2. Crimean Tatars]. *BEHP “Suyun”*, vol. 3, no. 1 [1, 2], January 2016. Available at: http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-1/Crimea_Tatars_3_20160103_1_%5B1_2%5D_3_BEHPS_2016_1.pdf (last accessed: 18.03.2018). (In Russian)

21. Muratov B.A. Potomki klanov Deshti-Kipchaka – kuman i sirov, R1b-M73 [Descendants of the clans of Deshti-Kipchak – the Cumans and Sirs, R1b-M73.]. *BEHP “Suyun”*, vol. 3, no. 5 [1, 2], May 2016. Available at: [http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-5/Cumans_Sirs_R1b-M73_3_20160526_5_\[1_2\]_3_BEHPS_2016_5.pdf](http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-5/Cumans_Sirs_R1b-M73_3_20160526_5_[1_2]_3_BEHPS_2016_5.pdf) (last accessed: 18.03.2018). (In Russian)

22. Mukhamed'yarov Sh.F. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gosudarstvennyy stroy Kazanskogo khanstva* [Socio-economic and state system of the Kazan khanate]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012. (In Russian)

23. Otpiska kazanskikh voevod Vasiliya Petrovicha Morozova i Bogdana Yakovlevicha Bel'skogo v Vyatku; 1609 g. [Letter of the Kazan Governors Vasily Petrovich Morozov and Bogdan Yakovlevich Belsky to Vyatka; 1609]. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiyey Imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 2. St. Petersburg, 1836, pp. 216–217. (In Russian)

24. Perepisnaya kniga po gorodu Kasimovu za 1646 (7154) g. [Census book on the city of Kasimov for 1646 (7154)]. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Procee-

dings of the Ryazan Scientific Archival Commission]. Vol. VI, 1891, no. 1. Ryazan, 1892, pp. 5–10. (In Russian)

25. *Pistsovaya kniga tatarskim pomestnym zemlyam Alatyrskogo uezda 1624–1646 godov*. Sost. V.D. Kochetkov, M.M. Akchurin. M. [Census book of the Tartar lands of the Alatyrsky district of 1624–1646 / compilers: V.D. Kochetkov, M.M. Akchurin]. Moscow, N.Novgorod, 2012. (In Russian)

26. Potapov L.P. Iz etnicheskoy istorii kumandintsev [From the ethnic history of the Kumandins]. *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Sredney Azii* [History, archaeology and Ethnography of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 316–323. (In Russian)

27. *Pripravochnyy spisok s dozornoj knigi goroda Temnikova i Temnikovskogo uezda 1613/14 g.* Sost. M.M. Akchurin, A.V. Belyakov [Copy from the sentinel book of the city of Temnikov and Temnikovski Uyezd 1613/14 / compilers: M.M. Akchurin, A.V. Beljakov]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015. (In Russian)

28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 29: *Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedev-skaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 29: Chronicler of the beginning of the reign of the tsar and grand duke Ivan Vasilyevich. Aleksandro-Nevsky chronicle. Lebedevsky chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1965; reprint: Moscow, 2009. (In Russian)

29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 12: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 12: The annalistic collection called the Patriarchal or Nikonovsky chronicle]. St. Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova Publ., 1901. (In Russian)

30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 6. Is. 2: *Sofiyskaya vtoraya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. Is. 2: The Second Sofia Chronicle]. Moscow, 2001. (In Russian)

31. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. I. Book 1. *Perevod s persidskogo L.A. Khetagurova. Redaktsiya i primechaniya prof. A.A. Semenova. Otvetstvennyy redaktor S.P. Tolstov* [Trans. from the Persian by L.A. Khetagurov]. Moscow, Leningrad, Academy of sciences of the USSR Publ., 1952. (In Russian)

32. Ruzaevka pravoslavnaya [The Orthodox Ruzaevka]. *Saranskie eparkhial'nye vedomosti* [Bulletin of the Saransk diocese], 2010, no. 2, pp. 14–21. Available at: http://www.old.sarep.ru/assets/files/jurnal/sev_2_2010.pdf (last accessed: 18.03.2018). (In Russian)

33. Sabitov Zh.M., Daulet B. Gaplogruppy i gaplotipy 50-ti karakalpakov [Haplogroups and haplotypes of 50 Karakalpaks]. *Russian Journal of Genetic Genealogy* (Russkaya versiya [Russian version]). 2011, vol. 3, no. 3; 2012, vol. 4, no. 1, pp. 83–90. (In Russian)

34. Sabitov Zh.M. K voprosu o gaplogruppakh kipshakov [On the question about haplogroups of the Kipchaks]. *Yly Dalanyň tarikhy: tyrikter men moňgoldar* [History of the great Steppe: the Turks and Mongols]. Astana, The L.N. Gumilyov ENU Publ., 2014, pp. 102–107. (In Russian)

35. *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collections of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41. St. Petersburg, 1884. (In Russian)

36. *Sbornik knyazya Khilkova* [Collection of Prince Hilkov]. St. Petersburg, 1879. (In Russian)

37. *Sbornik letopisey. Tatarskiy tekst (Sostavlen v tsarstvovanie B. Godunova) s russkim predisloviem* [Collection of Chronicles. Tatar text (compiled in the reign of B. Godunov) with the Russian Preface]. Biblioteka vostochnykh istorikov [Library of Eastern historians]. Vol. II. Part 1. Kazan, 1854. (In Russian)

38. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission]. Vol. VI, 1891, no. 3. Ryazan, 1892. (In Russian)

39. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv.* [Russia and Crimea: from alliance to confrontation. The end of the 15th – beginning of 16th century]. Moscow, 2001. (In Russian)

40. *Chingiz-name. Faksimile, perevod, transkriptsiya, tekstologicheskie primechaniya, issledovanie V.P. Yudina. Kommentarii i ukazateli M.Kh. Abuseitovoy* [Chingiz-name. Facsimile, translation, transcription, textual notes, research of V.P. Yudin. Comments, indexes by M.Kh. Abuseitova]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1992. (In Russian)

41. Eskin Yu.M. *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv.* [Essays on the History of mestnichestvo in Russia in the 16th–17th centuries]. Moscow, Kvadriga, 2009. (In Russian)

42. Acar S. Kâsım Hanlıđı (1445–1681) [The Khanate of Kazan (1445–1681)]. *IQ Kültür Sanat Yayıncılık* [IQCulture and Art Publications]. İstanbul, 2008. (In Turkish)

43. *DNA Project “Idel”*. Available at: <https://www.familytreedna.com/public/tatarlar?iframe=yresults> (last accessed: 18.03.2018).

44. Tianzhen Gao, Libing Yun, Shuang Gao, Yan Gu, Wang He, Haibo Luo, Yiping Hou. *Population genetics of 23 Y-STR loci in the Mongolian minority population in Inner Mongolia of China*. Available at: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00414-016-1433-1> (last accessed: 18.03.2018).

45. Turuspekov Y., Sabitov Zh., Daulet B., Sadykov M., Khalidullin O. The Kazakhstan DNA project hits first hundred Y-profiles for ethnic Kazakhs. *Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2011, vol. 2, no. 1, pp. 69–84.

About the authors: Maksım M. Akchurin – Applicant, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Mullanur R. Isheev – the employee of the Center of the historical and genealogical researches “TatarGen.Ru” (34, Sibirsky trakt Str., Kazan 420029, Russian Federation). E-mail: mullanur.isheev@yandex.ru

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Researcher Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: feb@ru.ru

Takhir A. Abdurakhmanov – the employee of the Center of the historical and genealogical researches “TatarGen.Ru” (34, Sibirsky trakt Str., Kazan 420029, Russian Federation). E-mail: ata1967@yandex.ru

Radik R. Salikhov – Dr. Sci. (History), academic of the Tatarstan Academy of Sciences, Deputy Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: rsalih@mail.ru

Received February 1, 2018 Accepted for publication May 25, 2018

Published June 29, 2018

ДИСКУССИИ

УДК 94(470.5)"15-17"

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369

ЯСАЧНЫЕ ЛЮДИ, ИНОЗЕМЦЫ, ЯСАК И ДАРООБМЕН – ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕОРИИ*

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Цель: изучить дискуссионные вопросы российской истории, связанные с ясачным населением конца XVI – середины XVIII вв.

Материалы исследования: при написании настоящей статьи использовались опубликованные и вновь выявленные архивные материалы и публикации предшественников.

Результаты и научная новизна: удалось выяснить, что понятие «иноземцы» в деловой документации Московского государства XVI–XVIII вв. относилось к ясачному населению от Волги до Восточной Сибири. Сам ясак для традиционного ясачного населения выступал в качестве государственной подати, а ясачное население пользовалось вотчинным правом на ясачные угодья. Ясачное население можно предварительно разделить на три категории: 1. Ясачные Поволжья, которые по типу хозяйства были близки к государственным крестьянам. Для них ясак был скорее пережитком. Тем не менее они сохраняли вотчинные права на медовые угодья и бобровые гоны. 2. Ясачные Урала, запада и юга Сибири – охотники, рыболовы либо скотоводы. Для них ясак был основным видом государственной подати, соответствующим типу хозяйства. Традиции уплаты ясака уходят еще в тот период, когда эти группы населения находились в орбите влияния либо являлись подданными постордынских государств. Вотчинное право у этого населения распространялось на всю территорию хозяйствования. 3. Население севера и северо-востока Сибири, не обладавшее развитой социальной структурой и никому ранее не платившее подати. Для этого населения сам принцип дани был не понятен, поэтому государство выстраивало с ними отношения в понятной им форме – в виде дарообмена.

Таким образом, ясачное население не было однотипно, взаимоотношения разных групп с государством строились по разным сценариям. При этом ясачное население являлось частью социальной структуры Российского государства. Исключение составляют некоторые группы севера и северо-востока Сибири, где ситуацию надо рассматривать отдельно в отношении каждой родовой/племенной группы.

Ключевые слова: ясачное население, социальная структура, вотчинные земли, чины или сословия, подати, государство, подданство

Для цитирования: Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

**YASAK PEOPLE, FOREIGNERS, YASAK AND EXCHANGE OF GIFTS –
PRACTICAL THINKING ABOUT A THEORY*****G.Kh. Samigulov***South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru*

Abstract: Objective: The study concerns controversial issues of Russian history related to yasak people from the end of the 16th century to the middle of the 18th century.

Materials: During the investigation, the author used newly discovered archival documents as well as previous publications.

Results and novelty of the research: It has been established that the term “foreigners” in the administrative documentation of the Muscovy in 16th–18th centuries indicated the yasak people from the river Volga to Eastern Siberia. The “yasak” for traditional yasak people signified a state duty (a tax) and yasak people had a votchina right on the yasak land. Yasak people can be preliminarily divided into three categories: 1. Yasak people in the Volga area. They were very similar to state peasants in an economic sense and the yasak was merely a vestige for them. Nevertheless, they preserved votchina rights on honey, lands and the hunting of beaver. 2. Ural, Western and Southern Siberian yasak people – hunters, fishers or pastoralists. For them, the yasak was basic type of the state tax corresponding to their local economies. Yasak traditions stemmed from period when these peoples were in sphere of influence or vassalage of post-Golden Horde states. The votchina rights of these peoples covered all over their territory. 3. North and Northeast Siberian populations who did not have advanced social structure and had never paid tax earlier. Any taxes were unclear to that population which is why the state formulated relations with them in understandable form – as an exchange of gifts.

Thus, yasak populations were not all the same, and relations between the state and different groups were created along the lines of different schemes. At the same time, the yasak people formed a part of the social structure of the Russian state. An exception to the rule were some peoples in northern and northeast Siberia, where the situation must be considered separately for every clan/tribal group.

Key words: yasak people, social structure, votchina land, positions and estates, podat', state, allegiance

For citation: Samigulov G.Kh. Yasak People, Foreigners, Yasak and Exchange of Gifts – Practical Thinking about a Theory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369

Введение

Сегодня, в связи с актуализацией этнической и социальной истории народов России, становятся всё более насущными вопросы статуса различных групп нерусского населения Московского государства/Российской империи, в частности и столь распространенной и достаточно многочисленной в свое время категории, как ясачные люди. Так получилось, что работ, посвященных именно разбору того, кто такие ясачные люди и что такое ясак в России XVI–XVII вв., почти нет. Вопросы уплаты ясака затрагиваются в общих трудах по истории той или иной территории, но и только. Это касается территории По-

* The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (state assignment 33.5494.2017/БЧ).

волжья, Приуралья, а также Сибири, о которой преимущественно и пойдет речь в предлагаемой статье. Даже такие работы, как «Ясак в Сибири» [6], «Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.)» [10], «Ясачная политика царской администрации в период освоения Приамурья русскими в XVII в.» [37], «Ясак в Сибири XVIII – начала XX века» [12] и др., посвященные, казалось бы, непосредственно проблемам, связанным с ясачным населением, рассматривают именно ясачную политику Российского государства, не углубляясь в анализ статуса ясачного населения и очень кратко останавливаясь на том, что же представлял собой ясак.

Мои позиции по этим вопросам обозначены в публикациях, вышедших в последние 5–7 лет. При этом я, обычно, признавая значимость работ предшественников и используя их наработки, основываюсь преимущественно на материалах источников. Выводы, к которым я пришел, как мне казалось, достаточно понятны для восприятия и вполне обоснованы. Но после нескольких дискуссий в кулуарах я пришел к заключению, что надо обозначить свои позиции более наглядно, и лучше это сделать в противопоставлении тезисам, на мой взгляд, достаточно спорным. При этом критикуемые мною взгляды находят живой положительный отклик у многих коллег, особенно в Сибири, видимо, постольку, поскольку в целом пребывают в русле сибиреведческих исследований. В качестве оппонируемых я взял две статьи А.Ю. Конева, посвященные вопросам статуса ясачного населения Сибири: «Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению» [21] и «Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XVIII вв.» [20].

Методика моей работы достаточно проста – при рассмотрении тезисов оппонируемой работы я обращаюсь, в первую очередь, к архивным материалам, как ранее опубликованным, так и вновь выявленным. Работы коллег, как предшественников, так и современников, занимают важное место в исследовании, но приоритетом обладают, несомненно, первоисточники. Довольно большой объем предлагаемого текста займут цитаты из статей А.Ю. Конева и из архивных источников. Статьи А.Ю. Конева охватывают (или пытаются охватить) всю территорию Сибири и даже Урала. Я ограничусь Верхотурским, Туринским, Тюменским, Уфимским и отчасти Кунгурским, Тобольским и Пелымским уездами с некоторыми экскурсами к истории Поволжья и совсем лапидарными отсылками к ясачному населению северо-востока Сибири.

Сразу оговорюсь, что я рассматриваю Россию XVI–XVII вв. как сословное государство. Отмечу, что те, кто отрицает либо ставит под сомнение существование сословий в России XVI–XVII вв., преимущественно являются специалистами по истории страны XVIII – начала XX вв., в то время как историки, специализирующиеся на изучении истории Российского государства более раннего периода, сомнений в его сословном характере не высказывают. Другое дело, что не стоит искать в России этого периода загадочные «четыре сословия». То есть я исхожу из того, что Россия XVII в. была сословным государством, хотя социальная система ее была сложнее, чем в странах Европы того времени. Подробная характеристика сословий дана в соответствующей статье «Советской исторической энциклопедии» [42, стб. 346–350].

Основная часть

Значительная часть первой статьи А.Ю. Конева представляет собой обзор точек зрения относительно места народов Сибири в социально-правовом измерении России как имперского периода, так и первого века по вхождению территории в состав Московского государства [21]. Помимо этого приведены и собственные выкладки автора по этой теме. Именно они и представляют для нас интерес. Вторая статья [20], посвященная включенности ясачного населения Сибири в подданство Российского государства и интерпретациям таких выплат, как ясак и государевы поминки, тесно смыкается по содержанию с предыдущей работой [21].

А.Ю. Конев пишет, что «нивелирование этнического и конфессионального фактора в пользу сословного применительно к первому столетию присвоения Сибири Россией приводит иногда к весьма некорректным выводам» [21, с. 139]. В качестве примера некорректного вывода он приводит цитату из работы Л.И. Шерстовой о том, что «сибирские аборигены с самого начала присоединения Сибири и в ходе последнего тут же включились в социально-экономическую структуру государства через объясачивание и сразу же двигались по пути особого российского податного сословия» [44, с. 132]. Подкрепляет свое высказывание А.Ю. Конев следующими выкладками: «Индиженное население, принявшее ясачное подданство, далеко не «тут же» и не «сразу» включалось в социальную структуру Российского государства как такового, тем более оформляясь в особое сословие. И дело даже не в том, что существование сословий в России того времени вопрос спорный, а в том, что вся эта разношерстная масса населения не имела четко определенного юридического статуса. Как пишет А.С. Зуев, Соборное Уложение не заметило сибирских иноземцев и никак не прописало их статус в структуре государства. Добавлю, что специфика их положения определялась шертями и воеводскими наказами, в частности, особой статьей последних – «жалованным словом» [21, с. 139].

А.Ю. Конев приводит и другие рассуждения в пользу того, что ясачное население Сибири не было включено в социальную структуру Российского государства: «Словосочетание «ясачные иноземцы», на мой взгляд, само по себе выводило автохтонное население за рамки чиновного деления Московской Руси. Войти в него «ясачному человеку» можно было только приняв крещение, верстаясь затем в число служилых людей или пребывая на положении холопов у русских» [21, с. 139]. Ссылается он при этом на монографию Т.А. Опариной, которая отметила, что «иноверцы были лишены многих политических прав: они не допускались к управлению страной, не занимали государственных постов (не входили в Боярскую думу, не участвовали в Земских соборах, не возглавляли приказов, воеводств и т.д., и не могли даже стать чиновниками любого уровня)» [28, с. 6].

В другой работе А.Ю. Конев выдвигает предположение о том, что основным выражением подданства аборигенного населения Сибири на «ранней» стадии был не ясак, а государевы поминки: «К концу XVII в. «поминочная рухлядь» на имя государя становится обязательной, неотъемлемой частью ясачного сбора и фактически сливается с ним. На мой взгляд, существование такого дара параллельно с ясачным взносом было индикатором того, что ясак сохраняет характер дани, собираемой с покоренного и еще не полностью включенного в государственную систему населения. Стирание же границы

между ними свидетельствовало о превращении ясака в государственный налог. Таким образом, существование института дара-«поминка» на государевом имя и трансформация его в составную часть ясака выступает важным показателем степени интеграции автохтонных сообществ в политико-административную и социально-административную структуру Российского государства» [20, с. 48]. Автор статьи пишет, что ясак не являлся формой государственной подати, а представлял собой форму «дарообмена», то есть взаимоотношений с населением, которое не является подданными. При этом он апеллирует к примерам из истории приполярных областей, преимущественно Северо-Восточной Сибири, но распространяет выводы, сделанные на основании этих примеров, на всю территорию Сибири.

Постараюсь изложить свои комментарии к выкладкам А.Ю. Конева по «пунктам», сопровождая каждый примерами из опубликованных и выявленных архивных материалов.

1. Иноземцы.

Алексей Юрьевич упускает из виду, что категория ясачных людей начала формироваться в России до того, как сибирские земли были включены в состав Московского государства, а понятие «иноземцы» использовалось вовсе не только по отношению к сибирским автохтонам, но и к нерусскому населению Поволжья, Прикамья. То есть сибирские иноземцы после принятия российского подданства просто дополнили ряды ясачных и служилых людей Московского государства.

А.Ю. Конев в своих выводах о том, что понятие иноземцы использовалось именно по отношению к аборигенному населению Сибири, опирается на статью П.С. Игнаткина, где приведены цитаты из документов, в которых использовано слово «иноземцы» по отношению к нерусскому населению. Как ни странно, но в этой работе гораздо проще найти обоснование того, что это понятие использовалось, в первую очередь, в отношении нерусского населения к западу от Уральского хребта. П.С. Игнаткин пишет: «Наиболее ранний выявленный нами случай употребления соционима «иноземцы» применительно к автохтонам Сибири датируется 1565 г. Он зафиксирован в грамоте митрополита московского и всея Руси Афанасия, адресованной Г. Строганову и разрешавшей его слободским игуменам и священникам самостоятельно, без дополнительного благословения от московского митрополита, обращать в православную веру аборигенное население урало-сибирского региона – татар, вогулов и югричей» [18, с. 93]. Можно просто констатировать, что речь идет не о Сибири – вотчины Строгановых в это время занимали территорию Среднего Прикамья, не поднимаясь вверх по Сылве и Чусовой, поскольку жалованную грамоту на земли по Чусовой Строгановы получили позже, в 1568 г. [43, с. 33–34]. Далее П.С. Игнаткин пишет о царской «памяти», направленной в Приказ большой казны: «пустозерскому воеводе В. Ухтомскому было “велено призывать самоедов и иных вер иноземцов и крестьян в православную христианскую веру”. Многие ненецкие роды ежегодно совершали перекочевки из Сибири в Европейскую Россию и в обратном направлении. Поэтому, хотя речь в документе идет о Северном Приуралье, упомянутых самоедов следует рассматривать и как жителей Сибири» [18, с. 93]. Не буду спорить насчет «самоедов», но ясно, что в первую очередь речь в документе идет о жителях уезда Пусто-

зерска, то есть приуральском населении. Затем П.С. Игнаткин сообщает: «В 1614 г. в отписке верхотурского воеводы Б. Зюзина в Пермь «иноземцами» поименованы сылвинские остяки» [18, с. 93]. Дело в том, что сылвенские остяки (или «татары и остяки») проживали и проживают по рекам Сылве и Ирени, на западном склоне Уральского хребта. Сегодня эта территория входит в состав Пермского края. Ниже будет приведен фрагмент писцовой книги Кайсарова, описывающей их вотчины.

Еще два примера в статье П.С. Игнаткина касаются выезжих представителей знати Сибирского ханства, которых вполне можно отнести к общей категории «выезжих иноземцев», которая включала в себя выходцев как из Западной Европы, так и из пост-ордынских государств, причем выходцев, преимущественно, служивых. Собственно сибирским является один пример с «иноземцами» Томского уезда [18, с. 93–94].

Из шести приведенных в статье П.С. Игнаткина примеров три касаются Приуралья. Представляется, что это довольно странный подбор для статьи с названием «Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси». Вывод статьи также вызывает недоумение: «Этот соционим означал этнические, культурные и религиозные отличия нерусского населения от русского, а также указывал как на политическую принадлежность к другой стране, так и на недавнюю подчиненность России. Его употребление свидетельствовало о стремлении подчеркнуть политическую и религиозную дистанцию между исконным населением Московского государства, с одной стороны, и новыми подданными – с другой» [Игнаткин, 2013, с. 94]. Конкретно недоумение вызывает фраза про «новых подданных».

К примеру, в царском указе 1697 г.: «А в уезде в Татарские и Чувашские и в Вотяцкие волости и в деревни для выемки табаку ни кого не посылать, и никого их иноземцев из уезду в город не имать и убытков и разоренья им в том не чинить» [34, с. 287]. С включения земель и населения бывшего Казанского ханства в состав Московского государства к 1697 г. прошло практически полтора века. Упомянутые в документе иноземцы уже давно не были «новыми подданными» Российского государства. То же самое можно сказать и относительно тезиса А.Ю. Конева: «Характерно, что до середины XVIII в. основным собирательно-обобщающим термином для обозначения новоиспеченных и становящихся подданными из числа сибирских автохтонов было слово «иноземцы» [21, с. 140]. Сложно назвать «новоиспеченными» подданными людей, которые к середине XVIII в. находились в российском подданстве более полутора веков, а это значительная часть автохтонного населения Западной и Центральной Сибири.

Относительно уверенности А.Ю. Конева, что этот термин относится исключительно к сибирскому населению, выше я уже показал, что это не так и словом «иноземцы» обозначалось также автохтонное население Поволжья и Приуралья. Если быть более точным, то этим термином сначала обозначалось нерусское население территорий к западу от Уральского хребта, а после 1582–1586 гг. его распространили на аборигенное население Сибири.

Еще один, достаточно важный момент. А.Ю. Конев делает упор на использовании термина «иноземцы» и именно от этого отталкивается в дальнейших рассуждениях. Но по той же статье П.С. Игнаткина прекрасно видно, что это выражение не было основным при обозначении аборигенного населе-

ния Сибири. Он с трудом набрал 6 примеров использования этого понятия в документах, касающихся Приуралья и Сибири, за вторую половину XVI – начало XVII вв. То есть это достаточно редко встречающееся определение. Практически во всех документах используются выражения «ясачные люди» (для обозначения ясачного населения вообще), «ясачные татары», «ясачные остяки», «ясачные вогулы» и т.д. – если документ относится к ясачному населению одного уезда. Поэтому далее в статье я буду обычно использовать выражение «ясачные люди» или «ясачное население», поскольку это гораздо больше соответствует лексике деловой документации Российского государства конца XVI – середины XVIII вв.

Что касается мнения о том, что само выражение «ясачные иноземцы» выводило сибирских автохтонов за рамки «чиновного» мира Российского государства и единственный способ войти туда был принять крещение [21, с. 139], то это совершенно умозрительное заключение, не имеющее никаких оснований. 1640 г., «Царская грамота уфимскому воеводе Ивану Салтыкову о запрещении всяких чинов людей держать в холопстве по закладным кабалам...»: «которые всяких чинов люди, крещены и не крещеные, наперед сего жили и ныне живут в закладах у всяких чинов людей, велеть жить тяглым в тягле, а ясашным в ясаке, по прежнему...» [14, с. 271]. Представляется, что царская грамота с конкретным указанием на то, что некрещеные и ясачные подданные входили в состав «чинов» Российского государства, является достаточно убедительным аргументом. А еще подобные формулировки есть в наказе окольному князю Львову, назначенному воеводой в Казань: «В Казани ж велеть учинить заказ крепкой и бирючем кликать по многие дни, чтобы Казанские всяких чинов люди Русские люди и Мурзы и Татарове и Чуваши и Черемиса Великого государя всяких чинов Русских людей и Вотяков, и Чуваши, и Черемисы и их жен и детей, и поместных, и оброчных и ясачных земель и бортных ухожеев и никаких угодьев ни в каких долгах в заклад к себе не имать...» [34, с. 289].

Кстати и в работе Т.А. Опариной, на которую ссылается А.Ю. Конев, речь идет вовсе не о «невключенности» иноземцев в социальную систему государства, а о некотором ограничении прав: «Иноверцам гарантировалось самоуправление, и, что особенно важно, право собственности на землю. Но, как и русские подданные, мусульмане и язычники Поволжья и Сибири, платили налоги (иные, чем русское население), несли воинскую повинность (подразделения татарских мурз всегда составляли важнейшую часть русской армии)» [28, с. 6]. То есть иноверцы, по Т.А. Опариной, были частью социальной системы Российского государства и имели присущие его подданным права, кроме участия в управлении государством. Отметим также, что в этом отношении она не разделяет нерусское население Поволжья и Сибири. Кстати, специалист по истории служилых татар в России XVI–XVII вв. А. Беляков несколько иначе формулирует отличия в правах «иноземцев» от «полных» подданных: «1) Невозможность для неправославного человека стать членом государева двора (ограничения в карьерном росте); 2) невозможность держать в услужении православных людей (защита православных от возможного «поругания веры»); 3) существование особого земельного фонда, земли из которого жаловались исключительно служилым иноземцам (мера против

претензий православных служилых людей на поместья служилых иноземцев)» [7, с. 68]. Как видим, по мнению А.В. Белякова, речь идет о недопуске иноверцев лишь на высший уровень управления государством.

И действительно, мы имеем примеры командования мусульман полками (Царским и Сеитовым), знаем темниковских воевод Еникеевых [8]. Тобольский татарин Сейдяш Кульмаметев исполнял торговые и посольские миссии. В частности, в грамоте Федора Алексеевича Тушету-хану Чихунь Доржи, направленной в феврале 1676 г., говорилось: «А посланцов ваших со всеми их людьми мы, великий государь, наше царское величество, пожаловав нашим, великого государя, жалованьем, указали отпустить к вам без задержанья со всяким помогательством. А с ними по нашему великого государя указу послан с Москвы табольской житель Сейдяш Кутломаметов, а нашего великого государя жалованья послано с ним тебе, Очарою-хану» [24, с. 296]. Брат Сейдяша, Авазбакей Кульмаметев, в 1666 г. получил грамоту за личной подписью царя Алексея Михайловича, предписывающую всем воеводам и приказным людям оказывать Авазбакею содействие во время его поездок из Сибири в Москву и обратно. Авазбакей организовывал доставку кречетов к царскому двору [2, с. 314–315]. Торговые бухарцы были целовальниками на сибирских таможнях [3, с. 363; 15, с. 310–312] и т.д. Кстати, и А.В. , и Т.А. Опарина оговаривают, что надо разделять иноземцев «внешних» и «внутренних». Именно к «внутренним» иноземцам и относились упомянутые выше группы населения: «Мусульмане и язычники бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, официально провозглашенные подданными православного монарха, оставались в России иноземцами. Вхождение их территорий в состав Русского государства определило выработку системы взаимоотношений православной власти и неправославных подданных. Присоединенные регионы стали локальными зонами особого законодательства и, соответственно, во многом изолированными от русского общества. Для удержания новых подданных правительству пришлось пойти на целый ряд уступок. Прежде всего, власти не применили явной русификации (отказавшись от нее после первых настойчивых попыток), что в категориях того времени означало отсутствие явного пресса в обращении в православие. Покоренным регионам была предоставлена религиозная автономия. Ее наличие в системе правового сознания того времени повлекло и определенную административную автономию. Иноверцам гарантировалось самоуправление и, что особенно важно, право собственности на землю» [28, с. 6].

Как уже говорилось, понятие «иноземцы» использовалось по отношению к нерусскому населению, служилому либо ясачному и жившему на огромных территориях от Поволжья до Приамурья. Но выражение «ясачные люди» было гораздо более распространенным, чем «ясачные иноземцы». Совершенно непонятно, почему мы должны рассматривать сибирских «иноземцев» (ясачных людей) как принципиально другую категорию населения, нежели «иноземцев» (ясачных людей) Поволжья и Приуралья? Никаких аргументов в пользу такого разделения А.Ю. Конев не привел. Очевидно, он убежден, что термин «иноземцы» применялся именно к аборигенному населению Сибири (иногда упоминается и Урал): «Замечу, что длительное бытование термина «иноземец» в отношении коренных обитателей Сибири было связано не только с тем, что в массе своей они не принадлежали к Русской православной церкви, но и с тогдашним восприятием Сибири скорее не как перефирии, обладающей комплексом при-

знаков, присущих Русскому государству, а как пограничной / фронтальной территории с размытыми культурно-цивилизационными параметрами» [21, с. 141]. Однако, как показано выше, словом «иноземец» обозначали также жителей территорий, к Сибири не имеющих никакого отношения.

Я не вижу причин сомневаться в том, что ясачные люди на территориях от Поволжья до Тихого океана были частью социальной структуры Российского государства XVI–XIX вв. и относились к «чинам» Российского государства, что подтверждается царскими указами. В XVI–XVII вв. они не могли входить в высшие органы государственного управления, но точно так же туда не могли входить и крестьяне и посадские люди, являвшиеся «полными» подданными Московского государства. А ниже я постараюсь показать, каков именно был статус ясачного населения в Российском государстве. Существовали довольно существенные различия между различными категориями ясачного населения, обусловленные рядом причин. Об этих различиях будет сказано дальше.

2. Что такое ясак и кто такие ясачные люди.

Выше уже показано, что ясачные люди относились к чинам, то есть условиям Русского государства. Но остаются вопросы, что же такое ясак? И как определить набор прав и обязанностей ясачного населения, определявших сословные границы?

Есть тезис о том, что ясак на первом этапе был своего рода данью, выплачиваемой захваченными народами [12, с. 14]. Он базируется на цитате из статьи С.В. Бахрушина «Ясак в Сибири»: «Ясак – по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю» [6, с. 96]. По версии А.Ю. Конева, ясак ни в коем случае не является податью, но частью процедуры (ритуала) «дарообмена», то есть ясачные люди не являются подданными, а «существование института дара-«поминка» на государево имя и трансформация его в составную часть ясака выступает важным показателем степени интеграции автохтонных сообществ в политико-административную и социально-административную структуру Российского государства» [20, с. 48]. Мне очень интересно, как же тогда оценивать ситуации, когда русские люди меняли свой статус крестьян либо служилых на положение ясачных людей? Причем такая ситуация существовала с начала XVII в.: «...прислали под отпиской челобитную, Верхотурского уезду наших ясачных волостей, Лозвинские, Сосвинские, Вагринские, ясачных вагулич Богдашка Криворотов с товарищи» [1, с. 313]; 1613 г. мая 10, царская грамота верхотурскому воеводе Годунову, об определении казака Данила Шавкова в толмачи на Верхотурье: «случих Вагульских сотников, Кумыча Байтерека, Богдашка Орлика, в город привел, и их сотен вагулич, во многих юртах, по их вере к шерти привел» [1, с. 1]. Вряд ли есть сомнения в том, что Богдан Криворотов или Богдан Орлик относились к славянам. А.А. Преображенский писал о том, что по переписным книгам 1710 г. в Верхотурском уезде было 24 двора русских ясачных людей, в которых насчитывалось 167 человек [35, с. 169]. Многие добровольно выкупили выморочные вотчины ясачных вогулов, соглашаясь даже на выплату ясака в 1,5 раза больше, чем «иноземцы»¹. Есть совершенно замечательный пример,

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1111. Оп. 1. Д. 44. Л. 42; Д. 338. Л. 121–147.

когда крестьяне Туринского уезда потребовали, чтобы их признали ясачными людьми: «Да в нынешнем, государь, 1702 году бьют челом тебе великому государю русские люди в ясашной платеж, которые живут на татарских купленных местах и лесными и звериными угодьями владеют по татарским же закладным; а на Верхотурье, государь, многие русские люди с таких же закладных земель ясак платят. А по справке в Туринску в приказной избе, по отпискам из Туринска столника Ивана Морева, в 203 году, писал с Верхотурья воевода Иван Цеклер, чтоб русских людей в ясаки ставить» [29, с. 204]. То есть русские люди выкупали вотчинные земли ясачных татар, рассчитывая тоже стать ясачными людьми. Как соотносятся эти данные с якобы «внестатусным» положением ясачных людей в русском государстве? А если вы обратите внимание на документы Верхотурской приказной избы XVII в., то обнаружите, что русские там не выделены из общей массы плательщиков ясака и обозначены, как и в цитированных выше документах, «ясачными вогулами». В январе 1674 г. «бьют челом сироты ваши Верхотурского уезду Сосвинские волости ясачныя вагулича Тараска Ивашкин, Козминко Катышков, Ивашко Анисимов, ... Богдашин»². 1675 г. «Верхотурской вагульской толмач Ивашко Зеновьев сыскивал Верхотурской (Верх)-Лозвинской волости сотника Ивашка Миткина и ясачными людьми по их вере и по шерти тоя ж волости про ясачных вагулеч про Бориска Федкова, про Исайка Богдашина»³. П.Н. Буцинский приводит цитату из документа 1618 г.: «про то дело сыскивали до пряма пельмскими вогуличи и пельмские вогуличи Ян Кисленский с товарищи сказали...» [11, с. 308]. То есть в число ясачных вогулов Верхотурского и Пельмского уездов входили русские/крещеные люди (или, возможно, поляки, как в случае с Яном Кисленским), а также крещеные вогулы. Хотя без детального исследования нам уже сложно отличить по таким документам русского, перешедшего в ясак, от крещеного вогула, поскольку в документах, как уже упоминалось, они все обозначены как «ясачные вогулы». Такова была система обозначения – ясачные в Верхотурском уезде назывались вогулами, в Тюменском – татарами, а в Уфимском – башкирами, вне зависимости от языковой и конфессиональной принадлежности.

Кстати, подобная ситуация включения русских в состав ясачного населения вовсе не является сибирской особенностью: «Всего прежних жителей ясачных крестьян – Русских и Татара и Мордвы и Чюваши 270 дворов, людей в них (взрослых) 561 челов. Тягла им платить новаго и старого 87 ясаков без получети. На пашню им земли 521 десят. с четью в каждом поле» [29, с. 312]. Казанский губернатор Волынский в записке 1730 г. писал: «И понеже за тридцать лет прошедших не бывало нигде ясачных русских сел но все были иноверцы, и разве изо ста один или два в котором селе крещены, а ныне множество таких сел, в которых уже ни одного не сыщется иноверца кроме самых русских... те вышепомянутые иноверцы один за другим перешли чрез несколько лет в башкиры, а на их места в ту ясашную подать набрались и поселились беглые русские»⁴. Русские ясачные люди были обычным явлением и в Поволжье.

² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 240. Л. 240.

³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 297. Л. 46.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 108. Оп. 1. 1730 г. Д. 2. Л. 1 об.

Теперь о том, что же представлял собой ясак в лесных районах Западной Сибири и на Урале. Я прошу прощения, ниже приведен большой фрагмент давно известного документа – грамоты царя Бориса Федоровича в Пелым, воеводе Тихону Траханиотову о сборе ясака с сибирских ясачных людей: «...А которые будет ясачные люди стары, или чем увечны и слепы, или больны и лесовати им не мочно, и с тех с ясачных людей, с старых и с увечных и з больных, нашего ясаку имати есмя не велели, на ком будет взять не мочно... А будет которые ясачные люди учнут к вам приходя бити челом, что им всего нашего ясаку нынешнево году заплатит вскоре не мочно, и вы б тем ясачным людем давали сроку, смотря по тамошному делу, как им мочно тот ясак заплатить, да и в книги б есте тое доимку писали подлинно... А которые князьки, и мурзы, и лутчие люди учнут за ясаком приходить и учнут к вам для нашего царского величества и для сына нашего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии поминки носить, и вы б у них те их поминки имали, и клали в нашу казну, и велели писати в ясачные книги подлинно порознь, по статьям, а с ясачною казною тех поминков не мешали, а сами б есте ясачных людей в своих поминках за посмех не продавали: которые принесут, у тех имали и клали в нашу казну, а которые не принесут, и вы б на них сами не просили, чтоб им в том продажи не было...» [25, с. 381–383].

А чтобы было понятно, что значит, собирать «по ясачным книгам сполна», приведу другой фрагмент другого царского указа в Пелым, более раннего, от 1595 г.: «велел им собрати на нас ясаку на нынешней на 104-й год по прежней росписи, за приписью дьяка нашего Ондreja Щелкалова, 37 сороков и 20 соболей; и Кондинские де мурзы и сотники и все ясачные люди всего собрали 22 сорока 20 соболей против прошлого 103-го году, против Васильева збору Толстово; а не добрали они нашего ясаку против прежней росписи штинатцати сороков... А в челобитной их написано, что велено с них с ясачных татар ясачником Богдашку Волошанину собрати на нынешней на 104-й год з Большие Конды 37 сороков и 20 соболей; а в прошлом в 103-м году взял с них Василей Толстой нашего ясаку собольми и лисицами и бобры 21 сорок и 20 соболей; и они деи Пелымские вогуличи на нынешней на 104-й год собрали ясаку великою нужею 22 сорока и 20 соболей, потому что многие у них ясачные люди побиты, а иные померли, и вперед де им по той нашей указной росписи столько нашего ясаку в нашу казну платить не мочно. Да з Большие ж Конды взяти было на прошлые годы недоборного ясаку, что на них не добрано по ясачным книгам на 97-й, да на 98-й, да на 99-й, да на 100-й, да на 101-й, да на 102-й год против 1415-ти белок, а 100 белок по нашему указу положено против рубля, итого всего деньгами 414 рублей 5 алтын; да прошлого ж 103-го году недоборного ясаку 16 сороков да нынешнего 104-го году недоборного ясаку 16 сороков и 20 соболей. И нам бы их Большие Конды ясачных татар пожаловати, того недоборного ясаку на прошлые на 7 лет и на нынешней на 104-й год правити на них не велети. И мы Пелымского города Большие Конды ясачных татар Курманака мурзу с товарищи пожаловали... А вперед велели з Большие Конды с ясачных татар имати по 20 по 2 сорока и по 20 соболей на год, по тому, что с них взято на нынешней на 104-й год» [36, стб. 123–125].

У меня очень простой вопрос – где здесь «дарообмен»? Четкие формулировки «в нашу казну», «наш ясак», «доимка». Жестко определенный размер

ясака с уезда и персонально с каждого взрослого, за исключением стариков и больных. В случае невыплаты части требуемого количества, недоимка плюсуется к обязательному объему ясака будущего года и т.д. За утайку пушнины бьют кнутами. И ясачным, и ясатчикам запрещается торговать пушниной с купцами. Недоимка может быть прощена, как прощали недоимки крестьянам, например. Размер ясака определяет царь, а не ясачное население – царь может учесть пожелания ясачных, но последнее слово всё равно за ним. Иначе говоря, мы видим взаимоотношения государства и группы податного населения, в данном конкретном случае, цитированные документы – инструкции по сбору податей. Кстати, С.А. Бахрушин, называя ясак данью, продолжал: «Ясак – по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю, он является поэтому признаком подданства...» [6, с. 96]. Цитируя его, многие опускают вторую часть предложения.

А.Ю. Конев отмечает: «От дара-«поминка» на государево имя следует отличать «поминки» как форму «посула», взятки в пользу местных администраторов. Приношения в «почесть» были широко распространены в Сибири. Они превратились в статусную ренту чинов воеводской администрации, использовавших для ее получения свой управленческий ресурс. В царских указах и наказах воеводам того времени содержатся многочисленные запрещения таковых незаконных поборов» [20, с. 48–49]. «Посулы» и «продажи» действительно запрещались царскими указами, но наряду с «государевыми поминками» вполне официально существовали «воеводские поминки». На территории Зауралья ситуация иная, чем описал А.Ю. Конев, – здесь поминки (и государевы и воеводские) стали вполне официальным налогом самое позднее к 1620-м годам. В 1629 г. ясачные люди Верхотурского уезда писали: «платили мы твой государев ясак... да твои государевы поминки платили – тебе государю по пяти и по шести соболей с волости, а воеводе по три соболя... Но в прошлом, 1626 году по твоему государеву указу ВЕЛЕНО нам сиротам твоим платить, твои и воеводские поминки, против денежного оклада» [11, с. 317]. Фраза «против денежного оклада» означает, что устанавливалась твердая «такса» – на какую сумму должен принести пушнины каждый ясачный человек. Тоже не очень похоже на «дарообмен». Кстати, и взимались «поминки» в Верхотурском уезде не персонально с каждого плательщика, а с волости в целом. А в Якутии поминки, в отличие от ясака, платили не все взрослые «иноземцы»: «Из 150 ясачных плательщиков Кангаласской волости государевы поминки платили только 22 человека, тогда как воеводские – 64 человека. По ряду волостей (Нюрюптийская, Дубчинская и др.) государевы поминки вообще не взимались. Воеводских поминок не платили только ясачные плательщики с ясачным окладом ниже 4 соболей, но и здесь бывали исключения» [45, с. 264]. Следует ли понимать, что только те ясачные люди Якутского уезда, которые платили «государевы поминки» признавали свое подданство русскому царю? Как следует трактовать подданство людей, плативших воеводские поминки? Кроме того, в Якутском уезде вполне официально существовали дьяческие поминки... [45, с. 262–263].

Очевидно, что ситуация далеко не так однозначна, как описывает А.Ю. Конев. В зауральских лесных уездах ясак являлся обязательной фиксированной податью уже в конце XVI в. Уплата ясака была строго регламентирована, исчислялась по числу плательщиков, за исключением старых и больных, с кото-

рых обязанность платить ясак снималась. Точно так же уже в начале XVII в. устанавливается фиксированный размер поминок – государевых и воеводских. А ясачное население Уфимского уезда поминок вообще не платило, ни государевых, ни воеводских, как собственно, и ясачные Кунгурского, Чердынского или Соликамского уездов. И здесь имеет смысл вернуться несколько дальше, в период до похода Ермака, и попытаться выяснить вопрос с подданством населения этих территорий и, возможно, с истоками явления поминок.

Уже в титулатуре великого князя Василия Иоанновича значилось «Божию милостию Государь всеа Руси и Великий князь Владимирский... Государь и Великий Князь Новагорода... и Удорский, и Обдорский, и Кондинский и иных» [40, с. 411]. То есть жители этих территорий трактовались как подданные Московского государства. С 1555 г. к титулам царя Ивана Васильевича добавляется «Сибирской земли повелитель». В наказной памяти, данной Савлуку Турпееву, отправленному в Вильно (1555 г.) указано: «А нечто спросят Савлука: почему царь и великий князь пишется Сибирские земли повелителем? И Савлуку говорити: Сибирская земля порядку с Казанскою землею; и как государь наш царь и великий князь взял Казань, и сибирский князь Едигер бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь и великий князь пожаловал Сибирскую землю держал за собою и ясак бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил» [38, с. 479]. Соответственно, население этих территорий, с официальной точки зрения, было в российском подданстве еще до похода Ермака. Что же касается «поминков», то есть одна деталь из истории сбора ясака с населения Сибирского юрта до похода Ермака, которая, возможно, может объяснить происхождение этой формы податей.

В уже цитированной наказной памяти Савлуку Турпееву о Сибири сказано: «И государь их пожаловал, дань свою на них положил давати им с сорока тысяч человек на всякий год с всякого человека по два соболя з головы, да данцику по две белки з головы (курсив мой – Г.С.), и грамоту им свою жаловальную дал... а дань с них имати на всякий год без перевода» [38, с. 479–480]. В грамоте 1571 г.: «И Царь и Великий Князь Сибирского Царя грамот и его челобитье выслушал и под свою руку его и во обереганье принял, и дань на него положил, на год по тысячу соболей, да посланнику государскому, которой по дань приедет, тысячу белок (курсив мой – Г.С.)» [41, с. 63]. Кстати, в этом же документе в титулатуре Ивана Васильевича указано «...и все Сибирские земли...» [41, с. 63]. Можно предположить, что поминки, собираемые с ясачных людей сибирских уездов в конце XVI–XVII вв., представляли собой трансформацию той самой доли, что причиталась ранее «данцику». В разговоре с А.В. Беляковым возникла такая мысль, что поминки представляли собой своеобразную плату «за хлопоты». Существование дополнительного сбора в пользу данщика косвенно подтверждает эту мысль. В связи с этим возникает вопрос – есть ли возможность проследить: для каких целей использовалась пушнина, полученная в качестве государевых и воеводских поминок?

Есть еще один непростой момент, связанный с ясаком – П.Н. Будицкий достаточно точно отобразил понимание ясака самими ясачными людьми Западной Сибири, да и русской администрацией, как службы [11, с. 309]. В 1617 г. ясачные Тюменского уезда били челом царю Михаилу Федоровичу: «Били нам челом Терсяцкия волости ясачные татаровя Енбай Коянтурин, да

Кынырские волости ясаул Яныбек, да Кобычина городка ясаул Кобыч, да Обухова городка Щербак Обухов и во всех товарищев своих ясачных татар и захребетников место, а сказали: служат де они нам на Тюмени и ясак нам дают соболями и хлебом»⁵. Кроме ясака, новые подданные с первых лет принятия подданства несли и другие службы. Можно вспомнить ясачных татар Тюменского уезда, направленных в 1593–1594 гг. для постройки Тарского острога [25, с. 351]. Весной 1600 г. жители Коурдакской волости в своей челобитной перечисляли, какие еще повинности они отправляют, помимо уплаты ясака. Набрался вполне приличный список: по тридцать человек «о двуконь» они выделяли для походов на Кучума, а потом на его людей и «зырянцев», пятьдесят человек отправляли к Ямышевскому озеру с соляными караванами, по десять человек на все теплое время (от вскрытия рек до ледостава) посылали в проезжую станицу⁶. Из царской грамоты 1601 г. туринскому воеводе Федору Феофанову: «а которые деи остяки живут блиско острогу, во днище и больши, и он деи Федор их посылает в проезжие станицы; да они ж деи дают под нашу казну, и под посланники, и под гонцы подводы к Москве до Верхотурья, а в Сибирь до Тюмени; и на острог де они лес возили; и им де ныне нашего полново ясаку платить не мочно. Да и всегда деи к нему к Федору остяки приходя бьют челом, что присылают деи по них всегда ис Тюмени воеводы для всяких дел, и им деи в Тюмень ездити далече, а к острогу ближе» [25, с. 384].

Кроме того, ясак платила основная часть аборигенного населения Зауралья (помимо служилых групп), но далеко не все. Например, часть подгородных остяков Березовского уезда платила ясак по пять соболей, а часть отправляла ямскую гоньбу [14, стб. 173–174]. Несколько лет в 1620-х гг. отправляли ямскую гоньбу татары Ленского городка Тюменского уезда, а затем вновь были переведены в ясак, по их же собственной просьбе⁷. Причем почтовая гоньба не была формой ясака, но была другим видом службы, а людей, которые отправляли гоньбу, называли «гоньбными», а не «ясачными».

Это восприятие ясака как «службы» очень важно, поскольку возникает вопрос: если я утверждаю, что ясачные люди были включены в социальную, сословную структуру Российского государства, то, помимо обязанностей, каковыми являются уплата ясака и другие службы, должны быть права, своиственные именно для них? Такое право было – право на вотчинные земли.

Понятие «вотчины» и «вотчинных угодий» встречается в документах, касающихся ясачного и служилого «иноземческого» населения, часто. Я процитирую несколько документов, которые подтверждают, что ясачные, как и служилые, владели вотчинами.

4 июля 1620 г., царская грамота в Туринск воеводе Данилу Милославскому: «Писал еси к нам и прислал Туринского острогу ясачных татар... 20-ти человек челобитную на верхотурского жильца на Ортюху Бабинова с товарищи... И будет так, как нам Туринского острогу ясачные татаровя Ишмаметко Тентюков с товарищи били челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про то сыскал туточными ясачными людьми старожильцы: их ли ясачная вотчина, и почему владеет Ортюшка Бабинов; да будет та земля их старинная ясачная, а тот Ортюшка с товарищи будет деревню поставил насиль-

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Л. 61.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 269 об.–270.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Л. 139–139 об.

ством без вашего указа, и ты б ту землю отдал Туринского острогу ясачным татарам, а Ортюшке б еси отказал и вперед ему тою их землю владеть не велел» [26, с. 296].

18 июля 1628 г., грамота на Тюмень воеводе Петру Пушкину: «Писал еси к нам и прислал под отпискою Тюменсково уезду Кынырские и Бачкурские и Терсяцкие волости ясачных татар Ясаула Мурзагелдея Енабекова с товарищи челобитную, а в челобитной их написано: платят де они нам наш ясак по вся годы бобрами и лисицами и белками, с женатых в цену против 3 рублей 10 алтын; а с холостых в полы; и нынешней де на 136-й год ваш ясак платим с великою нужною, что прикочевали под Тюмень многие колмацкие люди и их ясашных людей вотчинные речки, и угодыя у них у ясачных людей отняли... И мы указали: ... будет колмацкие люди не послушают, прочь не пойдут и тюменским ясачным людям тесноту и налогу учнут чинити, вотчинные их угодыя пустошити и их учнут грабить и побивать, и на них посылать тюменских служилых людей» [26, с. 394–395].

В писцовых книгах Михайла Кайсарова по Кунгурскому уезду все угодыя ясачных татар/остяков записаны как вотчины: «А вотчина у них у всех Рожинских остяков река Шаква от вершины и до устья реки до Сылвы, по обе стороны, на сто пятьдесят верст с бортные ухожей, и звериными и с рыбными ловлями, и з бобровыми гоны... А вотчина их старинная, обща с сылвенскими остяками с Танайком Ебалаковым, да Сыгбирдейком Баишевым... по реке по Сылве вверх от остяткого от Молебного Камени до Частова острова, по обе стороны реки Сылвы на пятнатцеть верст со всеми угоды; да река Сылва же от Малыя речки до речки Тару; да речка Таз от вершины до устья до реки до Сылвы по обе стороны на пятнадцеть верст; а знамена их писаны выше сего – с Рожинским и Шаквинскими знамены вместе. Рожина же улусы юрты стоят врозни по реке по Сылве и по малым речкам... А вотчина тех Юрманских остяков по реке по Сылве вверх от озера Акзибая выше Органы речки до Сухова врагу, по правой стороны Сылве, со всеми угоды...» и т.д. [19].

Отписка туринского воеводы царю, 1632 г.: «И на прошлые, государь, годы твой государев ясак будет в недоборе, что многие ясашные татарова обнищали, а иные престарели, и ис слобод ходят в их вотчинах русские люди, зверь побивают и огни пуцают, и тем зверь отогнали» [27, с. 460].

Царская грамота 1678 г.: «Тюменские де служилые и ясачные Татарова владели изстари же вотчинными землями на Тоболе реке, а ныне де на тех их старинных вотчинах и урочищах ловят всякого зверя, бобры и выдры, и хмель и орловые гнезда снимают силно всяких чинов Русские люди, и их Татар теснят и изгоняют, а с тех де вотчин они служилые Татарова служат нашу Великого Государя службу, а ясачные пашут пашню и ясак платят» [3, с. 49–50].

Предупреждая вопросы о том, что вотчинное право на землю существовало якобы только в случае наличия жалованных грамот и других подобных документов – в документах, откуда взяты приведенные выше цитаты, ничего не говорится о правоустанавливающих документах, просто констатируется наличие вотчин и уплата с них ясака (несение службы). Могут привести примеры из практики Уфимского уезда, когда ясачные люди прямо указывали на отсутствие каких-либо документов, подтверждавших их права на земли, кроме ясашной книги, но это совершенно не препятствовало признанию за ними

вотчинных прав. 1694 г., грамота из Приказа Казанского дворца уфимскому воеводе Д.Н. Головину: «Били челом государем Уфимского уезда Осинской, Казанские, Сибирские и Ногайские дорог башкирцы, тарханы и ясашные, Тлешка Вегенешев, Карманка Бекбовов, Ишека Ишкилдин, Кулчерка Кильмяков с товарищи: наше де великих государей жалованья вотчины за ними в Уфимском уезде – леса, рыбные ловли, бобровые гоны и звериные ловли и всякия угодыя, и тем нашим великих государей жалованьем вотчинами истари пращуры и прадеды, и деды, и отцы их владели по своим урочищам и тамгам, и они також владеют по родству по прежним тамгам и урочищам, и на те их старинные вотчины у прадедов, и дедов, и у отцов их письменных крепостей нет, кроме ясашной книги, по чему платят в нашу, великих государей, казну куничной и лисий ясак и медвяной оброк... И как к тебе ся наша, великих государей, грамота придет, и ты б их угодий и земель русским пришлым людям в оброк и в тягло и в службу отдавать не велел» [23, с. 82–83, № 13]. В 1750-х гг. башкиры Бала-Катайской волости объясняли: «А чем оная земля им, белокатайцам, то есть дедам их и прадедам крепка, были ль какие данные крепости или указы, того он, Абдулла и другие белокатайские старожилы никто не знают. У него Абдуллы и ни у кого никакого виду не имеетца, владеют издревле ею, как и других волостей башкирцы»⁸. На что чиновники Исетской провинциальной канцелярии отмечали: «В Ысецкой правинциальной канцелярии определено: хотя предписанным Абдуллой никакого права, кроме того, что издревле прапрадеды, прадеды, деды и они тою землею владеют, не объявил, но небезызвестно, и других волостей у вотчинников не у всякова крепости или грамоты есть, а владеют из давних лет, тако ж как Абдулла с товарищи»⁹. Таким образом, власти вполне признавали право владения вотчинами «по старине» и не требовали обязательного наличия жалованных грамот. Подчеркиваю, в последнем случае речь идет о середине XVIII в.

Примеры приводить можно было бы очень долго. Я бы не стал цитировать и эти документы, поскольку у меня наличие вотчинного права у ясачного населения сомнений не вызывает, но в кулуарных спорах выяснилось, что некоторые коллеги, давно занимающиеся этнической историей Сибири, придерживаются противоположной точки зрения. Представленные выше цитаты относятся к официальным документам своего времени: царские грамоты, писцовые книги, воеводские отписки. Сведения, представленные в них, отображают официальную, государственную позицию. И если в подобных документах раз за разом по отношению к землям ясачных людей повторяются определения «вотчины» и «вотчинные угодыя», то ясно, что понятия «земли ясачных людей» и «вотчины» являются синонимами. Еще один очень важный момент – практически во всех процитированных документах возможность уплаты ясака увязана с возможностью пользования вотчинными угодыями. Если по какой-то причине вотчинные угодыя становятся недоступны – калмыки ли не дают возможности их использовать или русские люди, – то уплата ясака ставится под вопрос. Соответственно, ясачные люди пользовались вотчинным правом. Если кто-то считает иначе, то ему придется дезавуировать определения «вотчины» и «вотчинные угодыя», использованные в офи-

⁸ РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7. Л. 129.

⁹ РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7. Л. 129 об.

циальных документах XVII–XVIII вв. по отношению к землям ясачных волостей, ясачных людей.

Не отличалась от описанной выше и ситуация к западу от Уральского хребта. В царском указе от 15 марта 1621 г., направленном в Чердынь (Пермь Великую) по жалобе сылвенских татар и остяков, сказано: «а впредь в ту их вотчинную татарскую землю и в угодыя Ондрею и Петру Строгановым, и Русину и Федору с братьею Елисеевым и иным кому, насильством ступаться и владеть не давать» [4, с. 165–167]. А.А. Преображенский упоминал: «9 марта 1705 г. был издан указ, адресованный кунгурским бургомистрам, который предусматривал отмену некоторых нововведенных сборов «с ыноверных иноземцев», а также предписывал возвратить ясачным людям «по-прежнему» те угодыя, которые были отданы на откуп посторонним людям» [35, с. 169]. В 1682 г. именным царским указом запрещено было отдавать ясачные земли мордвы, черемисы и чувашей русским помещикам [33, с. 471]. В «Писцовой книге мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/1630) года» вполне обычной является запись наподобие этой: «С тое ж Стануровские мордвы, оприч Маканка Тотина с товарищи, шти человек, с их вотчин, з бортных ухожеев, по их скаске верхового медвеного оброку четыре пуда пятнатцать гривенок меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать алтын пять денег. Да за две куницы дватцать шесть алтын четыре деньги» [9, с. 159]. Перетяткович отмечал, что «Туземцам в Казанской области правительство предоставило исключительное владение бортными ухожееми в лесах и бобровыми гонами в реках... Промышленные люди обложены были ясаками, которые они давали по ‘старым книгам в государеву казну’...» [30, с. 255–256]. В другой книге он цитирует указ из Москвы, направленный в Казань в связи с переселением на земли Казанского уезда Полоцкой шляхты: «а построить бы их (шляхтичей)... на землях, которыя-б земли не подошли близко всяких ясачных угодей и бортных ухожеев, – а земель бы ясачных в даче отнюдь не было бы» [31, с. 261].

Возвращаясь к теме «службы» ясачных. Перетяткович отмечал: «Татары, Чуваши, Черемисы и Мордва должны были нести еще государеву службу» [30, с. 256]. Относительно мордвы Кадомского уезда, которая платила в казну куничные, ясашные деньги, медвяный оброк и посыпной хлеб, владела вотчинами – бортными ухожееми – А.В. Беляков замечает: «статус мордвы Восточной Мещеры обладал значительными особенностями, истоки которых следует искать в прошлом региона. Долгое время существовавший приграничный статус прицненских и примокшских земель способствовал тому, что все его население (или же значительная его часть) в той или иной степени становилось служилым» [9, с. 156]. И достаточно интересный фрагмент из справки о тарханских грамотах, составленной в 1733 г. относительно тарханства в Уфимском уезде: «во всем народе башкирском такая Имперарского величества милость прославитца и более к верности и к службе побуждены будут новыя надеясь нового тарханного награждения»¹⁰. Имеется в виду ревность к службе именно ясашного населения, представители которого за службу могут быть награждены тарханским «достоинством» и освобождением от уплаты ясака. Описывая ситуа-

¹⁰ АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 2.

цию в Казанском уезде конца XVI – начала XVII вв., А.С. Смирнов пишет: «На ясак распространялся принцип обязательной службы с земли, установленный Уложением о службе 1556 г.» [39, с. 189].

Приведу еще один сюжет. П.Н. Буцинский описывает панику, которая охватила ясачное население Сибири, когда Борис Годунов в честь своей коронации освободил их на год от уплаты ясака: «остяки, вогулы и татары от этой вести пришли в недоумение и они начали смотреть на редкое благодеяние царя, как на средство, которым он хочет их обмануть для своих злых намерений» [11, с. 319]. Далее он рассказывает, что ясачные люди нашли этому следующее объяснение: царь Борис хочет всех простых людей отправить на службу на семь лет, а лучших людей насильно взять в Москву [11, с. 319]. Понять сегодня, что явилось причиной паники, достаточно сложно, но есть возможность сравнить эту ситуацию с гораздо более поздней, но весьма схожей, – в 1750-х гг. власти решили снять с башкир и мещеряков обязанность платить ясак и заменить ее обязательной покупкой соли. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев сообщал Сенату, что первоначальная реакция была скорее негативной: «имели сперва сумнение в том, что ежели с них ясак снимется, то им б чрез то земель своих не лишиться, яко оной на них расположен и числиться по землям», однако, после обещаний, что вотчинные земли останутся за ними, «кажется они, башкирцы и мещеряки, охотно к тому приступили и за отягощение себе не вменяют, разсуждая ис того пользу, что они бес платежа единственно служивыми будут, так как и казаки» [22, с. 427]. Но при этом И.И. Неплюев просил Сенат «о том указом е.и.в. опубликовать, изобразя в нем, что они, башкирцы и мещеряки и между ими упомянутые находящиеся татары, служивыя люди и имеют свои земли, которыми по-прежнему владеть, как ныне владеют, из милосердия е.и.в. от ясака освобождаются в надежде, что они по своему званию тое высочайшую милость е.и.в. своею верностию и службою заслужат» [22, с. 428]. То есть освобождение от уплаты ясака для ясачного населения означало потерю вотчинного права на землю. Сохранение вотчинных угодий связывалось либо с ясачным, либо со служилым статусом. Обратите внимание, что ясачные люди в конце XVI в. выбрали «объяснением» отмены ясака версию о дальней и долгой службе, т.е. замену «службы» в виде ясака реальной военной службой.

Следовательно, ясак являлся видом подати (самим ясачным населением воспринимаемой как «служба») и был неразрывно связан с наличием у ясачного населения ясачных/вотчинных земель. Ясак уплачивался с вотчины. По крайней мере, именно так обстояло дело в приуральских и зауральских уездах лесной и лесостепной зоны: Кунгурском, Уфимском, Верхотурском, Тюменском, Туринском, Пелымском. Аналогичная ситуация и в Поволжье, с той поправкой, что население там было в целом земледельческое, и вотчинное право распространялось лишь на бортные ужожи и бобровые гоны. Соответственно, вырисовываются связка «право – обязанность», выделявшая сословие ясачных людей среди других сословий: обязанность уплаты ясака и право владения вотчинными угодьями.

Иными являлись взаимоотношения Российского государства и населения севера и северо-востока Сибири. На разнообразных примерах показал весьма различные методы и результаты политики объясачивания в Восточной Сибири XVII в. А.А. Бродников: от добровольного вхождения «енисейских остя-

ков» до упорного сопротивления тунгусов. При этом в работе достаточно четко показана разница между населением Северо-Восточной Сибири, которое никогда раньше не платило кому-либо ясак, и жителями южной части: «В южных районах Сибири, на которые распространялось влияние монгольских государственных образований и где население издавна было знакомо с «албаном», процесс объясачивания определялся силой, возможностями той или другой стороны» [10]. Более детально объяснил эти различия А.С. Зуев: «Наряду с народами запада и юга Сибири, которые знали систему господства-подчинения, выражавшуюся в данничестве и кыштымстве, имели государственные образования (сибирские татары), либо близкие к ним политические структуры (енисейские кыргызы), либо крупные клановые («родовые») объединения с относительно стабильной и стратифицированной властной элитой, были и народы севера и востока Сибири, чья социальная организация отличалась дисперсностью, а какие-либо объединения (в хозяйственных или чаще в военных целях) – аморфностью и временным характером, и у которых отсутствовали явно выраженные социальная стратификация и дифференциация и какие-либо управленческие институты, а предводители не обладали никакой принудительной властью над сородичами» [17, с. 62]. То есть взаимоотношения государства с населением северных территорий, которое, с одной стороны, не имело выраженной социальной стратификации, соответственно, не имело практики уплаты податей внутри своих сообществ, а, с другой стороны, не сталкивалось ранее с необходимостью уплаты дани кому-либо извне, поневоле строилось с помощью приемов дарообмена, поскольку иные варианты взаимоотношений были для местного населения «не в обычай». Как отметил А.С. Зуев: «Даже в середине XIX века в Своде законов Российской империи чукчи относились к народам «не вполне покоренным», которые «платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают» [16]. Достаточно сложно (если вообще возможно) рассматривать их как таких же ясачных людей, что и ясачные татары Тюменского уезда или ясачные вогулы Верхотурского уезда, которые уже в конце XVI в. платили окладной ясак.

Очевидно, что в ситуации с племенами северо-востока Сибири, в первую очередь с чукчами, словом «ясак» обозначался иной вид получаемых с населения натуральных приношений, нежели в лесных и лесостепных уездах запада и юга Сибири. Общим здесь является только название – «ясак», но его использование вовсе не приводит к унификации взаимоотношений государства с разными группами населения. Точно так же, как и слово «служба» имело довольно большое количество значений даже применительно к служилому населению. Поэтому распространять трактовку ситуации взаимоотношений Российского государства с населением севера и северо-востока Сибири на всю сибирскую территорию, как минимум, странно.

Таким образом, понятия ясака и «службы» связаны достаточно тесно, точно так же, как понятие ясака и ясачных/вотчинных угодий. Но для разных районов Российского государства в XVII–XVIII вв. наблюдается значительная разница и в понятиях «ясачные земли»/ «вотчинные угодья», и в характере ясака, и в конкретных службах, которые несло ясачное население.

3. Относительно того, что статус ясачных людей Сибири («сибирских иноземцев») не был юридически определен, а «Соборное уложение» его не отобразило.

«Соборное уложение» охватывает только часть правовых реалий своего времени, как и предшествовавшие ему кодифицированные документы не отображали всего разнообразия правовых и социальных отношений, существовавших в Русском государстве. Большое количество прав и обязанностей представителей разных сословий было закреплено в обычном праве (владение «по старине» и т.д.), а также в отдельных указах, памятях и прочих документах, исходивших от имени царя. И как раз те самые шерты и воеводские наказы, которые упомянул А.Ю. Конев, являлись полноценными юридическими документами Русского государства. Наряду с Соборным уложением. А также царские памяты и указы о сборе ясака, защите интересов ясачного населения и т.д. Часть подобных документов процитирована выше. Поэтому утверждать, что ясачное население не имело юридического статуса, более чем странно.

Даже при том, что «Соборное уложение» оставляло за «рамками» достаточно много аспектов жизни Русского государства того времени, мы можем найти в нем конкретные указания на ясачное население: «А будет которые московские и из городов дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди учнут в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясачных людей земли имати з дачею, или покупати, или в заклад, или в наем на многия лета имати, или меняти, и у тех всяких чинов людей те татарския поместныя и ясачныя земли имати на государя, да им же за то от государя бытии в опале» [32, с. 80–81]. Я обращаю внимание читателей на два понятия – «татары» и «всякие ясачные люди». Словом «татары» обозначалось достаточно большое количество групп населения не только Поволжья и Урала, но и Сибири, от «татар» Верхотурского, Тюменского и т.д. уездов и до «братских татар». Поэтому мы вполне можем интерпретировать эту статью, как касающуюся татар вообще, включая сибирских. Ну а фраза «всякие ясачные люди» опять же вряд ли может быть истолкована иначе, чем обозначение вообще всех ясачных людей Русского государства. Тем более, что в документах, касающихся Сибири, основным обозначением является вовсе не «ясачные иноземцы», а «ясачные люди». Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно открыть приложения к «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим» и т.д.

Приведенная выше цитата, упоминающая ясачные земли, взята из статьи 43 главы XVI «Соборного уложения», а эта глава называется «О поместных землях», хотя речь в ней идет и о поместьях и о вотчинах [32, с. 74–87], впрочем, как и в следующей, XVII главе, которая называется «О вотчинах», точно так же встречаются и статьи о поместных землях [32, с. 87–100]. Соответственно, юридический статус ясачного населения определялся как статьей 43 главы «О поместных землях» «Соборного уложения», так и наказными грамотами воеводам, шертными записями, царскими указами по поводу ясачных земель, уплаты ясака и т.д. и т.п. То есть всех тех актов, которые мы можем охарактеризовать как «источники права».

На мой взгляд, основными проблемами упомянутых работ А.Ю. Конева являются: 1. Плохое владение материалом XVI–XVII вв. – историография не заменяет собственного исследовательского багажа; 2. Искусственное сужение

географии темы до границ Сибири, основанное практически на одном более чем зыбком основании – представлении о том, что термин «иноземцы» («ясачные иноземцы») относился исключительно к сибирскому автохтонному населению; 3. Наоборот, необоснованное распространение интерпретации фактов, характерных для истории приполярного ясачного населения, на всю территорию Сибири. Фактически вторая и третья проблемы вытекают из первой.

Отсюда же и абстрактность некоторых выводов: «Представляется, что подчинение многочисленных народов Урала и Сибири в XVI–XVII вв. происходило не путем их политико-административного и социально-экономического поглощения или встраивания в существующие институты, как это чаще всего трактуется исследователями. Интеграция осуществлялась способом достройки к соответствующим системам государства не существовавших до того и не достающих структур и связей. Русское государство в прямом смысле прирастало не только территориями и населяющими их людьми, но и соответствующими социальными и административными формами и институтами, постепенно становясь империей» [21, с. 140]. Не ясно, какие именно структуры «достраивались», какие «социальные и административные формы и институты» прирастали – об этом в статье ничего не сказано. Я просто напомню, что территории Урала и Сибири первоначально управлялись приказом Казанского дворца, а когда понятие «Сибирь» стало обозначать не только Сибирский юрт и прилегающие к нему земли, а огромные территории, раскинувшиеся до Тихого океана, был создан отдельный Сибирский приказ. К «моменту» присоединения Сибири в ведении приказа Казанского дворца находились территории Поволжья и Прикамья, часть населения которых составляли ясачные люди и другие «иноземцы», в том числе служилые. Соответственно, «соответствующие формы и институты» уже существовали и были использованы после включения в состав Московского государства территорий и населения бывшего Сибирского ханства, части ясачных Ногайской орды, а затем и территорий к востоку и северу от Сибирского юрта. Так что население Сибири именно что «встраивалось» в существующую схему управления и социальную структуру Московского государства.

Это вовсе не отрицает усложнения системы управления по мере необходимости, свидетельством чему является создание Сибирского приказа. Что же касается социальной структуры, то А.С. Зувев справедливо отметил, что «русская власть уже с начала присоединения Сибири ввела для местных народов понятную себе самой социальную градацию, которая не вполне отражала реалии социальных и потестарно-политических отношений в аборигенных сообществах, зато была весьма проста, будучи представлена всего четырьмя основными стратами – правители (князья) разной степени самостоятельности, лучшие люди (включавшие местную «знать» и управленцев разного уровня, если таковые были), улусные люди и холопы (к последним, как правило, относили всех зависимых людей)» [17, с. 67]. «... Вместе с тем стали наблюдаться заметные новации в подходах русской власти к осмыслению и конструированию политического и социального пространства новых «землиц» [17, с. 67].

Выводы

Очень кратко о том, какой представляется мне ситуация с ясачным населением России для XVII в. Ясачных людей можно разделить на три категории:

1. Население Поволжья и, частью, Прикамья, которое к моменту вхождения в состав Московского государства уже давно практиковало земледелие и не очень сильно отличалось от русского крестьянства. В этом случае ясак был скорее пережитком и зачастую сочетался с другими формами платежа (оброк на пашенные земли). Ясаком обкладывали бортные угодья, бобровые ужожи и т.д. Соответственно, в этой ситуации разделялись пашенные и покосные земли и ясачные угодья. Кстати, пункт о неприкосновенности бобровых гонов был почти универсальным и прописывался в том числе и в наказных памятях на основание слобод в Зауралье и Западной Сибири: «та земля порозжия и в даче и в отводе не за кем не бывали и звериных промыслов и бобровых гонов мест нет; «вновь под слободу сыскать большим повальным обыском русскими людьми и татары что та земля подлинно ль порозжа и лежит впусе... бобровых гон в тех местех и спору и челобитья какова о той земле нет ли»¹¹. По своему характеру это население скорее ближе к черносошному крестьянству, что отметил в свое работе А.В. Беляков [9, с. 156], но обязанность выплачивать ясак и вотчинное право на ясачные (оброчные) земли выделяют его из состава этого сословия и сближают собственно с ясачным населением.

2. Население Урала, запада и юга Сибири, давно входившее в сферу влияния, либо составлявшее население различных государственных образований, для которого ясак был традиционной формой подати на протяжении нескольких столетий до включения в российское подданство, а тип хозяйства подразумевал именно натуральный характер уплаты податей, преимущественно пушнинаой (для приуральских территорий также традиционным продуктом уплаты ясака/оброка был мед). После принятия российского подданства значительных изменений в характере обложения для этого населения не произошло. А вот отличия набора их прав и обязанностей от ясачных Поволжья и Прикамья весьма существенны: ясачные Урала и запада и юга Сибири занимались скотоводством в сочетании с охотой и рыбной ловлей, либо охотой и рыбной ловлей. Земледелие значительной роли в их экономике не играло. Соответственно, в качестве вотчинной выступала вся земля/территория, с которой уплачивался ясак, т.е. вся территория хозяйствования: «медвяныя их ужожи, и бобровые гоны, и звериныя и рыбныя ловли, с чего де они нам ясак платят» [4, с. 165–167]. Ясак этого населения с конца XVI в. был четко фиксированным и, как и в случае с поволжскими и прикамскими ясачными людьми, являлся формой государственной подати. Это население можно назвать собственно ясачным, поскольку ясак для него является основной формой государственной подати, а вотчинное право в идеале распространялось на все территории хозяйствования.

3. Третий вариант представляли собой взаимоотношения Российского государства с населением северных и северо-восточных сибирских территорий. Это население, с одной стороны, не имело выраженной социальной стратификации, соответственно, не имело практики уплаты податей внутри своих сообществ, а с другой стороны, не сталкивалось ранее с необходимостью уплаты дани кому-либо извне. В этом случае процесс включения автохтонов в состав российских подданных и обложения их регулярной податью значительно осложнялся, поскольку аборигены не имели опыта подобных отноше-

¹¹ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 об.

ний и не видели никакого смысла платить кому-то ясак. В этой ситуации включение нового населения в орбиту влияния Российского государства зачастую обретало форму дарообмена – того типа взаимоотношений, который характерен для сообществ, находящихся на догосударственной стадии развития. Задача государства заключалась в том, чтобы не выпускать это население из сферы своего влияния и постепенно переводить отношения в русло традиционных взаимоотношений «государство – подданные». Это было, по большому счету, условно ясачное население, поскольку уплата ясака в некоторых случаях еще и в XIX в. оставалась для него делом сугубо добровольным, а вопросы собственности/владения землей достаточно сложны, как и вопросы подданства. Распространять интерпретацию взаимоотношений государства с этим населением на ясачные группы запада и юга Сибири нельзя ни в коем случае – это разные группы и разные взаимоотношения.

Эти выкладки не претендуют на завершенность. Скорее это попытка предварительной оценки ясачного населения в его многообразии. Вполне допускаю, что в результате последующих исследований население, платившее ясак в казну Российского государства в XVI – первой половине XVIII вв., будет «разделено» на большее количество страт. Одной из самых больших проблем на сегодняшний день является более чем слабая изученность отдельных групп ясачного населения. Я уже упоминал в начале статьи, что политике государства в отношении ясачного населения посвящено не так уж мало работ, но вот анализа, что же собой представляло это самое население, не в плане родового/племенного состава, а в социальной структуре государства, откровенно не хватает. Равно как и работ, посвященных анализу самого явления ясака в Российском государстве. Опять-таки я имею в виду не числовое выражение, а именно вопрос: что из себя представлял ясак в системе взаимоотношений государства и разных групп ясачного населения? Причем не хватает работ, которые бы рассматривали конкретно ясачное население Казанского, Кадомского, Кунгурского, Тюменского, Красноярского и т.д. уездов. В отсутствии таких исследований обобщающие работы, основанные на историографии, неизбежно будут «хромать», а иногда транслировать откровенно неверные выводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III: 1613–1645. СПб., 1841. 538 с.
2. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV: 1645–1676. СПб., 1842. 599 с.
3. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V: 1676–1700. СПб., б.д. 572 с.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Дополнены и изданы высочайше учрежденною Комиссиею. Том третий. 1613–1645. СПб., 1836. 518 с.
5. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 400 с.
6. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 95–129.
7. Беляков А.В. Мещерские казаки (татары) XV–XVII вв. Встраивание в структуру служилых людей Московского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. 272 с: ил. С. 67–72.

8. *Беляков А.В.* Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480, Ч. I. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1/ (дата обращения: 10.03.2018).
9. *Беляков А.В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. № 5. С. 154–210.
10. *Бродников А.А.* Сбор ясака: зависимость процесса объяснения от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 119–123.
11. *Буцинский П.И.* Заселение Сибири и быт ея первых насельников. Харьков, 1889. 353 с.
12. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск: Издательство ИГУ, 2014. 303 с.
13. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 7: Верхотурский край в XVII веке. Пермь, 1897. 258 с.
14. Дополнения к Актам историческим собранным и изданным Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1848. 553 с.
15. Дополнения к Актам историческим собранным и изданным Археографической комиссией. Т. IV: 1655–1664. СПб., 1851. 445 с.
16. *Зуев А.С.* «Немирных чукчей искоренить вовсе...» // Сибирская заимка [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://zaimka.ru/zuev-chukchi/> (дата обращения: 17.03.2017)
17. *Зуев А.С.* Освоение Московским государством социально-политического пространства Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, выпуск 8: История. С. 61–72.
18. *Игнаткин П.С.* Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92–94.
19. *Ислаев Ф.* Писцовая книга пермских татар // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 1. С. 45–59.
20. *Конев Ю.А.* Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.
21. *Конев Ю.А.* Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. трудов. Омск: полиграфический центр КАН, 2016. 480 с. С. 135–144.
22. Материалы по истории Башкирской АССР. М.: Наука, 1956. Т. 4. Ч. 1. 396 с.
23. Материалы по истории Башкирской АССР. Часть I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 631 с., карты.
24. Материалы по истории русско-монгольских отношений 1654–1685. Сборник документов. М., 1996. 559 с.
25. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.
26. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.
27. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. III. М.: Восточная литература РАН, 2005. 598 с.
28. *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
29. Памятники Сибирской истории XVIII в. Книга первая: 1700–1713. СПб., 1882. 551 с. + XXXIV стб.

30. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 331 с.
31. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края) // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 34. Одесса, 1882. 409 с.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I. С 1649 по 1675. СПб., 1830. 1075 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830. 978 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. III. 1689–1699. СПб., 1830. 692 с.
35. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 261 с.
36. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Том второй. СПб., 1875. 656 с.
37. *Савченко С.Н.* Ясачная политика царской администрации в период освоения Приамурья русскими в XVII в. // Записки Гродековского музея. Вып. 5. Хабаровск, 2003. С. 7–23.
38. Сборник императорского Русскаго историческаго общества. Т. 59. СПб., 1887. 706 с.
39. *Смирнов А.С.* Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (1). С. 186–193.
40. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М., 1813. 533 с.
41. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой. М., 1819. 399 с.
42. Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 13. 1022 стб.
43. *Устрялов Н.Г.* Именитые люди Строгановы. СПб., 1842. 120 с.: прил., карта.
44. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
45. Якутия в XVII веке (Очерки). Сборник под редакцией С.В. Бахрушина и С.А. Токарева. Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. 441 с.

Сведения об авторе: Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (454080, просп. Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация). E-mail: gayas_@mail.ru

*Поступила 20.02.2018 Принята к публикации 25.05.2018
Опубликована 29.06.2018*

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiey* [Historical Acts collected and published by Archaeographic Commission]. Vol. III: 1613–1645. St. Petersburg, 1841. 538 p. (In Russian)

2. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Historical Acts collected and published by Archaeographic Commission]. Vol. IV: 1645–1676. St. Petersburg, 1842. 599 p. (In Russian)

3. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Historical Acts collected and published by Archaeographic Commission]. Vol. V: 1676–1700. St. Petersburg, b.d. 572 p. (In Russian)

4. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiiyu imperatorskoy Akademii nauk. Dopolnenny i izdany vysochayshe uchrezhdennoyu Komissiiyu* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by Archaeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences. Amended and published by the Imperial established Commission]. Vol. 3:1613–1645. St. Petersburg, 1836. 518 p. (In Russian)

5. Aleksandrov V.A., Pokrovskiy N.N. *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 18th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 400 p. (In Russian)

6. Bakhrushin S.V. *Yasak v Sibiri v XVII v.* [Yasak in Siberia in the 17th century]. *Sibirskie ogni=Siberian lights*. 1927, no. 3, pp. 95–129. (In Russian)

7. Belyakov A.V. Meshcherskie kazaki (tatory) XV–XVII vv. Vstraivanie v strukturu sluzhilykh lyudey Moskovskogo gosudarstva [The Metscherskie Kazaks (Tatars) in the 15th–17th centuries. Incorporation to the structure of the sluzhilye people of the State of Moscow]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva = Medieval Turkic-Tatar states*. 2016, no. 8, pp. 67–72. (In Russian)

8. Belyakov A.V. Organizatsionnaya struktura sluzhilykh tatar v Russkom gosudarstve kontsa XV – pervoy poloviny XVII v. [Organizational structure of the sluzhilye Tatars in Russian State in the end of the 15th – the first half of the 17th century]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki=History of warfare: researches and sources*. 2015. Special issue. Vol. 5. Standing on the river Ugra, 1480. Part I. Available at: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1/ (last accessed 10.03.2018). (In Russian)

9. Belyakov A.V. Pistsovaya kniga mordovskikh sel Kadomskogo uезда 138-go (1629/30) goda [The Cadaster book of Mordva villages of Kadomskiy uезд in 138 (1629/30)]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva=Medieval Turkic-Tatar states*. 2013, no. 5, pp. 154–210. (In Russian)

10. Brodnikov A.A. Sbor yasaka: zavisimost' protsessa ob'yasachivaniya ot potestarno-politicheskoy situatsii v regione (po materialam Vostochnoy Sibiri XVII v.) [Collection of yasak: dependency of the process of ob'yasachivanie from the potestarno-political situation in the region (according to Eastern Siberia materials of the 17th century)]. *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy*. Is. 1. *Kul'turnyy kosmos Evrazii = Eurasia: cultural heritage of ancient civilizations*. Is. 1: *Cultural cosmos of Eurasia*. Novosibirsk, 1999, pp. 119–123. (In Russian)

11. Butsin'skiy P.I. *Zaselenie Sibiri i byt eya pervykh nasele'nikov* [Peopling of Siberia and way of life of its first inhabitants]. Kharkov, 1889. 353 p. (In Russian)

12. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Yasak v Sibiri v XVIII – nachale XX veka* [Yasak in Siberia in the 18th – early 20th century]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2014. 303 p. (In Russian)

13. Dmitriev A.A. *Permskaya starina*. Vol. 7: *Verkhotur'skiy kray v XVII veke* [Perm's antiquity. Vol. 7: Verkhoturie in the 17th century]. Perm, 1897. 258 p. (In Russian)

14. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiiy* [Amendments to historical acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. III. St. Petersburg, 1848. 553 p. (In Russian)

15. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiiy* [Amendments to historical acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. IV: 1655–1664. St. Petersburg, 1851. 445 p. (In Russian)

16. Zuev A.S. «Nemirnykh chukchey iskorenit' vovse...» [“To completely destroy the non-friendly Chukchi...”]. *Sibirskaya zaimka=Siberian zaimka*. Available at: <http://zaimka.ru/zuev-chukchi>. (last accessed: 17.03.2018) (In Russian)

17. Zuev A.S. Osvoenie Moskovskim gosudarstvom sotsial'no-politicheskogo prostranstva Sibiri [The absorption of the social-political space of Siberia by the State of Moscow]. "Bulletin of the Novosibirsk State University". Series: "History and Philology", 2013, vol. 12, is. 8: History, pp. 61–72. (In Russian)

18. Ignatkin P.S. Sotsionim «inozemtsy» primenitel'no k narodam Sibiri v delovoy pis'mennosti Moskovskoy Rusi (vtoraya polovina XVI – nachalo XVII v.) [The socionim "foreigners" in relation to Siberian peoples in business writing of Moscow Rus' (second half of the 16th – early 17th century)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri=Humanities in Siberia*. 2013, no. 4, pp. 92–94. (In Russian)

19. Islaev F. Pistsovaya kniga permskikh tatar [The Cadaster book of the Perm' Tatars]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of the centuries]. 2008, no. 1, pp. 45–59. (In Russian)

20. Konev Yu.A. Dar, dan' i trgovlya: antropologiya vzaimodeystviya avtokhtonov Sibiri i russkikh v XVII–XVIII vv. [Gift, tribute and trade: anthropology of relationship between native Siberians and Russians in the 17th–18th centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic review*. 2017, no. 1, pp. 43–56. (In Russian)

21. Konev, Yu. A. Narody Sibiri v sotsial'no-pravovom izmerenii imperii: sovremennye podkhody k izucheniyu [Siberian peoples in social-legal dimension of the Empire: modern approaches to the study]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii=Asian Russia: people and structures of the Empire*, Omsk, 2016, pp. 135–144. (In Russian)

22. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the history of Bashkir ASSR]. Vol. 4. Part 1. Moscow, Nauka Publ., 1956. 396 p. (In Russian)

23. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the history of Bashkir ASSR]. Part 1. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1936. 631 p. (In Russian)

24. *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy 1654–1685. Sbornik dokumentov* [Materials on the history of Russian-Mongolian relations 1654–1685. A collection of documents]. Moscow, 1996. 559 p. (In Russian)

25. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005. 630 p. (In Russian)

26. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 796 p. (In Russian)

27. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. III. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005. 598 p. (In Russian)

28. Oparina T.A. *Inozemtsy v Rossii XVI – XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th–17th centuries. Essays of historical biography and genealogy]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2007. 384 p. (In Russian)

29. *Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII v. Kniga pervaya: 1700–1713* [Monuments of Siberian history in the 18th century. First book: 1700–1713]. St. Petersburg, 1882. + XXXIV stb. 551 p. (In Russian)

30. Peretyatkovich G.I. *Povolzh'e v XV i XVI vekakh (Ocherki iz istorii kraya i ego kolonizatsii)* [The Volga river area in the 15th and 16th centuries (Essays on the history of the region and its colonization)]. Moscow, 1877. 331 p. (In Russian)

31. Peretyatkovich G.I. *Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka (ocherki iz istorii kolonizatsii kraya)* [The Volga river area in the 17th and early 18th centuries (Essays on the history of the region and its colonization)]. *Zapiski imperatorskago Novorossiyskago universiteta=Proceedings of the Imperial Novorossiisk University*. 1882. Vol. 34. 409 p. (In Russian)

32. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of Russian Empire. Collection No. 1. From 1649 to December, 12, 1825]. Vol. I: 1649–1675. St. Petersburg, 1830. 1075 p. (In Russian)

33. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of Russian Empire. Collection No. 1.

From 1649 to December, 12, 1825]. Vol. II: 1676–1688. St. Petersburg, 1830. 978 p. (In Russian)

34. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of Russian Empire. Collection No. 1. From 1649 to December, 12, 1825]. Vol. III: 1689–1699. St. Petersburg, 1830. 692 p. (In Russian)

35. Preobrazhenskiy A.A. *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v.* [The Urals and Western Siberia in the end of the 16th – early 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 261 p. (In Russian)

36. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian historical library published by the Archaeographic commission]. Vol. 2. St. Petersburg, 1875. (In Russian)

37. Savchenko S.N. Yasachnaya politika tsarskoy administratsii v period osvoeniya Priamur'ya russkimi v XVII v. [Yasak politic of the Tsar administration in the period of Russian absorption of the Amur area in the 17th century]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya = Proceedings of Grodekovsky museum*. 2003, vol. 5, pp. 7–23. (In Russian)

38. *Sbornik imperatorskogo Russkago istoricheskago obshchestva* [The collection of the Imperial Russian historical society]. Vol. 59. St. Petersburg, 1887. 706 p. (In Russian)

39. Smirnov A.S. Zemlevladienie i khozyaystvo inorodtsev Kazanskogo uezda vo vtoroy polovine XVI – nachale XVII veka [Land ownership and economy of foreigners in the Kazan' yezd in the second half of the 16th – early 17th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod university*. 2014, no. 3 (1), pp. 186–193. (In Russian)

40. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [A collection of state charters and agreements kept in the State collegium of foreign affairs]. Part 1. Moscow, 1813. 533 p. (In Russian)

41. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [A collection of state charters and agreements kept in the State collegium of foreign affairs]. Part 2, amending the Part 1. Moscow, 1819. 399 p. (In Russian)

42. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopaedia]. Vol. 13. Moscow, 1971. 1022 p. (In Russian)

43. Ustryalov N.G. *Imenitye lyudi Stroganovy* [The distinguished people Stroganovy]. St. Petersburg, 1842. 120 p.: pril., karta. (In Russian)

44. Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russians in South Siberia: ethno-political processes and ethno-cultural dynamics in the 16th – early 20th century]. Novosibirsk, Institut arheologii i jetnografii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk Publ., 2005. 312 p. (In Russian)

45. *Yakutiya v XVII veke (Ocherki). Sbornik pod redaktsiey S.V. Bakhrushina i S.A. Tokareva* [Yakutia in the 17th century (Essays). The collection edited by S.V. Bakhrushin and S.A. Tokarev]. Jakutsk, Jakutskoe knizhnoe Publ., 1953. 441 p. (In Russian)

About the author: Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher Fellow, Scientific-Educational Centre of Eurasian Studies, South Ural State University (76, Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation). E-mail: gayas_@mail.ru

*Received February 20, 2018 Accepted for publication May 25, 2018
Published June 29, 2018*

ПОИСКИ, ГИПОТЕЗЫ, ДОГАДКИ

УДК 94(47).04

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.370-392

О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ НАПИСАНИЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ СОЧИНЕНИЯ УТЕМИШ-ХАДЖИ «КАРА ТАВАРИХ» (КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ)

А.В. Беляков

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
feb@ru.ru*

Цель: прокомментировать сведения продолжателя Утемиш-хаджи «Кара таварих» и предпринять попытку установить время и место написания текста.

Материалы исследования: ряд известий, приводимых автором продолжения, поддаются проверке посредством сравнения с данными, сохранившимися в документах архива Посольского приказа. Помимо этого, компоновка текста продолжения и приводимые в нем сведения позволяют очертить круг лиц, среди которых бытовала рукопись «Кара таварих» и было сделано анализируемое добавление.

Результаты и научная новизна: установлено, что текст продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих», скорее всего, был написан в 1660–1680-х г. в Ярославле, в окружении вдов сибирского царевича Алтаная б. Кучума. Это была своеобразная реакция на принятие православия своими детьми и иными родственниками в середине XVII в. При этом продолжение содержит обширные историко-генеалогические сведения и одновременно является полемическим сочинением. На его страницах, на примере царевича Хансюера б. Али, создается образ истинного мусульманина, каким он виделся автору в условиях наступления православия на ислам в России середины – второй половины XVII в. Перед нами предстает коллективная эпитафия по всему роду сибирских Шибанидов, прервавшихся на внуках Кучума. Православным, по мнению автора / заказчика, они, Шибаниды, быть не могут. Несмотря на отдельные искажения реальных событий, достигаемые путем умалчиваний и дачей субъективных оценок тем или иным историческим личностям, в целом, рассматриваемый источник вполне правдиво передает события XVII в., связанные с пребыванием в Московском государстве потомков сибирского хана Кучума.

Ключевые слова: Утемиш-хаджа, «Кара таварих», Кучумовичи, Чингизиды, Касимовское царство, Хансюер б. Али, генеалогия, Московское государство XVII в.

Для цитирования: Беляков А.В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 370–392. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.370-392

**ON THE TIME AND PLACE OF WRITING THE CONTINUATION
OF ÖTEMISH-HAJJI'S "QARA TAVARIKH"
(COMMENTS ON THE TEXT)**

A. V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
feb@ru.ru*

Abstract: *Objective:* To offer commentary on the information provided by the continuator of Ötemish-Hajji's "Qara Tavarikh" and to make an attempt to establish the time and place of the text's composition.

Materials: A number of details of the continuation can be verified by comparison with the documents from the archives of the Posolsky order. In addition, the continuation's structure and its information allow us to delineate a circle of individuals among whom the manuscript circulated and by whom this addition was written.

Results and novelty of the research: The author here establishes that the "Qara Tavarikh's" continuation, most likely, was written in the 1660s to 1680s in Yaroslavl, among the retinue of the widows of the Siberian prince, Altanay b. Kuchum. This was a kind of reaction to the conversion of their children and relatives to Eastern Orthodoxy in the mid-17th century. Therefore, the continuation contains extensive historical and genealogical information and at the same time represents a polemical work. Using the example of the prince, Hansyuer b. Ali, the anonymous continuator creates the image of a true Muslim under the conditions of the onset of Orthodoxy upon Islam in Russia in the middle to second half of the 17th century. We are faced with a collective epitaph of the entire Siberian Shibanid family, which is interrupted with Kuchum's grandchildren. According to the author or the commissioner of the continuation, the Shibanids could not be Orthodox. Despite some distortions of real events through silence and subjective assessments of certain historical personalities, the source under consideration, on the whole, quite truthfully represents the events of the 17th century connected with the residence of the descendants of the Siberian khan Kuchum in Muscovy.

Keywords: Ötemish-Hajji, "Qara Tavarikh", Kuchumovichi, Chinggisids, Kasimov Kingdom, Hansyuer b. Ali, genealogy, Moscow state of the 17th century

For citation: Belyakov A.V. On the Time and Place of Writing the Continuation of Ötemish-Hajji's "Qara Tavarikh" (Comments on the Text). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 370–392. DOI: 10.22378/2313-6197. 2018-6-2.370-392

В 2017 г. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ издал ценный источник по истории Золотой Орды и ранней истории постордынских государств: сочинение Утемиш-хаджи «Кара таварих», написанное в середине XVI в. в Хивинском ханстве на тюркском языке [40]. Издание осуществлено по списку Р. Фахретдина из личного архива З.В. Тогана (Турция).

Издатели дали русский перевод текста, его тюркскую транскрипцию, факсимиле и предисловие. От комментариев они по ряду причин отказались. Надеемся, что эта большая и сложная работа со временем будет сделана. Мы решили частично прокомментировать отдельные места опубликованного источника. Ниже речь пойдет о последнем дастане данного сочинения, озаглавленном автором следующим образом: «Этот раздел расскажет о роде Бек

Конды» [40, с. 82–85]. Данная часть отсутствует в так называемом ташкентском списке, известном как «Чингиз-наме», и была дописана уже в XVII в. Далее этот текст мы будем называть для удобства продолжением, как в свое время предложил И.М. Миргалеев [22].

Рассматриваемый нами отрывок интересен сразу по нескольким позициям. Во-первых, в нем приводятся отдельные сведения по истории сибирских Шибанидов конца XVI – середины XVII в. Некоторые из них можно проверить и уточнить по русским источникам, другие являются абсолютно уникальными. Во-вторых, он позволяет приоткрыть завесу над одной из сложных и плохо поддающейся решению проблем – степени знаний о своем прошлом Чингизидов (в данном случае сибирских Шибанидов), проживавших в России. В-третьих, он содержит информацию о том, до какой степени Кучумовичи XVII в. воспринимали свое единство. Этот отрывок уже привлекал внимание специалистов. И.М. Миргалеев обратил внимание на два момента: 1) захоронение Али б. Кучумом в Уфе (Уфи) своего сына; 2) контроль Шибанидами областей Башкурт, Алатырь, Мокшы, мангытов и Казани [22]. Однако исследователь не предпринял попытки разобраться в приводимой генеалогии Шибанидов, чтобы установить хотя бы приблизительное время этого контроля. Вопросы генеалогии вполне успешно были рассмотрены Д.Н. Маслюженко [20]. Нас в данном случае в первую очередь интересуют Чингизиды, тем или иным образом связанные с Москвой. Позволим себе незначительную ремарку в сторону автора. Рассматривая генеалогию Ак-Кобека, исследователь отмечает, что Агалак б. Махмудак скорее приходится ему двоюродным братом, нежели дядей, и видит в именовании его дядей не столько реальное родство, сколько указание на определенную политическую зависимость [20, с. 124]. Но в действительности подобная ситуация могла возникнуть по праву левирата. Укажем на сходную ситуацию среди Сибирских Шибанидов середины XVII в.: Девлет-Гирей б. Чувак назван дядей детей Ишима б. Кучума, Аблая и Тауке (Тявка), хотя он являлся их двоюродным братом. Оказывается, после смерти Ишима Девлет-Гирей взял себе в жены вдову своего дяди [10, с. 69; 37, с. 177]. Данный пример показывает, с какими трудностями можно столкнуться при интерпретации и сравнении тех или иных родословных связей Чингизидов. Сделанное наблюдение также относится и к проблеме установления родственных связей ногайских мирз (Идигеевичей). Д.Н. Маслюженко делает интересное наблюдение о том, что автор продолжения имеет явную близость во взглядах с русскими источниками и чрезвычайно слабо информирован в вопросах истории Сибири [20, с. 124]. Однако исследователь рассмотрел далеко не все сюжеты, приводимые в дастане. Здесь следует отметить, что до полной публикации источника его концовка не была известна широкому кругу исследователей. В ранее опубликованном отрывке дастана она отсутствовала. Помимо этого, отдельные части сочинения были переведены заново [22].

Дастан начинается строками: «Алтунай султан¹, его отец Кучум хан, его отец Муртаза...» [40, с. 82] Они несут очень важную для нас информацию. Восходящая генеалогия начинается от одного из сыновей сибирского хана

¹ Издатели дали титул с большой буквы, тем самым превратив его в часть имени, хотя далее хан написан с маленькой. В других местах султан обычно пишется с маленькой буквы. И вновь встречается с большой в имени царевича Джан Суvara.

Кучума – царевича (султана) Алтаная (Алтунай, Алтун Тай). В данном случае мы имеем прямое указание на сибирского царевича, в окружении которого, или же его личной библиотеке, бытовала в XVII в. рукопись Утемиш-хаджи, а впоследствии была переписана с добавлением или же кардинальной переработкой рассматриваемого нами дастана.

Нам необходимо обратиться к личности царевича. Он приходился младшим братом царевичам Али и Азиму (Хаджиму). Алтанай, скорее всего, добровольно явился в г. Тобольск в 1607/08 г. и до 20 июля 1608 г. тобольским воеводой кн. Р. Троекуровым царевич и его люди были отправлены в Москву. В Вологде стало известно, что путь на Москву закрыт Лжедмитрием II. Тогда сибирский царевич по распоряжению боярина и воеводы кн. М.В. Скопина-Шуйского отправился в Новгород. Здесь царевич оставался вплоть до захвата города шведами 11 июля 1611 г. С этого момента Чингизид оказался на положении знатного пленника. Это, однако, не помешало ему вместе с новгородцами во главе с кн. Ф. Оболенским совершить попытку неудачного побега. После чего его «привели к пытке» и отправили в заключение в ивангородскую тюрьму. Здесь он пробыл до начала лета 1614 г., когда царь Михаил Федорович не велел обменять его на пленного воеводу г. Волмера. Размен происходил в г. Гдове. А в середине июля Гдов осадили шведские войска. 10 сентября жители Гдова из-за сильных разрушений городских укреплений решили добровольно сдаться на милость победителя. Защитникам крепости разрешили беспрепятственно покинуть ее. Алтанай воспользовался этим и отправился в Псков. Из Пскова его уже отпустили в Москву.

В Москве царевич появиться к концу 1614 г. Алтанай получил вознаграждение за выезд. Ему также назначили поденный корм, а через некоторое время поверстали поместным жалованием и годовым денежным окладом, взяв для примера оклады его братьев: «2000 чети, денег 170 рублей – царевич Азим Кучумов, а ему, Алтаная царевичу, брат родной болшой; 1500 чети, 150 рублей – царевич Малла Кучумов, а ему, Алтаная царевичу, брат родной меншой».

Во второй половине 1618 г. он женится на дочери сибирского служилого царевича Мухаммед-Кула Атауловича (Мухаммед-Кул б. Ахмед-Гирей), племянника Кучума. В 1643/44 г. царевича испоместили в селе Ширенге с деревнями в Ярославском уезде², где традиционно проживало много знатных мусульман и новокрещенов. Возможно, данное село досталось ему в наследство от матери одной из его жен. После 1619 г. царевич постоянно проживает в г. Ярославле, где с конца XVI в. селили большую часть знатных выезжих мусульман.

В 1638 г. Алтанай и его старший брат Али приезжали в Москву. Тогда два брата приняли участие в судьбе своего сына и племянника Хансюера (Джансюера) б. Али, находившегося в это время в устюжской тюрьме. Уже в этом году его отпустили на поруки к отцу и дяде в Ярославль.

² В селах Ширинга (Ширенга) и Курба Закопторосльского стана были испомещены еще до Смуты Каплан, Алей Тугановы дети, а также Теникей Аксанов и Келмамет Теникеев Шейдяковы (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 2; Ф. 131. Оп. 1. 1616 г. Д. 2; 1619 г. Д. 6; 1621 г. Д. 18). В 1620/21 г. поместья значатся за Капланом, Канаем и Кельмаметом, мирзами Шейдяковыми. Позднее эти поместья перешли их детям Келешу Теникееву, Канаю Еналееву, Хану, Салтаная и Бию (?) Каплановым (РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1633 г. Д. 4.).

Второй раз Алтанай со своими детьми Дос-Мухаммедом (Дост-Мухаммед) и Иш-Мухаммедом приехал в Москву в 1653 г. Тогда царевичи принесли шерть (присяга на верность) московскому государю.

У Алтаная известны два сына: старший Иш-Мухаммед (Алексей) и Дос-Мухаммед (Петр), а также дочь. В 1654 г. царевичи приняли православие. Восприемником в обоих случаях был сам царь Алексей Михайлович, что дало их новое отчество – Алексеичи. Дети упоминаются только у царевича Алексея. От них и пошел род князей Сибирских, известный до настоящего времени [13].

Следующий сюжет, который мы затронем, связан со старшим братом Алтаная, султаном Али (Гали): «Могила Али³ хана находится в земле, называемой Кермен. У Али хана было три сына и одна дочь» [40, с. 84]. Али пленили около 1608 г. 15 апреля 1609 г. мы видим его «с братьями и с людьми» уже в Нижнем Новгороде [27, с. 43], где, по-видимому, он пережил наиболее опасный период Смутного времени. 11 июля 1613 г. отказали сибирскому царю Алею Кучумовичу с детьми Хансюером и Яншиком (Янсюер?) в поместье в Вологодском уезде село Никольское Старое на р. Кубенице с 17 деревнями, на 1050 чети против отписанного на государя пошехонского их поместья⁴. Кучумович и это поместье не удержали за собой. Вскоре его испоместили в Ростовском уезде⁵. Проживал он либо в своем поместье, либо в Ярославле. В 1640 г. царя, по его просьбе, отпустили на жительство к единственному оставшемуся в живых к этому времени своему потомку, внуку Сеид-Бурхану, в Касимов (Кермен, Хан Кермен), где он умер 27 сентября 1649 г. и был похоронен, по-видимому, в несохранившемся до наших дней текие его сына Арслана⁶. Еще находясь в Сибири, Али принял царский титул. После Смуты московские власти признали его за Али. Это было сделано для легитимизации прав на Сибирь московским государем. Пока в России жил плененный сибирский царь, новый появиться не мог. Безусловное царское (ханское) достоинство признает за Али и продолжатель.

Одной из проблем генеалогии Кучумовичей остается количество сыновей у Али. Продолжатель Утемиш-хаджи указывает, что их было четыре. Трое находились с отцом в России, четвертый же якобы был похоронен в Уфе. Сюжет с погребением в Уфе рассмотрен Д.Н. Маслюженко. По его мнению, на самом деле речь идет о местности Явсугум между Волгой и Яиком, где кочевал бывший союзник Кучума ногайский мирза Али б. Ураз-Мухаммед, к которому были близки мирзы Байтерековы, шурья Али б. Кучума [20, с. 128]. Рискнем предположить, что продолжатель искажил информацию, и Али похоронил не сына, а отца, хана Кучума.

Но вернемся к детям Али. Сам царь в своей челобитной утверждает, что их было четыре⁷. Не вызывает сомнений старший сын – Арслан (Араслан, Раслан в русских источниках). Далее начинаются разногласия. В источниках встречается три имени: Хансюер, Янсюер и Канчувар (Кансувар). В.В. Вель-

³ Издатели приводят в тексте оба прочтения данного имени.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. № 62. Л. 567–571 об.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1551. Л. 253–254; Ф. 131. Оп. 1. 1638 г. Д. 2. Л. 53.

⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1649 г. Д. 35. Л. 54.

⁷ РГАДА. Ф. 131, Оп. 1. 1638 г. Д. 4. Л. 1.

яминов-Зернов считает, что это только искаженная передача имени Янсюер (Джансюер) [16, с. 198–200]. Следует отметить, что Г.Ф. Миллер считает Канчувара сыном Кучума. Такой царевич действительно, по-видимому, был [21, с. 35, 36, 212, 231]. В таком случае он попал в плен в царствование Бориса Годунова и тогда же, судя по всему, был отпущен обратно. Скорее всего, с этим следует согласиться. Путаница ведет свое начало с В.В. Вельяминова-Зернова [16, с. 198–200]. Он, в свою очередь, ссылается на сочинение И.Е. Фишера [42]. Г.Ф. Миллер подтверждает наличие четырех сыновей Али б. Кучума в России. Документы, в которых Хансюер и Янсюер упоминаются одновременно, снимают вопрос об их тождестве. При этом мы с высокой степенью достоверности можем утверждать (по размерам поместного и денежного окладов), что Хансюер был старшим среди них [28, с. 254]⁸. Автор продолжения называет их Сувар и Джан (Хан) Сувар и называет тот же порядок старшинства. Далее начинаются разночтения. По сведениям «Кара таварих», четвертый сын был похоронен отцом еще до выезда в Россию [40, с. 84–85]. Однако русские источники упоминают некоего царевича Кутлугана, умершего 2 октября 1623 г. В 1619/20 г. он получал поденный корм в Ярославле в 15 копеек, с 1622/23 г. – 25 копеек⁹. Судя по всему, Кутлуган и Хансюер – это те два царевича, которых взял в плен 24 июля 1607 г. тюменский воевода М.М. Годунов [21, с. 37, 243]. Однако в литературе можно встретить утверждение, что Янсюер после 1599 г. был отпущен в Сибирь. Здесь он принял активное участие в ряде набегов на русские поселения и вновь попал в плен в 1607 г. Это мнение следует признать ошибочным. Это очередной пример, когда биографии разных лиц со схожими именами по той или иной причине смешиваются исследователями. Таким образом, сыновей Али звали Арслан, Янсюер (Яншик?), Ханчюер и Кутлуган. Известна в России и дочь Али, сестра Хансюера [1, с. 1–23]. Ее имя нам удалось найти единожды. Но документ дошел до нас в сильно испорченном состоянии, поэтому полное имя нам неизвестно, от него сохранилось только «джан». Однако используя иные листы этого дела, мы с высокой степенью достоверности можем утверждать, что ее звали Ханым-джан¹⁰. Далее она в документах не встречается. Однако Ханым звали младшую супругу Шарманшанского царевича Шейх-Мухаммеда б. Мухамеда¹¹. Быть может, это она?

Джан Сувару (Хансюер, Джансюер) б. Али (ок. 1594 г. рождения) со своей матерью, дочерью ногайского бия Дин-Ахмеда Хандазой (Кандазой), и сестрой был пленен в 1598 г. Старший, Арслан, выехал в Москву добровольно около 1604 г. [34, с. 165–166]¹².

В 1614 г. Арслан провозглашается царем Касимовским. Автор продолжения пишет об этом с очень странной формулировкой: «Отдав шестьдесят салани (?), которые выплачивались его отцу, старшего сына Арслана русские неверные сделали ханом в ханстве Хан Керман». Что такое «салани» на настоящий момент установить невозможно. Скорее всего, это искажение какого-то тюркского термина, обозначавшего некую фиксированную выплату за службу. Однако и

⁸ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 4, 6; 1638 г. Д. 4. Л. 2.

⁹ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1623 г. Д. 10. Л. 7–8; Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 53.

¹⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 45, 50, 76.

¹¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1623 г. Д. 10. Л. 9.

¹² РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 27–28.

Али, и Арслан были наделены обширными поместьями. Здесь еще предстоит разбираться. Автор продолжения абсолютно правильно называет количество детей Арслана – сын и две дочери. И приводит имя сына – Сайид Бурхан (Сеит-Бурхан (Сеид-Бурхан) русских источников). При этом сайид (сеид) на самом деле не часть имени царевича, а указание на то, что он является потомком Пророка. Его мать Фатима Шакулова происходила из рода известных касимовских, а до этого крымских сеидов. Дети от браков дочерей сеидов с не сеидами получали все права потомков Пророка, в том числе и приставку к имени. Да и имя царевичу, судя по всему, дали в честь одного из предков его матери [15]. С дочерьми, однако, не все так просто. Дело в том, что у Арслана в действительности была одна родная дочь Салтыкай (от. царицы Карачай, дочери сибирского абыза Ибердея и вдовы царевича Азима (Хаджима) б. Кучума). Вторая дочь Алтин (Алтын-сач) на самом деле была падчерицей Арслана и дочерью царевича Хаджима от царицы Карачай¹³. Алтин позднее станет супругой хивинского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда.

Следующий сюжет связан с именем последнего касимовского царя (хана) Сайид Бурхана (Сеид-Бурхан): «Русские сделали его сына Сейид Бурхана вероотступником и повесили на его шее крест. Он разрушал мечети и медресе, стал ярым неверным». Сеид-Бурхан унаследовал Касимов в младенчестве. Он родился в 1624 г. И на момент смерти отца, 2 апреля 1626 г.¹⁴, ему было около двух лет. На долгие годы власть захватили мать царевича и ее родственники, сеиды Шакуловы. Это привело к тому, что практически все родственники Арслана (тетки и даже часть жен и дочери) перебрались в Ярославль¹⁵. Царевич долгие годы никак себя не проявлял. Однако в 1653 г. в Москве было принято решение о крещении имевшихся в России младших царевичей Кучумовичей. С детьми Алтаная проблем не возникло. Они пошли на этот шаг, после чего стали завсегдатаями дворцовых церемоний. А вот с Сеид-Бурханом все пошло не так гладко. В начале он согласился на крещение и был помещен в подначальство (стандартная процедура, делалась для ознакомления с основными правилами православия) в Кремлевский Чудов монастырь. Однако, когда дело дошло до крещения, он отказался [18, с. 71–72]. Причины этого до конца не понятны. В конце концов, крещение все же состоялось: теперь Сеид-Бурхан стал Василием Араслановичем. Но факт остается фактом: это единственный известный нам пример, пусть и временного, но сопротивления принятия православия Чингизидом.

Следует остановиться и на обвинении в разрушении мечетей и медресе. Документально медресе в Касимове XVII в. неизвестны. Хотя это не значит, что их не было. Мечетей, судя по всему, было несколько. При этом одна из них, каменная, постройки середины XVI в., находилась на территории его двора. Разрушить ее мог только он. Однако данное обвинение более чем беспочвенно. В живых оставалась мать царевича, Фатима Шакулова, оставшаяся мусульманкой. Она, кстати, переживет сына на два года и умрет в более чем преклонном возрасте в 1681 г. Народная молва сохранила в памяти свидетельства ее крутого нрава [43, с. 138]. Она просто не разрешила бы сде-

¹³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 10. Л. 1.

¹⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 1–3.

¹⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 10.

лать это своему сыну. Последние исследования показали, что разрушение касимовской мечети произошло в 1760-е гг. камер-цалмейстером Д.А. Симоновым, которому 2 апреля 1754 г. были пожалованы часть бывших поместий касимовских царевичей и их городской двор. К этому времени мечеть была уже в аварийном состоянии: «...да возле саду мечеть каменная круглая, во многих местах обвалилась, вышиною сажень 10-и...». Однако ее разрушение началось, явно, не ранее смерти царицы Фатимы. Возможно, она оставалась действующей до передачи дворового места, на котором она стояла, Петербургскому госпиталю «на содержание больных и раненых и отставных солдат» [41]. В любом случае обвинение в разрушении мечети / мечетей было явным наговором или, если хотите, определенным полемическим штампом. После смены (предания) веры человек, тем более царевич, просто обязан вести гонения против прежней своей религии и ее культовых объектов.

Автор продолжения подробно останавливается на судьбе младшего сына Арслана, Джан Суваре (Хансюер), и приводит поистине уникальные свидетельства: «Хан Сувар Султан, взяв жену, пришел в вилайаты Крыма. Вместе с крымскими завоевателями Мухаммад Кирей и Шахин Кирей султаном ходили в походы. Хазрети Мухаммад Кирей хан подарил ему трех девушек. Много лет жил он в трех деревнях в удовольствии, родились у него два сына и одна дочь. Один сын умер, будучи молодым, другой остался жить, его звали Ахмед Кирей по прозвищу Хаварезм, его упоминали по прозвищу. В результате он стал казаковать вместе с Шахин Киреем. На берегу Дона его захватили казаки. Скончался он в Хан Кермене» [40, с. 85].

Русские источники также донесли до нас историю царевича. Правда здесь она звучит несколько по-иному. В 1613–1615 гг. Хансюер находился под Смоленском с братом Янсюером и тремя дядями (по-видимому, это были испомещенные царевичи Молла (Молта), Азим (Хадумм, Хаджим), имя третьего установить не удастся) в полку воевод кн. Д.М. Черкасского и кн. И.Ф. Троекурова, откуда с боя отъехал в Литву. Не получив там желаемого содержания (находился «бес приюта... и жалованья»), он перебирается в Крым. Здесь он оставался достаточно долго. При этом смена ханов не влияла на его судьбу. Все изменилось в 1628 г. В Стамбуле решили заменить хана Мухаммад-Гирея на Джанибек-Гирея, уже бывшего до этого крымским правителем. 21 июня он прибыл в Крым в сопровождении 60 каторг и 20 кораблей. Калга Шахин-Гирей, а позднее и сам Мухаммад-Гирей, оказались у запорожских казаков. Их сторонников в Крыму было мало, поэтому силой захватить власть они не могли и планировали только опустошительный набег при активном участии казаков и польского короля. По другим данным, калга находился в плену у черкасс (запорожских казаков) [29, с. 69, 71, 95–96, 101]. Хансюер, судя по всему, по неизвестным нам причинам боялся возвращения Джанибека. Скорее всего, он сыграл какую-то неблагоприятную роль при его смещении. Поэтому посчитал за благо оказаться в окружении калги Шахин-Гирея. Весной 1628 г. соединенное войско черкасс, казыевских ногаев, опального хана и калги было разбито крымскими татарами. Мухаммад-Гирея убили сами запорожцы. Калга и царевич Хансюер с небольшим отрядом ближайших сторонников пытались пробраться на Северный Кавказ к родственникам матери Гирея. По дороге на них напали казаки, захватили в плен Кучумовича и отправили его в Москву. В итоге, 25 марта 1630 г. он был сослан в Соль Камскую (Соликамск), в специально

построенную для него тюрьму. Следует отметить, что в крымских посольских делах не обнаружено упоминания имени царевича. Возможно, это можно интерпретировать как незаинтересованность Москвы в Чингизиде. Он рассматривался как слишком малая величина для того, чтобы его судьба отягощала и без того непростые русско-крымские отношения. В 1635 г. стало известно, что его брат, сибирский царевич Аблай б. Ишим, призывал калмыков совершить поход на Соль Камскую и освободить Хансюера. Так как «город погнил, худ», свинца и служилых людей было мало, царевича перевели в Устюг. Для этих целей там построили новую избу, огородили ее крепким тыном и «держали за сторожи с великим береженьем». В 1638 г. его отец, сибирский царь Али, и дядя, царевич Алтанай, упростили Михаила Федоровича отпустить сына в Ярославль на поруки. Поручную запись подписали царь Али и царевич Алтанай [28, с. 254]¹⁶. Она упоминается в Описи Архива Посольского приказа 1673 г. [25, с. 328].

Мы видим, что обе истории имеют много общего, но в тоже время в них содержатся и принципиальные противоречия. Предпримем попытку объединить их. Между 1613 и 1615 гг. царевич абсолютно осознанно покидает пределы России и оказывается на территории Речи Посполитой. Что послужило причиной, мы, пожалуй, никогда не узнаем. Но на новом месте Кучумовичу также не понравилось. Оказалось, что там он никому не нужен и остался «бес приюта... и жалованья». Если довериться сведениям продолжателя, путь Хансюера из Речи Посполитой в Крым лежал через ногайские степи. Только там он мог найти себе жену достойного себя статуса. Дочери ногайских мирз долгое время являлись традиционными брачными партнерами Чингизидов. Да и мать его была дочерью большеногайского бия Дин-Ахмеда б. Исмаила. Царевич мог направиться к своим дядьям и двоюродным братьям. Но Большая Ногайская орда переживала в это время не лучший период. По замечанию В.В. Трепавлова, это был период ее агонии [35]. Ногайским родственникам не нужен был еще один повод для раздражения все набирающей силы в регионе Москвы. Искать сибирских родственников также не было смысла. Хансюер отправился в Крым. Точнее, если идти за источником, «в вилайаты Крыма» [40, с. 85]. По-видимому, под ними следует понимать опять же таки места расселения ногаев, признававших власть крымского хана. Хотя позднее он явно попадает в сам Крым. Здесь царевич оказался принят значительно лучше. Ему пожаловали доходы с трех деревень. Также хан подарил ему трех девушек (по-видимому, воспитанниц ханского гарема). У него рождаются дети. В таком случае царевич должен был занять почетное место среди иных крымских огланов.

В документе под названием «Вся мощь из Крыма из нагаев, белгородцев, очаковцев и добужан», представляющем собой реестр орды на 1649 г., отмечен как отдельная единица отряд из 500 уланов [5, с. 88]. Оглан (букв. «сын», «ребенок», в России – «улан») – наименование всех представителей Чингизидов из династий Джучидов, Чагатаидов и Хулагуидов. У Джучидов в XV в. с победой семейного принципа наследования над общеродовым для обозначения царевичей стали употреблять понятие «султан», а оглан понижается в социальной иерархии. Теперь огланы – это представители дома Джучи, не

¹⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 2; 1635 г. Д. 1; 1638 г. Д. 4.

принадлежащие к семье правящего хана [32, с. 32]¹⁷. В Крыму огланы выполняли не только военные функции. Они также регулярно отправлялись в составе посольских миссий, а порой и возглавляли их. Среди лиц ханского двора, кому полагались посольские поминки, огланы упоминаются регулярно.

Далее начинаются недомолвки или даже явные подтасовки. Хансюер должен был появиться в Крыму в первое правление хана Джанибек-Гирея (1610–1623 г.). Однако автор продолжения говорит только о его приемнике Мухаммед-Гирее III (1623–1628 г.). По-видимому, с этим султаном Хансюеру удалось наладить особенно теплые отношения. По крайней мере, когда Данибек-Гирей в 1628 г. был возвращен на престол турецким султаном, царевич посчитал лучшим для себя остаться верным Мухаммад-Гирею. Или же он опасался мести за что-либо со стороны Джанибек-Гирея. При сплошном изучении русско-крымских посольских документов той эпохи, возможно, нам удастся разгадать эту загадку. Пока же мы можем констатировать только тот факт, что царевич поддержал Мухаммад-Гирея и его калгу Шахин-Гирея. После их разгрома Хансюер и Шахин-Гирей направились на Северный Кавказ в Малую Ногайскую Орду, «в казыев кабак Кабаву». По дороге на урочище Тюгульник у них завязался спор. Хансюер якобы стал предлагать ехать в Астрахань. Но это нам известно только с его слов после пленения. В это время на них напали донские казаки и захватили Хансюера в плен. Шахин-Гирей ушел с боя. Обвиненный в измене, Хансюер был посажен в опальную тюрьму в Соли Камской, а затем в Устюге Великом. Возможно, его первоначально приговорили к смерти, которую тут же заменили пожизненным заключением¹⁸. Позднее, по челобитью отца и дяди, его на поруки отпустили в Ярославль. Автор дастана утверждает, что Хансюер скончался в Касимове. У нас нет уверенности в этом. Дело в том, что в сообщении о смерти царя Али рассказано о переезде в Касимов, но ничего не говорится о переезде с выданным на поруки опальным сыном¹⁹. Скорее всего, тот уже умер к этому времени. Таким образом, известие о смерти царевича можно рассматривать как определенный конструкт. Для чего это было сделано, мы объясним ниже.

Нельзя не отметить тот факт, что автор продолжения делает изгнанником не самого Хансюера, а его сына Ахмед-Гирея²⁰. Но это явная ошибка. Начнем с того, что к 1628 г. этому царевичу, если он действительно существовал, в самом лучшем случае было бы только 14 лет. Несколько странным выглядит и его прозвище – Хаварезм (Хорезм?). Иных упоминаний об этом человеке у нас нет. Здесь мы вправе поставить вопрос о том, насколько возможны были контакты между Чингизидами, проживавшими в России, и Крымом. Несмотря на всевозможные препоны, которые ставила Москва для подобного общения [43,

¹⁷ Отличительной особенностью уланов, и не только в Крыму, являлись головные уборы с пышными султанами. Отсюда и отличительный знак польских уланов. Первые уланские подразделения набирались из литовских татар. Кстати, в Пруссии уланы имели сходный головной убор и также набирались из мусульман [38, с. 33–34].

¹⁸ Следует подчеркнуть, что в России XVI–XVII вв. по отношению к знатым тюркским выходцам или же пленникам смертная казнь применялась в исключительных случаях и только как устрашающая акция.

¹⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1649 г. Д. 35. Л. 54.

²⁰ На самом деле текст в этом месте построен так, что вынужденным казаковать царевичем мог оказаться и Хансюер. Автору по большому счету это безразлично. Важнее показать пример жизни, если хотите, истинного мусульманина.

с. 69–71], непреодолимых преград здесь, по-видимому, не было. Источником информации и каналом ее передачи могли служить в том числе и татарские переводчики Посольского приказа. Многие из них были выходцами из Касимова, а некоторые до этого служили при дворах сибирских Шибанидов и находились с ними в свойстве. В рассматриваемое нами время это был в первую очередь Абдулла Безерген сын Байцын. Его отец, Безерген абыз Байцын, в своей челобитной указывал на то, что он выехал из Сибири еще при царе Федоре Ивановиче и по выезде «пристал» к сибирскому царевичу, племяннику хана Кучума, Мухаммед-Кулу б. Ахмед-Гирею (Атауловичу). Данный выбор оказался не случаен. Дело в том, что «большая» жена царевича, царица Алмабийим, являлась его двоюродной сестрой²¹. Напомним, что дочь Мухаммед-Кула станет женой Алтаная. Несколько позднее в приказе служил еще один касимовский выходец – Сулейман мирза Сагеев сын Тонкачев [12, с. 335]. В начале XVIII в. здесь же будит служить и его сын Кутлумамет Сулейманов сын Тонкачев²². Запомните этот род, он еще встретится нам.

Как не трудно заметить, образ племянника (Сеид-Бурхан) и дяди (Хансюер) помещены автором продолжения как своеобразная антитеза. С одной стороны мы видим вероотступника, который становится яростным противником веры предков. Его преступление против веры воспринимаются как более ужасные, если вспомнить, что он по матери являлся потомком Пророка. С другой – пример человека явно, не согласного с подобным развитием дел и протестующего против установившихся новых порядков. Протест выразился в виде отъезда в Крым. За это он получает заслуженную награду. Смазанной получилась только концовка. Жизнь царевича разрушена, он в начале становится «казаком»²³, затем он попадает в плен к тем же неверным, от которых перед этим сам бежал, и находит последнее упокоение все в том же Касимове (Хан Керман). Но, как мы видели выше, подобная трактовка событий не выдерживает критики. Для чего это было сделано? Попытаемся разобраться.

В какое время и где могло быть написано продолжение? Датировка переписчика рукописи не выдерживает критики. Подавляющее число описываемых событий произошло значительно позднее 1611 г., даты, указанной переписчиком рукописи на обложке [40, с. 6]. Возможно, в 1611 г. был сделан список рукописи, с которого в свою очередь был сделан список с помещенным текстом продолжения. Текст продолжения не мог быть приписан к старой рукописи позднее. Почерк на месте состыковки текстов не имеет явных отличий. К глубокому сожалению, мы не имеем палеографического описания рукописи. Издателям была доступна только фотокопия. Поэтому мы не можем датировать бумагу. Мы даже не знаем, когда был сделан этот список «Кара таварих». Это могло произойти как во второй половине XVII в., так и в более поздний период, вплоть до рубежа XIX–XX в.

Крайним, точно устанавливаемым хронологическим рубежом является дата крещения Сеид-Бурхана – 1654 г. Однако автор пишет об этом событии как

²¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 7. Л. 1.

²² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 44; 1705 г. Д. 5; 1706 г. Д. 23; 1707 г. Д. 3, 52.

²³ Казаковать в данном случае – это пытаться выжить, в том числе и за счет разбоя, в пограничных регионах, где чья-либо власть была наименее заметна. О термине казак см.: [14, с. 168–171; 32, с. 24–27].

об относительно давно случившемся факте. При этом обращает на себя внимание одна интересная странность. Автор продолжения описывает историю только детей Арслана б. Кучума. Остальные ветви Кучумовичей принципиально игнорируются. При этом отношение к потомкам Арслана либо нейтрально, либо резко негативное. Но самое главное, мы не видим истории рода царевича Алтаная. А ведь именно с него начинается восходящая родословная, помещенная в самом начале дастана. По нашему мнению, причина этого кроется в следующем. Практически все наличные мужчины, потомки хана Кучума, и в России после 1653 г. под нажимом Москвы приняли православие. Мусульманами остались царевич Алтанай и две его жены, мать Сеид-Бурхана Фатима сеид Шакулова, а также сын царевича Аблая б. Ишима б Кучума с семьей («Кан Сюю царевич з женою и сыном, и с племянницею, да сибирского ж царевича Чичилея жена»), плененные около 1662 г. под Уфой и содержавшиеся в тюрьме в Галиче [10, с. 80]. Алтанай вскоре умирает. В живых остаются две его жены, встречающиеся в документах до 1670–80-х гг. Учитывая вышеизложенное, текст продолжения мог возникнуть только в окружении жен Алтаная. Это объясняет все странности текста: более чем отрывочные знания генеалогии, умалчивания о крещении детей Алтаная при негативной оценке Сеид-Бурхана (Василий Арасланович), полное игнорирование иных вервей рода в России. Перед нами пример психологической компенсации. Отпадение от истинной веры своих собственных детей оправдывается умалчиванием при параллельном подчеркивании негативных действий иных представителей рода, из других ветвей. При этом осознанно меняются оценочные знаки с плюса на минус. Сеид-Бурхан, по крайней мере, сопротивлялся какое-то время крещению. Дети Алтаная, судя по источникам, приняли его безропотно. Тогда становится понятным, для чего понадобился образ Хансюера. Это пример, если хотите, истинного мусульманина, каким должны были стать их собственные дети. Становится понятно, почему родословная фактически прекращается на детях Кучума. Писать о крестившихся или уже рожденных в православии было нельзя. Поэтому, с точки зрения автора или же заказчика, пропусков здесь нет. Великий род сибирских Шибанидов пресекался. А перед нами – коллективная эпитафия по всем его представителям.

Говоря о женском влиянии на текст дастана, можно привести как пример события, развернувшиеся в Мещере в самом начале 1680-х гг. По указу от 16 мая 1681 г. у всех служилых татар, остававшихся верными исламу, предписывалось отнимать православных крестьян, дабы защитить их от порухи христианской веры. Это привело к оттоку части татар из региона на восток, а также к ряду фактов смены религии, в том числе и ложных. При этом, судя по сохранившимся документам, женщины, порой, были более принципиальны в вопросе веры и отказывались креститься, хотя бы и ложно, вслед за своими мужьями, даже под угрозой монастырского заключения²⁴.

Сложнее, если возможно, установить круг лиц, которые могли быть причастны к написанию продолжения. Нам известны имена жен Алтаная. Это ханым Джан тата Алеева мирзина дочь²⁵ и Девлет (Даулет) пача Смолянова²⁶, пережившие своего супруга, умершего около 1655 г. Они получали месячный

²⁴ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. 1681 г. Д. 1.

²⁵ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1678 г. Д. 1.

²⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 3.

корм и жили в Ярославле²⁷. Девлет пача умерла между 1673 и 1677 гг.²⁸, а Джан тата не ранее 1688 г.²⁹ Известно, что Дос-Мухаммед (Петр) являлся сыном ханым Джан тата³⁰. Предпримем попытку установить происхождение этих женщин. Чингизиды в России обладали очень высоким статусом. По своему положению они стояли сразу за московским царем и его детьми. Поэтому логично предположить, что жены Алтаная также должны были происходить из заметных мусульманских родов. Наиболее подходящими претендентами на роль брачных партнеров с Чингизидами в России, помимо самих представителей «золотого рода», являлись служилые ногайские мирзы. Потомки Идиге, дети и внуки ногайских биев, они традиционно пользовались большим уважением. Однако с XVI в. наибольшим статусом в Москве обладали мирзы / князья Шейдяковы. Речь идет о потомках ногайского бия Саид-Ахмеда (Сейтяк, Шейдяк, Шидак) б. Мусы. Они имели почти исключительное право среди иных ногайский мирз на браки с Чингизидами.

Где-то в конце XVI в. в России оказались Еналей (Джан-Али) мирза, Каплан мирза и Алей мирза Тугановы дети Шейдяковы, их мать Девлет-тотай и их дядя, Теникей мирза. О Теникее единожды отмечено, что он – Оксаров (Аксаров) сын³¹. Однако являлись ли Туган и Теникей родными братьями, не вполне понятно. Алей и Каплан впервые встречаются в документах за 1609/10 г. [31, с. 309]. Еналей погиб под Москвой при Василии Шуйском, «как стоял под Москвою Вор». Хотя, судя по всему, перед нами пример полуправды, так свойственной участникам событий Смуты. Алей Шейдяков был убит 11 декабря 1610 г. в Калуге казаками в отместку за смерть Лжедмитрия II [19, с. 175; 1, №307]. У него известен сын Зорбек, прижитый с наложницею. Уже после рождения Зорбека, Теникей Шейдяков дал за племянника свою родную сестру. Наложницу же с ребенком взял к себе «для того чтоб она у Еналей мирзы не была, что сестре ево с нею быть не пригоже». После смерти Теникея Зорбек с матерью продолжал жить у его сына Клеша. При этом статус наложницы был весьма не определен. Зорбек утверждает, что Теникей «взял (ее – А.Б.) за себя по своей вере». Дядька (аталык) Зорбека Торпай говорит, что Теникей взял ее к себе «кормить». Когда же мать умерла (около 1614 или же 1616 г.), Зорбек продолжал жить у своего двоюродного дяди / сводного брата Клеша (Келмамет, Кул-Мухаммед, в крещении Артемий) мирзы. Однако в 1619 г. (или же 1621 г.) Клеш якобы захотел похолопить Зорбека. Тому ничего не оставалось, как бежать в Москву, где вскоре он крестился с именем Федор [36, с. 330–331]³². Вскоре его женили на дочери князя Р.П. Пожарского [26, с. 69; 4, с. 157]. Алей Туганов, скорее всего, и являлся отцом ханым Джан тата Алеевой мирзиной дочери³³.

²⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1663 г. Д. 1; 1664 г. Д. 1.

²⁸ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 66.

²⁹ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 14.

³⁰ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 12.

³¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 4.

³² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1619 г. Д. 6; 1621 г. Д. 18.

³³ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1678 г. Д. 1.

У Федора-Зорбека имелись сводные братья Канай и Девлет (Девлет-Мамет³⁴) Еналей мирзины дети Шейдяковы³⁵. Канай (Алексей) Шейдяков упоминается в полку князя Ю.Я. Сулешева уже в 1616/17 г.³⁶ А в 1620/21 г. ему на свадьбу дали 30 рублей³⁷. Он тогда женился на племяннице касимовского царя Арслана б. Али. Имя невесты и ее отца неизвестно³⁸. В 1634 г. его имя фигурирует в связи с поземельным спором между его двоюродными братьями Каном (Ханом) и Салтаном Каплан мирзинными детьми³⁹. В 1625 г. Девлет отмечен как кормовой иноземец в Ярославле⁴⁰. Он умер в Великий пост 1646 г. [14, с. 103]⁴¹. У него известна дочь Ирина от царицы Молдур, дочери сибирского хана Кучума. Дочь приняла православие в 1652 г.⁴² У Девлет-Мамета была еще одна жена, касимовская царица Над-ханиша (Нагел) Карамышева дочь Мусайтова [8], вдова касимовского царя Арслана б. Али [14, с. 299; 7]. Канай принял крещение с именем Алесей. Московский дворянин Алексей Еналеев мирзин сын известен в боярских списках с 1651/52 г. На следующий год он отмечен «за приставом» за попытку отъехать со своими сыновьями в Польшу [24, с. 242], а в 1653/54 г., по-видимому, умер [6, с. 311–313]. У Каная известны двое сыновей – Сафа-Гирей (Василий) и Шин-Гирей (Никифор)⁴³. Скорее всего, его сыном был и московский дворянин Дывыд Алексеев, упоминаемый в 1675/76 – 1676/77 гг. [3, с. 469]. Это далеко не все Шейдяковы, известные в России XVII в. Но из-за размера статьи мы посчитали вполне достаточным помещенной информации.

Установить происхождение Девлет пачи Смоляновой несколько сложнее. По-видимому, она происходила из касимовских служилых татар. В городе с середины XV в. известен род князей Тонкачевых (из рода кыпчак), пожалуй, один из наиболее заметных в регионе. Одним из боковых ответвлений рода стали князья / мирзы Булушевы. Вполне возможно, что Отец Девлет пачи имел следующую генеалогию: кн. Смолен б. кн. Булуш б. кн. Салтангалыч б. мирза Салтанахмет б. кн. Тонкач. Кн. Тонкач участвовал в походе 1491 г. касимовского (крымского) царевича Сатылгана против Большой Орды. Князь Болуш князь Салтанглычев сын упоминается в трех записях 1594 г., в которых он производит отдел поместья служилому татарину в с. Подлипки. Во всех трех документах приложена его печать. По всей видимости, он занимал какую-то административную должность⁴⁴. «Кипчак Тукай бик», принимавший участие в

³⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1622 г. Д. 22.

³⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 3.

³⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 3.

³⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1630 г. Д. 5. Л. 16.

³⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 5. Л. 276–280.

³⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1634 г. Д. 1.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 5.

⁴¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 65. Л. 1; 1652 г. Д. 9. Л. 3; Ф. 141. Оп. 1. 1646 г. Д. 113 а. Л. 73.

⁴² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1652 г. Д. 5. Л. 1.

⁴³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1645 г. Д. 1.

⁴⁴ Возможно, во второй половине XVI в. в Мещере существовало параллельное администрирование русского, татарского и мордовского населения. О мордовских приказах хорошо известно. А вот о мусульманах, которые могли выполнять воеводские функции, есть только отдельные упоминания. Вполне возможно, русское (православное) население какой-то период ведалось русскими воеводами (осадными головами), а татарское (мусульманское) – неким аналогом русских воевод, назначавшимися из наиболее авторитетных местных служилых татар.

интронизации в г. Касимове касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана в 1600 г., поднимал его на кошке, был родным братом Смолена. Сын Смолена, новокрещен кн. Иван («Смоил»), являлся одним из лидеров мещерских татар в Смуту [2]. Таким образом, род относился к элите касимовских татар. Отдельные представители обширной семьи служили в Посольском приказе, Коллегии иностранных дел и, возможно, в министерстве Иностранных дел переводчиками с XVII по XIX в.⁴⁵ Последний факт также немаловажен для нас. Мы можем утверждать, что в семье существовала устойчивая традиция передачи грамотности, при этом, по-видимому, в широком понимании этого слова. Помимо русского, татарского, турецкого языков, отдельные представители рода заявляли и о некотором знании персидского. Если наши догадки о происхождении Девлет пачи Смоляновой верны, то среди жен Чингизидов, проживавших в Московском государстве в XV–XVI вв., следует искать и других княжон Тонкачевых. Также татарские цари и царевичи могли отдавать за представителей этого рода своих дочерей. Брак Алтаная не мог быть случайным спонтанным решением. У подобных действий должна быть предыстория, углубленная, порой, не на одно столетие. Кстати, Девлет пача приходилась упоминаемому нами переводчику Посольского приказа Сулейману Сагееву (Сорееву) сыну Тонкачеву четырехьюродной теткой.

Если наши предположения верны, то перед нами круг основных информаторов, а также и возможных авторов рассматриваемого нами текста. Нужно отметить, что значительная часть из этих лиц проживала компактно в Ярославском и Ростовском уездах. Они регулярно общались и делились различной информацией. Нельзя не отметить тот факт, что череда крещений, и более чем массовых, также не прошла стороной эту большую семью Шейдяковых. Да и эксперименты по подталкиванию татар к принятию православия начались здесь несколько ранее, нежели в Мещере [9]. Данные факты, безусловно, повлияли на автора продолжения. Нельзя не отметить тот факт, что семейство Алтаная по отдельным позициям кардинально отличалось от иных знатных татарских выходцев. Всем им полагалось поденное питье, выдававшееся в значительных количествах водкой, питьевыми медами и пивом. Царевич единственный отказывался от алкогольных напитков и просил компенсировать их дополнительными денежными дачами в размере стоимости питья. Произошло, однако, это не сразу. Впервые подобная просьба фиксируется в 1640 г. [14, с. 345]. По-видимому, образ жизни и взгляды царевича со временем менялись. Факт отказа от алкоголя может свидетельствовать о том, что к старости он стал более религиозным. Не могло это не влиять и на его окружение⁴⁶.

Нельзя не отметить и образ Касимова (Хан Кермана), возникший под пером продолжателя Утемиш-хаджи. Во-первых, это единственный документ известный на настоящий момент, где говорится о Касимовском (Хан Керманском) ханстве (царстве). Все русские документы говорят о касимовских («на Касимове») царях и царевичах, но не о царстве. Особенно странно видеть это

⁴⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп.1 д.740 Л. 240–251.

⁴⁶ Следует отметить, что отказ от алкоголя мог носить и иную причину. Известно, что у одного из его сыновей, Дост-Мухаммеда (Петр Алексеевич), впоследствии фиксировалась слабость к спиртным напиткам. В 1667 г. его даже насильно отправляли в Савино-Сторожевский монастырь «от пьянства вытрезвить» [14, с. 144–145].

в момент, когда данное образование окончательно превратилось в фикцию. Но Касимов имеет в данном сочинении еще одну важную функцию – куруга – места сосредоточения родового некрополя всех служилых Чингизидов, в том числе и Кучумовичей в России, аналог г. Сарайчука. При этом можно привести определенные параллели между Касимовом и Сибирью. Известно, что на Востоке (в том числе и в Западной Сибири) большое распространение получил культ мусульманских святых. Места их погребения (астана) у тоболо-иртышских татар до настоящего времени являются паломническими центрами. Также известны хранители этих святых мест, «должность» которых передается по наследству. Часто ими являются реальные или мнимые потомки святого или же его спутников. В сознании верующих «смотритель» (астанакараулице) находился по статусу выше муллы, чему он был обязан своей принадлежностью к роду святого подвижника. В Западной Сибири считается, что погребенные в этих местах принесли в данный регион традиции ислама и погибли за веру. В ряде случаев их почитают как Чингизидов или же их родственников [30]. Имеются упоминания, позволяющие предположить бытование подобной практики и в Мещере. Известно, что сеид из рода Шакуловых Якуб б. Сеид-Ахмед б. Тин-Мухаммед б. Ак-Мухаммед якобы повесил некую женщину на текие царя Арслана б. Али, из которой та украла саваны и иные вещи [16, с. 497–498]. Можно предположить, что касимовские Чингизиды (по крайней мере, первые из них) в определенный момент стали рассматриваться местными мусульманами как подвижники веры, принесшие в регион ислам. В культ святых эти представления так и не превратились, однако традиция некоего их почитания все же бытовала. Здесь нужно сказать, что царь Арслан был, скорее всего, женат на внучке сеида Дин-аула-хаджи (Дин-Али хаджи б. Мир-Али хаджа), выходца из Ургенча, являвшегося одним из распространителей ислама в Сибири последней четверти XVI в. В роли смотрителей за могилами Чингизидов выступали представители сеидов Шакуловых, которые приходились родственниками как минимум сибирской династии касимовских Чингизидов. Если наши предположения верны, то было бы интересно установить, когда подобная практика могла попасть в Мещеру – с приходом сибирских Шибанидов или же значительно раньше [8]. Можно привести, как своеобразную иллюстрацию, личный опыт автора этих строк. Когда он впервые самостоятельно пытался найти в Касимове на старом посадском кладбище текие хивинского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда, то местные жители отождествили эту постройку как могилу святого.

Таким образом, погребение Джан Сувара (Хансюера) в Касимове является не только фактом погребения на родовом кладбище. Это еще и иносказательное обретение (возращение) на утерянную Родину, на которую по-иному вернуться уже невозможно – в Сибирское ханство. Старое посадское кладбище, таким образом, могло превратиться в кусочек Сибири, Новую Сибирь.

По нашему мнению, данный текст также свидетельствует и о потере своего единства Кучумовичами, проживавшими в России. Все члены большой семьи не составляли единый монолит еще в Сибири. Об этом говорит, к примеру, тот факт, что жены и дочери Кучума, плененные и вывезенные в Россию в 1598 г., в конечном итоге в 1600 г. разделились на три группы. Одни попросились на житье в Касимов, к царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану, пасынку сибирского хана Кучума, другие – в Бежецкий Верх к племяннику Кучума царе-

вичу Мухаммед-Кулу б. Ахмед-Гирею, а третьи предпочли остаться в Москве⁴⁷. С 1614 по 1624 гг. неким цементирующим фактором в семье являлся внук Кучума, Арслан б. Али. И мы можем говорить об этом не только благодаря его бракам. По праву левирата женами касимовского царя стали вдовы Ураз-Мухаммеда и царевича Азима (Хаджима) б. Кучума, а также мать Ураз-Мухаммеда. Он также ежегодно отправлял к своим родственникам, проживавшим в Ярославле, обоз (до 50 подвод) с продуктовыми запасами. У него находили приют члены дворов умерших в России родственников, а также многочисленные его свойственники, братья и племянники сибирских цариц, жен Кучума [7, с. 14–26; 11]. Со смертью Арслана эта связь оказалось сильно подорвана. Во многом это оказалось связано с женой Арслана и матерью его сына Сеид-Бурхана, царицей Фатимой Шакуловой, и ее родственниками, в чьих руках на долгие годы оказалась вся власть. Однако окончательное размежевание, по видимому, произошло во второй половине XVII в. Как некую иллюстрацию можем привести такой пример. Некрополь Касимовских царевичей находился в московском Златоустовском монастыре [14, с. 161], а Сибирских – в Ново-спасском. При этом в последнем оказались только погребения прямых членов семьи царевича Алексея Алексеевича. Погребения его родного брата, Петра Алексеевича, там не фиксируются⁴⁸. А один из касимовских царевичей, Яков, вообще, по непонятным причинам, оказался погребен в Касимове, где почитается как местночтимый святой. Семья всячески пыталась забыть о нем. Однако все же мы можем привести и обратный пример. В 1685/86 г. в Тобольске у некоего «торгового бухаренина» объявилась дочь калмыцкого Акинъ тайши Долаева сына, приходившаяся княжне Гордее Васильевне (дочь царевича Василия (Аблая) б. Ишима б. Кучума) племянницей. По челобитной княжны эту калмычку следовало разыскать, и, если она действительно оказалась бы дочерью Акинъ тайши, отдать ей [23, с. 164]. Как мы видим, проходившие процессы нельзя назвать простыми. И для того чтобы расставить все точки в этой истории, нам остается надеяться на возможные новые архивные находки.

Таким образом, по нашему мнению, текст дополнения мог быть создан в окружении вдов царевича Алтаная в Ярославле в период с 1660-х по начало 1680-х гг. Вряд ли это могло произойти позднее. Сохранять память было некому. Родовые предания очень быстро мифологизировались и забывались. Сохранять их было некому. В.В. Трепавлов наглядно показал это на примере Касимова [33]. В условиях же перехода в православие данные знания становились неактуальны. Как некую иллюстрацию мы можем привести историю с внуком царевича Алтаная князем Василием Алексеевичем Сибирским. Находясь в ссылке по делу царевича Алексея Петровича (сына Петра I) в Архангельске, он однажды заявил, что это он царь Сибирский, «он правнук Кучума, сибирского царя, что дед и отец его были тоже сибирскими царями» [17]. Князь правильно назвал себя правнуком Кучума. Однако ни его дед Алтанай, ни тем более отец (Иш-Мухаммед, Алексей Алексеевич) никогда не обладали царским титулом.

Полученная нами информация позволяет нам сделать еще одно важное наблюдение. Мы уже отмечали, что Касимов в рассматриваемое время являлся значительным культурным и, по-видимому, образовательным центром

⁴⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1600 г. Д. 1.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 284. Ч. 2. Тетрадь 5. Л. 11.

мусульман в России [14, с. 129–133]. Но, похоже, в Ярославле, как минимум с конца XVI в. (времени поселения в городе знатных татарских выходцев) так же формируется свой культурный цент. Понятно, что они не существовали изолированно. Слишком много различных нитей объединяло их. Конечно же, мусульманские рукописи курсировали между ними. Их могли копировать. Поэтому мы вправе утверждать, что сочинение Утемиш-хаджи также было известно в Касимове. В 60-е гг. XX в. казанские исследователи неоднократно посещали город в рамках археографических экспедиций. Тогда М.А. Усмановым были выявлены и приобретены у касимовских татар сотни татарских, турецких, крымско-татарских, староузбецких и арабо-персидских рукописей-списков XV–XVII вв. [39, с. 54–55]. Некоторые из них были привезены в Касимов в готовом виде, другие переписывались в самом городе или его окрестностях. К глубокому сожалению, данная коллекция не подвергалась до настоящего времени всестороннему источниковедческому анализу. Подобные исследования, возможно, могли бы приоткрыть нам некоторые тайны письменной культуры Касимова эпохи «царства», да и всех мусульман Московского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т. II. 482 с.
2. Акчурина М.М., Ишеев М.Р., Беляков А.В., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р. Касимовские татары из рода Кыпчак // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, №2. С. 312–341.
3. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М.: Тип. И. Селивановского, 1853. 498 с.
4. Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М.: Древлехранилище, 2005. 464 с.
5. Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 г.). М.: Русские витязи, 2015. 400 с.
6. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. Т. I. 316 с.
7. Беляков А.В. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 8–30.
8. Беляков А.В. Исинея Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №6. Ч. 3. С. 82–87.
9. Беляков А.В. Крещение мусульман и проблема их интеграции в России XVI–XVII вв. // Национальная политика России в контексте современных вызовов: идеи, практики, перспективы. Сборник трудов по итогам работы научно-исследовательских секций «Конгресса народов России – 2015». Нижний Новгород: Издательство государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 56–74.
10. Беляков А.В. Кучумовичи в России XVII в. Три поколения одной семьи // История народов России в исследованиях и документах. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 62–89.
11. Беляков А.В. Сибирские выходцы в России в начале XVII в. Новые находки // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конфе-

ренции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 84–86.

12. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.

13. *Беляков А.В.* Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения: 2004. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 21–35.

14. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII в.: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.

15. *Беляков А.В., Енгальцева Г.А.* Крымские выходцы в Касимове – сеиды Шакуловы и их архив // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 46–53.

16. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. Ч. 3. 521 с.

17. Г.Б. Сибирский царевич Василий Алексеевич в Архангельской ссылке (1718–1727 гг.). (Из архивных дел дальнего севера) // Русская старина. 1905. Т. 122. № 5. С. 404–411.

18. *Иероним (Алякринский И.С.).* Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. Рязань: Типо-лит. Н.Д. Малашкина, 1889. 129 с.

19. *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М.: РОССПЭН, 2000. 223 с.

20. *Маслюженко Д.Н.* Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 117–134.

21. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. II. 796 с.

22. *Миргалеев И.М.* Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири.: материалы II Всероссийской научной конференции. Курган, 2017. С. 64–66.

23. *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М. Университетская тип. Страстной бульвар, 1900. Ч. 3. 393 с.

24. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1908. Кн. 15. 535, 156 с.

25. Опись Архива Посольского приказа, 1673 г. М., 1990. 526 с.

26. Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. 556 с.

27. Подвиг Нижегородского ополчения. Н.Новгород: Книга, 2011. Т. I. 624 с.

28. Разрядная книга 1598–1638 гг. М.: Институт истории СССР АН, 1974. 398 с.

29. *Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым в 1626–1628 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Таврическая Губернская Тип., 1906. Т. XXXIX. С. 1–105.

30. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Издательский дом Марджани, 2009. 216 с.

31. *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М.: Синодальная типография, 1912. 438 с.

32. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.

33. *Трепавлов В.В.* «Остатки царей подвластных»: Историческая память татар XIX в. о Касимовском царстве // История народов России в исследованиях и документах. М.: Институр российской истории РАН, 2014. Вып. 6. С. 283–299.

34. *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.
35. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
36. *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.
37. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
38. Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии. Каталог выставки. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 64 с.
39. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Казанский государственный университет, 1972. 220 с.
40. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
41. *Филиппов Д.Ю.* Усадьба касимовского ханского дворца: судьба после царства // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова. Рязань: РИКО, 2016. С. 251–263.
42. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Императорская Академия Наук, 1774. 631 с.
43. *Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Благовест, 1999. 216 с.

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: feb@ru.ru

*Поступила 01.03.2018 Принята к публикации 04.06.2018
Опубликована 29.06.2018*

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Acts of history, collected and published by the Archaeographic Commission.]. St. Petersburg, Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1841. Vol. II. 482 p. (In Russian)
2. Akchurin M.M., Isheev M.R., Belyakov A.V., Abdurakhmanov T.A., Salikhov R.R. Kasimovskie tatory iz roda Kypchak [Kasimov Tatars of the Kypchak Tribe]. *Zoloto-ordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 312–341 (In Russian)
3. *Alfavitnyy ukazatel' familiy i lits, upominaemykh v Boyarskikh knigakh* [Alphabetical index of names and persons mentioned in Boyar books]. Moscow, Tip. I. Selivanovskogo, 1853. 498 p. (In Russian)
4. Ankhimiyuk Yu.V. *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov* [Private books of official instructions with records for the last quarter of the 15th – the beginning of the 17th century]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2005. 464 p. (In Russian)

5. Babulin I.B. *Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 g.)* [The struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow, Russkie vityazi, 2015. 400 p. (In Russian)
6. Belousov M.R. *Boyarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskiy istochnik* [Boyar lists of 1645–1667 as a historical source]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. Vol. I. 316 p. (In Russian)
7. Belyakov A.V. Araslan Aleevich – posledniy tsar' kasimovskiy [Araslan Aleyevich – the last tsar of Kasimov]. *Ryazanskaya starina* [Ryazan Antiquities]. 2004–2005. Ryazan, Kray, 2006, is. 2–3, pp. 8–30. (In Russian)
8. Belyakov A.V. Isiney Karamyshev syn Musaitov. Neizvestnyy geroy Smutnogo vremeni [Isinei Karamyshev, son of the Musaites. An unknown hero of the Time of Troubles]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University]. 2012, no. 6, part 3, pp. 82–87. (In Russian)
9. Belyakov A.V. Kreshchenie musul'man i problema ikh integratsii v Rossii XVI–XVII vv. [The baptism of Muslims and the problem of their integration in Russia in the 16th–17th centuries] *Natsional'naya politika Rossii v kontekste sovremennykh vyzovov: idei, praktiki, perspektivy. Sbornik trudov po itogam raboty nauchno-issledovatel'skikh sektsiy "Kongressa narodov Rossii – 2015"* [National policy of Russia in the context of modern challenges: ideas, practices, perspectives. Proceedings of the research sections of the “Congress of the Peoples of Russia – 2015”]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2015, pp. 56–74. (In Russian)
10. Belyakov A.V. Kuchumovichi v Rossii XVII v. Tri pokaleniya odnoy sem'i [The Kuchumovichi in Russia in the 17th century. Three generations of one family]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the peoples of Russia in research and documents]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, 2016, pp. 62–89. (In Russian)
11. Belyakov A.V. Sibirskie vykhodtsy v Rossii v nachale XVII v. Novye nakhodki [Siberian natives in Russia in the beginning of the 17th century. New findings]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: materialy III Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii (Kurgan, 21–22 aprelya 2017 g.)* [History, economics and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: Proceedings of the III All-Russian (with international participation) scientific conference (Kurgan, April 21–22, 2017)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2017, pp. 84–86. (In Russian)
12. Belyakov A.V. *Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg.* [Employees of the Posolsky Order in 1645–1682]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017. 368 p. (In Russian)
13. Belyakov A.V. Uchastie sibirskogo tsarevicha Altanaya ibn Kuchuma v sobyitiyakh Smutnogo vremeni i ego sud'ba [Participation of the Siberian prince Altan ibn Kuchum in the events of the Time of Troubles and his fate]. *Mininskie chteniya: 2004* [The Minin readings: 2004]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NNGU, 2005, pp. 21–35. (In Russian)
14. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII v.: prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia in the 15th–17th centuries: a prosopographic study]. Ryazan, Ryazan. Mir, 2011. 512 p. (In Russian)
15. Belyakov A.V., Engalycheva G.A. Krymskie vykhodtsy v Kasimove – seidy Shaku-lovy i ikh arkhiv [Crimean natives in Kasimov – The Shakulovs' Sayyids and their archive]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2015. vol. 7, pp. 46–53. (In Russian)
16. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study of the Kasimov's tsars and princes]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1866. Part 3. 521 p. (In Russian)

17. G.B. Sibirskiy tsarevich Vasiliy Alekseevich v Arkhangel'skoy ssylke (1718–1727 gg.). (Iz arkhivnykh del dal'nego severa) [Siberian prince Vasily Alekseevich in the Archangelsk exile (1718–1727) (from archives of the Far North)]. *Russkaya starina* [Russian Antiquities]. 1905, vol. 122, no. 5, pp. 404–411. (In Russian)

18. Ieronim (Alyakrinskiy I.S.). *Ryazanskie dostopamyatnosti, sobrannye arkhimandritom Ieronimom s primechaniyami I. Dobrolyubova* [Ryazan memoria collected by Archimandrite Jerome with notes by I. Dobrolyubov.]. Ryazan', Tipol.-lit. N.D. Malashkina, 1889. 129 p. (In Russian)

19. Markhotskiy N. *Istoriya Moskovskoy voyny* [History of the Moscow war]. Moscow, ROSSPEN, 2000. 223 p. (In Russian)

20. Maslyuzhenko D.N. Soobshchenie prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi kak istochnik po istorii Sibirskikh Shibanidov [The account of the continuator of Ötemish Hajji's "Chingiz-name" as a source on the history of the Siberian Shibanids]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, no. 4, pp. 117–134. (In Russian)

21. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000. Vol. II. 796 p. (In Russian)

22. Mirgaleev I.M. Soobshchenie prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi o pozdnykh Shibanidakh [The account of the continuator of Ötemish Hajji's "Chingiz-name" about the later Shibanids]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, economics and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: proceedings of the II All-Russian Scientific Conference]. Kurgan, 2017, pp. 64–66. (In Russian)

23. Ogloblin N.N. *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)* [Review of columns and books of the Siberian Order (1592–1768)]. Moscow, Universitetskaya tip. Strastnoy bul'var, 1900. Ch. 3. 393 p. (In Russian)

24. *Opisanie dokumentov i bumag, khraryashchikhsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii* [Description of documents and papers kept in the Moscow archive of the Ministry of Justice.]. Moscow, Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta, 1908. Book 15. 535, 156 p. (In Russian)

25. *Opis' Arkhiva Posol'skogo prikaza 1673 g.* [Inventory of the Archives of the Posolsky Order, 1673]. Moscow, 1990. 526 p. (In Russian)

26. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* [Monuments of the history of the Russian service estate]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2011. 556 p. (In Russian)

27. *Podvig Nizhegorodskogo opolcheniya* [The Feat of the Nizhny Novgorod militia]. Nizhny Novgorod, Kniga, 2011. Vol. I. 624 p. (In Russian)

28. *Razryadnaya kniga 1598–1638 gg.* [Books of official instructions of 1598–1638]. Moscow, Institut istorii SSSR AN, 1974. 398 p. (In Russian)

29. Savelov L.M. Iz istorii snosheniy Moskvy s Krymom pri tsare Mikhaile Fedoroviche. Posol'stvo S.I. Tarbeeva v Krym v 1626–1628 gg. [From the history of relations between Moscow and Crimea under Tsar Mikhail Fedorovich. The Embassy of S.I. Tarbeev in the Crimea in 1626–1628]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride scientific archival commission]. Simferopol', Tavricheskaya Gubernskaya Tip., 1906, vol. XXXIX, pp. 1–105. (In Russian)

30. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of saints in Siberian Islam: the specificity of the universal]. Moscow, Izdatel'skiy dom Mardzhani, 2009. 216 p. (In Russian)

31. Sukhotin L.M. *Chetvertchiki Smutnogo vremeni (1604–1617 gg.)* [Quaternaries of the Time of Troubles (1604–1617)]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 1912. 438 p.

32. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherki istorii* [The Great Horde – Taht El. Essays on history]. Tula, Grif i K, 2010. 112 p. (In Russian)

33. Trepavlov V.V. «Ostatki tsarey podvlastnykh»: Istoricheskaya pamyat' tatar XIX v. o Kasimovskom tsarstve carstve [“Remains of the subordinates tsars”: Historical

memory of the Tatars of the 19th century about the Kasimov tsardom]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the peoples of Russia in researches and documents]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, 2014, is. 6, pp. 283–299. (In Russian)

34. Trepavlov V.V., Belyakov A.V. *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [Siberian princes in the history of Russia.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2018. 496 p.

35. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Kazan, Izdatel'skiy dom "Kazanskaya nedvizhimost", 2016. 764 p. (In Russian)

36. Trepavlov V.V. Rossiyskie knyazheskie rody nogayskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) [Russian princely families of the Nogai origin (genealogical sources and early history)]. *Tyurkologicheskiy sbornik: 2002: Rossiya i tyurkskiy mir* [Studia Turkologica. 2002: Russia and the Turkic World]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003, pp. 320–353. (In Russian)

37. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [Siberian yurt after Yermak: Kuchum and the Kuchumovichi in the fight for revenge]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2012. 231 p. (In Russian)

38. *Turki, Mavry, Tatory – musul'mane v Prussii i Germanii. Katalog vystavki* [Turks, Moors, Tatars – Muslims in Prussia and Germany. Exhibition Catalog]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 64 p. (In Russian)

39. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar historical sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 1972. 220 p. (In Russian)

40. Ötemish Hajji. *Kara tavarikh* [Qara Tavarikh]. Transkriptsiya I.M. Mirgaleeva, E.G. Sayfedinovoy, Z.T. Khafizova; perevod na russkiy yazyk I.M. Mirgaleeva, E.G. Sayfedinovoy; obshch. i nauch. red. I.M. Mirgaleeva. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

41. Filippov D.Yu. Usad'ba kasimovskogo khanskogo dvortsa: sud'ba posle tsarstva [Manor of the Kasimov Khan's Palace: the fate after the kingdom]. *Drevnosti Pooch'ya. Sbornik nauchnykh rabot k 60-letiyu V.V. Sudakova* [Antiquities of the Oka region. Collection of scientific works for the 60th anniversary of V.V. Sudakov]. Ryazan', RIKO, 2016, pp. 251–263. (In Russian)

42. Fisher I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem* [Siberian history from the very discovery of Siberia until the conquest of this land by Russian arms]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1774. 631 p. (In Russian)

43. Shishkin N.I. *Istoriya goroda Kasimova s drevneyshikh vremen* [History of the city of Kasimov since ancient times]. Ryazan, Blagovest, 1999. 216 p. (In Russian)

About the author: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Researcher Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: feb@ru.ru

*Received March 1, 2018 Accepted for publication June 6, 2018
Published June 29, 2018*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.393-408

**«РАХ MONGOLICA И ЕВРАЗИЙСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ
XIII–XIV ВЕКОВ» В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ*****Е.И. Нарожный****НАО «Наследие Кубани»
Краснодар, Российская Федерация
zai_ein@mail.ru*

Предлагаемый обзор очередного выпуска журнала «Stratum plus» (2016, №6) касается подборки статей ученых России, Украины и Молдовы, посвященных проблеме определения последствий монголо-татарской завоевательной кампании XIII в. Исследователи предлагают свои точки зрения относительно тех изменений, которые происходят на евразийском континенте после окончания военной кампании и образования Золотой Орды. Используя данные письменных источников, археологических исследований, нумизматики и других источников, исследователи демонстрируют объективную оценку произошедших в Европе изменений, некоторые из которых не всегда созвучны традиционным оценкам. Воспринимая позитивно данный коллективный вклад в развитие современных представлений о рассматриваемых событиях, полагаем, что и этот выпуск журнала – добротный, важный и весьма полезный опыт реализации исследовательской мысли.

Ключевые слова: монголо-татары, монгольские завоевания, Золотая Орда, материальная культура Золотой Орды, золотоордынская нумизматика и архитектура, последствия вторжений

Для цитирования: Нарожный Е.И. «Рах Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 393–408. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.393-408

**PAX MONGOLICA AND EURASIAN TURMOIL
OF THE 13TH AND 14TH CENTURIES IN THE ASSESSMENTS
OF CONTEMPORARY DOMESTIC AND FOREIGN RESEARCHERS**

E.I. Narozhnyi

*Non-public Joint-stock company "Nasledie Kubani"
Krasnodar, Russian Federation
zai_ein@mail.ru*

Abstract: The proposed review of the next issue of the journal *Stratum plus* (2016, no. 6) concerns a compilation of articles by scholars from Russia, Ukraine and Moldova on the problem of determining the consequences of the Mongol-Tatar conquest of the thirteenth century. Researchers offer their views on the changes that occurred in the Eurasian continent after the end of the major military campaign and the formation of the Golden Horde. Using data from written sources, archaeological research, numismatics and other sources, the researchers offer an objective assessment of the changes that took place in Europe, some of which do not always correspond to traditional estimations. The author positively assesses this collective contribution to the development of modern ideas about the events under consideration and believes that this issue of the journal reflects a sound, important and very useful exercise of research efforts.

Keywords: Mongol-Tatars, Mongol conquests, Golden Horde, material culture of the Golden Horde, Golden Horde numismatics and architecture, consequences of invasions

For citation: Narozhnyi E.I. *Pax Mongolica* and Eurasian Turmoil of the 13th and 14th centuries in the Assessments of Contemporary Domestic and Foreign Researchers. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 393–408. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.393-408

Продолжая обсуждение проблемы характеристики всех последствий монголо-татарского вторжения XIII века, чему был посвящен предыдущий номер (2016, №5) [30] журнала «Stratum plus» [18], заведомо установивший довольно высокую планку такого обсуждения [31], очередной номер этого же журнала (2016, №6) оказался не менее содержательным и интересным не только по охвату рассматриваемых аспектов проблемы, но и тематическим разнообразием, ориентируя всех участников на обсуждение проблемы, условно сформулированной как: «Pax Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков». Краткий обзор опубликованных в шестом номере этого журнала статей и публикаций, как представляется, может дать не только самые общие представления о самих специалистах в спектре их наиболее актуальных сегодня научных интересов, но и демонстрирующих всю мозаичность ныне существующих взглядов подходов к рассматриваемым вопросам.

Шестой номер журнала «Stratum plus», как и его предыдущий выпуск, был разделен на несколько разделов, разных как по количеству включенных в них статей, так и по своему объему. Первый такой раздел объединил статьи по «историко-археологическим реконструкциям». Открывает его коллективная работа Н.Н. Крадина (*Владивосток, Россия*), А.В. Харинского (*Иркутск, Россия*), С.Е. Бакшеевой (*Владивосток, Россия*), Е.В. Ковычева (*Чита, Рос-*

сия) и С.Д. Прокопца (*Владивосток, Россия*): «Археология империи Чингисхана в Монголии и Забайкалье» [31, с. 17–44]. Авторы статьи не только обобщают соответствующие археологические материалы, рассматривают специфику погребальных обрядов ранних монголов и их развитие в динамике на протяжении всего «имперского периода». В научный оборот ими вводятся и некоторые из самых новейших результатов археологических исследований Каракорума и из раскопок на территориях других ранних городов монгольской империи. М.В. Квитницкий (*Киев, Украина*) свою работу посвятил размышлениям о «Потрясениях в духовной культуре половцев Восточной Европы XIII–XIV вв. (по данным археологии)» [31, с. 45–68]. Автор статьи справедливо связывает с итогами окончания завоевательной кампании Чингизидов множество принципиально новых изменений, произошедших внутри половецких сообществ, хотя на различных территориях степень таких потрясений, наверное, проявлялась по-разному. Признавая, фактически, начало отказа половцев от своих многовековых традиционных религиозных верований, которых они, как и их предки, придерживались еще с «домонгольского» времени, М.В. Квитницкий указывает еще на одно подобное изменение – христианизацию половцев, причем, преимущественно «по западному обряду». Вместе с тем, вопрос о христианизации половцев является не таким уж и однозначным [11, с. 41–65], которая была сопряжена совсем с другими политическими обстоятельствами. Например, письменные источники неоднократно свидетельствовали о случаях насильственной христианизации половцев, произошедшей после их поражения от отрядов Ласло I, еще в «домонгольское» время [11, с. 59]. Христианизация половцев была и одним из условий при их переселении на территорию Венгрии, с чем половцы были вынуждены соглашаться [11, с. 59–60]. С другой стороны, некоторая часть половцев по-прежнему продолжала сохранять свои традиционные верования и в золотоордынское время, несмотря на точки зрения по этому вопросу [16, с. 245–274 и ср.: 5, с. 263–282; 6, с. 40–71]. Какая-то группа половцев, как предполагают, в золотоордынское время прибегает к практике только «прекращения изготовления скульптур» [6, с. 40–71]; другие считают реальной практикой сознательного и преднамеренного «сокрытия» еще недавно почитавшихся статуй и святилищ, что ныне фиксируется не только на отдельных территориях Дона и Северного Кавказа [16, с. 245–274], но и у кипчаков Южного Предуралья [9, с. 21; 8, с. 144, с. 239, рис. 22, 1–4]. Здесь их связывают с неизбежностью *тайного* совершения ранее существовавшего обряда [1, с. 215]. «Сокрытые» изваяния или святилища кипчаков известны и на территории современного Казахстана [29, с. 98–99]. Несмотря на существование полярных оценок интересующих нас явлений, достаточно реальным представляется то, что в XIV веке в среде половцев, не только родившихся, но и уже выросших в условиях и реалиях политико-экономического диктата Золотой Орды, т.е., в условиях «монгольской глобализации» [12, с. 17–26], вероятно, трансформировавшей не только социально-экономические сферы жизнедеятельности, подобные изменения становятся просто неизбежными. На мой взгляд, ускорены они были и процессом массовой исламизации населения Золотой Орды, в т.ч. и кочевников, успехи которой обуславливались различными факторами. А уже под ее воздействующим влиянием некоторая часть половцев оказалась в условиях необходимости совершенно сознательного отказа от тех самых, мно-

говековых и традиционных обрядов и связанных с ними культов, среди которых была и традиция изготовления, установки на территории святилищ статуй и их почитания. Именно эта часть половцев прибегала и к новому, рожденному этой эпохой ритуалу, рабочее название которому мы определили как «обряд захоронения статуй», как основных символов прежних культов и обрядов [16, с. 245–274]. Но здесь следует учитывать тот факт, что в непосредственной близости от некоторых «скрытых» («захороненных») святилищ и статуй вплоть до недавнего времени продолжало оставаться, что называется, в «свободном доступе» некоторое количество статуй, документально зафиксированных в конце XIX – начале XX вв., позволяя считать, что определенная часть половцев по-прежнему придерживалась традиционных верований и ритуалов. Судя по письменным свидетельствам (Арабшах), некоторые половцы поклонялись статуям и в начале XV в.

М.В. Квитницкий в качестве одного из примеров своих предположений указывает и на одну из северокавказских статуй – статую из окрестностей совр. ст. Отрадной в Краснодарском крае. Изваяние, известное только по фотографиям, имеет нанесенные («лоб» и плечи) изображения крестов, предположительно было соотнесено с памятниками «половецкой скульптуры» [13, с. 33–34; 14, с. 132–136], хотя большинство современных авторов сопоставляют изваяние с типом «древнетюркских», ставя изваяние в один ряд с другими статуями «христианских рыцарей», как их нередко называли в дореволюционной историографии. На Северном Кавказе были известны и другие варианты средневековых каменных изваяний, «осененных» крестом [13, с. 44–45; 14, с. 132–136; 15, с. 132–136; 19, с. 17–39; 22, с. 283–301; и др.], но также не связанных своим генезисом с типом статуй «древнетюркского» генезиса. Таким образом, северокавказские изваяния вряд ли могут восприниматься надежным подтверждением предположений М.В. Квитницкого о христианизации половцев, а являются отражением тех процессов, которые происходили в регионе еще в раннем средневековье, когда процесс христианизации уже в VIII–IX вв., а не только в X в., как это считалось раньше, вовлек и некоторую часть тюрок [19, с. 17–39; 20, с. 1–17].

В.Л. Мыц (*Санкт-Петербург, Россия*) свою статью посвятил истории: «Завоевания поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века» [31, с. 69–106]. Отталкиваясь от наблюдений своих предшественников, различно и нередко противоречиво определявших причины и дату гибели поздневизантийских бытовых памятников Таврики, исследователь предлагает иное толкование указанных обстоятельств, относя их к периоду, не позднее 1270-х годов, находя тому подтверждение и в приписке на полях «Сугдейского синаксаря», свидетельствующей о драматических событиях мая 1278 г. Эту дату исследователь и предлагает считать определяющей в давнем споре между учеными.

К.А. Руденко (*Казань, Россия*) предлагает свой очерк об истории: «Булгарского улуса Золотой Орды во второй половине XIII – начале XV века: историко-археологический очерк» [31, с. 107–150]. Рассматривая динамику становления и развития этой части Золотой Орды, исследователь предлагает реконструкцию системы его внутреннего, «административного» устройства улуса, как и всей, прилегающей, кочевой периферии. В статье много нового

археологического, хорошо иллюстрированного материала, хорошо «разложенного» по видовому разнообразию и функциональной его предназначенности. А это дает веские основания и для суждения об основных занятиях жителей этого улуса, его культуры и т.п. Л.Ф. Недашковский (*Казань, Россия*) делится результатами своих исследований: «Интенсивности экономического развития Нижнего Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам округа крупнейших городов)» [31, с. 151–164]. Базируясь, в основном, на анализе нумизматического материала из округа нескольких, наиболее крупных городищ золотоордынского Поволжья, автор статьи предлагает характеристики основных занятий населения на этих объектах, касается общих вопросов денежного обращения на них, пытаясь вычлениить и локальные особенности такого обращения, динамику экономического развития и пр.

Второй раздел журнала – «Узлы ордынской истории» – начинается работой Н.Д. Руссева (*Кишинёв, Молдова*): «Карпато-Дунайские земли в эпоху Джучидов: некоторые соображения и неисчислимые «пути взоров» [31, с. 165–182]. Исследователь рассматривает разные этапы в развитии региона, находившегося в составе Золотой Орды, подчеркивая сначала роль баскаков, а затем особенности периода активности Ногая и Узбека-хана. Автор статьи стремится определить основные (специфичные) характеристики для каждого из таких этапов. При этом вполне справедливо указывается и на необходимость дальнейшего и более углубленного анализа каждого из названных этапов, что позволит еще глубже понять всю специфику интересующих исторических последствий эпохи.

Я.В. Пилипчук (*Киев, Украина*) предлагает обзор «Войны Улуса Джучи 50–70-х гг. XIII в. (европейское направление)» [31, с. 183–194], вынося на суд читателей свои выводы о причинах, ходе и некоторых последствиях вторжения монголо-татар «на Балканы и в Центральную Европу». Презентуя рассматриваемую им проблему, автор относит ее к разряду «малоисследованных» и в своем кратком историографическом обзоре он указывает лишь на несколько статей – работы Н.В. Щавелевой (1978 г.), А.Б. Головки (2004 г.), И. Вашари (2005 г.), И.Л. Измайлова (2009 г.), А.А. Порсина (2010 г.). Однако справедливости ради стоит отметить, что полезными для автора могли бы стать и несколько хронологически и, отчасти, тематически близких работ, неиспользованных им. Это не только исследования европейских историков, прямо или косвенно касавшихся разных аспектов вторжения монголо-татар в Европу, его хронологии и географии, а также наиболее знаменательных эпизодов противостояния, среди которых центральное место занимала битва при Легнице, а также и события несколько более позднего времени. Обзор значительной части таковых работ в свое время был предпринят В.Т. Пашуто в его статье «Поход вглубь Европы», вместе со вступительным словом акад. Л.С. Тихвинского, также затронувшего данную проблему, вошедших в сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе», выдержавшего два издания [28, с. 3–23, с. 210–238]. Наряду с ними, соответствующие разделы европейской истории были хорошо представлены и на страницах «Историй ...» различных европейских стран («История Польши», «История Венгрии» и т.д.), издававшихся в советское время, фактологическая подборка в которых не потеряла своей актуальности и сегодня. Да и в последнее время, помимо работ, на которые сослался Я.В. Пилипчук, существует немало и других, среди

которых несколько статей и публикаций в материалах Третьего международного «Colloquia Russica», (Краков, 2013 г.), работа которого освещалась и в украиноязычных журналах [2, с. 225–231]. В материалах коллоквиума отмечу статьи А. Mtsiarkina (Братислава) [32, с. 38–43], М. Волощука (г. Ивано-Франковск) [32, с. 62–69] и др. Укажем и на работы других авторов – С.Б. Жарко [7, с. 27–31], А.Ш. Кадырбаева [10, с. 76–98], Ж.М. Сабитова [25, с. 55–73; 26, с. 180–183] и др. авторов, чьи работы вызывают определенный интерес, хотя и касаются событий несколько предшествующего периода времени (1240-е гг.).

Довольно интересной является и статья А.В. Майорова (*Санкт-Петербург, Россия*). Рассматривая проблему «Даниил Галицкий в пути к хану Батю: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду» [31, с. 195–202], ее автор обращается к весьма важному ее аспекту – определению затрат времени русскими князьями, весьма часто ездившими в Орду. Проблема, сама по себе не нова, что отмечает и А.В. Майоров. К тому же, на ее основе некоторые исследователи делают и довольно далеко идущие исторические выводы, что, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует небольшая цитата из автореферата докт. дис. Ю.В. Селезнева, незадолго до отмеченной статьи А.В. Майорова по этому поводу отметившего следующее. «Вопросы пребывания в ставке хана русских князей как отдельная проблема не рассматривались», – пишет он. «Показательным и определяющим здесь оказывается мнение А.Н. Насонова, который обратил особое внимание на стиль управления княжеством московского князя Ивана Даниловича», далее цитирует А.Н. Насонова. А цитата эта сводится к мысли о том, что великокняжеская деятельность Калиты проходила частью в пути в Орду или из Орды, частью в самой Орде, куда он ездил в 1331–1332, 1333–1334, 1336, 1338 (?), 1339 гг. Поскольку на поездку в Орду (туда – Волгой, вниз по течению, а обратно – сухим путем) тратили, как можно заключить из слов летописи, минимально 6 месяцев, «следовательно, Калита половину, вернее – большую часть своего княжения (на великокняжеском столе) провел в Орде или на пути в Орду и из Орды» Вслед за А.Н. Насоновым подобные наблюдения приводит и Д. Островски, отметивший: «На протяжении семи лет с 1332 по 1339 гг. летописи сообщают, что Иван Калита совершил пять поездок в Сарай..., великий князь Семен ездил в Сарай по меньшей мере пять раз между 1340 и 1350 гг. Под 1340 и 1354 гг., летописи сообщают», что «все князи Руссии были тогда во Орде» [23, с. 146; 27, с. 5–6]. В итоге Ю.В. Селезнев полагает: «Исходя из вышеприведенных суждений, мы можем сделать закономерный вывод: определение количества времени, проведенного вне своего княжества, точнее, по пути в ставку хана и при дворе ордынского правителя, может дать репрезентативную информацию о степени вовлеченности русских князей в функционирование политических институтов Орды, их места в составе элиты Джучиева Улуса, стиле управления своими владениями в условиях иноземного владычества» [27, с. 6].

А.В. Майоров, учитывая работы и других авторов, также разделяющих мнение о столь затяжных по времени поездках русских князей, подошел к интересующим нас аспектам проблемы по-другому. Опираясь на давно и хорошо всем известные свидетельства П. Карпини и Г. Рубрука об их поездках в Каракорум, исследователь считает: поездка в Орду могла занимать по

времени около одного месяца, что было обусловлено как достаточно хорошим обустройством налаженных монголами и считающихся одними из лучших коммуникаций эпохи. Хотя и при таком подходе важно учитывать то, что даже одни и те же отрезки одного маршрута, все же, могли преодолеваться с разной скоростью, зависевшей в т.ч. и от способа перемещений в пространстве – пешком, верхом на лошади или на повозке, в составе посольств, или же в торговом обозе и т.п.

С.П. Карпов (*Москва, Россия*), рассматривая проблему «Тана – колыбель Кризиса середины XIV века» [31, с. 203–212], посвящает ее определению основных причин кризиса, имевшего место в отношениях между Золотой Ордой и итальянскими торговыми факториями (Тана и Кафа) в Азово-Причерноморском регионе 1340-х гг. Исследователь сравнивает данные архивных источников Венеции в сопоставлении с данными других нарративных источников итальянских республик того времени. Оценивая степень потерь итальянского купечества, понесенных ими в результате инцидента в Танае 1343 г., повлекшего за собой войну итальянских морских республик с Золотой Ордой, С.П. Карпов считает, что кризис оказался ощутимым для обеих сторон. Однако и последовавшее затем «замирение с Ордой не отвратило последующего вскоре, в 1350–1355 гг. столкновения Венеции с Генуей, в которое была вовлечена и Византия. Но это, – как завершает свою работу С.П. Карпов, – совсем другая история набравшего силу кризиса».

Б.Р. Рахимзянов (*Казань, Россия*) анализирует систему «Политических наследников Улуса Джучи в свете выезда татарской элиты в Москву (конец XV – первая треть XVI вв.)» [31, с. 213–228]. Поставив перед собой задачу анализа системы отношений Москвы с Большой Ордой, а затем и Крымским ханством, одним из итоговых выводов автор считает возможность такие отношения рассматривать только как «подчинение завоевателю покоренного», что заведомо предопределяло «неравенство сторон» в таких отношениях.

А.В. Беляков (*Рязань, Россия*), Д.Н. Маслюженко (*Курган, Россия*) свою работу посвятили исследованию содержания и характера «Сибирско-бухарско-ногайских отношений в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом» на отрезке времени с 1595 по 1596 гг. [31, с. 229–246]. Анализируя содержание грамот двух ханов из династии Шибанидов – бухарского Абдаллаха и сибирского Кучума – историки полагают возможным уже сейчас несколько иначе смотреть на историю Сибирского ханства последних лет правления Кучума. Одновременно, авторы вполне справедливо указывают и на перспективную необходимость дальнейшего изучения и публикации документальных источников этого времени, хранящихся в архивах страны. Такой подход вполне оправдан и откроет немало новых возможностей в дальнейшем и углубленном исследовании интересующей их научной проблемы.

Третий раздел «Ордынские завоевания в зеркале нумизматики» открывает совместная статья Е.И. Нарожного (*Армавир, Россия*), А.А. Цуциева (*Владикавказ, Россия*) «Северный Кавказ в период с 1222 г. по конец 1230-х годов (по грузинским монетным находкам)» [31, с. 247–268]. Собрав сведения о находках монет грузинской царицы Русудан на Северном Кавказе, в т.ч. и их перечеканки, предпринятые хорезмшахом Джалад-ад-Дином сразу же после захвата им грузинской казны, доставшейся ему после взятия столицы грузинского цар-

ства – г. Тбилиси, – авторы разделяют такие находки единичных монет и нескольких их кладов, на три условные группы. Первая из них – несколько находок из Дербента и его округа, вместе с такими же эпизодическими нумизматическими материалами с территории совр. Чечни, впрочем, как и ныне известные находки поливной керамики «закавказского» происхождения («XII–XIII вв.») [17, с. 513–538], скорее всего, попадали сюда через «дербентское» направление посредством прямых торгово-денежных операций с Грузией, восстановленных после известных событий 1222 г. и развивавшихся вплоть до конца 1230-х годов. Монеты второй условной группы локализуются в горной зоне Восточного Придарьяля (высокогорье Ингушетии) и с прилегающих районов высокогорной Осетии; все эти монеты пробитые и все происходят из погребений. Авторы рассматривают их, как остатки «платы» горцам – «овсам» (аланам) и «дурдзукам» (предки современных ингушей), а также и «всем горцам тех мест», которых грузинская царица Русудан, незадолго до выхода Джалал ад-Дина к стенам Тбилиси,пустила в Грузию, предварительно «отверзнув Врата Дарьяльские». Несмотря на потерю Тбилиси, горцы были вознаграждены Русудан. Впоследствии, привнесенные ими на территорию высокогорья Ингушетии и Осетии монеты, из-за неразвитости здесь денежных отношений, были превращены в украшения, обереги или амулеты, со временем оказавшись в погребальных комплексах их владельцев. В третью группу находок Е.И. Нарожный и А.А. Цуциев включают монеты Русудан из состава двух крупных монетных кладов ее медных монет. Случайно обнаруженные в предгорьях Северо-Западного Кавказа еще в XIX в. оба клада были обнаружены при строительстве двух российских военных укреплений – Хадьженского и Надеждинского редутов, занявших, скорее всего, территории средневековых городищ или поселений. Именно здесь оба клада, вероятнее всего, в ходе завоевательной кампании конца 1230-х годов и были сокрыты. Такая постановка вопроса позволила авторам статьи ставить вопрос о том, что драматические события 1222 года коснулись в большей мере равнинно-степной полосы региона [21, с. 232–237] и не затронули ее предгорно-горную часть. В итоге, весьма быстро была восстановлена система традиционных взаимоотношений населения Северного Кавказа с Закавказьем, что обеспечило довольно ощутимый приток различных товаров и денежных средств, основным составляющим компонентов которых были грузинские монеты. И только события конца 1230-х гг., шедшие в запада на восток Северного Кавказа, привели к включению Северного Кавказа в систему политико-экономического диктата Золотой Орды, а Грузию – в сферу вассальной зависимости от государства ильханов Ирана.

Довольно интересной является и работа Ю.В. Зайончковского (*Харьков, Украина*) и Б.И. Леонова (*Санкт-Петербург, Россия*) «Хан Мухаммад Тюляк по нумизматическим источникам» [31, с. 269–278]. Рассматривая свидетельства письменных источников, касающихся начального периода «Великой замятни» в Золотой Орде, и разные версии своих предшественников о «подставных марионетках Мамаю» и их реальности, указанные авторы сосредоточились на попытке выяснения данных об одном из таких правителей – «хане Тюляке». Ссылаясь на некоторое количество монет, на которых удалось реконструировать часть легенды, исследователи полагают, что дату правления Тюляка следует определять в рамках 782 г.х. (1380–1381 гг.).

Публикации нумизматических материалов продолжила еще одна совместная статья. Р.Ю. Рева (*Новосибирск, Россия*) и А.О. Брагин (*Санкт-Петербург, Россия*) публикуют «Присырдарьинский клад конца XIV века (часть 1)» [31, с. 279–296]. Клад, целиком состоявший из серебряных монет начала XIV в., происходит с территории Южного Казахстана. При наличии некоторых и пока неустановленных обстоятельств (неизвестно точное местонахождение клада и общее количество всех найденных монет – доступными оказались всего 51 экз.), опубликованная его часть представляет собой значительный научный интерес¹.

Очередной, *четвертый раздел* журнала «Звонкие цветы средневековья» продолжен публикациями, в основном, нумизматических материалов. Открывает его работа А.В. Кривенко (*Тирасполь, Молдова*), который приводит сведения о «Находках монет европейских государств времен золотоордынского господства на территории Молдовы» [31, с. 305–310]. В совокупности с монетами периода золотоордынского господства здесь, как это показывает указанный автор, эти материалы наглядно демонстрируют не только факт существования развитых экономических отношений, но и разных их географических направлений. В.В. Майко (*Симферополь, Крым, Россия*) вводит в научный оборот находки новых «Молдавских монет средневекового Солхата» [31, с. 311–318]. Все публикуемые им 10 монет, хотя и происходят не из закрытых археологических комплексов, но весьма показательны. Как справедливо считает автор публикации, их находки немногочисленны, но они иллюстрируют соответствующий и, что самое главное, регулярный характер экономических контактов золотоордынского Солхата и молдавского государства на временном отрезке от последней четверти XIV в. до первой четверти XVI столетия.

Очередной, *пятый раздел* рассматриваемого журнала «Секреты мастеров» открывает коллективная статья В.Г. Шапошника, Ю.В. Зайончковского (*Харьков, Украина*), В.П. Шептуха (*Черкассы, Украина*), которая вводит в научный оборот «Инструменты средневековой монетной мастерской из Харьковской области» [31, с. 329–336]. С.И. Валиулина (*Казань, Россия*) представляет «Химический состав стекла Болгара и Суvara» [31, с. 337–356]. Часть рассматриваемых ею материалов – «домонгольской» поры, хотя автор статьи приоритетный акцент делает на материалах золотоордынской эпохи.

Завершает подборку статей рассматриваемого журнала его *шестой раздел* «Знаки времени», в который включено еще несколько интересных публикаций. Так С.Г. Бочаров (*Ялта, Крым, Россия*) и В.П. Кирилко (*Симферополь, Крым, Россия*) опубликовали свою совместную статью «Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя» [31, с. 371–392]. Исследуя остатки

¹ Очередная коллективная публикация российских и украинских коллег – С.В. Бельский, К.В. Горлов (*Санкт-Петербург, Россия*) и Е.М. Лемберг (*Одесса, Украина*) – «Новый нумизматический материал из погребения в могильнике Ристиниеми 1 (Северо-Западное Приладожье, Республика Карелия)» [31, с. 297–304] содержит интересный, но хронологически «выпадающей» из обзора золотоордынских материалов комплекс. По этой причине нами не рассматриваются еще две статьи журнала: М.М. Чорев (*Нижне-вартовск, Россия*) открывает его своей статьей «Следы Великого Шелкового пути, или о технологии монетного литья в византийском Херсоне» [31, с. 319–328], и статья С.Ю. Монахова (*Саратов, Россия*) «Еще раз о гераклейских амфорах с клеймами «многострадального» фабриканта Этима» [31, с. 357–370], имеющие самостоятельный интерес.

мечети Шейх-Коя, указанные авторы максимально полно мобилизуют все доступные исторические данные и скрупулезно исследуют их для последующей реконструкции истории данного архитектурного памятника и культового центра. Анализируя декор и его специфику, авторы не исключают того, что некоторые из рассмотренных ими архитектурных деталей могли попасть в его архитектуру, будучи изъятными и перемещенными сюда из других архитектурных объектов микрорегиона. Л.В. Дергачева (*Кишинёв, Молдова*) обращается к особенностям «Строительной плиты 1454 года из Белгородской крепости и гербу пана Станчула» [31, с. 393–406]. Рассматривая эпиграфические знаки на одной из плит Белгородской крепости, до этого уже несколько раз рассматривавшейся и атрибутировавшейся другими специалистами, Л.В. Дергачева предлагает иное ее восприятие и ее историческую трактовку в контексте реалий эпохи.

Журнал завершают разделы «Рецензии» и «AD MEMORIAM», содержание которых тематически и хронологически выпадает из тематики нашего обзора, и по этой причине мы их рассматривать не будем. В заключение обзора нам остается отметить лишь следующее. Журнал «Stratum plus» давно зарекомендовал себя как важное и серьезное международное научное издание, объединяющее усилия ученых из многих европейских стран, включая и Россию. Оригинальность взглядов, нестандартность мышления и трезвость взглядов на самые разные исторические эпохи, явления и события – давно стали его визитными карточками. В последнее время редколлегия журнала объединила свои совместные усилия и возможности, прежде всего, с Институтом археологии Академии наук Республики Татарстан (ИА АН РТ). Издания эти, ответственными редакторами которых выступают д.и.н. А.Г. Ситдинов и к.и.н. С.Г. Бочаров, обращают внимание на себя по многим причинам. Прежде всего это рассматриваемая проблематика – история, археология, нумизматика и архитектура Золотой Орды во всем своем многообразии, сложности и региональной специфики. Помимо рассматривавшихся нами двух, тематически ориентированных выпусков журнала «Stratum plus» (2016, №№ 5 и 6), творческое содружество руководства ИА АН РТ и редколлегии журнала «Stratum plus» в предыдущее время собрали, подготовили и издали два солидных и серьезных по своему содержанию, внушительных по объему содержащихся в них статей, сборника научных статей: «Генуэзская Газария и Золотая Орда» [3] и второй сборник – «Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв.» [24]. Кроме того, тот же самый научный «тандем» собрал и издал отдельный сборник материалов уже 7-й по счету конференции, посвященной памяти проф. МГУ – Г.А. Федорову-Давыдову [4]. В тех изданиях представлен территориальный охват евразийского пространства, широкий хронологический размах рассматриваемых проблем и, что не менее важно, максимально полная «мобилизация» международного научного потенциала. Несмотря, может быть, на неизбежную в таких ситуациях и действительно присутствующую некоторую полифонию, мозаичность и даже полярность наблюдений, выводов и подходов, чрезмерную категоричность предлагаемых суждений и прочие «издержки», вне всякого сомнения, все указанные выше научные издания оказались важными, т.к. продемонстрированный в них опыт не только, что называется, «пробуждает мысль».

Этот опыт стимулирует потребность дальнейшего поступательного развития такого научного интереса и возможностей подобного международного научного сотрудничества, в котором организаторские возможности руководства ИА АН РТ и журнала «Stratum plus» установили заведомо высокую планку, позволяющую, наряду с регулярными и хорошо известными журналами и ежегодниками, издающимися Институтом истории и Институтом археологии АН РТ («Золотоордынское обозрение», «Нумизматика Золотой Орды», «Золотоордынская цивилизация» и «Поволжская археология»), – изучение золотоордынской проблематики вывести на совершенно другой уровень. Стабильный характер этих регулярно издающихся научных сериалов, широта и полнота охвата самых сложных и слабо разработанных аспектов интересующего исторического периода в рамках всей евразийской истории, очевидно и наглядно убеждают в том, что данное научное направление развивается, хотя и в его рамках сохраняется множество дискуссионных или откровенно спорных моментов. На этом фоне становится очевидным то, что, несмотря на все успехи, идея ученых РАН, еще в XIX веке планировавших организовать «быстрое» написание исчерпывающей истории Золотой Орды, так и оставшаяся проектом, далека от реализации и сегодня. Однако отмеченный выше исследовательский опыт вселяет и определенный оптимизм, заставляющий надеяться на дальнейшее, поступательное развитие объективных научных представлений, как о самой Золотой Орде, так и окружающем ее пространстве со всем комплексом взаимодействующих событий, факторов, явлений и процессов, во многом обеспечивших многогранные и емкие по содержанию этнокультурные последствия, своеобразие этнокарты и специфику международных взаимоотношений, имевших место уже после заката Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боталов С.Г.* Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала / Отв. ред. С.В. Григорьев. Челябинск: «Рифей», 1996. С. 210–244.
2. *Волощук М.М.* Міжнародний науковий проект «Colloquia Russica» (2010–2014 рр.) // Український історичний журнал. 2014. №5. С. 225–231.
3. Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдииков. Серия «Археологические источники Восточной Европы». Казань-Симферополь-Кишинев: Издательство «Stratum plus», 2015. 711 с.
4. Диалог городской и степной культур. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Ялта-Казань-Кишинев: «Stratum plus», 2016. 310 с.
5. *Евглевский А.В.* Изваяния и корчага из кургана у станицы Кременская на Нижнем Дону: К проблеме завершающего этапа изготовления половецкой скульптуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13. Золотоордынское время / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 263–282.
6. *Евглевский А.В., Круглов Е.В.* Изваяния и корчага из станицы Кременская на Нижнем Дону к проблеме завершающего этапа изготовления половецкой скульптуры // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: ВолГУ, 2016. Т. 15. № 1. С. 40–71.

7. *Жарко С.Б.* Нашествие хана Батые на Галицко-Волынское княжество, Польшу и Венгрию в 1241–1242 гг. // *Вестник Белорусского государственного университета.* Серия 3. 2012. № 2. С. 27–31.
8. *Иванов В.А.* Кочевники Золотой Орды. История, культура. Религия. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.+ илл.
9. *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 98 с.
10. *Кадырбаев А.Ш.* Польша и иурко-монгольские народы в историческом пространстве // *История и современность.* 2008. № 1. С. 76–98.
11. *Князький И.О.* Русь и Степь. М.: РГНФ, 1996. 132 с.
12. *Крадин Н.Н.* Восточная Европа и монгольская глобализация // *Stratum plus.* №5: Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. Санкт-Петербург–Одесса–Кишинев–Бухарест, 2016. С. 17–26.
13. *Ложкин М.Н.* Древние каменные статуи Приурупья // XII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 1982. С. 44–45.
14. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников кубанской старины // *Историко-археологический альманах.* Вып. 2. Армавир-М., 1996. С. 132–136.
15. *Нарожный Е.И.* О верхнекубанских средневековых изваяниях // *Материалы и исследования по археологии Кубани.* Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 131–143.
16. *Нарожный Е.И.* О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // *Степи Европы в эпоху средневековья.* Т.3: Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонГУ, 2003. С. 245–274.
17. *Нарожный Е.И.* О находках поливной керамики на Северном Кавказе // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* (Серия «Археологические источники Восточной Европы»). Казань-Кишинев: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ – Университет «Высшая антропологическая школа», 2017. С. 513–538.
18. *Нарожный Е.И.* «Нашествие и пределы катастрофы XIII века» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей // *Золотоордынское обозрение.* 2017. Т. 5, № 4. С. 825–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836
19. *Нарожный Е.И., Соков П.В.* Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв.: некоторые итоги и перспективы изучения (к 15-летию охранно-спасательных археологических исследований) // *Археология степной Евразии.* Кемерово-Алмааты, 2008. С. 17–39.
20. *Нарожный Е.И., Соков П.В.* Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв.: реальность и вымыслы в этнокультурной атрибуции // *Apriori.* Гуманитарные исследования. Краснодар. 2016. №5. С. 1–17. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.apriori-journal.ru/seria1/5-2016/Narozhnyj-Sokov.pdf>
21. *Нарожный Е.И., Соков П.В.* География событий 1222 года на Северном Кавказе // *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.* Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Ялта-Казань-Кишинев: *Stratum*, 2016. С. 232–237.
22. *Пьянков А.В.* Загадки средневековой скульптуры Северо-Западного Кавказа // *Кубанский сборник.* Краснодар, 2006. № 1(22). С. 283–301.
23. *Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевский и Московской Руси: Антология.* Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 146.
24. *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Т. 2 (Серия: «Археологические источники Восточной Европы») / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань-Кишинев: Изд-во «Stratum plus» – Университет «Высшая антропологическая школа», 2017. 845 с.

25. Сабитов Ж.М. О численности монгольской армии в Западном походе (1235–1242 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. №1. С. 55–73.
26. Сабитов Ж.М. Хронология Западного похода 1235–43 годов // Вестник Евразийского Национального Университета. 2011. № 5 (84). С. 180–183.
27. Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2014. 47 с..
28. Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. Изд. 2-е. М., 1977. 504 с.
29. Усманова Э.Р., Ермоленко Л.Р., Мкртычев Т.К., Антонов М.А. Гендерная символика на средневековом каменном изваянии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск: ИГУ, 2016. Т. 17. С. 94–108.
30. Stratum plus. №5: Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. Санкт-Петербург–Одесса–Кишинев–Бухарест, 2016.
31. Stratum plus. №6: Рах Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков / отв. ред. Н.Д. Русев. Санкт-Петербург–Одесса–Кишинев–Бухарест, 2016. 419 с.
32. Colloquia Russica, Seriy 1. Vol. 3: Ruswepoce naiazdow mongolskich (1223–1480). Materiafy II I Międzynarodowej konferencji naukowej (Warszawa, 15–17 listopada 2012 r.). Krakow, 2013. 290 с.

Сведения об авторе: Евгений Иванович Нарожный – доктор исторических наук, главный специалист НАО «Наследие Кубани» (350063, ул. Красноармейская, 16, Краснодар, Российская Федерация). E-mail: zai_ein@mail.ru

Поступила 27.02.2018 Принята к публикации 31.05.2018
Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Botalov S.G. Kamennye izvayaniya i zhertvenno-pominal'nye komplekсы Uralo-Ishimskogo mezhdurech'ya [Stone sculptures and sacrificial-memorial complexes of the Ural-Ishim interfluve]. *Novoe v arkheologii Yuzhnogo Urala* [New in the archaeology of the Southern Urals]. Otv. red. S.V. Grigor'ev. Chelyabinsk, "Rifey", 1996, pp. 210–244. (In Russian)
2. Voloshchuk M.M. Mizhnarodniy naukoviy proekt «Colloquia Russica» (2010–2014 rr.) [The international science project “Colloquia Russica” (2010–2014)]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal* [The Ukrainian Historical Journal]. 2014, no. 5, pp. 225–231. (In Ukrainian)
3. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Otv. red. S.G. Bocharov i A.G. Sitdikov. Stratum Plus. Seriya: «Arkheologicheskie istochniki Vostochnoy Evropy». Yalta, Kazan, Kishinev, “Stratum plus”, 2015. 711 p. (In Russian)
4. Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy [Dialogue of urban and steppe cultures. Historical geography of the Golden Horde]. *Materialy Sed'moy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G.A. Fedorova-Davydova* [Proceedings of the Seventh International Conference, dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. Ed. by S.G. Bocharov and A.G. Sitdikov]. Pod red. S.G. Bocharova i A.G. Sitdikova. Yalta, Kazan, Kishinev, “Stratum plus”, 2016. 310 p. (In Russian)
5. Evglevskiy A.V. Izvayaniya i korchaga iz kurgana u stanitsy Kremenskaya na Nizhnem Donu: K probleme zavershayushchego etapa izgotovleniya polovetskoy skul'ptury [Statues and a korchaga from the mound near the village of Kremenskaya on the Lower

Don: To the problem of the final stage of the manufacture of Polovtsian sculpture]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*. Vol. 13: *Zolotoordynskoe vremya* [The Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 13: The Golden Horde's Time]. Otv. red. A.V. Evglevskiy. Donetsk, DonNU, 2014, pp. 263–282. (In Russian)

6. Evglevskiy A.V., Kruglov E.V. Izvayaniya i korchaga iz stanitsy Kremenskaya na Nizhnem Donu: k probleme zavershayushchego etapa izgotovleniya polovetskoj skulptury [The statues and the korchaga from the village of Kremenskaya on the Lower Don: to the problem of the final stage of the manufacture of the Polovtsian sculpture]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik=Bulletin of the Lower Volga Archaeology*. Volgograd, VolGU, vol. 15, no. 1, pp. 40–71. (In Russian)

7. Zharko S.B. Nashestvie khana Batyya na Galitsko-Volynskoe knyazhestvo, Pol'shu i Vengriyu v 1241–1242 gg. [Invasion of Khan Batu of the Galicia-Volyn principality, Poland and Hungary in 1241–1242]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Belarusian State University]. Seriya 3. 2012, no. 2, pp. 27–31. (In Russian)

8. Ivanov V.A. *Kochevniki Zolotoy Ordy. Istoriya, kul'tura. Religiya* [Nomads of the Golden Horde. History, culture. Religion]. Ufa, BGPU, 2015. 208 p.+ ill. (In Russian)

9. Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urals (XII–XIV vv.)* [Kurgans of the Kypchak time in the Southern Urals (12th–14th centuries)] Moscow, Nauka Publ., 1988. 98 p. (In Russian)

10. Kadyrbaev A.Sh. Pol'sha i tiyurko-mongol'skie narody v istoricheskom prostranstve [Poland and the Turkic-Mongolian peoples in the historical space]. *Istoriya i sovremennost'* [History and Present]. 2008, no. 1, pp. 76–98. (In Russian)

11. Knyaz'kiy I.O. *Rus' i Step'* [Rus' and the Steppe]. Moscow, Rossiyskiy gumanitarnyy nauchnyy fond, 1996. 132 p. (In Russian)

12. Kradin N.N. Vostochnaya Evropa i mongol'skaya globalizatsiya [Eastern Europe and Mongolian Globalization]. *Stratum plus*. 2016, No. 5: *Nashestvie. Predely katastrofy XIII veka* [Stratum plus. No. 5: The Invasion. The Limits of the Catastrophe of the 13th century]. Saint Petersburg, Odessa, Kishinev, Bukharest, 2016, pp. 17–26. (In Russian)

13. Lozhkin M.N. Drevnie kamennye statui Priurup'ya [Ancient stone statues of Priurupye]. *XII «Krupnovskikh chteniy» po arkheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov* [The XII “Krupnov readings” on archaeology of the North Caucasus. Theses of speeches]. Moscow, 1982, pp. 44–45. (In Russian)

14. Lozhkin M.N. Fotografii utrachennykh pamyatnikov kubanskoy stariny [Photographs of the lost monuments of the Kuban antiquity]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh* [Historical and archaeological almanac]. Armavir, Moscow, 1996, is. 2, pp. 132–136. (In Russian)

15. Narozhnyy E.I. O verkhnekubanskikh srednevekovykh izvayaniyakh [About the Upper Kuban medieval statues]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and researches on archaeology of the Kuban region]. 2002, is. 2, pp. 131–143. (In Russian)

16. Narozhnyy E.I. O polovetskiykh izvayaniyakh i svyatilishchakh XIII–XIV vv. Severnogo Kavkaza i Dona [About the Polovtsian statues and sanctuaries of the 13th–14th centuries in the North Caucasus and the Don]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*. Vol. 3: *Polovetsko-zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 3: The Polovtsian and Golden Horde's Time]. Donetsk, DonGU, 2003, pp. 245–274. (In Russian)

17. Narozhnyy E.I. O nakhodkakh polivnoy keramiki na Severnom Kavkaze [About finds of glazed ceramics of the 13th–14th centuries in the North Caucasus]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* (Seriya: «Arkheolo-gicheskie istochniki Vostochnoy Evropy») [Glazed ceramics of the Mediterranean and the Black Sea region of the 10th–18th centuries (Series: “Archaeological Sources of Eastern Europe”)].

Kazan, Kishinev, IA imeni A.Kh. Khalikova AN RT – Universitet: “Vysshaya antropologicheskaya shkola”, 2017, pp. 513–538. (In Russian)

18. Narozhnyi E.I. “The Invasion and Limits of the Catastrophe of the 13th century” in the Assessments of Contemporary Domestic and Foreign Researchers. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 4, pp. 825–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836 (In Russian)

19. Narozhnyy E.I., Sokov P.V. Gor'kobalkovskiy arkheologicheskiy kompleks VIII–IX vv.: nekotorye itogi i perspektivy izucheniya (k 15-letiyu okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy) [Gorkobalkovsky archeological complex of the 8th–9th centuries: some results and prospects of study (to the 15th anniversary of the conservation and rescue archaeological research)]. *Arkheologiya stepnoy Evrazii* [Archaeology of the Steppe Eurasia]. Kemerovo, Almaty, 2008, pp. 17–39. (In Russian)

20. Narozhnyy E.I., Sokov P.V. Gor'kobalkovskiy arkheologicheskiy kompleks VIII–IX vv.: real'nost' i vymysly v etnokul'turnoy atributsii [Gorkobalkovsky archeological complex of the 8th–9th centuries: reality and fictions in ethnocultural attribution]. *Apriori. Gumanitarnye issledovaniya* [Apriori. Humanitarian researches]. Krasnodar. 2016, no. 5, pp. 1–17. Available at: <http://www.apriori-journal.ru/serial/5-2016/Narozhnyj-Sokov.pdf> (In Russian)

21. Narozhnyy E.I., Sokov P.V. Geografiya sobytiy 1222 goda na Severnom Kavkaze [The geography of the events of 1222 in the North Caucasus]. *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve. Istoriche-skaya geografiya Zolotoy Ordyy. Materialy Sed'moy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G.A. Fedorova-Davydova* [Dialogue of urban and steppe cultures on the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov]. Yalta, Kazan, Kishinev, Stratum, 2016, pp. 232–237. (In Russian)

22. P'yankov A.V. Zagadki srednevekovoy skul'ptury Severo-Zapadnogo Kavkaza [Mysteries of Medieval Sculpture of the North-Western Caucasus]. *Kubanskiy sbornik* [The Kuban Collection]. 2006, no. 1(22), pp. 283–301. (In Russian)

23. Ostrovski D. Mongol'skie korni russkikh gosudarstvennykh uchrezhdeniy [Mongolian roots of Russian state institutions]. *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskiy i Moskovskoy Rusi: Antologiya* [American Russian Studies: Milestones of historiography of recent years. Period of the Kiev and Moscow Rus': Anthology]. Samara, Samara State Universitet Publ., 2001, p. 146. (In Russian)

24. Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea region, the 10th–18th centuries. Volume 2 (“Archeological records of Eastern Europe”). Edited by Sergei Bocharov, Véronique François, Ayrat Sitdikov. Kazan, Kishinev: “Stratum plus” – “Archeological records of Eastern Europe”, 2017. 845 p.

25. Sabitov Zh.M. O chislennosti mongol'skoy armii v Zapadnom pokhode (1235–1242 gg.) [On the strength of the Mongol army during the Western campaign (1235–1242)] *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of history and archaeology of Western Kazakhstan]. 2010, no. 1, pp. 55–73. (In Russian)

26. Sabitov Zh.M. Khronologiya Zapadnogo pokhoda 1235–43 godov [Chronology of the Western campaign of 1235–1243]. *Vestnik Evraziyskogo Natsional'nogo Universiteta* [Bulletin of the Eurasian National University]. 2011, no. 5 (84), pp. 180–183. (In Russian)

27. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v politicheskoy sisteme Dzhuchieva Ulusa (Ordyy)*. Avtoref. diss. dokt. istor. nauk [Russian princes in the political system of the Jochid Ulus (Horde). Author's abstract of the dissertation of the doctor of historical studies]. Voronezh, Voronezh State Universitet Publ., 2014. 47 p. (In Russian)

28. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope. Sbornik statey* [The Tatar-Mongols in Asia and Europe. Collected articles]. Izd. 2-e. Moscow, 1977. 504 p. (In Russian)

29. Usmanova E.R., Ermolenko L.R., Mkrtychev T.K., Antonov M.A. Gendernaya simvolika na srednevekovom kamennom izvayanii [Gender symbolism on the medieval

stone statue]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. Irkutsk, Irkutsk State Universitet Publ., 2016, vol. 17, pp. 94–108.

30. *Stratum plus*. No. 5: *Nashestvie. Predely katastrofy XIII veka* [Stratum plus. No. 5: The Invasion. Limits of the Catastrophe of the 13th century]. Saint Petersburg, Odessa, Kishinev, Bukharest, 2016. (In Russian)

31. *Stratum plus*. No. 6: *Pax Mongolica i evraziyskie potryaseniya XIII–XIV vekov* [Stratum plus. No. 6: Pax Mongolica and Eurasian turmoils of the 13th–14th centuries]. Otv. red. N.D. Rusev. Saint Petersburg, Odessa, Kishinev, Bukharest, 2016. 419 p. (In Russian)

32. *Colloquia Russica, Seriy 1. Vol. 3: Ruswepoce naiazdow mongolskich (1223–1480). Materiały II I Międzynarodowej konferencji naukowej (Warszawa, 15–17 listopada 2012 r.)*. Krakow, 2013. 290 p. (In Polish)

About the author: Evgeniy I. Narozhnyi – Dr. Sci. (History), Chief specialist of Non-public Joint-stock company “Nasledie Kubani” (16, Krasnoarmeyskaya Str., Krasnodar 350063, Russian Federation). E-mail: zai_ein@mail.ru

Received April 3, 2018 Accepted for publication June 4, 2018

Published June 29, 2018

НАСЛЕДИЕ

УДК 929.522(470)"1238/1480"(093)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.409-421

**РАШИД АД-ДИН. ШУАБ-И ПАНДЖГАНА.
2. МОНГОЛЫ И ТЮРКИ (5)******Ч.И. Хамидова***

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
zahragizza@gmail.com*

Цель: представить результаты перевода средневековой персидской рукописи.

Материалы исследования: отрывок из генеалогического сочинение средневекового персидского придворного историка Рашид ад-дина. В статье приводятся данные рукописи, касающиеся генеалогий Абакана, Аргун хана, Кихату хана, Газан хана (всего 13 листов) и их потомков, известных Рашид ад-дину.

Результаты и научная новизна: «Шуаб-и панджгана», являясь приложением к основному историческому труду средневекового персидского историка Рашид ад-дина, во многом повторяет данные «Джами ат-таварих», однако назвать эти генеалогические данные полностью идентичными нельзя. Судя по сравнительному анализу двух сочинений историка, Рашид ад-дин для составления «Шуаб-и панджгана» проводил отдельные исследования, стараясь привлечь обновленные данные. Результаты перевода и анализа текста рукописи могут быть применены в различных сферах научных изысканий: исследование наследия Рашид ад-дина, политическая история Золотой Орды, генеалогическая история чингизидских правителей и их потомков. Перевод данной части «Шуаб-и панджгана» публикуется впервые.

Ключевые слова: Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана, Джами ат-таварих, Сборник летописей, наследие Рашид ад-дина, Абакан, Аргун хан, Кихату хан, Газан хан

Для цитирования: Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (5) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 409–421. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.409-421

* Продолжение статьи. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 668–680; 2016. Т. 4, № 4. С. 868–880; 2017. Т. 5, № 4. С. 846–865; 2018. Т. 6, № 1. С. 168–180. Перевод с персидского языка, предисловие и комментарии Ч.И. Хамидовой.

**RASHID AL-DIN. SHU'AB-I PANJGANAH.
2. THE MONGOLS AND TURKS (5)***

Ch.I. Khamidova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
zahragizza@gmail.com*

Abstract: *Research objectives and materials:* The article presents a section of the translation from Persian of the second chapter of the manuscript. This part contains a genealogical tree of Abaqa Khan, Geikhatu Khan, Arghun Khan, and Ghazan Khan (containing their descendants as they were known to Rashid al-Din).

Research results and novelty: The results of translation and analyses of the text of the manuscript could serve in various purposes such as the study of Rashid al-Din's heritage, the Golden Horde's history, the genealogical history of the Chinggisid rulers and their descendants, etc. The translation of the manuscript has heretofore never been published in part or fully.

Keywords: Rashid al-Din, Shu'ab-i Panjganah, Jami al-tawarikh, Compendium of Chronicles, Rashid al-Din's heritage, Abaqa Khan, Geikhatu Khan, Arghun Khan, Ghazan Khan

For citation: Khamidova Ch.I. Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and Turks (5). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 409–421. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.409-421

Генеалогии Абакана, Кихату хана, Аргун хана, Газан хана

Приводится перевод пятой части генеалогии монголов и тюрков в рукописи Рашид ад-дина «Шуаб-и панджгана» – Абакана, Кихату хана, Аргун хана, Газан хана. Генеалогия Газан хана – последняя в тюрко-монгольской части рукописи, при этом она неполная: список эмиров обрезан, потомки Газан хана не перечислены. Вероятно, несколько листов из этой части были утеряны при замене переплета. На этом тюрко-монгольская часть Генеалогий «Шуаб-и панджгана» заканчивается. Начало генеалогии было опубликовано в четырех частях [5; 6; 7; 8].

Курсивом выделен текст, отсутствующий в рукописи, но необходимый для более адекватного отображения информации в оригинале.

С частью данных, полученных при изучении рукописи, можно познакомиться в статьях И.М. Миргалеева и Ч.И. Хамидовой [1; 2; 4]. С оригинальным текстом рукописи можно ознакомиться в Музее Топкапы (Стамбул)¹, либо посредством факсимиле [3].

* Continuation of the article. The beginning see: *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 3, pp. 668–680; 2016, vol. 4, no. 4, pp. 868–880; 2017, vol. 5, no. 4, pp. 846–865; 2018, vol. 6, no. 1, pp. 168–180. The translation from Persian, foreword and comments by Ch.I. Khamidova.

¹ Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Müllük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapu Saraye Muzeye Kitapخانه, shifr A.III 2937.

Описание Абакана и ветвей его потомков

Пояснение о его женах:

Улджай хатун – была женой Хулагу хана, после смерти Хулагу хана, Абака хан женился на ней, и чем больше становилось у него жен, тем больше его голос наполнялся светом.

Илтузмиш хатун из племени кунграт, когда одной из жен не стало, Абака хан взял ее на ее место.

Туктени хатун из племени кераит, сначала была наложницей Балаку хана. Когда не стало Дукур хатун, он женился на ней, поставив ее на место Дукур хатун. Она была сестрой Дукур хатун.

Бадшах хатун – дочь султана Кермана. Абака хан посадил ее на место матери Йисунджин хатун.

Дурджи хатун – первая жена Абака хана.

Нибе хатун – дочь Малека Истабнула.

Нукдак хатун из племени татар, матерью жены хана была она. Когда Дуруджи хатун не стало, Абака посадил ее на ее место.

Мерти хатун.

Булуган хатун из племени хедин мамаут из хушин, родственница Нукай-йаргуджи. Абака хан очень любил ее и ставил выше Мерти и Нибе.

Пояснение о его наложницах:

Кабиш акаджи из племени анкут, мать Аргун хана.

Тудай акаджи.

Кукни – мать Тугалджука, которую выдали замуж за Науруза.

Булгаджин акаджи.

Ширин акаджи.

Булухин акаджи.

Алтай акаджи.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Аргун-ага – очень почитаемый, великий эмир. До прибытия Хулагу хана в Иран правителем этих земель был назначен он. Когда Хулагу хан прибыл, он утвердил его в этой должности.

Илмика нойон – из племени джалаир, почтенный эмир.

Сунджак нойон – очень почитаемый эмир, благословенный человек, был назначен правителем Багдада и Фарса.

Сунтай нойон – очень почитаемый эмир, был утвержден на должности, которую он занимал при Хулагу хане. Из числа эмиров, разбивших войско Барака.

Амабамай нойон – был почитаем при Абака хане, так же и при Хулагу хане.

Шектур нойон – сын Илмика нойона из джалаир, великий эмир. Из числа эмиров, разбивших войско Барака.

Туку – сын Илмика нойона, из джалаир, почтенный эмир, погиб в сражениях в Руме.

Аркету нойон – из джалаир, эмир-шукурджи, погиб на войне с Туку в Руме.

Курмиши – сын Хендукура из джалаир племени кат, эмир тумана.

Урук – из джалаир племени умат. Именно он был тот, кто ездил с посольством и привез кук-тамга. При поддержке Абака-хана стал эмир-сусунханом и после этого стал почитаем.

Бука – брат Урука, из джалаир племени умат, из числа приближенных эмиров. Его воспитывал Абака-хан, и он возвысился так, что достиг степени почитаемого, и ему дали степень марина.

Авак – сын Байджу нойона из племени йесур, эмир тумана.

Тагаджар – из суганут, из числа приближенных эмиров.

Хулкуту-йурджи – из племени манкагут, почитаемый эмир, назначенный на место Сунтайа.

Бугдай – из племени сунит, эмир ахтаджиев.

Хуши – из числа эмиров свиты, приближенных господина, эмир шукурджиев.

Урука – из племени нугур, из числа эмиров свиты господина, эмир шукурджиев.

Дуладай-алйаджи – великий эмир, глава всех алйаджиев.

Джуме куркан – из племени татар, почитаемый эмир.

Науруз – сын Аргун-ага из ойрат, из числа почитаемых эмиров Хорасана, также является курканом.

Секзи – сын Аргун-ага из ойрат, из числа почитаемых эмиров Хорасана, также является курканом.

Идур-бука – из племени курлаут, назначенный после смерти своего отца Кара на его место, эмир всех курчиев.

Худжган – из племени бургут, старший эмир и позже при Аргуне.

Кехуркай – почитаемый эмир, из числа великих эмиров и правителей Рума.

Беркут-курджи – из кункган, был великим эмиром и курджи.

Таракай-курган – из племени ойрат, бывший долгое время эмиром тысячи, женившийся после смерти дочери Хулагу-хана на дочери Манку-Тимура.

Шентай-бахши – из урянгут, был великим эмиром.

Барнур – из племени кунграт, почтенный эмир и эмир шукурджиев.

Илику – из кункган, был великим эмиром и курджи.

Тудан – сын Судун-нойона, из числа внуков Сурган-Шире из племени сулдус, почтенный эмир.

Хедике – из племени мангкут, почтенный эмир при Хулагу-хане и так же в нынешнее время.

Куке-бури – из племени хедин мамаут, был почтенным эмиром битикчиев.

Йулкуту-фуджин – курджи из племени мангкут, сначала был эмиром тысячи, впоследствии – эмир тумана, караунас.

Текне – из племени суганут, великий эмир при Хулагу-хане, в нынешнее время стал еще более почитаем.

Туркай-йаргуджи – почтенный эмир из племени мангкут, из числа йаргуджиев.

Манкудай – из племени мангкут, эмир тысячи при Хулагу-хане, также по приказу эмир тысячи в эту эпоху.

Эмир Тарук кушджи – из племени дурбан, был почтенным и великим эмиром из числа кушджиев.

Айаджи – из племени йесур, был великим эмиром.

Илтимур – из числа внуков рода Абукана, великий эмир, почтенный эмир при Хулагу-хане и в нынешнее время.

Урус – из племени хисут. Во время Хулагу хана был из числа эмиров кезик курджи. Ему назначили четыре кезика и отправили вместе с Абака ханом его в Хорасан, где он показал верную службу. Когда Абака хан сел на трон, он уже был немощным.

Кераберай – из племени хисут, был почтенным эмиром и эмиром шукурджиев.

Дуртай-нойон – великий почтенный эмир. Управлять Дийар-Бакром и Дийар-Раба поручили ему.

Ходже Иззатдин Тахер – визарат Хорасана поручили ему. После него должность передали его сыну ходже Ваджих Азрани.

Ходже Шамсаддин Джувейни – назначенный на должность вазира при Хулагу-хане.

Йуркут – из числа внуков рода Абукана, великий эмир при Хулагу-хане, ныне также почтенный эмир.

Алтаджу нойон – был почтенным, великим эмиром. Управление делами инджу доверили ему.

Тугуз – почтенный эмир, из числа тех эмиров, разбивших войска Барака.

Тура-Тимур – почтенный эмир, из числа тех эмиров, разбивших войска Барака.

Хенду нойон – был великим эмиром, из числа тех эмиров, разбивших войска Барака.

Ширамун – сын Джурмагун нойона, великий эмир, почтенный эмир, править Курджистаном доверили ему.

Алинак – великий эмир, отличившийся на войне с Баракком и по этой причине снискавший почет и славу.

Джарду бахадур – храбрый эмир, из числа эмиров, захвативших повторно Бухару и ограбивших ее.

Курджан-ага – отец Туктимура, удаджи, великий почтенный эмир.

Йесу-бука – куркан, очень великий и почтенный эмир.

Куту-бука – отец Тагаджар-ага, был почтенным и храбрым эмиром. Владел туманом, в войне многократно показал себя героем, поэтому заслужил славу.

Абдаллах – был почтенным эмиром, из числа эмиров, разбивших войска Барака.

Никпай бахадур – храбрый эмир, из числа эмиров, совершивших повторный поход на Бухару и опустошивших ее.

Теке – из суганут, почтенный эмир, был эмиром туткавулов.

Тайжду бахадур – великий и храбрый эмир.

Хендукур – был очень великим эмиром, владел туманом.

Дуладай – йаргуджи, был почтенным эмиром и эмиром йаргуджиев.

Бурлатай нойон – был почтенным эмиром, из числа тех эмиров, что разбили войско Барака.

Текуджек – был великим эмиром. За его верную службу Абака хан назначил его сургамишем, после чего он стал почитаем.

Марук – был великим эмиром, ведал делами кушджиев.

Потомки Абакана:

Дочери:

Тегай – ее мужем был Дулдай-идаджи.

Улджатай.

Йулкютлуг – ее муж Гербатай-куркан из племени ушин.

Илкютлуг.

Туганхук – ее мужем был Науруз, сын Аргун ака из племени ойрат.

Мелике – ее мужем был Туган, сын Нукай-йургуджи из племени майут.

Сыновья:

Аргун хан

Кихату хан

Описание Кихату хан и ветвей его потомков

Пояснение о его женах:

Айше хатун – дочь Тугу из джалаир.

Тулуган – дочь эмира Утмана из кунгират. На ней женился Аргун хан, из-за этого статус Тулуган поднялся. После смерти Аргуна хана на ней женился Кихату хан.

Дунди – дочь Акбука из племени джалаир.

Уруке хатун – дочь эмира Саридже, первая жена Аргуна хана. После смерти Аргуна хана на ней женился Кихату хан.

Илтузмиш хатун – из племени кунгират, дочь Кулмук-тимур куркана.

Падешах хатун – дочь Султан кермана.

Пояснение о его наложницах:

Тесби – после смерти Кихату хана ее взял его сын Алафранг.

Алсин – дочь Биклемиша из племени арлат.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Шиктур нойон – из племени джалаир, был очень почитаем при Абака-хане, также и при Аргуне, ныне же достигший такого высокого положения, что перед походом в Рум Кихату-хан сделал его своим заместителем.

Хасан – сын Буку, из племени джалаир, почтенный и приближенный эмир, ведавший всеми делами инджу. Во время мятежа Байду он перешел на его сторону вместе со своими товарищами. Когда Кихату хана схватили, он отправился к Тугану, тогда его перехватил Тукал и его дела стали плохи.

Ак-Бука – сын Илкан нойона, из племени джалаир, амир-ул-умара, был убит мятежным принцем Байду.

Тагачар – из племени суганут, почтенный эмир при Аргун хане и Кихату. Однако он стал причиной неудач Улджайту (это подробно изложено в описании его истории).

Икбал – сын Урукту, сына Абукана нойона, из племени джалаир, из числа эмиров Абака, обвиненных при Газан хане в мятеже, казнен.

Ахирек – брат Ишик-Тукли, из племени джалаир.

Тайджук – великий и почтенный эмир, соуправляющий Хасана (по делам инджу), убитый во время мятежа принца Байду.

Такудар – сын Дукта, из уйгур, из числа приближенных эмиров.

Туган-бука – сын Кучана, из числа почтенных эмиров свиты, эмир шукурджиев.

Мухаммад – сын Хаваса, из числа приближенных эмиров, эмир шукурджиев.

Мухаммад – из племени джаган татар, был почтенным эмиром, из удаджиев и приближенных Его Величества.

Шамаган – из племени куйин татар, почтенный эмир при Кихату хане, из числа почтенных эмиров Рума.

Джендан – из племени джаган татар, был почтенным эмиром, стал курканом.

Курбука-бахадур – из рода чаган племени татар, почтенный эмир, охранявший границы Джазиры.

Лагзи – сын Аргун-ага, из племени уйрат, снятый с должности при Аргун хане, потом восстановленный при Кихату.

Курмуши – сын Алинака из кераит, великий эмир и храбрый бахадур.

Джубан – сын Малика, из племени сулдус, почтенный эмир, весьма храбрый человек, великий эмир.

Буракай йаргучи – из племени мангкут, почтенный эмир при Абака и Кихату.

Рамадан – из племени хедин мамаут, из числа почтенных эмиров битикчиев.
Мекертай – из племени манкагут, до этого был почтенным эмиром, ныне так же почитаем.

Харбанда – сын Кара-Тири, из племени йисут, из числа приближенных эмиров и свиты.

Таваккул – сын Йису-Бука-куркана, эмир тумана.

Зенки – из племени йисут, из числа эмиров тысячи.

Ит-угли – из числа приближенных инаков, свиты Кихату-хана.

Ахукай – из числа приближенных инаков, свиты Кихату-хана.

Таджи – инак, из числа приближенных эмиров.

Дуладай удаджи – из приближенных эмиров инаков.

Бугдай актаджи – при Аргун хане был почитаем, при Кихату хане так же был почитаем, был отправлен Кихату ханом вместе с Тагачаром и Тамачи в Египет для завоевания тех краев.

Тимур-Бука – почтенный эмир, эмир войска, направленный вместе с принцем Сукаем в Египет.

Керадже – великий эмир, его также отправили вместе с Сукаем в Египет.

Таймас-кушчи – почтенный эмир, занимавший ту же должность, что и при Аргун хане.

Текне туткавул – из племени суганут, великий эмир, эмир туткавулов, занимавший ту же должность, что и при Аргун хане.

Дуладай удаджи – был почтенным эмиром, занимал ту же должность, что и при Аргун хане. Во время мятежа был пленен, но полностью оправдан Кихату ханом.

Тудаджу йаргуджи – из числа эмиров, объединившихся с Байду против Кихату хана.

Джихак куркан – из ойрат, из числа эмиров, объединившихся с Байду против Кихату хана.

Илтимур – сын Хендукура, из числа эмиров, объединившихся с Байду против Кихату-хана.

Мухаммад шукурджи – из числа инаков Кихату хана, был назначен на должность битикчи Багдада и убит Байду в ходе его мятежа против Кихату-хана.

Аритай куркан – из племени хушин, был эмиром тумана и приближенным Кихату хана.

Сарим – эмир тысячи, схвативший Кихату хана и сдавший его врагам.

Кунчугбал – сын Артай нойона, из числа эмиров, объединившихся с Байду против Кихату-хана, казненный Газан-ханом за измену.

Тугдай – из числа эмиров, объединившихся с Байду против Кихату-хана, задержанный им, но после известных событий, связанных с Кихату, был освобожден.

Махак – эмир тысячи, храбрый, великий эмир.

Илджидай-кушджи – из числа эмиров, объединившихся с Байду против Кихату-хана, задержанный им, но после известных событий, связанных с Кихату, был освобожден.

Махука кушджи – эмир тумана.

Рамадан – был почтенным эмиром, из числа эмиров битикчиев и эмиров тумана.

Потомки Кихату хана:

Дочери: Кутлуг Малек – ее мужем был эмир Туклукшах из племени манкагут, Илкутлук – ее мужем был Курумиши, сын Алинака из племени тубат, это род из числа племен кераит, Аракутлук, Улакутлуг.

Сыновья: Ченкулад, Алафранг.

Описание Аргун хана и ветвей его потомков

Пояснение о его женах:

Кутлуг хатун – дочь Тингиз-куркана из ойрат, самая старшая жена Аргун хана.

Булган – была женой Абака хана, после его смерти на ней женился Аргун хан.

Урул хатун – дочь Саридже, сына Ику, сына Онг-хана из племени кераит.

Булуган хатун – дочь Утмана из племени кунграт, после смерти упомянутой Булуган хатун он взял ее в жены и посадил на ее место.

Улджай хатун – дочь Суламиша, Аргун захотел на ней жениться после смерти Кутлуг-хатун, посадив на ее место.

Тудай хатун – сначала была наложницей Абака хана, Аргун хан ее сосватал, надел на нее бугтак и посадил на место Мертей хатун.

Селхук хатун – дочь Султана Рукн ад-Дина Рума.

Пояснение о его наложницах:

Кулдак акаджи из племени дурбан, Газан хан родился от нее.

Аркене акаджи – сначала она была наложницей Абака хана, после его смерти ее взял Аргун хан.

Куки – дочь Кутлук бука, сына Хасан ака.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Бука – из джалаир из племени убат. Во время Абака хана какого-либо влияния не заслужил. Однако при Аргун хане за хорошую службу его назначили амир-ул-умара, он удостоился всяческих почестей. Но затем он совершил предательство и стал мятежником. Его казнили по законам ясы, а так же всех его потомков.

Тагаджар – из суат. Во время Абака хана был почитаем. Во время Аргун хана стал еще более почитаемым. Ведал всеми делами инджу, получил туман Сунтая, которым ведал Хулкуту.

Теке – из сугануг. Во время Абака хана был великим, эмир туткавулов. В нынешнее время стал еще более почитаемым. Был из числа эмиров, состоявших в союзе с Бука против Аргун хана.

Арик-нойон – брат Бука из джалаир, был великим почитаемым эмиром. Был из числа эмиров, состоявших в союзе с Аргун ханом. Помог победить Ахмад хана, но совершил предательство и был казнен по законам ясы после своего брата Бука.

Шиктур-нойон – из джалаир. Во время Абака хана был почитаемым, так же и при Аргун хане.

Буралги-кяйти – из эмиров-шукурджиев. Аргун дал ему четыре тысячи из тумана Адала, сына Тайджу-нойона.

Дурату-куркан – сын Туна, сына Ходже нойона, сына Йеке-йисура из курлас, был почтенным эмиром.

Газан – старший брат Ишик-тукли из племени джалаир. Аргун хан дал ему часть тумана Адала, сына Тайджу нойона. Однако поскольку в итоге он поддержал Бука против Аргуна хана, его казнили по законам ясы.

Шиши-бахши – из уйгур, был почтенным эмиром, большого ума и способностей.

Куджан – брат Хуши, из числа приближенных эмиров. Занимал ту же должность, что и брат, казнен во время мятежа эмиров.

Увакбе – сын Тайджу нойона из племени йесут. Во время Абака хана был эмиром тумана. Во время Аргуна хана так же ведал туманом. Когда он умер, его туман передали другим эмирам.

Науруз – сын Аргуна-ага, из племени уйрат, из числа приближенных эмиров, из почтенных эмиров Хорасана, ведал одним туманом войска, но в конце совершил предательство и стал мятежником.

Самагар – почтенный эмир, эмир тумана, править Румом доверили ему.

Урдукита – из уйгур, эмир шукурджиев и утаджиев, погибший в ходе мятежа эмиров.

Хуши – из числа приближенных эмиров, эмир шукурджиев и утаджиев, эмир казны, погибший после смерти Аргуна хана от мятежных эмиров.

Барула – брат упомянутого Булуркана из курлас. Эти два брата служили Аргуна хану, были почитаемыми эмирами, инаками. Когда же они после Аргуна хана присоединились к мятежным эмирам, их казнили по законам ясы.

Лагзи – сын Аргуна-ага из племени ойрат, всегда был почтенным эмиром. Однако во время Ахмада был наказан за переход к Аргуна хану.

Дуладай-удаджи – из рода джаган племени татар, почтенный эмир, старшина удаджиев.

Туган – из почтенных эмиров, ведал войском, известный как Кетан, погиб при Кихату-хане.

Курумиши – брат упомянутого Барула из курлас.

Джуджеган – из племени кургут, почтенный эмир, атабек Аргуна хана.

Арбатай – из племени хушин, великий эмир, куркан.

Рамадан – из племени хедин мамаут, почтенный эмир, из числа эмиров битикчиев.

Таваккул – сын Йису-Бука-куркана из племени дурбан, эмир тумана.

Барду-ахтаджи – из числа эмиров ахтаджиев.

Секусун – из потомков Джаббара Йисута, из числа эмиров тысячи.

Хекгутур – из великих эмиров, а также из числа приближенных эмиров Аргуна хана.

Илджай-туткавул – почтенный эмир, эмир туткавулов.

Бегдай – из числа эмиров ахтаджиев.

Саукур – из числа великих и приближенных к Аргуна хану эмиров.

Уланмур – был почтенным эмиром, из числа приближенных эмиров, ведал войском.

Сехед нойон – был почтенным и великим эмиром.

Абакаджин – сын Сунтай нойона. Почтенный эмир, эмир тумана, был эмиром Аргуна хана, но в итоге перешел к Ахмаду.

Амкаджи нойон – был великим эмиром, ведал туманом войска.

Нукай йаргуджи – был очень почитаемым эмиром и ведал туманом.

Булатимур – был великим эмиром. Из эмиров войска, но в итоге перешел от Аргуна хана к Ахмаду хану.

Хектай кушджи – брат Каджар актаджи, из числа приближенных эмиров, из числа приверженцев Аргун хана, за что был казнен Ахмадом.

Урдубука – был великим эмиром, из числа почитаемых эмиров Хорасана.

Алтай – из числа приближенных эмиров.

Ургимур кушджи – из числа приближенных эмиров и кушджи, казненный Ахмадом за симпатии к Аргун-хану.

Бугдай-удаджи – из числа эмиров свиты, почтенный среди удаджиев.

Саутай – из числа приближенных эмиров.

Илджидай кушджи – был почтенным эмиром, также стал курканом. Был амир-ул-умара, был почтенным эмиром, ведал туманом.

Буркай йаргуджи – был великим эмиром.

Нурин-ага – был почтенным эмиром, из числа эмиров войска.

Йесу-бука – куркан, почтенный эмир. Из числа эмиров, заключивших союз с Бука для победы Аргун хана над Ахмадом.

Султан удаджи – был почтенным эмиром, из числа приближенных друзей Аргун хана.

Марук кушджи – был почтенным эмиром, во время Абака хана так же был почтенным, ныне занимает ту же должность.

Курумшиши – сын Хиндукура, великий эмир, эмир тумана, из числа эмиров, содействовавших Аргун-хану в союзе с Бука одержать победу над Ахмадом, но казненный Аргуном за свои симпатии к Бука.

Аргун нойон – сын Кука-илика, был почтенным эмиром, ведал туманом. Из числа эмиров, содействовавших Аргун хану в союзе с Бука одержать победу над Ахмадом.

Ишаку-Али – из джалаир, из числа эмиров, состоявших в союзе с Бука против Аргун хана, за что был казнен.

Махджу – эмир тысячи, из числа эмиров, состоявших в союзе с Бука против Аргун хана, за что был казнен.

Байду шукурджи – из числа эмиров шукурджиев, правление Багдадом после Тункая передали ему.

Мамудай актаджи – был почтенным эмиром.

Мекертай – сын Алгу битикчи, из джалаир, из числа эмиров, бывших на стороне Бука против Аргуна, прощенный по ходатайству эмиров.

Тункай – был почтенным эмиром, из числа эмиров шукурджиев, правление Багдадом назначили ему.

Буклук – из джалаир караун, эмир тысячи, из числа эмиров, состоявших в союзе с Бука против Аргун хана, за что был казнен.

Шади – сын Букура, был почтенным эмиром.

Кадан илджи – эмир йаргуджиев, из числа эмиров, объединившихся с Бука против Аргун-хана. Он прибыл к каану в качестве илджи, однако, несмотря на это, был казнен.

Хуке битикчи – из числа эмиров, состоявших в союзе с Бука против Аргун хана, за что был казнен.

Зенки – эмир ставки Улджай-хатун, так же из числа эмиров, примкнувших к Бука, за что и был казнен в соответствии с законами йаса.

Байду – брат Тагаджар нойона, был великим эмиром, править Исфаханом предназначили ему.

Саман битикчи – из числа эмиров, бывших на стороне Бука против Аргуна, помилованный за правдивые показания.

Сатмиш кушджи – был почтенным эмиром, а также эмиром тумана.

Тайджу – сын Буку, эмир тысячи.
Сарбан – сын Сунджак-ага, был почтенным эмиром.
Хунан – сын Малека, ведал тысячей.
Исан-бука – великий эмир, эмир ставки Булатан-хатун.

Потомки Аргун хана:

Дочери: Тиланджи, Кутмуктимур, Улджатимур – ее мужем был Акбука, сын Иликая из племени джалаир, когда же его не стало, на ней женился его сын Хусейн, Улждадай.

Сыновья: Хитай, Йесун тимур, Газан хан, Худабенде хан.

Описание Газан хана и ветвей его потомков

Пояснение о его женах:

Седи Куртка хатун – дочь Манкутимур-куркана из племени сулдус, она была дольше всех жен.

Булуган хатун – дочь Бесука из племени икхикин, вторая жена Газан хана.

Асел хатун – дочь Туктимура, сына Букай баргуджи, третья жена Газан хана.

Кукаджу хатун, которая пришла на место Дукуз хатун. Это седьмая жена Газан хана.

Булуган хатун – дочь Утмана из кунграт. После смерти Кихату хана Газан хан взял ее, и пятой женой Газан хана была она.

Дунди хатун – дочь Акбука из джалаир, была женой Кихату хана, после него ее взял Газан хан. Шестой женой Газан хана была она.

Керайун хатун – дочь Кутлук тимура из кунграт. Газан хан взял ее на место

Кукаджи хатун пришла на место Дукуз хатун.

Улджай хатун – дочь Суламиша, ее взял Аргун хан и посадил на место Кутлук хатун. После смерти Аргун хана на ней женился Газан хаан.

Пояснение о его наложницах

нет информации

Пояснение об эмирах, которые были в его время:

Нурин – из племени кейат, почтенный амир и амир ад-умара.

Эмир Чубан – из племени сулдус, во время Кихату хана был эмиром тысячи и почтенным эмиром. Сейчас стал еще более почитаемым. Никто из четырех эмиров Кутлугшаха не превзошел его в величии.

Эмир Пулад чингсянг – эмир большого ума и способностей. Заведовал и командовал тысячей каптавулов.

Эмир Тагачар – из суганут, великий эмир. Правил Румом. В Лагзе совершил предательство по отношению к государю ислама, поэтому правитель Харманчи отправил его в Рум и казнил.

Эмир Алгу – великий и почтенный эмир, был эмиром йаргужиев, а также войска.

Эмир Сутай – великий эмир, эмир всех ахтаджиив и также войска.

Эмир Бермехар – очень великий, почитаемый эмир. Ведал областью Ир-керхак, а также областями, связанными с диваном освоения земель (диван-и имарат).

Текне тутгавул – во время Аргун хана был почитаемым, был отправлен в Хорасан, где служил Газан хану.

Букай-йаргуджи – был почтенным эмиром, Аргун хан отправил в Хорасан в услужение Газан хану. Тогда Науруз стал мятежником и привел его к смерти.

Науруз – сын Аргун ака из племени ойрат. Они оба в это время стали великими и почитаемыми, амир-ул-умара, но поскольку в конце он совершил подлость, его добрые дела пропали.

Нарин-хаджи – сын Аргун ака из племени ойрат, был почтенным эмиром. Был из приближенных Его величества, но был убит за поступок брата.

Бергун-хаджи – сын Аргун ака.

Уйрадай-Газан – сын Аргун ака.

Тугачар – Газан хан назначил его командовать тысячей Суламиша.

Суламиш – сын Адала, сына Байджу-нойона, из племени йесут. Газан хан дал ему туман Ини-бигим. В Лагзе поднял мятеж, его судили по законам ясы и казнили.

Эмир Султан – йасавул, был великим эмиром, эмиром тумана, а также тысячи.

Ихсеик – брат Исек-туклы из племени джалаир, эмир тумана со времен Кихату хана. Поскольку он поднял мятеж, Газан хан казнил его по законам ясы, а его туман отдал Суламишу, сыну Адала, сыну Тайджу-нойона, который изначально командовал туманом.

Икбал – сын Арукту из джалаир. После времен Кихату хана стал эмиром. Когда Илдар стал мятежником, он убил его, тем самым услужив Газан хану.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миргалеев И.М.* «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 57–64.

2. *Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И.* Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 22–26.

3. *Рашид ад-дин.* «Шуаб-и панджгана». Факсимиле / Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 460 с.

4. *Хамидова Ч.И.* Генеалогии Джучидов в сочинениях Рашид ад-дина и Хафиза Абру // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 79–84.

5. *Хамидова Ч.И.* Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (1) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 668–680.

6. *Хамидова Ч.И.* Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (2) / Пер. и комм. Ч.И. Хамидова // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 868–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.868-880

7. *Хамидова Ч.И.* Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (3) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 846–865. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846-865

8. *Хамидова Ч.И.* Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (4) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 168–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.168-180

Сведения об авторе: Чулпан Ильдаровна Хамидова – научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420011, ул. К. Маркса, 12, Казань, Российская Федерация). E-mail: zahragizza@gmail.com

Поступила 21.02.2018 Принята к публикации 30.05.2018
Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Mirgaleev I.M. «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-Dina: perspektivy izucheniya [Rashid al-Din's "Shuab-i pahjganah": Research Perspectives]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 1, pp. 57–64. (In Russian)
2. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. Genealogiya predkov Uzbek-khana po dannym «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-dina [The Genealogy of Uzbek Khan's Ancestors according to the Rashid al-Din's "Shuab-i pandzhgana"]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 6, pp. 22–26. (In Russian)
3. Rashid al-Din. «Shuab-i pandzhgana». *Faksimile* ["Shuab-i pahjganah". Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 460 p. (In Russian)
4. Khamidova Ch.I. Genealogii Dzhuchidov v sochineniyakh Rashid ad-dina i Khafiza Abru [Juchids' Genealogy in the Writings of Rashid al-Din and Hafiz Abru]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, no. 9, pp. 79–84. (In Russian)
5. Khamidova Ch.I. Rashid ad-din. Shuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (1) [Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and Turks (1)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 3, pp. 668–680 (In Russian)
6. Khamidova Ch.I. Rashid ad-din. Shuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (2) [Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and Turks (2)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 4, pp. 868–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.868-880 (In Russian)
7. Khamidova Ch.I. Rashid ad-din. Shuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (3) [Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and Turks (3)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 4, pp. 846–865. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846-865 (In Russian)
8. Khamidova Ch.I. Rashid ad-din. Shuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (4) [Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and Turks (4)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 168–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.168-180 (In Russian)

About the author: Chulpan I. Khamidova – Researcher Fellow, the Center for the written and musical heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences (12, Karl Marks Str., Kazan 420011, Russian Federation). E-mail: zahragizza@gmail.com

Received February 21, 2018 Accepted for publication May 30, 2018
Published June 29, 2018

**МИРЗА УЛУГБЕК О ЧИНГИЗИДАХ НА ТРОНЕ ИРАНА:
ПРАВЛЕНИЕ УЛДЖАЙТҮ-ХАНА И АБҮ СА'ИД БАХАДУР-ХАНА**

Ж.М. Тулибаева

*Университет имени Сулеймана Демиреля
Каскелен, Республика Казахстан
zhuldyz.tulibayeva@sdu.edu.kz*

Настоящая статья содержит комментированный перевод извлечений из сочинения Мирза Улугбека (1394–1449) «Улӯс-и арба'-йи Чингизӣ» («Четыре улӯса Чингизидов»), написанного на персидском языке в 1425 году. «Улӯс-и арба'-йи Чингизӣ» посвящено правителям четырех государств империи Чингизхана: Улӯс Үктәй-қә'әна (Угедей-хана), Улӯс Джүчй-хана, Улӯс Хулағү-хана, Улӯс Чағатәй-хана. Данный труд представляет собой важный источник по истории правления Чингизидов, в частности, в Иране. Мирза Улугбек в своем труде при описании Улӯса Хулағү-хана упоминает имена шестнадцати правителей из рода Чингизхана. Здесь приводятся оригинальные сведения по истории Улӯса Хулағү-хана, отсутствующие в сочинениях хулагуидских историографов.

В данной статье дается перевод разделов сочинения, посвященных периоду царствования в Иране двух последних самостоятельных правителей из рода Чингизхана: Улджайтү-хана (1304–1316) и Абү Са'ид Бахадур-хана (1316–1335). По утверждению Мирза Улугбека, Улджайтү Султән отличался от многих чингизидских султанов. Он поддерживал ученых, представителей мусульманского духовенства, много приложил сил для укрепления законов ислама. Раздел, посвященный Абү Са'иду Бахадур-хану, включает в себя рассказ о принце Чағатәйского Улуса – шәхзәде Йасавур-үгләне из рода Чағатәй-хәна. Следует отметить, что глава о правлении Ильханидов в Иране содержит многочисленные сведения об их взаимоотношениях с другими государствами Чингизидов, правящей элитой и кочевой знатью внутри страны. Статья подготовлена в рамках гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан по финансированию фундаментальных и прикладных научных исследований.

Ключевые слова: Мирза Улугбек, «Улӯс-и арба'-йи Чингизӣ», история Чингизидов, Улӯс Хулағү-хана, Улджайтү-хан, Абү Са'ид Бахадур-хан

Для цитирования: Тулибаева Ж.М. Мирза Улугбек о Чингизиде на троне Ирана: правление Улджайтү-хана и Абү Са'ид Бахадур-хана // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 422–438. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.422-438

**MIRZA ULUGH BEG ON THE CHINGGISIDS ON THE THRONE OF IRAN:
THE REIGNS OF ÖLJAITÜ KHAN AND ABU SA'ID BAHADUR KHAN***Zh.M. Tulibayeva**Suleyman Demirel University
Kaskelen, Republic of Kazakhstan
zhuldyz.tulibayeva@sdu.edu.kz*

Abstract: This article contains annotated translation of extracts from the work of Ulugh Beg (1394–1449) *Ulūs-i arba'-yi Chingīzī* (*Four uluses of the Chingīzīds*), written in Persian in 1425. *Ulūs-i arba'-yi Chingīzī* is dedicated to the topic of the rulers of four states of Chinggis Khan's Empire: The Ulūs of Üktāy Qā'ān (Ögedei Khagan), the Ulūs of Jūchi Khan, the Ulūs of Hulāgu Khan, and the Ulūs of Chagatai Khan. This work is an important source on the history of the Chinggisids' reigns, particularly in Iran. While describing the Ulūs of Hulāgu Khan in his work, Ulugh Beg mentioned the names of sixteen rulers from the Chinggisid dynasty. Original information on the history of the Ulūs of Hulāgu Khan, which is missing in works of the Hulaguids' historiographers, is provided there.

This article provides translation of an extract dedicated to the period of the reigns in Iran of independent rulers from the Chinggisid dynasty: Öljaitü Khan (1304–1316) and Abū Sa'īd Bahādur Khan (1316–1335). According to Ulugh Beg, Öljaitü Khan differed from many Chinggisid sultans. He supported scientists and representatives of Muslim religious leaders, while putting a lot of effort into strengthening the laws of Islam. The part of the chapter dedicated to Abū Sa'īd Bahādur Khan includes a story about the prince of the Ulūs of Chagatai Khan – shakhzade Yasavur Üghlān – who was the descendant of Chagatai Khan. It should be especially noted that the chapter dedicated to the Ilkhanids of Iran contains numerous pieces of information about their relationship with other states of the Chinggisids, the ruling elite and nomadic nobility of Inner Asia. This article was prepared within the framework of a grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan aimed at funding basic and applied scientific research.

Keywords: Ulugh Beg, *Ulūs-i arba'-yi Chingīzī*, history of the Chinggisids, Ulūs of Hulāgu Khan, Öljaitü Khan, Abū Sa'īd Bahādur Khan

For citation: Tulibayeva Zh.M. Mirza Ulugh Beg on the Chinggisids on the Throne of Iran: The Reigns of Öljaitü Khan and Abu Sa'īd Bahadur Khan. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 422–438. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.422-438

Исторические летописи, созданные на персидском языке в XIII–XV веках, содержат разнообразные сведения по истории правления Чингизидов в Иране. По распоряжению правящей династии Ильханидов были написаны такие сочинения, как «Джām' ад-таварйх» [12; 8, с. 301–320], «Раудат авли ад-албāб фи ад-таварйх ва ад-ансāб» [8, с. 323–325], «Kitāb таджзийат ад-амсār ва тазджийат ад-а'сār» [8, с. 769–775], «Тарйх-и гузйде» [8, с. 327–334] и другие [3, с. 15–19]. Благодаря сочинениям придворных историографов, история предков Чингиз-хана, становление его империи, образование Улусов Чингизидов, в частности Улуса Хулагу-хана, были изложены и включены в общую картину мировой истории.

Вышеназванные сочинения хорошо известны научному сообществу. На основе данных хулагуидских источников были написаны научные труды по различным аспектам истории государства Ильханидов. Среди фундаменталь-

ных исследований отметим труды В.В. Бартольда [2; 1], И.П. Петрушевского [5; 4], Дж. Бойла [11], Б. Шпулера [14] и других.

Исследователями были изданы полные и отдельные части критических текстов рукописей, опубликованы переводы текстов и отдельных извлечений из рукописей на различные языки [13; 9]. В 1936 г. советскими востоковедами была начата работа над подготовкой сводного текста «Джам' ад-таварйх» и перевода на русский язык. Третий том перевода, подготовленный в 1939 г., увидел свет лишь в 1946 году. Первый том был опубликован в 1952 г. [7], второй том – в 1960 году [6].

Изучение истории Чингизидов по данным сочинений тимуридской историографии показывает, что описания отдельных событий дополнялись новыми сведениями, отсутствующими у ильханидских историографов. Например, описание событий появления сыновей Аланкува, описание обстоятельств смерти Чингизхана, его последнее завещание приводятся в иной версии, чем у Рашид ад-Дйна в «Джам' ад-таварйх». Отдельные даты, приводимые в тимуридских летописях, отсутствуют в труде Рашид ад-Дйна.

Среди тимуридских исторических сочинений труд Мирза Улугбека (1394–1449) «Улус-и арба'-йи Чингизй» считается важным и достоверным источником по истории Чингизидов [10, с. 79–100]. В «Улус-и арба'-йи Чингизй» при описании Улуса Хулагю-хана автором упоминается имена 16 правителей из рода Чингизхана. Мирза Улугбек в своем труде пишет, что Хулагю-хан (1256–1265) был первым из Чингизидов на троне Ирана, которому присвоили титул Ильхан¹. Излагая историю его правления, Мирза Улугбек отмечает: «Как известно, Хулагю-хан, сын Тулуй-хана постоянно щедро тратил деньги на ремонт домов и шахских дворцов, устраивал беседы с учёными и мудрецами. Хаджа Насир ад-Дин Тусй по его указу построил обсерваторию в Мераге [около] Тебриза, она является памятником от Хулагю-хана. Астрономическая таблица, составленная в этой обсерватории, известна под названием «Йлханй». Прекрасное описание этого сооружения изложено в исторических летописях»².

После кончины Хулагю-хана в 1265 г., его старший сын Абакай, по «соглашению нуйанов и приказу дяди Кубилай-ка'ана, сына Тулуй-хана, в [месяце] рамадан 663 года [хиджры], соответствующего тюркскому году собаки (йт), в местности Хуфан [вблизи] Кума украсил трон ханства и государства своим правлением» в Иране³. Третий правитель Тукудар-хан, является первым «представителем из этого почтенного сословия, который удостоился чести принять ислам», и стал именоваться Султан Ахмад-ханом⁴. Согласно Мирза Улугбеку, при седьмом правителе Улуса Ильханидов Султан Махмуд Газан-хане (1295–1304) «все монголы, находившиеся на земле Ирана, приняли ислам. Мусульмане любили его от всей души. Во время его правления были заложены основы истории ханства. Служители дивана Ирана летоисчисление берут с 701 года [хиджры], соответствующего тюркскому году мы-

¹ Мирза Улугбек. Улус-и арба'-йи Чингизй. Рукопись Хоутонской библиотеки Гарвардского университета под условным названием «Шаджарат ад-атрак». Инв. № 6, л. 82а.

² Там же, л. 83б.

³ Там же, л. 83б.

⁴ Там же, л. 85б.

ши (сичқан). Чеканилась монета, которая и сейчас в действии, на ней была выбита шахада»⁵.

Ильханидские историографы в своих трудах выделяли и особое внимание обращали на изложение истории Тули-хана, сына Чингизхана, и его потомков, правивших в Иране. В отличие от них, Мирза Улугбек рассматривал все Улусы Чингизидов как государства в составе единой империи. При этом он обращает внимание на взаимоотношения между правителями улусов, объясняя причины возникавших разногласий.

Учитывая, что описание правления династии Ильханидов у Рашид ад-Дйна в «Джам' ад-таварих» завершается историей царствования Султана Махмуд Газан-хана (1295–1304), в данной статье приводится перевод упоминаний (зикр) из «Улус-и арба'-йи Чингизий» о двух последующих и последних из самостоятельно правивших в Иране Чингиздах: Улджайту-хане (1304–1316) и Абду Са'ид Бахадур-хане (1316–1335). Перевод выполнен с персидского языка по списку рукописи, хранящейся в Хоутонской библиотеке Гарвардского университета под условным названием «Шаджарат ад-атрак». Для передачи имен собственных, малоизвестных географических названий и терминов используется система транслитерации, принятая в советских и российских научных изданиях.

(л. 92б) Упоминание о царствовании Улджайту Султана бин Аргун-хан бин Абакай-хан бин Хулагуй-хан бин Тули-хан бин Чингиз-хан

Во времена своего [старшего] брата Султана Махмуда Газан-хана, Улджайту Султан удостоился чести принятия ислама и получил прозвание – Султан Мухаммад Худабанда. По велению брата стал правителем Хорасана. Услышав о смерти брата, пустился в путь из Хорасана в Азербайджан. В пятый день священного месяца зу-л-хиджа 703-го года⁶, из страны Хорасан дошел до земель Учана и, согласно традициям монгольских султанов, приступил к траурным церемониям, которые завершил в Тебризе.

В пятнадцатый день священного месяца зу-л-хиджа 703 года⁷, соответствующего тюркскому году барса, в 23 года, своим восшествием он украсил ханский трон и должность мирохранителя. // (л. 93а) Должность амйр ад-умара⁸ поручил амйру Кутлук-шаху. На должность визирей назначил х'аджу Рашид ад-Дйна табиба и х'аджу Са'д ад-Дйна. Но, спустя некоторое время х'аджа Са'д ад-Дйн был обвинен в расточении имущества дивана и казнен. Х'аджи Тадж ад-Дйн Алишах Джилан [занял его место и] присоединился к х'адже Рашид ад-Дйну.

В среду, в день восьмой месяца зу-л-қа'да, весной 704 года⁹, соответствующего тюркскому году зайца (түшқан), в летовке (ййлақ) Найин области Тарум родился на свет сокровенный [его] сын Султан Абду Са'ид. В его честь был воздвигнут город-крепость Султания. В скором времени закончил его постройку и превратил в столицу. Во времена правления Улджайту Султана

⁵ Там же, л. 90б.

⁶ 9 июля 1304 г.

⁷ 19 июля 1304 г.

⁸ Амйр ад-умара (منصب امير الامرائى) – должность верховного эмира, командующего всеми войсками.

⁹ 2 июня 1305 г.

группа эмиров Египта и Шāма¹⁰, Джамāl ад-Дйн ʿУқрӯм, Қарāсунгӯр отвернулись от Малика Нāсира и перешли в покровительство ʿУлджайтӯ Султāна Йлхāна. Они также удостоились чести высокого внимания со стороны Султāна Муҳаммада Худāбанда, то есть ʿУлджайтӯ Султāна. Они рассказали о злодеяниях Малика Нāсира. В связи с этим у Султāна Муҳаммада Худāбанда возникла мысль о завоевании [той] области. Приведя в порядок орудия нападения и в исправность снаряжения, с победоносным войском начал поход на страну Малика Нāсира.

В воскресенье, в начале славного благословенного месяца рамадāн 712 года¹¹, соответствующего тюркскому году кабана (тунгӯзй), переправился через реку Евфрат и в этом же году, в шестой [день] месяца шаввāl¹², в воскресенье, остановился у внешних [стен крепости] Радийа в Шāме. Отважные богатыри своего времени окружили эту крепость и с обеих сторон вступили в бой. После непрерывных боев, благодаря усилиям хвādжи Рашйд ад-Дйна табйба, решили заключить мир. 24-го [дня] этого месяца¹³, в четверг, истинный владыка и побеждающий падишах повернул узду возвращения в сторону своей чудодейственной резиденции.

К тому времени пришло известие, что Кебек-хāн¹⁴ бин Дувā Хечан-хāн¹⁵ бин Барāқ-хāн бин Сукрā-хāн бин Кāмкār-хāн бин Чағатāй-хāн бин Чингиз-хāн и Йасавур-уғлāн бин ʿУрак-Тимӯр-хāн бин Тӯқ-Тимӯр-хāн бин Қудāғй-хāн бин Тӯрй-хāн бин Бāйкāн-хāн¹⁶ бин Чағатāй-хāн бин Чингиз-хāн с бесчисленным войском перешли через реку Амӯйа. Они полны решимости в стремлении захватить земли Хорасана.

В этой стране находились эмиры Йлхāна, такие как амйр ад-умарā страны Хорасан амйр Йасавул, амйр ‘Али Қӯшчй¹⁷, амйр Бӯджāй бин амйр Дāнишманд Бахāдур, амйр Муҳаммад Дулдāй и другие. Они выступили против воинов Мавераннахра, но потерпели поражение.

Эта весть дошла до Султāна Муҳаммада Худāбанда, то есть ʿУлджайтӯ Султāна Йлхāна, и [он] решил выступить с походом на Хорасан. Противники, как только услышали эту весть, повернулись обратно и поспешили в свои владения. Тогда ʿУлджайтӯ Султāн Йлхāн с большим торжеством и величием назначил своего старшего сына Султāна Абӯ Са‘йда правителем Хорасана¹⁸,

¹⁰ Шам – историческая область на восточном побережье Средиземного моря, обычно известная как Левант или Великая Сирия, включала в себя территории современной Сирии, Ливана, Палестины и Иордании.

¹¹ 31 декабря 1312 г.

¹² 3 февраля 1313 г.

¹³ 21 февраля 1313 г.

¹⁴ В тексте рукописи два варианта имени: كېكخان و كېكخان

¹⁵ В тексте два варианта: دوا چچن خان و دوا چچن خان

¹⁶ В тексте два варианта: بامكان و بایکان خان

¹⁷ В тексте два варианта: امير على قوشچى و امير على قوشچى

¹⁸ Хорасан – северо-восточная часть Ирана. В средние века к Хорасану относили обширную территорию от солончаковой пустыни Дешт-и Кавир на западе до р. Амударьи и гор Бадахшана на востоке и от пустыни Каракумы на севере до Гиндукушских гор и области Систан на юге. См.: Петрушевский И.П. Комментарий географический и исторический // Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 211.

а амйра // (л. 93б) Сйвинча¹⁹ назначил его атабеком²⁰ и амйр ад-умарā. Эмиры и каждый из дворцовых вельмож отдали своего сына или [младшего] брата в служение Султāну Абӯ Са‘йду. Шāхзāда Абӯ Са‘йд отправился в Хорасан в 713 году²¹, соответствующем тюркскому году мыши (сичқāн).

Бежавшие от сражения с Кепек-хāном и находившиеся на летовке Кӯшк-и Мурад амйр Йасāвул и амйр ‘Алй Қӯшчй присоединились к высшей свите. Достигнув Хорасана, Султāн Абӯ Са‘йд установил справедливость и великодушие. Над головами жителей того края раскрыл крылья пощады и великодушия. Благодаря знаменательному приходу царевича [к власти], смуты прекратились. Между Кепек-хāном бин Дувā Чечан-хāн и Йасавур-ўглāном бин Ёрак-Тимӯр-хāн возникла вражда. Йасавур-ўглāн поспешил в Хорасан, чтобы подружиться с Йлхāном. В 716 год²², соответствующий тюркскому году зайца, Ёлджайтӯ Султāн смертельно заболел. В пятничный вечер праздника разговения этого года²³ рука смерти дописала сиджил его жизни.

Правление Ёлджайтӯ Султāна длилось 12 лет и девять месяцев. Прожил он 36 лет. Церемония похорон проходила под куполом Абвāб ад-баракат, построенном в крепости. Говорят, что Ёлджайтӯ Султāн отличался от многих чингизидских султанов тем, что он расстелил ковер справедливости, укрепил законы ислама. Дни своего правления он провел в кругу сайидов, ученых, здравомыслящих людей и законовевдов. Он оказывал большую симпатию к роду ‘Алй.

Однако в 709-м году²⁴, по настоянию некоторых сторонников [поклонения] имамам, наподобие Шайха Джамāl ад-Дйна Хасана бин Сайид Бадр ад-Дйн, святого из Алеппо, который всячески старался развитию [шиитского] толка, этот Султāн Мухаммад Худāбанда на монетах, после слов «Лā илаха илā Аллах Мухаммад Расул Аллах», установленных еще Султāн Махмӯдом Ғāзāн-хāном, в рифме к ним он велел чеканить слова «‘Алй Вāлй Аллах». Затем исключили из хутбы имена трех праведных халифов, а после имени Хадрата Амйр ад-Мӯминйн, четвертого халифа ‘Алй бин Абй Тāлиб – да помилует Аллах его! – читали имена [его сыновей] Хасана и Хусейна без [упоминания имени Пророка] Мухаммада. [Затем произносили имя] Махдй, да будет Аллах доволен ими всеми! На монетах еще были высечены имена двенадцати имамов. По этой причине сунниты его называли Султāн Мухаммад Харбанда. Шииты и их ярые сторонники его называли Султāн Мухаммадом Худāбанда.

И еще в том году, когда Султāн Мухаммад // (л. 94а) Ёлджайтӯ собрал своё имущество из этого земного мира, в месяце мухаррам 716 года²⁵, соответствующего тюркскому году зайца, в период правления Ёлджайтӯ Султāна, [Шайх Джамāl ад-Дйн Хасан] отправился в предназначенное ему [место в том мире]. Шайх Джамāl ад-Дйн Хасан бин сайид Бадр ад-Дйн, святой из

¹⁹ В тексте два варианта: سيونج و سيونج

²⁰ Должность воспитателя при несовершеннолетнем правителе, атабек (اتابكى) правил государством от его имени.

²¹ 28 апреля 1313 г. – 16 апреля 1314 г.

²² 26 марта 1316 г. – 14 марта 1317 г.

²³ Пятница 1 шаввāля 716 г. хиджры приходится на 17 декабря 1316 г.

²⁴ 10 июня 1309 г. – 30 мая 1310 г.

²⁵ 26 марта – 23 апреля 1316 г.

Алеппо, который всячески старался узаконить толк имамов [шиизм]. Девятым ханом был Султāн Абӯ Са‘ид, сын Ёлджайтӯ-хāна.

Упоминание о Султāне Абӯ Са‘ид-хāне бин Ёлджайтӯ Султāн бин Арғун-хāн бин Абāқай-хāн бин Хулāгу-хāн бин Тўлй-хāн бин Чингйз-хāн

Услышав об усиливающейся болезни отца, Султāн Абӯ Са‘ид-хāн бин Ёлджайтӯ Султāн вместе с амйром Сйвиндж вышли в путь из Хорасана, чтобы завладеть Султанией и направился в сторону Ирака. Но ещё до этого смерть сделала своё и провела Ёлджайтӯ Султāна из стоянки тленного мира. Когда Султāн Абӯ Са‘ид достиг Ирака, в начале 717 года²⁶, соответствующего тюркскому году дракона (лўй), как уже упоминалось, в городе Султании, который является из числа памятников, созданный его отцом, своим счастливым пребыванием он украсил мироохраняющий трон и ханский престол.

Он проявил усердие в наведении порядка в делах государства и народа, высоко поднял знамя справедливости и правды. Должность амйр ад-умарā поручил амйру Чўбāн сулдўзу. Дела визирства, как было до этого, он поручил х‘аджи Рашйд ад-Дйну тāбийбу и х‘адже Тāдж ад-Дйну Алйшāху Джйлāну²⁷. Хотя в то время Султāну Абӯ Са‘ид-хāну было всего 12 лет и только пошёл 13-ый год. Поэтому амйр Чўбāн сулдўз выполнял обязанность владыки в государстве и управлял всеми делами полностью.

В 718 году²⁸, соответствующем тюркскому году змеи (ййлāн), из-за разногласий и распрей среди служителей дивана, х‘аджа Тāдж ад-Дйн Алйшāх Джйлāн, эмиры и столпы государства сделали подношения амйру Чўбāн сулдўзу и добились того, что Султāн Абӯ Са‘ид-хāн охладел по отношению к х‘адже Рашйд ад-Дйну. Этого достойнейшего и наичистейшего визиря довели до состояния мученической смерти.

В этом году шāхзāда Йасавур-ўғлāн бин Ёрак-Гймўр-хāн бин Тўқ-Гймўр-хāн бин Қудāғй-хāн бин Тўрй-хāн бин Бāмкāн-хāн бин Чағатāй-хāн бин Чингйз-хāн поднял мятеж в Хорасане и не придержал узду своего коня до Мāзандарāна.

В то же время, со стороны Дешт-и Қипчāқа высокочтимый падишах Султāн Муҳаммад Ёзбек-хāн бин Тўгрул-хāн бин Тўқтāй-хāн бин Тўғāн-хāн бин Бātў-хāн бин Джўчй-хāн бин Чингйз-хāн по Дербендской дороге тоже направился в Азербайджан. Султāн Абӯ Са‘ид-хāн бин Ёлджайтӯ Султāн для уничтожения войска Йасавур-ўғлāна назначил амйр Хусейна Гўрагāна бин Āқтўқā²⁹ бин Сангўтўр бин Йлкāн джалāйира, который был мужем тети [со стороны отца] султана, то есть сестры Ёлджайтӯ Султāна. Сам отправился на зимовку (қишлāқ) в Қарāбāғ. // (л. 94б) Амйр Чўбāн сулдўз также отправился вслед за амйром Хусейном Гўрагāном.

В это время дошли слухи о том, что высокочтимый падишах Султāн-Муҳаммад Ёзбек-хāн прибыл в Дербенд. По необходимости Султāн Абӯ Са‘ид с тем немногочисленным войском, что было рядом с ним, отправился к берегам реки Кур. По сути дела на другом берегу реки вражеские войска за-

²⁶ 15 марта 1317 г. – 4 марта 1318 г.

²⁷ В тексте допущена ошибка в имени: خواجه تاج الدين حلبى شاه جيلان

²⁸ 5 марта 1318 – 22 февраля 1319 г.

²⁹ В тексте два варианта: آق توقا и آقبوقا

нимались грабежом. Когда направлявшийся в Хорасан амір Чубан сулдӯз достиг Байлақана, услышал известие о нападении войска Ўзбек-хана. Стремясь его остановить, он со своим войском в количестве двух туманов объединился с Султāном Абӯ Са‘ид-хāном победителем. К тому времени превосходство было на стороне войска Ўзбек-хана, и они возвращались в свой край. Услышав об этом, амір Чубан сулдӯз словно ветер переправился через реку. Он сжег гумно жизни многих из противников и сравнял с землей бытия.

Амір Чубан сулдӯз, после возвращения, добился издания указа (йаргӯ)³⁰ падишаха и [на этой основе] допросил и установил палочное наказание (чӯб-и йасак)³¹ Қўрмиш ибн Алйнақ керāйиту и другим эмирам, которые, до присоединения его к счастливой султанской орде, направлялись против Ўзбек-хана. От этого поступка амīра Чубан сулдӯза эмиры были на него в обиде. Амір Акриндж и керāйит, амір Туғмақ, амір Йшнӯқā, амір Бӯқā йлдӯрчй, амір Чубан Қарāавбāш сговорились с амīром Қўрмиш бин Алйнақ керāйита и решили выбрать подходящий момент, чтобы наложить руку на него [амīра Чубана].

К тому времени Султāн Абӯ Са‘ид-хāн отправился в сторону Султани. Амір Чубан сулдӯз двинулся в сторону Гурджистана. Эмиры-злоумышленники, пользуясь моментом, как волки, пустились вслед за амīром Чубаном. Когда они приблизились к его стоянке, амір Чубан узнал об этом, оставив свою юрту, перебрался в другую. Враги пустили орду Чубана на ветер грабежа и затем погнались за ним. Когда встретились с ним, произошло ожесточенное сражение. Амір Чубан сулдӯз потерпел поражение. Сбежав с горсткой жалких людей, с большими трудностями добрался до Султани.

Тогда Қўрмиш бин Алйнақ керāйит, Акриндж и керāйит, Туғмақ, Йшбӯқā, Бӯқā йлдӯрчй, Чубан Қарāавбāш и другие эмиры с бесчисленным войском, преследуя Чубан сулдӯза, чтобы сразиться [с ним], вышли из Нахичевана и дошли до границ Султани. Переправившись через [реку] Сафйдрӯд, в местности Дилкāн расположились напротив войск Султāна Абӯ Са‘ид-хана. Произошла битва.

Султāн Абӯ Са‘ид-хāн, обдумав положение врага, со своими эмирами и войском, находившимся в его распоряжении, начал наступление. После столкновения двух войск разгорелась битва, разбушевавшаяся подобно Хазарскому морю. И пустили в ход меч, чтобы головы сечь, стали рубиться друг с другом мечами. В этом побоище амір Йранджин и его жена, а также шāхзāда Куджак, сына которого зовут амір Шайх ‘Алй, были убиты одним из воинов Султāна Абӯ Са‘ид-хана. ‘Абд ад-Рахмāн, сын амīра Қўрмиш // (л. 95а) керāйита, проявлял большое мужество и героизм. Стало близко к тому, что враг мог нанести некоторый урон султанским войскам. Тогда Султāн Абӯ Са‘ид-хāн, несмотря на свою молодость, под защитой Божьей и по его воле обнажил богатырский меч и, следуя своей благородной натуре, первым вышел на поле сражения.

Победоносное войско, осознав это положение, как один набросилось на жалкого врага. Сражались до такой степени ожесточенно, что от острия мечей их кровь лилась как дождь из беспощадной тучи. Ветер победы начал

³⁰ Йаргӯ (یرغو) – юридическое право, суд, наказание.

³¹ Йасак (ياساق) – монг. дзасак, закон, наказание.

веять в сторону знамени справедливого падишаха. Амйр Акринджй керайит, амйр Апарнеджйн³², амйр Тугмақ, амйр Йшнўқа были схвачены и казнены. Амйр Қўрмишй бин Алынāқ керайит, его сын амйрзāда ‘Абд ад-Рахмāн, амйр Бўқа йлдўрчй, амйр Чўбāн Қарāавбāш спаслись бегством. В конце концов, сторонники Султāна Абў Са‘йд-хāна их тоже поймали и казнили. В честь того, что падишах Ирана в этой битве лично показал мужество и доблесть, 20-го дня священного месяца раджаб 719 года³³, соответствующего тюркскому году лошади (йўнд)³⁴, все – как простой народ, так и высокородные лица – решили присоединить к счастливым прозваниям султана слово «Бахāдур».

Рассказ о положении шāхзāда Йасавур-ўғлāна бин Ўрак-Тймўр-хāн бин Тўқ-Тймўр-хāн бин Қудāғй бин Тўрй бин Бāмкāн бин Чағатāй-хāн

Шāхзāда Йасавур-ўғлāн, узнав о походе амйра Хусейна Гўрагāна бин Ақбўқа бин Шангўтўр³⁵ бин Йлкāн джалайир, в Мāзандарāне разрушил многие местности и вернулся обратно. Амйр Хусейн Гўрагāн пустился за ним в погоню. Йасавур-ўғлāн ушел в Нйшāпўр и обложил [непосильным] налогом население этого города. В это время услышал, что амйр Хусейн Гўрагāн остановился в двух фарсах от Нйшāпўра. Он, вместо того, чтобы предпринять определенное решение, по Тўсской дороге прибыл в Джām. Отсюда направил письмо в Херāt вслед за Мубāракшāхом бин Бўджāй и велел вместе организовать осаду Малика Гийāс ад-Дйна курта. Когда они достигли окрестностей города Херāта, Малик выступил навстречу, чтобы их остановить. Несколько дней происходили кровавые бои.

В это время шāхзāде Йасавур-ўғлāну стало известно о том, что амйр Хусейн Гўрагāн приближается вместе с иракским войском. Короче, он потребовал через посла, чтобы вернули обратно Мубāракшāха и письмо. По их прибытии выяснилось, что произошло событие, противное той вести. Амйр Хусейн Гўрагāн два месяца не продвинется с места своей стоянки. Йасавур-ўғлāн собрал совет, чтобы определить, следует ли уйти или остаться. По воле большинства решили, что, придя в Херāt, как было согласовано, организуют его осаду. С этой целью направили знамя передвижения в ту сторону.

22-го дня месяца рабй‘ ад-аввал 719 года³⁶, соответствующего тюркскому году лошади, выбрали себе стоянкой Бушўрāн. В течение месяца осаждали [город] и сражались //(л. 95б) с Маликом Гийāс ад-Дйном куртом, принесли ему много забот. Увидев, что дела не продвигаются далее, сжалились. Между тем амйр Хусейн Гўрагāн, дойдя до Херāта, присоединился с Маликом Гийāс ад-Дйном куртом и погнал Йасавур-ўғлāна до Майдāн-Заррйна. Там он поймал некоторых из противников и казнил, а затем отбыл обратно. Говорят, что Шāхзāда Йасавур-ўғлāн отправился отсюда в область Мавераннахр и в сражении с неким потомком Чағатāй-хāна бин Чингйз-хāна был схвачен и убит. По словам других, он несколько дней пребывал на ханском троне в стране Дешт-и Қипчāқ. Об истине его положения Аллах знает лучше.

³² В тексте два варианта: امير ايرانجين و امير ايرانجين

³³ 6 сентября 1319 г.

³⁴ В тексте два варианта: بونت و بوند

³⁵ В тексте два варианта: سنكوتور و شنكوتور

³⁶ 13 мая 1319 г.

Упоминание о некоторых событиях правления Абӯ Са‘ида Бахадур-хана, о положении амйра Чубан сулдӯза и конце жизни амйра Чубан сулдӯза, а также о его потомках

Как сказывают сказатели событий повседневной жизни, в начале правления Султана Абӯ Са‘ид Бахадур-хана, из-за его молодости, обязанности правления страной исполнял амйр Чубан сулдӯз. Затем правление перешло в руки султана. Еще в 721 году³⁷, соответствующем тюркскому году обезьяны (бйчй), амйр Чубан сулдӯз показал настойчивость и заключил брак с дочерью Улджайтӯ Султана шахзāда Сāкй-бек, сестрой Султана Абӯ Са‘ида Бахадур-хана, и возгласы радости и развлечений вознес до ‘Айӯк³⁸.

В 722 году³⁹, соответствующем тюркскому году курицы (дāкӯк), амйр Тимӯртāш бин амйр Чубан сулдӯз, который правил областью Рӯм, начал враждовать и приказал читать *хутбу* на своё имя. В середине зимы амйр Чубан сулдӯз вышел в путь, чтобы устранить смуту сына. Тимӯртāш поспешил с повинной к своему отцу. Амйр Чубан своего сына амйра Тимӯртāша пленил и привез в счастливую орду. Султāн Абӯ Са‘ид Бахадур-хāн из уважения к амйру Чубану сулдӯзу простил грехи неповиновавшегося Тимӯртāша и во второй раз отправил его управлять Рӯмом.

В 723 году⁴⁰, соответствующем тюркскому году курицы, х^вādжа Алишāх Джилāн скончался в Учане⁴¹ от обычной болезни. Наместник амйра Чубана сулдӯза х^вādжа Рукн ад-Дйн Сāйин стал визирем вместо х^вādжи Алишāха. Ещё в этом году амйр Чубан сулдӯз свою дочь Багдād-хātун, несравненную красавицу, выдал замуж за амйра Шайха Хасана бин амйр Хусейн Гӯрагāн бин Ақбӯкā бин Сангӯтӯр бин Йлкāн джалāйира. Он был сыном тети Султана Абӯ Са‘ид-хана по отцу, [сыном младшей] сестры Улджайтӯ Султана.

В 725 году⁴², соответствующем тюркскому году кабана, амйр Чубан сулдӯз с бесчисленным войском по Гурджистāнской дороге совершил поход на города Дешт-и Қипчāқа. В стране Султāн Мухаммад Узбек-хана совершил набеги и разбои, затем быстро возвратился назад. В тот год Султāн //(л. 96а) Абӯ Са‘ид Бахадур-хāн полюбил Багдād-хātун. Он выпустил из рук узду терпения и воли...

Согласно *йāсе* Чингйз-хана, если падишах полюбит какую-либо женщину, её муж должен наложить на неё талāк и отправить её в шахский гарем. Следуя этому, Султāн Абӯ Са‘ид Бахадур-хāн отправил одну из жён к амйру Чубану и передал свои намерения. Услышав об этом, Чубан сулдӯз почувствовал себя оскорблённым и дал грубый ответ. От этого Султāн Абӯ Са‘ид Бахадур-хāн приумолк. Но на полях его величественной памяти записалось зло.

³⁷ 31 января 1321 г. – 19 января 1322 г.

³⁸ ‘Айӯк – арабское название звезды Капелла (α Возничего), которое возможно происходит от греческого *aiç* (*aiks* – «коза») из звездного каталога Птолемея. См.: Richard Hinckley Allen. *Star-Names and Their Meanings*. New York: G.E. Stechert, 1899. P. 86–87; Абу Райхан Беруни. *Избранные произведения*. Т. 5, Ч. 2. Ташкент: Фан, 1976. С. 545, 579.

³⁹ 20 января 1322 г. – 8 января 1323 г.

⁴⁰ 9 января – 29 декабря 1323 г.

⁴¹ В тексте два варианта: *اوچان* и *اوچان*

⁴² 18 декабря 1324 г. – 7 декабря 1325 г.

Амӣр Чӯбән сулдӯз, надеясь, что разлука погасит пламя страсти влюбленного к возлюбленной, отправил амӣра Шайха Ҳасана Ёлкәнӣ вместе с его женой Бағдād-хātун, дочерью амӣра сулдӯза, в Қарāбāғ. Уговорив Султāна Абӯ Са'йда, повёл зимовать в Багдад. Когда высокочтимый падишах дошел до славного города Багдада, любовь его к Бағдād-хātун ещё больше стала терзать его душу.

К несчастью, визир Рукн ад-Дйн Сāйин, по прозванию Малик Нусрат ад-Дйн 'Адил, подыскав удобное время, в скверной форме доложил [султану] положение и дела визиря амӣра Чӯбāна сулдӯза и его потомства. Эти слова, словно «узор, высеченный на камне», оставили след на доске справедливой души султана. Димишқ х'ādжа, сын амӣра Чӯбāн сулдӯза, был в числе людей близких ко двору. Он, узнав о [плохих] изменениях в характере падишаха и доносе визиря, довел это до слуха отца. Амӣр Чӯбāн сулдӯз решил это по-своему так: отправится с визирем Рукн ад-Дйном Сāйином в отдалённую область и накажет его за неблагодарность, когда представится удобный случай.

Короче, весной Султāн Абӯ Са'ид Бахāдур-хāн отправился из Багдада в Султанию. [Амӣр Чӯбāн сулдӯз] оставил своего сына Димишқ в столице, на службе у султана, а сам под поводом покорения Хорасанской области уехал. Доехав до Хорасана, старшего сына амӣра Ҳасана отправил с большим войском в Ғазнӣн. Амӣр Ҳасан устроил в той области разрушения, резню и грабёж. Совершил недостойные поступки на могиле (мазār) Султāн Махмӯда Ғазӣ бин Сабуктегӣн. Короче, Всевышний приготовил ему кару за его злодеяния, доведя его до наказания. В скором времени об этом будет изложено. Так, амӣр Чӯбāн сулдӯз, оставив Димишқ х'ādжу в столице султана, сам отправился в сторону Хорасана. Амӣр Димишқ х'ādжа дела султанства стал решать самостоятельно, уверенно и свободно. Падишахское имя потеряло своё значение. // (л. 96б) Это обстоятельство тяжело повлияло на падишаха.

Втайне он заявил об этом верным людям. На том собрании один из приближённых довел до сведения, что амӣр Димишқ х'ādжа поддерживает [любовную] связь с наложницей Ёлджайтӯ Султāна в крепости Султании. Султан сказал: «Как только Димишқ х'ādжа отправится к возлюбленной, дайте мне знать об этом!».

В тот день, вечером четверга месяца шаввāl 727 года⁴³, соответствующего тюркскому году коровы (ӯд), амӣр Димишқ х'ādжа отправился к своей возлюбленной, в крепость Султанию. Об этом оповестили высокопочтенного. Султан дал указ его казнить. Но никто не осмеливался выполнить это. В тот вечер преподнесли несколько отрубленных голов из окрестностей Курдистāна. Султан, по предложению амӣра Туғāна и амӣра Тāш-Тймӯра, велел распространить слух, что эта голова принадлежит амӣру Чӯбāну сулдӯзу и что по приказу султана в Хорасане [его и] его близких казнили. Отрубив их головы, прислали сюда.

Услышав об этом, амӣр Димишқ х'ādжа потерял покой. Со своими приближёнными людьми, которых было порядка десяти, выпрыгнул за стены крепости. Увидев свой дом в осаде, бросился бежать. Султāн Абӯ Са'ид Бахāдур-хāн отправил амӣра Мисра х'ādжу и амӣра Āғā Лулӯ' в погоню за

⁴³ 19 августа – 17 сентября 1327 г.

Димишқ җ^баджой. Они помчались за ним, догнав его, амйр Миср җ^баджа лично сам обезглавил амйра Димишқ җ^баджу, сына амйра Чубан сулдүза.

Тогда великий падишах отправил эмирам Хорасана [следующий] указ: «Проявляйте усердие и доблесть в поимке и уничтожении амйра Чубан сулдүза и его людей!». А также в остальные области, строго наказав, разослал указ, дабы от Чубанидов и пылинки не осталось. Повелевал, чтобы голову Димишқ җ^баджи повесили над воротами Султанин. Когда шахский указ дошёл до Хорасана, его оповестили об этом. В Хорасане некоторые из эмиров присоединились к Чубан сулдүзу. Старший сын амйра Чубана Хасан изложил такое решение: «Нужно убить эмиров Султана Абү Са'йда, что находятся здесь. А головы их отправить султану. Необходимо захватить страну, перейти под защиту правителей Чагатайского улуса. Дабы они были нам поддержкой. Постепенно Иранское государство будет нашим».

Амйр Чубан сулдүз не согласился со словами сына Хасана. Он возгордился своей мощью и силой. Заключив союз с некоторыми эмирами, собрал войско и отправился в сторону Ирака. В то время Султана Абү Са'ид Бахадур-хан тоже вышел из Султанин, расположился в Қазвине. [Султан] назначил визирем җ^баджу Гийас ад-Дина Мухаммада бин җ^баджа Рашид ад-Дин. Соответствующая подробность о нем изложена в [сочинениях] «Шарх шамсийа», «Тарих-и гузйда» и в одноименной касыде Салмана⁴⁴.

Так, люди султана, отправленные в Хорасан, доставили эмирам его указ, // (л. 97а) в то время они не думали враждовать. Поэтому тут же положение дел обсудили у амйра Чубан сулдүза. Узнав о смерти сына, амйр Чубан сильно горевал. Визиря Рукн ад-Дина Сайина из жизненного пути сбросил в пропасть смерти. После казни визиря Рукн ад-Дина, с семьюдесятью тысячами беспощадных всадников собрался в Ирак, чтобы отомстить, и об этом частично уже упоминалось.

Когда амйр Чубан сулдүз прибыл в Симнан, отправился к господину полюсу полюсов, к святому Шайху Рукн ад-Дину 'Ала ад-Даула Симнани, да осятит [Аллах] его могилу! При Хазрате он заставил поклясться своих эмиров, что они не отвернутся от него. Тогда он попросил того святого Шайха о том, чтобы тот отправился в орду султана и востребовал кровавую месть убийцам амйра Димишқ җ^баджи. Попросил, чтобы усердно приступили к исполнению данного условия. Хазрат Шайх отправился туда, чтобы выполнить эту просьбу.

Султан Абү Са'ид Бахадур-хан встал с места для приветствия и оказания уважения тому высокочтимому господину и вежливо сел, согнув колени. Однако он не согласился со словами о выдаче убийц Димишқ җ^баджи, сына амйра Чубан сулдүза и заключения мира с амйром Чубаном.

После возвращения Хазрата Шайха, амйр Чубан с большой гордыней начал поход в сторону величественной шахской орды. Когда достигли местности Қуха, и между двумя противоборствующими сторонами оставалось расстояние чуть больше одного дня пути, как вдруг амйр Мухаммад Хачак-нуйан

⁴⁴ Иранский поэт Джалал ад-Дин Салман бин Мухаммад Савадж (709/1309 – 778/1376) посвятил Гийас ад-Дину Мухаммаду, сыну Рашид ад-Дина, обширную касыду «Сарх-и мумаррад», получившей в то время большую популярность и обиходное название «касида-йи масну'-и Салман-и Савадж». См.: Акимускин О.Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. С. 293–294.

уйрāt, амйр Никрӯз и другие эмиры подобного величия с 30-тысячью храбрцами, забыв об обещаниях, данных амйру Чубāн сулдӯзу, присоединились к войску султана и перешли на службу всемогущего падишаха.

Амйр Чубāн сулдӯз, [потеряв надежду] на остальных эмиров и воинов, от испуга пустился по дороге через пустыню в сторону Хорасана. Большинство его людей разошлись, ушли – кто куда захотел. Направляясь в Туркестан, амйр Чубāн сулдӯз скакал до реки Мурғāб. Здесь он пожалел о своем намерении. Решил обратиться к защите своего наставника Малика Ғийāс ад-Дйна курта. Накануне прибытия амйра Чубāн сулдӯза в Херāt, Малику Ғийāс ад-Дйну пришел указ от Султāна Абӯ Са'йда Бахāдур-хāна. Содержание его было таким, чтобы нашли амйра Чубāн сулдӯза, где бы он ни был, и казнили. В свое время, он [Чубāн сулдӯз] содействовал ему [Малику Ғийāс ад-Дйну] в захвате им владений атāбеков Фāрса. Однако, ознакомившись с содержанием указа Султана, Малик Ғийāс ад-Дйн, увидев амйра Чубāн сулдӯза, забыл его бывшие добрые услуги, и сразу же вызвал палача. Как ни молился и ни упрашивал амйр Чубāн, чтобы праведный Малик хоть раз пообщался с ним, все было бесполезно.

Тогда амйр Чубāн сулдӯз сообщил Малику о том, что просит исполнить три его завещания. «Во-первых, пусть отрубят мне голову. Во-вторых, тело моё отправит в благословенную Медину Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и похоронит внутри сооружения, выстроенного мною на том почитаемом месте. В-третьих, сына моего Джалāдхāна, что родился от Шāхзāда Сāкй-бек, дочери Улджāйтӯ Султāна, сестры Султāна Абӯ Са'йда Бахāдур-хāна, //(л. 97б) живым отправить в орду Султана». Малик, оказав честь, принял эти просьбы.

Затем палач казнил амйра Чубāна сулдӯза, перерезав ему глотку. Его два пальца отправил в орду султана. В месяце муҳаррам 728 года⁴⁵, соответствующего тюркскому году барса, эта метка была доставлена ко двору Султāна Абӯ Са'йда Бахāдур-хāна, и по его указу их повесили на воротах дворца [перед] базаром. Зимой этого года Малик Ғийāс ад-Дйн курт выступил в путь, чтобы встретиться с великим султаном. В пути он услышал о том, что амйр Шāйх Хусейн⁴⁶ Бузург насильно развелся с Бағдāд-хātун, дочерью амйра Чубāна. Она по истечении определенного законом срока прибыла в гарем падишаха и весьма довольна.

Узнав об этом, неблагодарный Малик окунулся в море изумления. Отправив человека в Хорасан, казнил несравненного в красоте Джалāдхāна, сына амйра Чубāн сулдӯза. Сам дошел до Қарāбāға, был удостоен чести целовать землю у ног Султāна Абӯ Са'йда Бахāдур-хāна. Но из-за [чрезмерного] внимания [султана к] Бағдāд-хātун его дела не шли на лад. Малика в счастливой орде держали как бы в плену. Затем специально посланные люди прибыли в Хорасан и привезли в орду хана тела амйра Чубāн сулдӯза и его сына Джалāд-хāна. Тогда Султāн Абӯ Са'йд Бахāдур-хāн выделил 40 тысяч динаров на расходы и тяготы [перевоза и захоронения]. Отправленные

⁴⁵ 16 ноября – 15 декабря 1327 г.

⁴⁶ Ошибка в имени. Правильно: Шāйх Хасан.

паломники доставили с собой эти тела в благославленную Мекку, а затем – в святую Медину и захоронили в землю.

После казни амīра Чубāна некоторые из его потомков и родственников также были убиты. Остальные скитались по всему миру. Среди них был амīр Тимурташ, сын амīра Чубāн сулдўза, правитель страны Рўм. Он сбежал из Рўма в Египет. Там был убит. Обстоятельства этого события изложены в подробных исторических книгах. Говорят, что амīр Чубāн сулдўз был щедрым, справедливым. Не жалел сил в деле возвышения религии ислам. Да благословит его Всевышний!

Упоминание о том, как Бағдād-хātўн, дочь амīра Чубāна сулдўза, была удостоена чести вступить в брак с Султāном Абў Са‘йдом Бахāдур-хāном бин Ўлджайтў Султāном, и о кончине этого великого падишаха по велению судьбы

Как рассказывают, после казни амīра Чубāн сулдўза счастливый падишах Султāн Абў Са‘йд Бахāдур-хāн вызвал қадї Мубāракшāха и приказал отправиться к амīру Шайху Хасану Бузургу и любой хитростью настроить его против Бағдād-хātўн. По повелению султана қадї отправился к амīру Шайху Хасану Бузургу Йлкāнї и всевозможными словами и путями напомнил амīру Шайху Хасану Бузургу ту необычайную историю.

Шайх Хасан, испугался за свою жизнь и решил расстаться со своей возлюбленной. В присутствии қадї Мубāракшāха дал развод Бағдād-хātўн. После окончания определенного законом ислама срока, высокостепенный повелитель заключил свой брак с Бағдād-хātўн. Бағдād-хātўн, упираясь ногой величия в шею государства, стала высочайше вмешиваться в государственные и финансовые дела. В 732 году⁴⁷, //(л. 98а) соответствующем тюркскому году лошади, группа высокочтимых завистников донесли до славного слуха султана, что якобы между амīром Шайхом Хасаном Бузургом и Бағдād-хātўн существует тайная переписка. Из-за клеветы людей султана охладела к ним обоим. Он хотел повелеть казнить Шайха Хасана Бузурга. Но из-за того, что его мать была [младшей] сестрой Ўлджайтў Султāна и приходилась ему тётей, он из уважения к ней отказался от мысли казнить Шайха Хасана Бузурга. Он выгнал его и отправил в крепость Кумāх.

Бағдād-хātўн была лишена его внимания. Раскрыв правду об этом заговоре, выявив обман низко падших людей, он вновь стал уделять Бағдād-хātўн своё внимание. Амīру Шайху Хасану Бузургу Йлкāнї, который после казни амīра Чубāн сулдўза занял должность амīр ад-умарā и на которого был разгневан из-за клеветы завистников, вновь оказал уважение и милость и назначил на престол правления Рўма.

Как рассказывают, Султāн Абў Са‘йд Бахāдур-хāн весну и осень проводил в Султани, а лето и зиму – в Багдаде или Иранском Қарāбāге, как места летовки и зимовки. Он уделял большое внимание ремесленникам, поэтам и каллиграфам. У него самого был красивый почерк.

Его наставником [по письму] являлся х‘аджа ‘Абдаллах Сїрафї. В конце 735 года⁴⁸, соответствующего тюркскому году курицы, Султāн Абў Са‘йд

⁴⁷ 4 октября 1331 г. – 21 сентября 1332 г.

⁴⁸ 1 сентября 1334 г. – 20 августа 1335 г.

Бахадур-хāн направился в Багдад. В дороге услышал о том, что Султāн Мухаммад Ёзбек-хāн из страны Дешт-и Қипчāқ начал поход на Иран и Азербайджан, следуя в направлении Дербенда⁴⁹.

По этой причине в начале 736 года⁵⁰, соответствующего тюркскому году собаки (йт), узду следования свернул в сторону Ирана. В пределах Ширвана задержался почти на три месяца. Однако из-за жары и неблагоприятной погоды Султāн Абӯ Са'ид Бахадур-хāн заболел, через 15 дней болезнь обострилась. Великий падишах стал много пить. Болезнь ещё больше усилилась. На 13 день месяца рабӣ' ад-āхир 736 года⁵¹, соответствующего тюркскому году собаки, в Байлақāне он отправился на тот свет.

Тело того прощенного и благословенного султана привезли в Султанию и похоронили в выстроенном им самим здании, известном под названием «Шахр-и Нāзук». Он прожил 32 года. Правление его длилось 19 лет. Рассказывают, что в последние дни своей жизни Султāн Абӯ Са'ид Бахадур-хāн видел Дильшād-хātūн, дочь Димишқ х'ādжи бин амӣр Чӯбāн сулдӯза, рядом с Бағдād-хātūн, дочерью амӣра Чӯбāн сулдӯза, являвшуюся её тётёй. Он стал больше уделять внимания Дильшād-хātūн и женился на ней. Его любовь к ней была сильнее, чем к Бағдād-хātūн. Так как султан стал мало уделять внимания Бағдād-хātūн и всё больше любил Дильшād-хātūн, [Бағдād-хātūн] из ревности отравила Султāна Абӯ Са'ида ядом. Об истине этих дел лучше известно Аллаху!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В.* Иран. Исторический обзор / Собр. соч. Т. VII. Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Наука, 1971. С. 230–336.
2. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Собр. соч. Т. I. М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. 760 с.
3. *Камалов И.Х.* Отношения Золотой Орды с хулагуидами. Перевод с турецк. яз. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2007. 108 с.
4. *Петрушевский И.П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сборник статей / Тихвинский С.Л. (отв. ред.). М.: Наука, 1977. С. 228–259.
5. *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 494 с.
6. *Рашид ад-Дин Фазлаллах Хамадани.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с персидского О.И. Смирновой, примечания Б.И. Панкратова, О.И. Смирновой, редакция А.А. Семенова. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.
7. *Рашид ад-Дин Фазлаллах Хамадани.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. / Пер. с персидского А. Хетагурова, редакция и примечания А.А. Семенова. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 315 с.

⁴⁹ Возможно по ошибке переписчика, в списке рукописи Британской библиотеки из коллекции Британского музея вместо слова «Дербенд» написано «Синд». См. «Шаджарат ад-атрақ». Add. 26190, л. 152а.

⁵⁰ 21 августа 1335 г. – 8 августа 1336 г.

⁵¹ 30 ноября 1335 г.

8. *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях / Перевел с английского, переработал и дополнил Ю.Э. Брегель / Борщевский Ю.Е. (отв. ред.). М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. 1884 с.

9. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 307 с.

10. *Тулибаева Ж.М.* «Улус-и арба-йи Чингизи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 4 / Миргалеев И.М. (ред. изд.). Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 79–100.

11. *Boyle J.* Dynastic and Political History of the Il-Khans / Cambridge History of Iran. Volume 5: The Saljuq and Mongol Periods. Cambridge, 1968, pp. 303–421.

12. *Browne E.G.* A history of Persian literature under Tartar dominion (A.D. 1265–1502). Cambridge [England]: University Press, 1920. 586 p.

13. *Melville Ch.* Historiography iv. Mongol period / Encyclopædia Iranica. Vol. XII, Fasc. 4. London, 2004, pp. 348–356.

14. *Spuler B.* Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Pchanzeit 1220–1350. 4th ed. Leiden: Brill, 1985. 494 p.

Сведения об авторе: Жулдыз Мусаевна Тулибаева – доктор исторических наук, профессор Университета имени Сулеймана Демиреля (040900, ул. Абылай хана, 1/1, Каскелен, Республика Казахстан). E-mail: zhuldyz.tulibayeva@sdu.edu.kz

Поступила 16.02.2018 Принята к публикации 25.05.2018
Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Bartold V.V. *Iran. Istoricheskiy obzor. Sobraniye sochineniy. Raboty po istoricheskoy geografii i istorii Irana* [Iran. Historical overview. Collected works. Works on the historical geography and history of Iran]. Vol. VII. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 230–336. (In Russian)

2. Bartold V.V. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. Sobraniye sochineniy* [Turkestan in the era of the Mongol invasion. Collected works]. Vol. I. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963. 760 p. (In Russian)

3. Kamalov I.H. *Otnosheniya Zolotoy Ordy s khulaguidami* [Relations between the Golden Horde and the Hulaguids]. Mirgaleev I.M. (per., red.). Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2007. 108 p. (In Russian)

4. Petrushevskiy I.P. *Iran i Azerbaydzhан pod vlast'yu Khulaguidov (1256–1353 gg.). Tataro-mongoly v Azii i Evrope: Sbornik statey* [Iran and Azerbaijan under the rule of the Hulaguids (1256–1353). The Tatar-Mongols in Asia and Europe: Collected Articles]. Tikhvinskiy S.L. (otv. red.). Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 228–259 pp. (In Russian)

5. Petrushevskiy I.P. *Zemledeliye i agrarnyye otnosheniya v Irane XIII–XIV vekov* [Agriculture and agrarian relations in Iran of the 13th–14th centuries]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1960. 494 p. (In Russian)

6. Rashid al-Din Fadlullah Hamadani. *Sbornik letopisey* [Collection of chronicles]. Smirnova O.I. (per.), A.A. Semenov (red.). Vol. I. Book 2. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1952. (In Russian)

7. Rashid al-Din Fadlullah Hamadani. *Sbornik letopisey* [Collection of chronicles]. Hetagurov A. (per.), A.A. Semenov (red.). Vol. I. Book 1. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1952. 315 p. (In Russian)

8. Storey C.A. *Persidskaya literatura. Bio-bibliograficheskiy obzor. V trekh chastyakh* [Persian literature. Bio-bibliographic review. In three parts]. Bregel U.E. (per.), Borschhevskiy U.E. (otv. red.). Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1972. 1884 p. (In Russian)

9. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. Vol. II. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1941. 307 p. (In Russian)

10. Tulibaeva Zh.M. “Ulus-i arba-yi Chingizi” kak istochnik po izucheniyu istorii Zolotoy Ordy [“Ulus-i Arba-yi Chingizi” as a source for the study of the history of the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey. Vypusk 4* [Golden Horde civilization. Collected articles. Issue 4]. Mirgaleev I.M. (red.). Kazan, OOO “Foliant” Publ., 2011, pp. 79–100. (In Russian)

11. Boyle J. Dynastic and Political History of the Il–Khans. *Cambridge History of Iran*. Volume 5: *The Saljuq and Mongol Periods*. Cambridge, 1968, pp. 303–421.

12. Browne E.G. *A history of Persian literature under Tartar dominion (A.D. 1265–1502)*. Cambridge, Cambridge University Press, 1920. 586 p.

13. Melville Ch. Historiography iv. Mongol period. *Encyclopædia Iranica*. Vol. XII, Fasc. 4. London, 2004, pp. 348–356.

14. Spuler B. *Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. 4th ed. Leiden, Brill, 1985. 494 p. (In German)

About the author: Zhuldyz M. Tulibayeva – Dr. Sci. (History), Professor, Suleyman Demirel University (1/1, Abylai Khan Str., Kaskelen 040900, Kazakhstan). E-mail: zhuldyz.tulibayeva@sdu.edu.kz

Received February 16, 2018 Accepted for publication May 25, 2018

Published June 29, 2018

ХРОНИКА

УДК 94

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.439-442

**WORKSHOP: THE MONGOLS AND THE SILK ROADS
(MAY 10–11, 2018, FACULTY OF ARTS,
UNIVERSITY OF SZEGED)**

Aleksandar Uzelac

*The Institute of History Belgrade
Belgrade, Serbia
aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Abstract: On May 10–11 2018, the Faculty of Arts of the University of Szeged hosted an annual gathering of researchers dealing with the history of the Mongol Empire. The event was organized by several members of the Turkological Research group of MTA-SZTE (“Hungarian Academy of Sciences – University of Szeged”). Its main goal was the reassessment of a role that the international networks of merchants, and their activities along the Silk Roads, played in the Mongol Empire. The event saw the gathering of eleven participants from Hungary, United Kingdom, Germany, Bulgaria, Serbia, Israel, China and Japan, who covered a wide range of topics and source materials. The working language was English.

On the first day, István Vásáry, professor emeritus of Eötvös Loránd University and keynote speaker of the event, held his lecture: *The Mongol Period: Heyday of the Silk Roads*. The other participants’ presentations, divided into four sessions, and followed by long, exhaustive and fruitful discussions, took place the next day. The presented papers will be published in one of the volumes of the internationally recognized journal *Acta Orientalia Academiae Hungaricae* in 2019.

Keywords: Mongol Empire, Silk Roads, Golden Horde, international workshop, Turkological Research group of MTA-SZTE

For citation: Uzelac A. Workshop: The Mongols and the Silk Roads (May 10–11, 2018, Faculty of Arts, University of Szeged). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 439–442. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.439-442

On May 10–11 2018, the Faculty of Arts of the University of Szeged hosted an annual gathering of scholars dealing with various aspects of the history of the Mongol Empire. This workshop, named *The Mongols and the Silk Roads*, was organized by István Zimonyi, Szilvia Kovács and Márton Vér, members of the Turkological Research group of MTA-SZTE (“Hungarian Academy of Sciences – University of Szeged”). It was conceived as a continuation of two similar events, previously held in Jerusalem (*Diplomacy in the Age of Mongol Globalization*, or-

ganized by Francesca Fiaschetti and Marie Favereau in 2016) and Sofia (*Mongol Warfare between Steppe and Sown*, organized by Boryana Antonova and Konstantin Golev in 2017).

The main goals of this workshop were the reassessment of a role that the international networks of merchants, and their activities along the Silk Roads, played in the Mongol Empire, and their influence on the growth of trans-regional trade and expansion the commercial routes to new regions and the maritime areas. There were eleven participants, from Hungary, United Kingdom, Germany, Bulgaria, Serbia, Israel, China and Japan, who covered a wide range of topics and source materials. Most of the presentations were either directly or indirectly related to the history of the Golden Horde. The working language was English.

On May 10, the event began with the opening speeches of Klára Sándor, Vice dean of the Faculty of Arts, and István Zimonyi. On the same day, the participants of the workshop and wider audience had the opportunity to hear the lecture of István Vásáry, professor emeritus of Eötvös Loránd University, Budapest, and the key speaker of the event. In his lecture *The Mongol Period: Heyday of the Silk Roads*, Vásáry emphasized hitherto neglected aspects of cultural exchange between eastern and western parts of the Mongol Empire, the development of various Turkic literary languages and dialects in the Mongol period and their role as a medium of communication.

During the second day, the participants presented their contributions in four consecutive sessions. The first speaker was Marie Favereau (Oxford University). Her presentation *Money as a Medium of Exchange in the Fourteenth-Century Golden Horde* covered various actual topics, from the role of the Jochid elites in the commercial exchanges, adoption of the Islamic coinage system in the Golden Horde, to the monetary reforms of Tokhta, Janibek, and Tokhtamysh. It was followed by Aleksandar Uzelac (Institute of History, Belgrade), whose paper *The Jochids and Crimea in the Second Half of the Thirteenth Century* dealt with the organization of the Jochid rule in Crimea, delegation of the administrative power at the local level, and the role of this region in the opening of the trade routes during the early Jochid period. The final speaker at the first session was Csaba Göncöl (University of Szeged). In his paper *Tolu Bay, Emīr of Khan BerdiBek*, he analyzed in detail the historical role of the enigmatic Tolu Bay in the mid-fourteenth century, on the basis of wide range of Turkic, Persian and Russian sources.

István Zimonyi (University of Szeged) opened the second session with another insightful and detailed presentation, titled *The Great Town – Men Kermen in “The Secret History of the Mongols”*. He provided extremely valuable overview of the earlier scholarship concerning the identification of the city of Man Kermen (Mankerman) in this source, and proposed a new and intriguing hypothesis by equating it with Bilär, the capital of the Volga Bulgaria. Next speaker was Konstantin Golev (Institute for Historical Studies of the Bulgarian Academy of Sciences). His presentation *The Cuman-Qipchaqs, the Khwārazmshāhs and the Cities on the Lower Course of Syr Darya* revolved around several intriguing issues: the relations of Cumans/Qipchaqs with the Central Asian cities along the lower course of the Syr Darya river – Jand and Sīgnak, their inclusion into the socio-political structure of the eastern Qipchaq tribes and the effects of the Khwārazmian expansion over the Qipchaq presence in these cities. The session was concluded by Qiu Yihao

(Fudan University, Shanghai) with the topic: *Postal System, Rabat (Inns) and Caravansaries on the Post-Mongol Silk Road. Accounts of the Routes linked the Ming Empire and Timurid Central Asia*. He provided a valuable preliminary survey of some recently discovered sixteenth century geographical sources, including “Mongolian Landscape Map”, “The Commentary on the Territories and Peoples of the western Regions” and a late edition of “Jurjānī’s Book of Roads and Kingdoms”.

The third session was opened by Francesca Fiaschetti (Hebrew University of Jerusalem). Her presentation *Mongols at Sea: the maritime Silk Roads and mid-Yuan China* dealt with the maritime engagement of the Yuan dynasty and its long-term impact on the subsequent economic and political development of Southeast Asia. She also provided a valuable analysis of some lesser known and understudied Chinese sources concerning these topics. The next speaker was Márton Vér (Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities), who in his contribution *The ortok-Merchants in the Old Uyghur documents*, discussed various types of partnership between the Central Asian merchants and the empire building nomads of Central Eurasia. Additionally, he provided insight into the Old Uyghur documents that can be connected to ortok-merchants and associations, particularly emphasizing several so far unpublished texts.

At the last session, Yoichi Isahaya (JSPS/Rikkyō University) presented his paper *Bīrūnī’s Revival along the Mongol Silk Roads*. As the title suggests, he dealt with the “revival” of Bīrūnī’s works in the Mongol-ruled Iran during the Ilkhanate era, but also turned the attention toward the eastern part of the Mongol empire, by demonstrating how the so-called al-Qanūn al-Mas‘ūdī was transmitted into the intellectual sphere of the Yuan dynasty. The working part of the workshop was concluded by Szilvia Kovács (University of Szeged), whose presentation was titled *Friars on the road(s) in the Mongol world (13th–14th centuries)*. In her focus were several neglected issues surrounding the missions of the Franciscans John of Plano Carpini, William of Rubruck and their successors, including the choice of their routes and their sources of information, how the missionaries kept the contacts with the West on their travels, and how valuable are their reports with respect to the Mongol postal system (yam).

All presentations were followed by long, exhaustive and fruitful discussions. In his closing words, Zimonyi announced that the presented materials will be published in 2019, in one of the volumes of the internationally recognized journal “Acta Orientalia Academiae Hungaricae”. During the event and after its official conclusion the participants had the opportunity to enjoy the proverbial hospitality of their hosts from the Turkological Research group of MTA-SZTE and the Faculty of Arts in Szeged.

About the author: Aleksandar Uzelac – Ph.D. (History), Research Associate, The Institute of History Belgrade, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928> (36/II, Kneza Mihaila Str., Belgrade 11000, Serbia). E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Received April 2, 2018 Accepted for publication June 1, 2018
Published June 29, 2018

**СЕМИНАР «МОНГОЛЫ И ШЕЛКОВЫЕ ПУТИ»
(10–11 МАЯ 2018 Г., ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ,
УНИВЕРСИТЕТ СЕГЕДА)**

Александар Узелац

*Институт истории (Белград)
Белград, Сербия
aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

10–11 мая 2018 г. Гуманитарный факультет университета Сегеда провел очередную ежегодную встречу исследователей, изучающих историю Монгольской империи. Мероприятие было организовано несколькими членами Тюркологической исследовательской группы МТА-SZTE («Академия наук Венгрии – университет Сегеда»). Его главная цель заключалась в переоценке той роли международных сетей торговцев и их деятельности на протяжении Шелковых путей, которую они играли в Монгольской империи. В мероприятии приняли участие 11 участников из Венгрии, Великобритании, Германии, Болгарии, Сербии, Израиля, Китая и Японии, которые охватывали широкий круг тематик и материалов источников. Рабочим языком семинара был английский.

В первый день Иштван Вашари, главный докладчик мероприятия и почетный профессор университета имени Лоранда Этвёша, провел свою лекцию «Монгольский период: расцвет Шелковых путей». На следующий день были представлены доклады других участников в рамках четырех сессий, в завершении каждой из которых последовала продолжительная, исчерпывающая и плодотворная дискуссия. Представленные доклады будут опубликованы в 2019 г. в одном из томов международно признанного журнала «Acta Orientalia Academiae Hungaricae».

Ключевые слова: Монгольская империя, Шелковые пути, Золотая Орда, международный семинар, Тюркологическая исследовательская группа МТА-SZTE

Для цитирования: Uzelac A. Workshop: The Mongols and the Silk Roads (May 10–11, 2018, Faculty of Arts, University of Szeged) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 439–442. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.439-442

Сведения об авторе: Александар Узелац – Ph.D. (история), научный сотрудник, Институт истории (Белград), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928> (11000, ул. Кнеза Михаила, 36/II, Белград, Сербия). E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

*Поступила 02.04.2018 Принята к публикации 01.06.2018
Опубликована 29.06.2018*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Караван на Великом Шелковом пути.
Фрагмент из Каталонского атласа Абрахама Креска. 1375 г.

On the cover: Caravan on the Great Silk Road.
Fragment from the Catalan Atlas of Abraham Cresques. 1375

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2018. Т. 6, № 2

GOLDEN HORDE REVIEW. 2018, vol. 6, no. 2

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинад-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 15.06.2018 г. Формат 70×108 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 14,25 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинад-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>